

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

Выпуск 5

**Москва
2011**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН**

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

Выпуск 5

Материалы
научно-практической конференции
«Россия на Кавказе: три века политической истории»,
посвященной 260-летию установления
российско-осетинских отношений
Москва, 24 ноября 2009 г.

**Москва
2011**

Б 042(02)1

В сборнике публикуются доклады, прозвучавшие на состоявшейся 24 ноября 2009 г. в Институте российской истории РАН научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории». Она была приурочена к 260-летию установления российско-осетинских отношений. Конференция была организована Институтом российской истории РАН и Международной ассоциацией осетинских общин «Возрождение» («Сæндидзæн»). В конференции участвовали ведущие историки-кавказоведы, специализирующиеся на изучении истории Кавказа XVIII – начала XXI в. С докладами выступили сотрудники Администрации Президента Республики Южная Осетия и Совета Федерации Российской Федерации, исследователи из научных центров Москвы, Северной Осетии-Алании, Дагестана, Адыгеи. Проблемный подход участников конференции позволил определить круг приоритетных направлений дискуссии, в том числе главной темы – установления российско-осетинских отношений в XVIII в.

Ответственные редакторы:

д-р ист. наук *Н.Ф.Бугай*,
д-р ист. наук *В.В.Трепавлов*

Рецензенты:

д-р ист. наук *Н.М.Рогожин*,
д-р ист. наук *Г.А.Санин*

ISBN 978-5-8055-0227-0

© Институт российской
истории, 2011 г.

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой книге публикуются доклады и научные сообщения ученых, прозвучавшие на состоявшейся 24 ноября 2009 г. в Институте российской истории РАН научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории». Она была приурочена к 260-летию установления российско-осетинских отношений. Конференция была организована Институтом российской истории РАН и Международной ассоциацией осетинских общин «Возрождение» («Сæндидзæн»). Основная цель мероприятия заключалась в привлечении внимания научного сообщества и общественности к историческим фактам, свидетельствующим об установлении в 1749 г. официальных контактов между Россией и Осетией. В тот период это создало основу для расширения влияния и укрепления позиций России на Кавказе.

В работе конференции приняли участие посол Республики Южная Осетия в Российской Федерации Д.Н.Медоев, советник Президента Республики Южная Осетия К.К.Кочиев, представители Совета Федерации Федерального Собрания, Минрегиона России, руководители общественных объединений осетин, входящих в состав Международной ассоциации осетинских обществ «Возрождение», руководители различных общественных организаций.

В конференции участвовали ведущие историки-кавказоведы, специализирующиеся на изучении истории Кавказа XVIII – начала XXI в. С докладами выступили сотрудники Администрации Президента Республики Южная Осетия и Совета Федерации РФ, исследователи из научных центров Москвы (Институт российской истории РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, Психологический институт РАО, МГУ им. М.В.Ломоносова, МГИМО, Российский государственный военно-исторический архив), Ростова-на-Дону (Южный федеральный университет), Республики Северная Осетия-Алания (Северо-Осетинский государственный университет, Северо-

Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований), Республики Дагестан (Дагестанский государственный университет), Республики Адыгея (Институт гуманитарных исследований при Правительстве Республики Адыгея).

Вряд ли в условиях современного развития России как многонационального государства необходимо доказывать актуальность избранной для обсуждения на конференции темы. Осетинский народ на протяжении длительного времени был и остается органичной частью российского сообщества, о чем зафиксировано и в основном Законе государства – Конституции Российской Федерации.

В связи с возникшей сложной ситуацией в южно-осетинской общности, обусловленной событиями августа 2008 г. и непосредственным вторжением Грузии в пределы Южной Осетии, ценным является рассмотрение разных аспектов истории осетинского народа. В центре внимания такие проблемы, как роль и место осетин в геополитике Кавказа, России, взаимодействие с русским народом, другими народами, населяющими Россию, входившими в состав Советского Союза, современное положение осетинского народа при новом раскладе политических сил.

Проблемный подход участников конференции позволил определить круг приоритетных направлений. Состоялось обсуждение главной темы – 260-летие установления российско-осетинских отношений. Доклады и дискуссия проходили в контексте обсуждения исторически-миротворческой миссии Российской империи по установлению мира на Кавказе. На основании исторических источников аргументированно была раскрыта роль Осетии в продвижении России на Кавказ в XVIII–XIX вв. и исключительная роль Российской империи в защите закавказских народов от турецких и персидских завоевателей.

В числе обсуждаемых проблем были также общее положение осетинского народа на разных этапах процесса исторического развития, геополитическая ситуация на Южном Кавказе и роль осетин в этих процессах – как самостоятельная, так и в

совокупности с другими этническими общностями Северного Кавказа; определение подходов в изучении места Кавказской войны в жизни народов Кавказа, позиции Турции, России, других государств, Горской республики, ее правительства в изгнании и др.

Большое внимание было уделено другим этническим сообществам региона, в частности, адыгам и кабардинцам, их становлению, роли в цивилизационном развитии. Показаны основные моменты Кавказской войны, ее влияние на дальнейшее развитие судеб народов Северного Кавказа, непосредственное участие народов, в частности, осетин в этой войне; вскрыт процесс постепенного формирования русской ориентации в национальных регионах Кавказа. В данном случае Россия все больше выступает как собирательница и защитник народов Кавказа.

Авторы, обращаясь к истории развития народов Северного Кавказа после революции 1917 г., анализировали роль северокавказской «диаспоры» в кавказской политике Турции и одновременно раскрывали значение внешнеполитического фактора в решении проблем обустройства народов Северного Кавказа и Закавказья.

Выявленные приоритетные направления позволяют рассмотреть вопросы жизнеобустройства народов Северного Кавказа, в частности, осетин после Октябрьской революции, связанные с выстраиванием отношений в многонациональном Союзе ССР, определить направления истории развития осетинского народа, включая и события августа 2008 г. в Южной Осетии.

В создавшейся ситуации на Кавказе, в том числе и в связи с военным вторжением Грузии в Южную Осетию, важным элементом выступает прогностический принцип, использование которого позволяет выстроить и структурный ряд событий, а также предсказать возможность их развития, что важно в современных условиях глобализации.

Сквозное прочтение истории Осетии – это и рассмотрение событий 1990-х годов – начала XXI в. Они представлены как в

масштабе государства, так и применительно к регионам Юга России. Этот процесс включает всестороннюю оценку распада СССР, анализ причин этого события, ответы на вопрос, какой была ситуация в связи с этим в Южной Осетии, к чему сводилась позиция Республики Северная Осетия-Алания и другие аспекты проблемы.

Работа конференции была организована по двум секциям. На пленарном заседании и в ходе работы секций были заслушаны более 20 докладов и научных сообщений, в которых рассматривались не только научные дискуссионные вопросы по проблемам как досоветской, так и советской истории Осетии, осетинского народа, включая Северную и Южную Осетию, проблемы современного состояния республик.

В форме дискуссий проходило обсуждение вопросов, связанных с Кавказской войной, ситуацией послевоенного состояния отношений между Россией и Кавказом. Актуальными были выступления, касающиеся событий августа 2008 г. (Г.В.Чочиев, В.А.Захаров), которые анализировали состояние сложной современной обстановки в Закавказье.

Проблемы русских на Северном Кавказе касался В.Н.Сокуров, показав процесс формирования пророссийской ориентации в Кабарде в прошлые века, значение исторического прошлого для стабильности ситуации на Северном Кавказе, необходимость конкретных мер по пресечению всяческого оттока русских с территории Северного Кавказа в условиях современности.

В докладе «Роль и место прогностического принципа в ходе национально-государственного строительства и самоопределения стран Кавказа (на примере республик Северная Осетия-Алания и Южная Осетия)» (Н.Ф.Бугай) были затронуты вопросы взаимоотношений между этническими общностями на Северном Кавказе. Показано значение учета прогностического принципа, негативная и позитивная роль принятых и принимаемых решений, в том числе и в государственной национальной политике. Доклад вызвал дискуссию. Выводы сводились к тому, что для самоопределяющихся государств Закавказья этот фактор является немаловажным.

Профессор Северо-Кавказского научного центра высшей школы Южного федерального университета Н.С.Авдулов выступил с предложением о подготовке и издании силами ученых Северного Кавказа и институтов Российской Академии наук четырехтомного издания «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней».

РОССИЯ И НАРОДЫ КAVKAZA: ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В советской идеологии целенаправленно культивировалось представление о Российской империи как поистине «проклятом прошлом» – самодержавно-крепостнической деспотии, мрачной обители тирании и реакции, тюрьме народов и т.п. Порождением такого подхода стала известная концепция «наименьшего зла», по которой вхождение в состав России имело для народов менее негативные последствия, чем пребывание в составе других держав (имелись в виду Турция, Персия, Китай, Польша и проч.).

В некоторых постсоветских государствах эта теория сейчас получила вторую жизнь, но с обратным знаком: вхождение в состав России было якобы как раз большим злом. В частности, это характерно для украинской и грузинской историографии¹. Россия в представлении авторов соответствующих текстов – это хищное государство, агрессивная и эгоистичная империя, которая постоянно «зарилась» на более слабых соседей, навязывала им свое устройство и образ жизни. Период «русского владычества» преподносится как время оккупации и колониального угнетения.

В современной Грузии подвергается сомнению роль России в спасении народов Южного Кавказа от турецкого и персидского ига; Георгиевский трактат 1783 г. о российском протекторате преподносится как средство имперской экспансии. По мнению грузинских историков, присоединение Грузии к России оказалось даже хуже мусульманского владычества, т.к. султаны и шахи практически не вмешивались во внутренние дела, не превращали грузинские царства в губернии и не лишали власти законные династии.

На фоне обвинений в адрес русских «колонизаторов» считается неуместным вспоминать о царевичах-заложниках при

шахском дворе, о переходе в ислам грузинских аристократов (в том числе царских кровей) во имя успешной карьеры, об опустошительных нашествиях... Умышленно обходят молчанием перспективу дальнейшего развития в этом направлении. Васальным царькам на периферии мусульманских держав никто не позволил бы создать единую и независимую Грузию. Кахетия и Картли так и прозябали бы в составе Ирана, а Имеретия – в составе Турции.

Перечеркиваются общеизвестные факты разнообразной социальной и культурной интеграции народов, замалчивается цивилизационный рывок, сделанный Грузией в составе Российской империи и Советского Союза, где она превратилась в процветающую союзную республику. Советская эпоха, с точки зрения грузинских идеологов, – это вообще «исторический провал», фатальный урон политическому и этнокультурному развитию.

Более взвешенный взгляд на историю нашей страны, который утвердился в российской историографии в последние полтора десятилетия, позволяет избегать однозначных характеристик царской России. Выясняется, что она представляла собой (и представлялась многим современникам) отнюдь не «темным царством», заслуженно обреченным на уничтожение. В частности, отношение к ней неславянских подданных разительно отличалось от придуманных позднее советских схем. Как ни странно, Россия порой выглядела носителем более свободного и справедливого правления (режима), чем окрестные владения.

В XVI–XIX вв. наблюдается такое явление, как формирование (во многом стихийное) позитивного имиджа Российского государства². Подобное отношение можно проследить почти по всему периметру ее границ. Удивительным для человека, воспитанного на вышеупомянутых идеологических конструкциях, является переселение «иноверцев» в Россию по социальным мотивам. Их элита стремилась обрести повышенный статус на государственной службе, щедрые пожалования и привилегии, а простонародье бежало от собственной знати – от ее налогового гнета и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни.

Даже башкиры, известные своими многократными антиправительственными выступлениями на протяжении двух столетий, расценивали монархию Ивана IV как менее жесткую политическую систему по сравнению с прежним ногайским местничеством на своих землях.

Подобная ситуация наглядно проявилась в том числе и на Северном Кавказе. В XVII в. с постройкой казачьих станиц и Терского городка, а в XVIII в. – с основанием крепостей Кизляр и Моздок в них устремились представители местных народов, которые желали найти укрытие у русских. Резоны были самые разные: кровная месть от соплеменников, тяжелые налоги и повинности (особенно во владениях кабардинских князей), разорительные набеги абреков – горских воинов.

Существенное значение имел и религиозный фактор. Во-первых, начало активной и массовой исламизации в Чечне в XVIII в. вызвало поначалу резкое неприятие у местного населения из-за предстоящего отказа от привычного обычного права в пользу шариата. Чтобы не доводить дело до кровопролитного конфликта с адептами ислама и не платить подати дагестанскому шамхалу как мусульманскому правителю, многие чеченцы перебирались на жительство в казачьи станицы.

Во-вторых, массовый характер приобрело бегство крестьян от кабардинских владельцев «в пределы России», где они переходили в православие. Князя, требуя их выдачи, указывали, что принятие христианства крестьянами происходило отнюдь не по причинам религиозного характера, а лишь для избавления от неволи или чтобы избежать наказаний за проступки на родине.

Ясно, что в этих условиях Россия представлялась горцам как государство с более льготными условиями существования, чем те, что были в кавказских княжествах. Объезжая подвластные России территории Кавказа, присоединенные в ходе Персидского похода Петра I, генерал В.В.Долгорукий докладывал Екатерине I: «...Весь здешний народ желает в. и. в. протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь нимало им обиды не было...»³.

Официальные основания для распространения юрисдикции России на этот регион появляются лишь в конце XVIII в., после Кучук-Кайнарджийского и Ясского русско-турецких договоров, а реальная власть империи приходит сюда только в следующем столетии. Более ранние даты, в том числе те, что служат поводом для торжественных юбилеев «добровольного присоединения», представляются мне неосновательными.

Вместе с тем активные политические связи между кавказскими правителями и российским правительством начались с середины XVI столетия. Они нередко оформлялись шертями (договорами) и сопровождались заверениями в «холопстве». Но в те времена представления о подданстве, покровительстве, сюзеренитете оказывались условными и зыбкими. Двухсотлетняя эпопея многократного шертования кабардинских, дагестанских и прочих владетелей русским царям подтверждает эту особенность международных отношений позднего средневековья.

Кавказоведы давно определили ее, и большинство авторов отнюдь не склонны буквально воспринимать заключавшиеся тогда соглашения как обращение в подданство «белому царю». Их резонно интерпретируют как результат временного совпадения интересов местной правящей элиты и российских властей, как свидетельство политического союза, направленного против третьих сил – соседних держав, боровшихся за Кавказ. Лавирование между Сефевидами, Османами, Гиреями и Рюриковичами (затем Романовыми) часто составляло основу внешней политики местных правителей. Итогом такого лавирования являлось периодически возникавшее *муштарак кулдук* («общее холопство», как переводили русские) – признание подчиненности одновременно русскому царю и персидскому шаху.

В XVIII в. развернулось открытое военное противостояние России и Турции (вместе с Крымом), и кавказской элите довелось неоднократно выбирать между двумя гегемонами региона. Местная знать не изменила проверенной тактике лавирования – разве что пришлось больше учитывать еще и османский фактор. Наряду с традиционным иранским присутствием, становятся заметными притязания Стамбула, и получалось так,

что горский правитель мог одновременно получить титулы от султана и шаха, жалование от шаха и императора.

Приходилось объявлять о верности то одной, то другой стороне, иногда ссылаясь на непреодолимые обстоятельства, как кабардинские князья в переговорах с Крымом в 1735 г.: «Ныне русские сильны калмыками, для того мы к ним и перешли... А ежели вы (турки и крымцы. – *В.Т.*) будете сильны против них, то и мы будем ваши»⁴. Впрочем, явно нарастающая военная мощь Российской империи все более побуждала местных властителей ориентироваться на Север. Чувствуя благожелательное отношение России, решались и на дерзкие ответы падишахам, и на отказ им в военной помощи и солидарности. Некоторые призывали русских чиновников для арбитража в запутанных межкняжеских раздорах и соглашались давать заложников-аманатов.

Порой приходилось проявлять чудеса изворотливости, чтобы доказывать свою лояльность одновременно и Москве, и Исфахану. На протяжении первой половины XVII в. неоднократно складывалась ситуация, когда в борьбе за главенство дагестанские князья обращались за помощью то к одной, то к другой стороне, а во время военных походов умудрялись выступать на стороне персидских войск, но при этом наносить минимальный ущерб российским владениям и союзникам. Шамхал Сурхай в обращении к Алексею Михайловичу подчеркивал, что по время похода шаха Аббаса II на русский Сунженский городок 1652 г. ни одному русскому пленному «и носа не окровили и... здорово выпустили», хотя весь полон «мочно было побить»⁵.

Известно, что на одной стороне шамхаловой печати имелась надпись, обозначающая персидское «подданство», а на другой – российское. Терские воеводы однажды получили грамоту с уверениями в преданности царю, но скрепленную печатью с текстом: «Шаха Аббаса холоп Сурхай шевкал» (в тогдашнем русском переводе)⁶ – то ли умышленно демонстративно, то ли по недосмотру.

Россия постепенно продвигалась на юг, к Кавказу, вступая во все более успешное противоборство с противниками. Мест-

ные элиты рано сумели разглядеть ее геополитический потенциал и старались завязать с ней дружественные отношения, стараясь в то же время не раздражать своих сюзеренов-падишахов. Кстати, на протяжении XVII и первой половины XVIII в. в Москву шли заверения о преданности в том числе и со стороны различных грузинских правителей. Сейчас грузинские историки изображают эти активные контакты как искреннее стремление Грузии к дружбе и поиск ею покровителя в борьбе с персами и турками, а вот Россия видела в Грузии якобы лишь плацдарм для дальнейших восточных завоеваний.

Именно в этих исторических обстоятельствах проявилось стремление осетин войти в состав могучей северной державы. В их отношениях к ней проявились те позитивные черты имиджа России, о которых говорилось выше. В осетинской исторической песне о первом посольстве в Россию в 1749 г. ее персонажи, даже еще не зная русского монарха, называют его «наш царь» и «наш славный царь»; обычными его эпитетами в осетинском фольклоре являются «благородный» и «благочестный» – *урс надззах* (белый царь)⁷.

Стремление стать российскими подданными ни в коей мере не расценивалось осетинами как выбор между бóльшим и меньшим злом. Данную ситуацию следует расценивать как поиск наиболее рационального выхода из положения, в котором оказался осетинский народ в то время. Постоянные притязания на господство со стороны кабардинских князей, их разорительные междоусобные распри, преграждение ими доступа осетин к хозяйственному освоению предгорий побуждали к поиску сильного покровителя-арбитра. Осетины, жившие к югу от главного Кавказского хребта, имели сходные проблемы в отношениях с грузинскими правителями. Кроме того, там сказывалось присутствие персидских и турецких властей. Аппетиты карталинских монархов, случалось, распространялись и на осетинские области к северу от Большого Кавказа.

В этих условиях вхождение в состав Российской империи расценивалось осетинской элитой как наилучшее средство разрешить эти противоречия, продолжить свое существование под защитой могущественного и единоверного (для большей части осетин) государства.

Хочется надеяться, что современная Россия в своей кавказской политике сумеет поддержать репутацию собирательницы и защитницы народов, которая закрепила за ней уже в те далекие времена.

-
- ¹ Характеристику и анализ соответствующих текстов и идей см., например: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003. Особенно главы Ю.Анчабадзе «Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука» (с. 159–175) и В.Васильева «От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории» (с. 206–227).
 - ² См. подробно: *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. Гл. 3: Россия и русские. С. 101–133.
 - ³ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т. 1. С. 429.
 - ⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 429.
 - ⁵ *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 186, 187.
 - ⁶ *Магомедов Р.М., Магомедов А.Р.* История Дагестана. Махачкала, 1994. С. 174.
 - ⁷ *Хамицаева Т.А.* Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С. 126.

СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСЕТИНСКОГО ПОСОЛЬСТВА 1749–1752 гг. В РОССИИ

Связи между Аланией и Русью, прерванные после монголо-татарского нашествия, были возобновлены во второй трети XVIII в., когда конфедерация горных аланских обществ установила дипломатические отношения с Российской империей. К этому времени русские успели забыть древнее славянское имя алан – «ясы» и, осваивая Кавказ, заимствовали грузинское название Алании – «Осети».

Инициатива переговоров с российским правительством принадлежала осетинской стороне, но установление русско-осетинских отношений связано с деятельностью Осетинской духовной комиссии, прибывшей в Аланию-Осетию из России в 1745 г. Важнейшим результатом посреднических усилий комиссии стала договоренность о русско-осетинских переговорах, которые предстояло провести Осетинскому посольству, приглашенному в столицу России. Посольство отправилось в Петербург осенью 1749 г. и работало там до начала 1752 г., обсуждая с правительством Российской империи концепцию русско-осетинского союза и условия будущего присоединения.

Первые публикации источников XVIII в. об Осетии были подготовлены Г.А.Кокиевым¹ и А.М.Бирзе². Наиболее полная публикация документов XVIII в., отложившихся в ходе установления русско-осетинских отношений и присоединения Осетии к России, осуществлена была М.М.Блиевым³.

Исследование истории Осетинского посольства в Петербурге было открыто статьей Г.А.Кокиева⁴, определившего патронимическую принадлежность двоих послов и одного из помощников-служителей. Фундаментальные труды о политической истории Осетии периода присоединения к России при-

надлежат М.М.Блиеву⁵, который предпринял первые опыты изучения биографических сведений об осетинских послых.

Между тем решению вопроса о принципах формирования и объеме полномочий Осетинского посольства 1749 г. препятствовала незавершенность персональной идентификации осетинских деятелей, работавших в составе посольства или причастных к его истории. Установить патронимическую принадлежность третьего посла, еще одного из служителей, а также соотечественника, найденного посольством в России, посчастливилось автору этих строк⁶.

Предлагаемое ниже завершение задачи идентификация полного состава посольства открывает дополнительные возможности для понимания важных деталей и особенностей его истории. Существование специальных исследований⁷ освобождает от подробного описания внешнеполитических коллизий, влиявших на формирование посольства, и позволяет сосредоточить внимание на его персональном составе.

Состав и полномочия Осетинского посольства были предметом многократного и тщательного изучения в Петербурге. Международные интриги и закулисная борьба вокруг русско-осетинских переговоров середины XVIII в. заставили российское правительство вести сложную следственную работу, сопровождавшую выработку политических решений. Используя отсутствие в Осетии государственных институтов и центральной власти, грузинские противники русско-осетинского союза пытались дискредитировать послов, приписывая им незнатное происхождение. Следственная эпопея, завершившаяся постановлением Сената о ложности всех доносов, породила ценнейшие документы с дополнительными и уточняющими сведениями о составе Осетинского посольства.

Первый сюжет, требующий особой точности, – «проектный» состав Осетинского посольства в пять человек, что соответствовало численной норме сенатского указа и неоднократно упомянуто в предварительной переписке между Осетинской духовной комиссией и российским начальством⁸. Уменьшение «проектного» числа осетинских представителей до троих реальных послов состоялось летом 1749 г. В донесении, написан-

ном в июне 1749 г., названы имена тех двоих, что отказались ехать: «Из назначенных 5 старшин Дугарской Созорука, Тугаецкой Девлет из уездов ехать с архимандритом Пахомием ко двору Ея Императорскаго Величества намерение свое отменили по угрожению же кабардинцев, которые оным старшинам внушали, если они с архимандритом поедут, то будут задержаны в России в аманатах, а они, кабардинцы, будут им неприятели и разорять станут их дома»⁹.

Осетинское посольство прибыло в Москву 7 декабря 1749 г., а 8 декабря архимандрит Пахомий, выполняя приказание Синода, представил первоначальные сведения о послах¹⁰. Их было трое:

- Зураб Егоров сын Азовов, он же и Елиханов.
- Елиссеи Лукин сын Хетагов или Эба Генцаулов.
- Батырмиза Давидов сын Куртаулов.

В соответствии с указом Сената каждого из трех старшин сопровождал помощник-служитель:

– Зураба Елиханова сопровождал сын КанаMAT, в крещении Дмитрий.

– Помощником Елисея Хетагова назван Василей, именуемый также: Дживий, Жиб, Едживи Абакшилиев, Див Абашеле.

– Служителем Батырмирзы Куртаулова числился Сергей Соломонов сын Алгузов.

Зураб Елиханов был центральной фигурой осетинского политического проекта, связывавшего государственные перспективы страны с установлением русско-осетинских отношений. Зураб происходил из семьи владельцев Зарамагского замка, остатки которого и сегодня высятся на утесе в высокогорном селении Даллаг-Зарамаг. Принадлежность Зураба к фамилии *Магкатæ* (в русской записи – Магкаевы) была определена Г.А.Кокиевым, а затем проверена и подтверждена М.М.Блиевым на основе сопоставления документов с фольклорным материалом, впервые зафиксированным еще графиней П.С.Уваровой¹¹ в конце XIX в. «Зураб Егорович Азовов-Елиханов по народным преданиям известен под фамилией Макаев»¹², – сообщает Г.А.Кокиев. «Магкаевы и Елихановы по устным преда-

ниям считаются фамилиями одного рода», – пишет М.М.Блиев, также заставший живую фольклорную традицию¹³.

Елисей Хетагов происходил из общины Зака, строения его замка сохранились в селении Даллаг-Зака, а фамилия «Генцауров» не потребовала дешифровки – это *Хъесатæ* (в русской записи – Кесаевы). Г.А.Кокиев сообщает, что народные предания называют этого посла Эба Кесаевым, а Хетаговых и Кесаевых считают «фамилиями одного рода»¹⁴. «На родине, в селении Зака, – пишет М.М.Блиев, – его знали как Кесаева Эба, сына Кесаева Еса»¹⁵. «Генцауровы» или «Генцауловы» – первоначальные варианты русифицированной записи осетинской фамилии *Хъесатæ*, эти принятые в XVIII в. варианты опирались на грузинские формы «Генцаури», «Генцаули». Впоследствии закрепилась русская форма «Кесаевы».

Батырмирза Куртаулов дольше других послов хранил тайну своего происхождения. В его фамилии, используемой в документах, видели указание на место жительства. Батырмирза-Георгий действительно происходил из Куртатинского общества, давшего имя занимаемому им ущелью реки Фиагдон. Но такая «фамилия» имеет не географическое, а обычное для осетин генеалогическое происхождение. Она указывает на то, что ее обладатель возводил свое происхождение к Курта, легендарному предку Куртатинской гражданской общины.

Несомненно, у Батырмирзы была и фамилия в обычном значении этого слова – собственно фамильное имя, образованное от имени реального предка-эпонима и указывающее на принадлежность к определенной родственной группе. Опубликованные документы позволяют установить фамильную принадлежность куртатинца Батырмирзы. В беседе, состоявшейся 29 октября 1751 г., статс-секретарь Коллегии иностранных дел В.М.Бакунин спрашивал послов о том, «где оные ныне живут». От Батырмирзы, как сообщает документ, «получено известие», что живет он «в волосте Хутат, в местечке Чюарыкавы»¹⁶ – то есть в горном селении Дзуарикау Куртатинской гражданской общины. Годом раньше Кайхосро Махатели, знакомый с послами еще по Осетии и хорошо знавший Куртатинское общество, доносил Синоду, что Батырмирза происходит «из деревни

Чопонат»¹⁷. Очевидно, что «Чопонат» – не что иное, как осетинское *Цопанатæ* – фамилия, по которой в Дзуарикау именовалась принадлежавшая ей часть селения с земельными угодьями. *Цопанатæ* (в русской записи Цопановы) принадлежали к колену *Уаласых* и входили в число самых влиятельных и знатных фамилий Куртатинской общины.

Канамат-Дмитрий сопровождал своего отца в качестве служителя. Докладывая об осетинских послых в Синодальной канцелярии 8 декабря 1749 г., на следующий день по прибытии посольства в Москву, архимандрит Пахомий рассказал: «Оной де Зураб сюда приехал с сыном своим родным Канаматом, которой де им, архимандритом, в Осетии крещен в 1746-м году и наречен Дмитрием»¹⁸. «Устное народное предание сообщает, – пишет М.М.Блиев, – что вскоре после возвращения из Петербурга в Осетию умер сын Зураба – Дмитрий. Зураб не вынес горя и умер вслед за сыном»¹⁹.

Дживи-Василий должен быть зачислен в разряд «истории-ографических неудачников». Исследователи путают его с другими лицами.

Под именем «Василей» помощник Елисея Генцаурова включен в «Реестр едущим из Санкт-Петербурга чрез Астрахань в Осетию»²⁰, который приложен к указу об отправлении Осетинского посольства на родину в 1752 г. Впервые некто по имени Жиб упоминается в февральском 1750 г. доносе игумена Николая Махатели, который считает его не служителем, а полномочным представителем – одним из четырех осетинских старшин, привезенных Пахомием²¹. Цель доноса – сорвать переговоры, обвинив архимандрита в том, что он выдает за старшин-аристократов людей несвободных и незнатных. Замечательно, что автор доноса не видит разницы в происхождении между Эба и Жибом, которого он называет третьим из четырех осетинских представителей. Знатность послов имела политическое значение, определяя полномочия и представительность посольства, и допрошенный Пахомий был вынужден вновь, еще более подробно, рассказывать о происхождении и статусе приехавших с ним осетин. «Третьяго де старшины имянем Жи-

ба с ним, архимандритом, в приезде в Россию не имеется»²², – с удовольствием отвечал Пахомий в канцелярии Синода 1 июня 1750 г., используя ошибку игумена Николая как лишнее доказательство ложности доноса.

Тогда обвинения были повторены Кайхосро Махатели, братом игумена, в ноябрьском 1750 г. доносе, где упоминается «Дживий ... из деревни Шпа»²³. Ту же линию обвинений братья Махатели продолжили в совместном февральском 1751 г. доносе: там назван «Едживи Абакшилиев ... деревни Шпол»²⁴. Наконец, в других бумагах 1751 г. он фигурирует как «осетинец же Див Абашеле», «осетатский житель Обашвих»²⁵.

«Осетинец», нареченный в крещении Василием, надо полагать, носил имя *Джиуи*. Фамилия, к которой он принадлежал, надежно устанавливается на основе двух грузинских (одна из них русифицирована) форм ее написания и точной географической привязки. «Абакшилиев», «Абашеле» и «Обашвих», то есть Абашвили в деревне Шпа – это, конечно, *Абайтæ* (в русском написании – Абаевы) из селения Сба, главной резиденции этой знатной фамилии. Не мудрено, что присутствие Дживи сбило с толку знатока осетинских дел игумена Николая – Абаевы ничуть не уступали в знатности Кесаевым.

Сергей Соломонов записан под этим именем в «Реестр едущим из Санкт-Петербурга чрез Астрахань в Осетию»²⁶. Он числился помощником Батырмирзы Цопанова. Отсутствие в документах осетинских имен Сергея и его отца Соломона весьма затрудняет идентификацию, к тому же в качестве фамильного имени использовано название одного из древних колен этногонической легенды – *Æгъуызатæ*. И все же имеющаяся информация достаточна для некоторых наблюдений.

Прежде всего, привлекает внимание единственный контекст, в котором Сергей Алгузов упомянут грузинами – в ответе архимандрита Пахомия на доносы братьев Махатели. Разоблачая клевету о незнатном происхождении посольских осетин, Пахомий опровергает утверждение о том, что «старшина де Елисей Хетагов и осетинец Сергей» состоят в зависимости от князей Эристави. Но братья Махатели, не жалея сил на доносы, порочащие пятерых осетин (троих послов и двоих слу-

жителей), ни разу не упомянули Сергея. Его объединение с Елисеем Хетаговым – ошибка самого Пахомия, и ошибка весьма показательная. Пахомий слишком хорошо знал Осетию и слишком близко общался с участниками посольства, чтобы перепутать Сергея с Дживи без всяких оснований. Дживи Абаева, происходившего из соседнего закавказского общества, Сергей Алгузов мог заместить в сознании Пахомия лишь в случае, если казался ему земляком посла Елисея. Не вызывают сомнения и особые отношения Сергея с братьями Махатели, выразившиеся в полном отсутствии его имени в их доносах, в близости и доверии Сергея к Кайхосро, в отмеченном В.Ахшарумовым посредничестве Сергея между авантюристом и членами посольства.

Можно отметить и выбор имени коленного предка-эпонима в форме «Алгуз», указывающей на центральную или южную Осетию и, напротив, маловероятную на севере, откуда происходил посол Батырмирза, помощником которого числился Сергей Алгузов. Однако, скорее всего, такая форма – продукт грузинского перевода, через посредство которого русские канцеляристы общались с Сергеем.

Можно составить набор признаков родственной группы, из которой мог бы происходить Сергей Алгузов: а) принадлежность к колену *Æгъуызатæ*; б) не вызывающая сомнения знатность, которая в силу широкой известности в Грузии неоспорима даже для грузинских клеветников; в) возможные контакты с грузинами, живущими во владениях князей Эристави Арагвских (оттуда происходили братья Махатели); г) место проживания, позволяющее объединяться (в том числе в сознании сторонних наблюдателей) равно с куртатинцами (Батырмирза) и с закинцами (Елисей). Ответ, который напрашивается сам собой, как раз и послужит предположением о фамильной принадлежности Сергея Алгузова. Единственная фамилия, отвечающая всем приведенным признакам, – (*Томайтæ*) Томаевы. Одна из знатнейших фамилий колена *Æгъуызатæ*, признанная в дворянстве всеми царскими дворами раздробленной Грузии, Томаевы имели три вотчины: две основные – в Руке (верховья Большой Лиавхвы) и Кора (Куртатинское ущелье), а

также «промежуточную» – в Зака (на полпути между Руком и Кора). Родственные связи арагвских дворян Махатели с закинцами отражены в документах²⁷.

Прямая связь братьев Махатели с куртатинской вотчиной Томаевых хорошо видна по событиям июля 1747 г., когда братья вывезли из Зака имущество духовной комиссии и укрылись в Кора. Доехав до Москвы, архимандрит Пахомий в декабре 1749 г. жаловался Синоду, что «Кайхосро с братом своим игуменом Николаем из Захинского уезду, что ни было багажу нашего, в небытность нашу в квартире, пограбя, увезли в некрещеной в Кворской уезд, которой наш багаж и поднесь пропадают»²⁸. Здесь требует разъяснения определение «некрещеной», означающее всего лишь недоступность для Осетинской духовной комиссии, священники которой не были допущены в общину Кора, сделавшуюся убежищем Кайхосро и Николая. В сентябре 1747 г. после стычки в Дзивгисе, когда Кайхосро ранил «старшину Брылкина», братья вновь укрылись в Кора²⁹.

Если помощник Батырмирзы Цопанова происходил из одного с ним Куртатинского общества, то принадлежность Сергея Соломонова к фамилии Томаевых вообще не имеет альтернативы – среди куртатинцев нет другой знатной фамилии из колена *Агъуызатæ*.

Дугарской Созорука и Тугаецкой Девлет вышли из состава Осетинского посольства, в которое по первоначальному плану должно было войти пять человек. В июне 1749 г. архимандрит Пахомий специально сообщил об этом российским властям, послав в Кизляр иеродиакона Григория. «И хотя упоминаемые старшины по советам и угрозением кабардинцев намерение свое отменили, – передавал Пахомий, – однако тех же уездов другия старшины с ним, архимандритом, ехать намерение имеют», – ему казалось тогда, что хватит двух недель, чтобы произвести замену³⁰. Не хватило и двух месяцев, на которые отложился выезд посольства из Осетии, – в среде, из которой происходили Созорука и Девлет, обещания духовной комиссии не могли соперничать с влиянием кабардинских князей. Кого же представляли несостоявшиеся послы? Названия их «уездов» в документе предшествует личным именам совсем

не случайно, а в полном соответствии с обсуждавшейся темой представительских полномочий. «Дугарский» и «Тугаецкий» «уезды» – Дигорская и Тагаурская гражданские общины, игравшие определяющую роль в двух одноименных обществах. Дигорское и Тагаурское общества занимали особое место в жизни Осетии XVIII в., отличаясь самым высоким уровнем социального и хозяйственного развития, жесткой сословной системой и господством замкнутых корпораций наследственной знати. В Дигорской общине высшим сословием были баделията, в Тагаурской – узданы-тагиата.

Въехав в Осетию 16 мая 1745 г., Осетинская духовная комиссия остановилась в Дигории и уже 12 июля в первом же отчете сообщила: «Здешние главные люди в Россию ехать весьма желают и принести поклонение Ея Императорскому Величеству и тамо креститься желают, ежели им указ будет или возмогут чем достичь»³¹. В последующих посланиях вновь сказано о настойчивом желании дигорских старшин ехать в Россию, и определен принцип представительства – по одному человеку от каждой фамилии баделиат³². Достаточное внимание было уделено и тагаурцам, которые еще в 1747 г. успели показать свое отношение к планам комиссии. Пахомий описал в доношении Синоду, как Кайхосро Махатели «поехал в некрещеной Тагинской уезд, и тамошнему народу обещался он в церкви их присягнуть, и несколько вкладу в церковь их дать, чтоб они, осетинцы, с ним, Махотеловым, были сообщники и по-неприятельски с нами поступали, и тамошние старшины в том их не послушали, и из своего уезду вон их выгнали»³³.

И дигорцы, и тагаурцы участвовали в формировании посольства, выдвинув в его состав по одному старшине. Определить их патронимическую (в современном смысле фамильную) принадлежность удается на основе сопоставления документов XVIII в. и родословных росписей, составленных в середине XIX в. Подробное обоснование проведенной идентификации будет опубликовано в специальной работе, здесь же ограничимся результатом. Насколько можно судить, послами-отказниками были Созуруко Абисалов и Долат Кануков. Абисаловы

(осет. *Абисалтæ*) принадлежали к числу влиятельнейших фамилий высшего дигорского сословия (*баделлатæ*). Кануковы (осет. *Хъаныхъуатæ*) – одна из самых сильных и фамилий тагаурской знати (*таггиатæ*).

Принципы формирования Осетинского посольства не могли, естественно, найти прямого отражения в документах. Российской стороной был задан лишь общий формат приема: по статусу – «из старшин, знатным», по числу – «не более, как 5 человеком и при них служителям их»³⁴. В случае причастности Осетинской комиссии к формированию посольства мы непременно имели бы в грузинских доносах развернутое обвинение. С другой стороны, особенности традиционного осетинского самоуправления, чуждого всякой бюрократии и не имевшего делопроизводства, лишают нас надежды на существование документов, отразивших процесс или описывающих принципы формирования посольства.

В то же время в Осетии XVIII в. было невозможно получить общественные полномочия вне публичных представительских институтов. Поэтому сам состав формируемого посольства, включая и двоих несостоявшихся посланцев, следует считать наиболее объективным выражением формулы, которая легла в основу подготовки представительства, направляемого в Россию. Заданный уровень полномочий (*«из Осетии», «означенного осетинского народа»*) и формат приема (не более пяти знатных старшин со служителями) превращают список послов в самый надежный источник реконструкции принципов формирования посольства.

С выходом из первоначального состава посольства тех двоих послов, что происходили из Тагаурского и Дигорского обществ, выезд отложился всего на два месяца. Этого времени было достаточно лишь для местной замены кандидата, выбывшего по субъективным причинам, или для попытки уговорить тагаурцев и дигорцев изменить решение об отказе, если оно было консолидированным. Судя по отсутствию дублеров, состоявшееся решение оказалось, как минимум, корпоративным – на уровне дигорской и тагаурской аристократии. Ясно и то, что двух месяцев никак не могло хватить на новый выбор

всего посольства или даже серьезные перемены в его составе. Вспомним, что процесс подготовки занял несколько лет: решение Сената состоялось еще в августе 1746 г. Никаких признаков изменения «основного состава» нет в документах.

Такая неизменность означает, что реализованный в 1749 г. тройственный формат вполне соответствовал принципам общенародного представительства. Другой важнейший вывод, который с необходимостью следует из неизменности «основного состава» посольства: оно не формировалось на принципах паритетного представительства от осетинских обществ. Наличие или отсутствие в составе посольства посланцев из конкретных обществ не повлияло на его статус. Иначе говоря, формула составления посольства «из Осетии», «означенного осетинского народа» предполагала не механическое сложение посланцев, выдвинутых отдельными обществами, и не объединение их в некоторую сумму, величина которой соответствовала бы числу представленных обществ. В подобном случае предложенный Сенатом формат «пяти старшин» был бы вообще неприменим – в него невозможно втиснуть одиннадцать представителей (по минимальному числу осетинских обществ). Неопровержимым свидетельством того, что речь вообще не шла о выдвижении представителей отдельных обществ, является присутствие в «основном составе» посольства двоих туальцев – Зураба Магкаева и Эба Кесаева. В многочисленных документах, отразивших историю посольства и ход его переговоров с российским правительством, нет и намек на отдельные интересы Туальского (как, впрочем, и какого-то иного) общества или какой-либо группы обществ Осетии. Везде и всегда только «Осетия», «Осетинская земля», «осетинский народ»³⁵.

Базовое значение тройственного формата посольства подтверждено самим фактом его успешной реализации. Несомненно, и усилия, вложенные в несостоявшуюся поездку «дополнительной пары» послов, имели ясный для современников смысл, увязанный с формулой «основного состава». Какова же была эта формула?

Осетины XVIII в. твердо держались традиционной системы представительства. Документы второй трети XIX в. надежно

свидетельствуют, что и по прошествии столетия все происходило по тем же неизменным правилам³⁶.

В экстремальных условиях безгосударственного существования, с рубежа XIV–XV вв. до второй половины XVIII в., основой социальной и политической организации горной Алании-Осетии оставалась особая скифо-аланская модель общественного устройства³⁷. Ее неотъемлемой чертой была открытая Ж.Дюмезилем концепция идеального индоевропейского общества, организованного в соответствии с тремя социальными функциями. Актуальная идеология общенародного единства строилась на этногоническом предании об общем предке народа и трех его сыновьях. Три базовых (общенародных) колена возводили свое происхождение к прародителю Ос-Багатару и назывались по именам его сыновей. Потомкам Кусагона традиция отводила роль жрецов и судей, колону Царазона (вариант: Агуза) приписывала особую воинскую доблесть, а наследников Сидамона связывала с производительным трудом и богатством.

Политическим объединением жителей определенной территории была гражданская община (осет. *бæстæ*) – самоуправляющийся общественный организм, коллектив граждан, обладающий суверенными правами. Устройство всех общин было одинаковым: территория делилась на три округа, население – на три колена. Общинный парламент состоял из трех фракций, посреднический суд – из трех групп судей, войско – из трех полков. Вступая в территориальные союзы, гражданские общины образовали в конечном счете одиннадцать земель-областей (осет. *комбæстæ*), за которыми в русской номенклатуре закрепилось название «обществ». Каждое общество, сохраняя суверенитет и независимость внутренней жизни, по мере необходимости объединялось с остальными в области военной и внешнеполитической деятельности. Иными словами, Алания-Осетия эпохи горных обществ – это конфедерация самоуправляющихся земель-областей, живших в едином социокультурном пространстве традиционной («скифо-аланской», «трифункциональной») социально-политической модели.

Случайно ли послов, представляющих, как постоянно напоминают документы, «Осетию», «Осетинскую землю», «осетинский народ», – трое?

Базовая коленная идентификация двоих послов не составляет труда. Фактический глава посольства Зураб Магкаев-Елиханов принадлежал к одной из знатнейших фамилий древнего колена *Царазонтæ*. Магкаевы претендовали на особую знатность и в числе немногих связывали свое происхождение с царским домом средневековой Алании.

Батырмирза Цопанов происходил из высшего сословия Куртатинской гражданской общины, которая возводила свое происхождение к Сидамону, старшему сыну Ос-Багатара, и целиком принадлежала к общенародному колону *Сидæмонтæ*.

Несколько сложнее определить коленную принадлежность Кесаевых – источники не содержат на сей счет прямых указаний. Тем не менее, существуют как надежные источники, так и объективный способ определения коленной принадлежности Кесаевых. Для этого достаточно установить их место в троичной структуре Закинской гражданской общины. Документы, которые позволяют это сделать, разделены почти вековым хронологическим расстоянием. В них приведен полный состав традиционного закинского представительства, избранного по важным случаям. В 1766 г. письмо об оставлении игумена Григория во главе Осетинской духовной комиссии подписали от «Захинского уезда» четверо старшин: Василий Абаев, Егор Битариев, Димитрий Генцауров, Феодор Томаев³⁸. В 1859 г. депутатами «Закского общества» в сословную комиссию были выбраны Гисо Битаров, Тека Кесаев, Берт Абаев³⁹.

Идентификация Абаевых (*Абайтæ*) и Томаевых (*Томайтæ*) многократно зафиксирована документами и отражена в литературе: эти фамилии принадлежат к колону *Æгъуызатæ*⁴⁰. Представленные в обоих случаях Битаровы (*Битартæ*) относятся к колону *Сидæмонтæ*, что легко устанавливается по документам XIX в. и проверяется фольклорным материалом.

И метода исключения было бы довольно, чтобы установить коленную принадлежность Кесаевых. Между тем существует

еще одна – дополнительная и контрольная – возможность сделать это. Достаточно обратить внимание на топонимические определения, которые в документах XVIII в. применяются к *Хъесатыхъау* – селению Кесаевых, родине Эба-Елисея. В реестре крестившихся в 1760–1761 гг. о Кесаевых говорится как о жителях «Нижней Захинской деревни», в реестре крестившихся в 1762 г. – «Валагирской деревни», в ведомости крестившихся в 1763 г. – «Захинского уезду ... Генцаевой деревни»⁴¹. Иными словами, наряду с известными топонимами *Дæллаг-Захъа* (Нижняя Захинская) и *Хъесатыхъау* (Генцаева) фиксируется не дошедшее до нашего времени название «Валагирская деревня» – то есть *Уæллагиры хъау*. *Уæллагир* здесь не может быть позднейшим, расширительным и общим, именем Алагирского общества – ведь оттуда происходила добрая половина закинских фамилий (например: Битаровы, Калоевы, Касаевы, Ханаевы, Хутиевы). Такое название, закрепившееся за поселением одной родственной группы, должно иметь эксклюзивный смысл. Первоначальное, узкое значение имени *Уæллагир* хорошо помнилось еще в первой половине XX в.: так называлось население и занимаемая им местность в нижней части Алагирского ущелья по правому берегу реки Ардон – историческая территория колена *Къусагонтæ* в Алагирском обществе⁴². «Валагирская деревня» (*Уæллагиры-хъау*) – синоним более привычного имени *Хъесатыхъау*. И место Кесаевых в традиционной общественно-политической системе не вызывает сомнения – они принадлежат к колену *Къусагонтæ*.

Словом, трое послов «основного состава» – пример неизменного следования традиции, образец идеального представительства, воспроизводящего архетипическую формулу социальной гармонии, правовой завершенности и политической легитимности в масштабах всей страны.

Более того, абсолютное соответствие традиции находим и в происхождении знатных служителей-помощников, рыцарей сопровождения, – все трое принадлежали к носителям воинской функции в троичной арийской системе. В позднесредневековой Осетии воинскую функцию вариативно представля-

ли два колена – *Цæразонтæ*, к которым принадлежал Канамат, сын Зураба, и *Æгъуызатæ*, из которых происходили Дживи Абаев и Сергей Соломонов. На самом деле *Цæразонтæ* и *Æгъуызатæ* – это две ветви одного колена, сформировавшегося из потомков средневековой военной аристократии, в том числе и царской династии, как свидетельствует устное осетинское предание и грузинская придворная практика. Грузинские правители, ведшие род от царя Сослана Давида (выходца из аланского царского дома) и царицы Тамар, брали на воспитание осетинских юношей только из знатных семей *Цæразонтæ* и *Æгъуызатæ*. Самые известные из этих воспитанников – сам Зураб Елиханов-Магкаев (из колена *Цæразонтæ*) и виднейший деятель просвещения конца XVIII – начала XIX в. Иуане Ялгузидзе-Габараев (из колена *Æгъуызатæ*).

Имена *Цæразонтæ* и *Æгъуызатæ*, как показал В.И.Абаев, происходят от римско-византийских титулов «Цезарь» и «Август»: в точном русском переводе *Цæразонтæ* – «цесаревичи», а *Æгъуызатæ* – «августейшие». Не забудем, к кому ехали осетинские послы, чтобы вполне оценить насколько происхождение их служителей соответствовало значимости миссии и высоте принимающей стороны.

Последнее, что необходимо сказать для понимания соотношения колен *Цæразонтæ* и *Æгъуызатæ* в общественной жизни Осетии, – это регионализм их распространения. *Цæразонтæ* представлены преимущественно на севере, где расположен их домен (регион Мизур – Бад – Зарамаг), *Æгъуызатæ* связаны преимущественно с югом – их изначальная родовая территория расположена в пределах нынешнего Дзауского района Республики Южная Осетия (регион Рук – Сба – Уанел).

Формат традиционной легитимности общесетинского представительства не был единственным, которому должно было отвечать Осетинское посольство. Его идеолог и фактический глава Зураб Елиханов имел слишком значительный политический опыт (в том числе российский), чтобы не учесть очевидных для середины XVIII в. обстоятельств.

Установлению русско-осетинских отношений предшествовало изучение Коллегией иностранных дел географического и политического положения Осетии, но российский вывод о независимости небольшой кавказской страны вовсе не отменял северной (малокабардинской) и южной (карталино-имеретинской) экспансии. В виртуальном смысле внешних притязаний Осетия середины XVIII в. делится на две зоны влияния, ясно очерчиваемые направлением завоевательных набегов соседей, наличием у них даннических и вассальных связей в пограничных осетинских обществах и агентурной сети в остальных.

Не только южные, но и центральные общества Осетии грузинские вассалы персов и турок «осваивали», раздавая дворянские грамоты, княжеские титулы, почетные пенсии и торговые льготы осетинской знати – впрочем, без особого разбора и без всякой ответственности. Когда в XIX в. гордые обладатели грузинского «дворянства» попытались использовать свои документы, то на проверку оказалось, что это макулатура. Но еще в XVIII в. бедного и наивного горца из благородной фамилии пытались сделать «агентом влияния» за ничтожную ежегодную пенсию и ничего не значащий громкий титул.

То же самое происходило и в противоположном направлении – из Кабарды. Князя северного соседа также представляли себя сюзеренами осетинского дворянства, привязывая его узами аталычества и дарений, покровительствуя бракам осетин с кабардинской элитой. В начале XVIII в. сформировался уже и слой их действительных осетинских вассалов – в большинстве из дигорской (западно-осетинской) знати, основавшей равнинные селения в поместьях, полученных от малокабардинских князей.

Стратегический союз с Российской империей становился избавлением и от этой ползучей опасности. Не случайно переговоры с российским правительством возглавил человек, досконально знавший грузинскую политическую конъюнктуру, воспитанник и казначей царя Картли. Подобно Зурабу Магкаеву, и другой посол – Елисей Кесаев принадлежал к семье, имевшей коллекцию бумажных грузинских привилегий. Ба-

тырмирза Цопанов – третий член осетинского посольства – происходил из северного Куртатинского общества, переживавшего в XVIII в. сложный период тесных связей и жесткого противостояния с Кабардой. Двое послов-отказников – яркое воплощение борьбы, шедшей в Дигорском и Тагаурском обществах, где кабардинские князья уже имели вассальные группировки знати.

Проектный состав посольства, включавший представителей двух сильнейших в Осетии аристократических корпораций – тагаурской и дигорской, одновременно выглядит осетинской попыткой преодоления нейтрального статуса Кабарды, превращенной Белградским договором 1739 г. в барьер между Кавказом и Россией.

И, наконец, еще один формат реального посольства, подчеркивающий ответственность и согласованность политического выбора, сделанного конфедерацией осетинских обществ. Если быть совершенно точным, территорию Осетии XVIII в. нужно делить на три зоны влияния – со стороны Малой Кабарды, иранской Картли и турецкой Имерети. Достаточно вспомнить, как в первой половине XIX в., после присоединения Россией грузинских земель, частями отнятых у Ирана и Турции, и подчинения Кабарды Осетия подверглась территориально-административному разделению, при котором ее юго-западные окраины попали в состав Кутаисской губернии, центральные и южные общества вошли в Тифлисскую губернию, а крупнейшее на севере Дигорское общество было объединено с Кабардой в управлении Центра Кавказской Линии. Нетрудно видеть, что прежнее «наступление» продолжается как с южного, так и с северного фланга. Не только Картли и Имерети, но и Малой Кабарде (традиционно более лояльной к России, нежели Кабарда Большая) в первой половине XIX в. еще достает влияния на власть и хватает вассальных осетинских связей, чтобы сохранять инерцию прежнего, с приходом России угасающего экспансионизма.

Уступая последней волне экспансии, пришлось делить Туальское общество, его основная часть стала Нарским участком Осетинского округа Тифлисской губернии, а Мамисонское уще-

лье передали в Кударо-Мамисонский участок Рачинского уезда Кутаисской губернии, еще раз подтвердив: три осетинских посла на переговорах в Петербурге представляли три разные зоны внешнеполитического влияния и давления на Осетию.

Таким образом, политические условия и дипломатические задачи эпохи установления русско-осетинских отношений, диктовавшие необходимость представлять единый народ независимой страны, находят воплощение не только в деятельности Осетинского посольства. Сам его состав хорошо иллюстрирует твердость выбора, сделанного Осетией не в политической теории – на исторической практике, в эмпирической перспективе выживания. Вполне очевидно и важнейшее значение, которое принципы формирования посольства имеют для оценки политического состояния Осетии, а в конечном счете – для точного определения форм ее политического устройства и политической жизни в середине XVIII в.

-
- ¹ Материалы по истории Осетии (XVIII век). Т. 1 / документы собран, введ. и примеч. снабдил Г.[А.]Кокиев. Орджоникидзе, 1933. (Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института; т. 6).
 - ² *Бирзе А.М.* Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии // Красный архив. 1937. № 4. С. 174–218.
 - ³ Русско-осетинские отношения в XVIII веке: сб. док.: в 2 т. / сост. М.М.Блиев. Орджоникидзе, 1978. Т. 1: 1742–1762 гг.; Орджоникидзе, 1984. Т. 2: 1764–1784 гг.
 - ⁴ *Кокиев Г.А.* Из истории русско-осетинских отношений в XVIII в.: (Осетинское посольство в 1749 г.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Владикавказ, 1932. Т. 4. С. 130–156.
 - ⁵ *Блиев М.М.* Осетинское посольство в Петербурге, 1749–1752 гг. Орджоникидзе, 1961; *Его же.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970.
 - ⁶ По воле разума и сердца / Бзаров Р.С., Магкаев З. и др. Владикавказ, 1995. С. 186–188; *Бзаров Р.С.* Семья и предки Елбыздыко Бритаева // Брытыаты Елбыздыхъо амае нырыккон ирон литератураыи проблематæ. Дзæуджыхъæу, 2002. С. 53–55.
 - ⁷ *Кокиев Г.А.* Указ. соч.; *Блиев М.М.* Осетинское посольство в Петербурге, 1749–1752 гг.; *Его же.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.).
 - ⁸ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 112–116, 133.

- ⁹ Там же. С. 202.
- ¹⁰ Там же. С. 219, 230.
- ¹¹ Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Т. 8. С. 331.
- ¹² Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 139.
- ¹³ Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). С. 123.
- ¹⁴ Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 139.
- ¹⁵ Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). С. 125.
- ¹⁶ Там же. С. 303.
- ¹⁷ Там же. С. 262.
- ¹⁸ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 230.
- ¹⁹ Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). С. 159.
- ²⁰ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 339.
- ²¹ Там же. С. 253.
- ²² Там же. С. 258.
- ²³ Там же. С. 263.
- ²⁴ Там же. С. 276.
- ²⁵ Там же. С. 263, 290.
- ²⁶ Там же. С. 339.
- ²⁷ Там же. С. 141, 144.
- ²⁸ Там же. С. 224.
- ²⁹ Там же. С. 226.
- ³⁰ Там же. С. 202.
- ³¹ Там же. С. 76.
- ³² Там же. С. 86.
- ³³ Там же. С. 226.
- ³⁴ Там же. С. 102.
- ³⁵ Там же. С. 198–339.
- ³⁶ См.: Бзаров Р. С. Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе, 1988. С. 26, 43.
- ³⁷ См.: Bzarov R. The Scytho-Alanic Model of Social Organization // Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes: International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 2007. P. 9–10.
- ³⁸ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 2. С. 49.
- ³⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7. Л. 9–10.
- ⁴⁰ Ванеев З.Н. Народное предание о происхождении осетин // Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвал, 1989. С. 327; Калоев Б.А. Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям // Полевые исследования

Института этнографии, 1979. М., 1983. С. 209; *Гаглойти З.Д.*

Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974. Ч. 1. С. 134–135.

⁴¹ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 1. С. 457, 463; Т. 2. С. 25.

⁴² *Калоев Б.А.* Осетины. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1971. С. 43.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ОСЕТИИ

Инкорпорирование кавказского региона в общеимперскую систему было, как известно, процессом сложным и неоднозначным, прошедшим в своем развитии через множество неудачных экспериментов и ошибок. Одним из наиболее серьезных последствий порой весьма противоречивой кавказской политики российских властей явилась Кавказская война. Ее причиной стал целый комплекс политических, социальных и экономических факторов.

Осетины принадлежат к числу тех кавказских народов, среди которых идеи мюридизма не нашли никакой практической поддержки и распространения. Причиной этому были многие факторы, главными из которых, тем не менее, являются внутренние – социальный уровень развития осетинских обществ, их исторически сложившаяся и с течением времени закрепившаяся пророссийская ориентация, конфессиональная принадлежность большинства осетин к христианству и, соответственно, ограниченные возможности влияния на них исламской идеологии.

Позитивные последствия присоединения Осетии к России – переселение на равнину, борьба с эпидемиологическими заболеваниями, из-за которых с *конца* XVIII до 20-х годов XIX в. население Осетии сократилось почти в 3 раза, налаживание торговых отношений и развитие народного просвещения¹, – эти и многие другие причины сделали невозможной ситуацию, при которой осетины могли примкнуть к движению Шамиля, стать активными участниками Кавказской войны. В этой связи следует подчеркнуть тот факт, что никаких локальных реформ и преобразований исключительно для Осетии российские власти не проводили, если только эти нововведения не были ини-

цированы самими осетинами, как это, например, было с созданием первого на Кавказе военного отряда из тагаурцев или с открытием в Дигории Народного суда в мае 1847 г.

Реформы, как правило, носили универсальный характер, однако последствия этих реформ принимали подчас у разных кавказских народов различные формы. Причин здесь, безусловно, можно назвать множество. Многие из них лежат на поверхности, давно и хорошо известны, другие скрыты глубоко, практически не изучены и могут быть осознаны и поняты только с точки зрения ментальной психологии и даже коллективного бессознательного, т.е. всего того не материально-абстрактного, сложно определимого, что заставляет целые народы в самые ответственные моменты действовать так, а не иначе, и имеет огромное влияние на исторические процессы.

Присоединение Осетии к России было для нее единственно возможным позитивным вектором развития как экономического, так и культурно-этнического, оно создало условия, пусть не всегда гладкие и полностью приемлемые, для ликвидации разобщенности осетинских обществ, оградило от внешних врагов, определило дальнейшие пути трансформации и прогресса.

Одним из ярких и показательных примеров, иллюстрирующих тенденции, в русле которых развивались русско-осетинские отношения, является активное участие осетин в боевых действиях в составе российских войск.

Осетины служили в рядах российской армии и участвовали в ее походах, в том числе и заграничных, задолго до 30-х годов XIX в. Первый осетинский военный отряд был сформирован в 1828 г. Владикавказский комендант генерал-майор Скворцов в своем рапорте командующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Эмануэлю от 11 мая 1828 г. доносил, что к нему явились тагаурские старшины и объявили, что они «желая доказать правительству свою преданность охотно будут в предстоящую ныне с турками войну служить в Грузии при действующих войсках наших противу турок». Единственным условием осетин-добровольцев было то, «чтобы во все их пребывание на службе время определено им было содержание от казны, ибо по отдаленности от своих жилищ они с будущими

при них подвластными продовольствовать себя будут не в состоянии»². В списке тагаурских старшин, изъявивших желание «быть в действии противу турок», было 24 человека – представителей феодальных фамилий Тагаурии. Поскольку при них находились еще и сопровождающие их подвластные, то общая численность отряда составила 50 человек.

Создание осетинского военного отряда было первым событием подобного рода на Кавказе. Информирова об инициативе осетин командира Отдельного Кавказского корпуса, командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Эмануэль особо подчеркивал, что до этого времени «не было еще примера на линии (Кавказской. – А.Х.), чтобы азиатцы добровольно решались подобным образом сблизиться с войсками, ни подобным образом доказать свое усердие к правительству...»³.

О «весьма отличной службе», как указывалось в документах, тагаурских старшин свидетельствует тот факт, что семеро из них – Темурко Дударов, Шафук Тулатов, Дуда Мамсуров, Уари Тулатов, Азо Шанаев, Сафарали Мамсуров и Темурко Кундухов «в воздаяние отличной храбрости и истинного усердия к службе...» были уже через год – в августе 1829 г., удостоены чина прапорщиков⁴. В списке чиновников, отличившихся при покорении крепости Каре, значился и осетинский старшина подпоручик Султан Дударов, награжденный орденом Св. Анны 4-й степени⁵. Самое активное участие в военных действиях против Шамиля принимала и осетинская милиция, состоявшая, как правило, из добровольцев.

В 1832 г. значительное число осетин в составе сформированных отрядов осетинской милиции приняло участие в походе против Кази-Муллы. В отчете о походе указывалось, что осетины во время этой экспедиции «действовали при всяком случае с полным усердием и верностью»⁶.

В 1837 г. в очередной поход вместе с российскими войсками выступил из Владикавказа отряд, состоявший из 800 горцев, большинство из которых были осетины.

В 1843 г. отряд, который возглавлял один из набов Шамиля Ахверды-Магомет, появился в районе р. Сунжи, намерева-

ясь пробиться к Владикавказу. Для борьбы с ним кавказское командование спешно мобилизовало значительные военные силы, в составе которых находились также 800 всадников осетинской милиции под командованием капитана Дударова. Перед отрядом была поставлена задача опередить противника и быстро занять те высоты и проходы, которые имели важное стратегическое значение. Отряд со своей задачей справился весьма успешно – после сражения шамилевцам пришлось отступить. В донесении об этом походе подчеркивается находчивость и оперативность командиров отряда, говорится о том, что они «исполнили поручение сие отлично, быстро заняли галгавскую границу и высоты ...»⁷.

3 марта того же 1843 г. геройски сразилась с мюридами Шамиля осетинская сотня, входившая в состав Горского казачьего полка и состоявшая из казаков станиц Чернойарской (осетинское название Дзараште) и Новоосетинской (Масукау).

В этот день, на рассвете, многочисленный отряд чеченцев внезапно напал на станицу Луковскую и моздокские хутора с целью пробиться к Моздоку. На Моздокской линии была объявлена военная тревога. Осетинской сотне под командованием есаула Н.Гокинаева, к которой присоединились всадники-кабардинцы во главе с Хаджи Астемировым, было приказано немедленно двинуться в преследование уходящих с добычей чеченцев. Однако она оказалась в исключительно тяжелом положении, угодив в засаду противника, насчитывавшего несколько тысяч всадников. Кабардинцы, первоначально примкнувшие к осетинской сотне, заметив численное неравенство сил при появлении главных сил противника, отошли назад и больше уже не приняли участия в сражении, несмотря на уговоры и призывы Хаджи Астемирова⁸. Половина сотни геройски погибла в этом сражении, другой половине удалось уцелеть только благодаря подоспевшей помощи.

В Осетии это сражение моздокских осетин с мюридами Шамиля известно до сих пор под названием «Цагъди мардта» (осет. «Геройски павшие в бою»). Погибшим в этом неравном бою тогда же был поставлен памятник между станицами Чернойарской и Новоосетинской, а также в их честь была сложена

героическая песня, в которой прославляются имена погибших – хорунжего Степана Гажеева, казаков – Махамата Агоева, Гасая Гульдиева, Заурбека Гуцунаева, Гаппо Тускаева, Иналука Гуцунаева, Сабана Тагурова, Довчико Кокиева, Мисирбия Соеова и Кубадия Байтуганова.

Осетины-казаки Моздокских станиц Чернойарской, Новоосетинской, Курской в составе Горско-Моздокского полка или в составе отдельных сборных сотен участвовали в многочисленных походах и сражениях российских войск во время Кавказской войны: в 1829 г. во время русско-турецкой войны; в 1831, 1832, 1837 гг. в Чечне, 1838 г. (в нагорном Дагестане); в 1839 (при взятии замка Ахульго), 1840, 1841–1842 гг., 1843–1844, 1846–1847, 1851, 1852, 1853–1856 гг. (во время Крымской войны), 1857–1858 гг., 1859 г. (при пленении Шамиля в Гунибе) и других.

В феврале 1845 г. командующий Левым флангом Кавказской линии вновь донес Владикавказскому коменданту полковнику Нестерову о намерении Шамиля «вторгнуться в Владикавказский округ и пробраться в Кабарду»⁹.

В апреле того же года «всею осетинской милицией» был усилен Константиновский летучий отряд, поскольку ожидалось прибытие Шамиля в Чечню для совершения «каких-то решительных действий»¹⁰.

В мае 1845 г. осетинская милиция в количестве от 600 до 800 всадников участвовала в охране Военно-Грузинской дороги от предполагаемого нападения отрядов Шамиля из Чечни¹¹.

Документальные материалы свидетельствуют о том, что Шамиль постоянно держал Осетию в поле своего зрения, не раз пытался поднять ее под знамя газавата, но каждый раз терпел неудачу. Первую такую серьезную попытку он предпринял в 1846 г., попытавшись через Осетию пробиться в Кабарду. В своем письме к одному из влиятельных князей Большой Кабарды Шамиль писал: «Прибыл я на помощь тем, кто признает единого бога, – к вам, мои единоверцы, и для вреда неверным и тем из мусульман, кто пристают к русским»¹².

В конце апреля 1846 г. отряд мюридов во главе с Шамилем переправился через Терек между станицами Николаевской и Урухской и направился к Константиновскому укреплению.

При переправе через Терек Шамилю был нанесен серьезный удар казачьими сотнями полковника Миллера-Закомельского и тремя сотнями кавалерии под началом полковника Ильинского.

На помощь четырем сотням кавалерии барона Вревского, направленным наперерез Шамилю к р. Ачалук, была срочно собрана осетинская и назрановская милиция. О количестве неприятельских сил можно судить по тому факту, что при отступлении переправа их через р. Сунжу продолжалась около 3-х часов, с 2 до 5 часов пополудни. «Во все продолжение пребывания Шамиля в Кабарде, – отмечал в журнале военных действий начальник назрановского отряда полковник Бруннер, – соседнее с нею Осетинское общество, несмотря на обещания возмутителей и убеждение людей робких и злонамеренных, оставалось покорным». Особо выделял полковник Бруннер за «распорядительность и усердие при этих смутных обстоятельствах» командовавшего сборной милицией тагаурского старшину гвардии штабс-ротмистра Есенова и пристава горских народов поручика Жукаева¹³.

В 1845 г. российское командование наградило осетин почетным знаменем, которое было вручено им в Санкт-Петербурге, куда была отправлена специальная делегация. В грамоте, которая была вручена делегации при награждении, было отмечено, что она дается за «особое усердие и ревностное служение, за примерную храбрость, оказываемую осетинами Владикавказского округа против враждебных горцев»¹⁴.

Собиралась осетинская милиция для обороны границ Владикавказского округа и в конце ноября 1846 г. в связи с известиями о «сборе значительной неприятельской партии в Малой Чечне на р. Гойте».

После своей неудачной диверсии в Осетию и Кабарду в 1846 г. Шамиль не оставил своих попыток поднять осетин и кабардинцев под свои знамена. Особенно активизировал он свои действия во время Крымской войны. Еще до начала этой войны, в 1852 г., Шамиль вновь предпринял попытку вторгнуться в пределы Владикавказского округа. Однако и эта попытка успехом не увенчалась. Как только были получены из-

вестия о намерении Шамиля вторгнуться во Владикавказский округ, срочно были стянуты военные силы для отражения удара и для охраны и обеспечения свободного сообщения по Военно-Грузинской дороге. Для борьбы с ним вместе с российскими регулярными частями вновь активно выступили и осетины. Осетинские конные сотни из алагирцев и куртатинцев расположились в Тарской котловине, откуда ожидалось вторжение Шамиля. Другая часть осетинской милиции в количестве 300 человек, сформированная из дигорцев, заняла позицию у станицы Николаевской, также считавшейся вероятным пунктом появления отрядов Шамиля¹⁵. В результате принятых кавказским командованием мер и активного выступления самих осетин, Шамилю не удалось даже приблизиться к Военно-Грузинской дороге. Надежды, возлагавшиеся Шамилем на поддержку его некоторой частью тагаурских алдар, также не оправдались. В секретном отношении начальника Главного штаба кавказских войск к начальнику Владикавказского военного округа от 8 июня 1852 г. о награждении всех горцев, участвовавших в успешном отражении сил Шамиля, подчеркивалось при анализе происходивших событий, что «сборище (юридов. – А.Х.) было немаловажное и по отзыву Михаила Семеновича (Воронцова. – А.Х.) ... ежели бы мирные горцы единодушно присоединились к неприятелю, то были бы затруднения и некоторые потери». «Ежели Шамиль был там сам, – говорилось далее в донесении, – то тем для нас лучше, ибо неуспех его предприятия, равнодушие к нему тагаурцев и сопротивление даже с выстрелами против него части галашевцев (ингушей. – А.Х.) не могут не унижить еще в общем мнении силу и влияние столь недавно страшного для всех еще Имама»¹⁶.

Сведения о готовящемся вторжении Шамиля на территорию Владикавказского округа поступали командованию Кавказской линии и летом 1855 г.¹⁷

Новую попытку «возмутить» Осетию Шамиль предпринял во время Крымской войны. В апреле 1854 г. начальник Алагирского серебряноцинкового завода полковник Иваницкий донес начальнику Владикавказского военного округа генерал-майору барону Вревскому о том, что ему через «совершенно верного

человека» стало известно о пребывании в осетинских обществах посланного Шамилем наиба Арштинского. По показаниям этого осведомителя, который якобы был очевидцем и даже участником событий и за достоверность сведений которого полковник Иваницкий ручался, Шамиль направил в Осетию своего наиба Арштинского, который под видом нищего побывал сначала у тагаурцев, а затем через Алагир направился в Дигорию. В Алагире наиб, подкупив охрану, проник на серебряноцинковый завод и осмотрел его¹⁸. В Дигории, говорилось далее в донесении, наиб Арштинский побывал сначала в селе Ново-Магометановском, где встретился с неким Цопаном-эфенди, а затем вместе с ним поехал в селение Дур-Дур к дигорскому баделяту Бахте Кубатиеву. У последнего наиб Арштинский созвал тайное собрание, на которое прибыли также баделята и из горной Дигории: представители фамилии Кубатиевых, Тугановых и Карабугаевых. Из «черного народа» на собрании присутствовали только двое¹⁹. Наиб Арштинский сообщил баделятам о том, что Шамиль собирается двинуться в Кабарду через Осетию, причем конница должна была переправиться через Терек у станицы Змейской, а пехота, двигаясь по горам, должна была перейти Терек около Владикавказа. «Баделята поклялись означенному наибу, – сообщалось в донесении полковника Иваницкого, – что лишь только Шамиль будет на Терекке и переправится, то они будут стоять за него. Хаджи Абисалов, вернувшийся недавно из Мекки, уговорил своих родственников, чтобы они не участвовали в походе против турок...». Кроме того, некоторые из баделят якобы пообещали перевозить через Дигорию провиант для войск Шамиля. Взяв у дигорских баделят клятву в верности Шамилю, наиб Арштинский в сопровождении того же Цопана-эфенди переправился в Кабарду.

После описанных в донесении событий, имевших якобы место в Осетии, кавказские власти немедленно предприняли меры по расследованию этого инцидента. По указанию начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Грамотина в Дигорию были направлены карачаевский пристав войсковой старшина Тургиев и пристав балкарских народов майор Абиса-

лов «для собрания вместе с тамошним (дигорским. – А.Х.) представителем положительных сведений, в какой мере справедлив донес на дигорских баделят»²⁰. Из проведенного этими военными чиновниками следствия стало совершенно очевидно, что все описанные в донесении начальника Алагирского завода события не имеют под собой никакой реальной основы. Выяснилось, что ни один из тех дигорских баделят, о которых говорилось в донесении, не имел никаких связей с посланником Шамиля. Было установлено, что Бекмурза Кубатиев, например, «постоянно проживает в горах и не выезжал на плоскость с прошлой осени из-за расстроенного здоровья». Штабс-капитан Бахта Кубатиев, в доме которого якобы и происходила встреча баделят с наибом Шамиля, «облагодетельствованный Русским правительством и имея обеспеченное состояние ... гораздо более других баделят предан правительству». Заурбек Абисалов, Кургок Тулатов и Атажука Карабугаев вообще отсутствовали в Дигории во время описанных в донесении событий, – они находились в составе осетинской милиции на турецкой границе «по собственному желанию»²¹. Мимбулат Кубатиев, по сообщению следственной комиссии, был «человек преклонных лет, известный своей преданностью правительству». Человека по имени Мурзабек Кубатиев вообще не оказалось в «целом Дигорском обществе». Подполковник Иналук Кубатиев, подпоручик Эльбаздуко Кубатиев, Алимурза Абисалов и Кургок Туганов были также «щедро награждены правительством, и так обеспечены им, что при всем их фанатизме, не согласились бы променять настоящее их положение», – говорилось в рапорте начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Грамотина временно-командующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Козловскому о проведенном расследовании связей дигорских баделят с Шамилем. Иналук Кубатиев «позволял себе некоторые выходки, будучи недоволен переселением от баделят подвластных», но, как сообщалось в донесении, «вредил этим только себе»²². Известное недовольство части осетинских феодалов было вполне понятно и закономерно на фоне тех мероприятий, которые были проведены кавказской администрацией в Осетии в начале 50-х годов XIX в. Как из-

вестно, эти мероприятия были направлены на то, чтобы рассеять фарсаглагов и кавдасардов в Тагаурии и адамихатов и кумаягов в Дигории отдельно от их алдаров и баделятов.

Что касается представителей «черного народа», которые якобы тоже участвовали вместе с баделятами в переговорах с наибом Арштинским, то и здесь сведения оказались совершенно ложными.

В отношении Цопана-эфенди выяснилось, что «он даже не дигорец, а житель из Тарковских владений и в 1843 г., во время беспорядков в Дагестане переселился в Дигорию именно для того, чтобы жить спокойно» и никаких связей с Шамилем не имел²³.

Таким образом, после проведенного расследования у властей уже не оставалось сомнений в том, что донос был сделан кем-либо из баделятов, и выяснилось, что его составил двоюродный брат штабс-капитана Бахта Кубатиева Мурзабек Зурабов, который, враждуя с Бахта за деньги, полученные первым от властей за отошедшую под Алагирский серебросвинцовый завод землю, желая чем-либо досадить своему родственнику, сделал этот донос, в чем впоследствии сам и признался.

Что же касается наиба Арштинского, то факт его пребывания в Осетии действительно имел место. Выяснилось, что под видом нищего «наиб этот при следовании в покорные племена или при обратном следовании имел ночлег у одного из алдар Дударовых», и что хотя «некоторые жители и видели его, но считали за бедного человека, нищего и давали ему подаяние»²⁴. Так был развенчан этот миф о связях осетинских феодалов с Шамилем. Примечательно, что в исторической литературе события, описанные в доносе Мурзабека Зурабова, приводились как главное свидетельство поддержки осетинскими феодалами движения Шамиля и недавняя публикация всего корпуса документов, касающихся этого инцидента, поможет окончательно развеять эту укоренившуюся историческую мистификацию, которых в осетинской истории немало. В этом отношении весьма показателен и следующий факт.

В 1844 г. пятеро зависимых крестьян тагаурского алдара Ильяса Дударова бежали к Шамилю. Получив разрешение от

коменданта Владикавказской крепости, Дударов отправился на поиски своих крестьян и обнаружил их в ауле Джарго-юрт. Крестьяне заявили ему, что они не могут вернуться обратно без разрешения Шамиля. Тогда Дударов отправился к Шамилю, который в то время находился в Дарго. На просьбу о выдаче ему крестьян Шамиль ответил Дударову категорическим отказом: «Ты хотя и называешься мусульманином, – заявил Шамиль, – но как служишь и приказания исполняешь российского правительства, а не своих единоверцев, а также брат твой, назрановский пристав (Темурко Дударов. – *А.Х.*) и другие родные очень преданы русским, и делаеи приверженцам моим притеснения, то ваши крестьяне никогда не могут быть возвращены и это шариатом не возбраняется»²⁵.

Неоднократные попытки Шамиля привлечь под знамена гавата горцев Центрального Кавказа, в том числе и осетин, каждый раз терпели поражение. Мюридизм не нашел опоры в Осетии.

Одним из самых трагических итогов многолетней Кавказской войны было переселение части горцев-мусульман в Турцию.

Периодизация и особенности переселения требуют глубокого и детального исследования. При этом необходимо учитывать специфику этого процесса в различных регионах Кавказа.

Переселение осетин также имело свои особенности.

Первое незначительное переселение части осетин-мусульман произошло в 1859 г. Из Осетии переселились, главным образом, семьи алдаров и баделят – Тугановы, Абисаловы и другие. Возглавил первую партию переселенцев дигорский феодал Абисалов²⁶.

Второе переселение части мусульманского населения из Осетии относится к 1860 г. Главным организатором переселения был куртатинский феодал Ахмет Цаликов. В числе переселенцев находилась семья Дудара Канукова, отца будущего поэта Инала Канукова, которому тогда было всего 9 лет. В том же 1860 г. семья Кануковых вместе с 90 другими семьями, разочаровавшись в «прелестях» жизни в Турции, вернулась в Осетию. В 1859–1860 гг. осетин-мусульман в Турцию переселилось, по

приблизительным данным, не более 300–350 дворов. Позднее, в начале 1870-х годов, Инал Кануков в своем очерке «Горцы-переселенцы» поведал о тяжелом положении переселенцев-мухаджиров в Турции. Он писал – горцы-мусульмане «знают только, что существует где-то в мире страна, называемая Стамбулом, и что в том Стамбуле живут такие же мусульмане, как и они сами; они стремятся туда так безотчетно потому, что обольщены ложными слухами, что им там (в Турции) будет хорошо и лучше даже, чем на старой Родине. Но, увы! ... Какое разочарование постигло этих поистине несчастных переселенцев и сколько раз слышались слова проклятий на голову тех, которые их увлекли, когда трудности дороги и действительности в Турции представляли им воочию и раскрыли им глаза...»²⁷.

Новое переселение горцев Центрального Кавказа в Турцию последовало в 1865 г. Переселенцев насчитывалось до 5 тыс. семейств, основной их контингент составляли чеченцы. Организатор и идеолог переселения горцев-мусульман Мусса Кундухов надеялся увезти из Осетии не менее 100 семейств, но ему удалось сагитировать только 45 семей.

Из Осетии выехали в Турцию главным образом, недовольные предстоящей крестьянской реформой алдары и баделята – Кундуховы, Мамсуровы, Тхостовы, Есеновы, Кануковы, Алда-товы и другие. Этот факт стал еще одним свидетельством того, что в Осетии доминирующей была пророссийская ориентация, туркофильские взгляды Кундухова не имели широкой поддержки даже у мусульманского населения Осетии, не говоря уже о ее христианской части, составлявшей три четверти населения Осетии²⁸. В Турции осетины-переселенцы были поселены в основном вокруг Карса, на российско-турецкой границе. По некоторым данным, к началу XX в. в пяти вилайетах (провинциях) Турции насчитывалось до 15 осетинских селений с общим числом населения примерно в 3,5 тыс. человек²⁹.

Э.С.Андреевский, служивший на Кавказе при наместнике князе М.С.Воронцове, как автор интереснейших «Записок», оценивая ситуацию, создавшуюся на Кавказе в связи с переселением горцев в Турцию, также обратил внимание на то, что среди переселенцев было невелико число соотечественников

Муссы Кундухова – главного вдохновителя переселения. Он писал: «Переселение это объемлет теперь пять тысяч семейств, из этих 5 тыс. семейств едва ли найдется тысяча, которые говорят языком Кундухова, принадлежащего к очень незначительному осетинскому племени». О переселении осетин в Турцию Э. С. Андреевский далее писал: «Утрата осетинских племен для нас, по моему мнению, большая потеря. Осетины – народ смысленный, трудолюбивый, доступный образованию на европейский лад. Осетины хорошие хозяева...

Осетины никогда не были мусульманами-фанатиками. Они скорее оказывали склонность к христианскому вероисповеданию, чтили древние христианские храмы, уважали крест... жаль, что черкесов переселили, жаль будет, если переселят чеченцев, но переселение осетинских племен, которое едва ли имелось в виду и при самых смелых политических соображениях, будет для нас (России. – А.Х.) совершенным несчастьем. Когда началось, оно не приостановится на одних дигорцах, тагаурцах, назрановцах, ингушах и каракалпаках, но может захватить и осетин южного поката... Тогда взятки будут гладки, и мы образуем огромную пустошь между Россией и Закавказьем; Закавказье отделится материально своими интересами, теряет свое преобладающее значение, приобретенное во время русского владычества, и начнет поглядывать в сторону»³⁰.

В ходе Крымской кампании осетины не только не поддержали Шамиля, пытавшегося координировать свои действия с турецкими войсками, но принимали активное участие в военных действиях в составе Горско-Моздокского, 1 и 2 Владикавказских и других полков и подразделений³¹. О массовом, без преувеличения, участии осетин в военных действиях свидетельствует и огромное количество награжденных за участие в Крымской войне милиционеров-добровольцев.

В самые трудные и ответственные для Российского государства периоды осетины никогда не изменяли сделанному раз и навсегда политическому выбору, с честью демонстрировали лучшие качества, присущие всему народу, – рыцарскую верность, преданность долгу, бесстрашие и самоотверженную храбрость.

-
- ¹ В середине 70-х годов XIX в. в Северной Осетии функционировали 21 мужская и женская школы, с общим количеством учащихся 570 человек. Для сравнения укажем, что первые сельские школы в Кабарде открылись в 1870-х годах, в 1875 г. их было только три; в Чечне первая светская школа была открыта в 1893 г. в крепости Грозной, а в Карачае и Черкесии первые светские школы открылись в 1878 г.: *Магомедов В.Д.* Роль передовой русской интеллигенции в просвещении и развитии культуры среди горцев Северного Кавказа во второй половине XIX в. // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 59.
- ² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 47. Л. 2об.
- ³ Там же. Л. 4.
- ⁴ Там же. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 109. Л. 268, 271.
- ⁵ Там же. Л. 79.
- ⁶ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 695. Далее: АКАК.
- ⁷ Материалы по истории осетинского народа: сб. док. по истории завоевания Осетии русским царизмом. Орджоникидзе, 1942. Т. 2. С. 133.
- ⁸ Подъесаул Тускаев. Дело 3 марта 1843 г. под гор. Моздоком // Терские ведомости. 1910. 28 июля (№ 162). С. 3. По сведениям же З.Сосиева кабардинцы не просто отступили, а перешли на сторону «хищников»: *Сосиев З.* Станица Черноярская // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 40.
- ⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 19. Л. 168.
- ¹⁰ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 34. Л. 42об.
- ¹¹ Там же. Л. 34.
- ¹² АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 582.
- ¹³ ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 23. Л. 165.
- ¹⁴ Материалы по истории осетинского народа. Т. 2. С. 139.
- ¹⁵ Там же. С. 149–150.
- ¹⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 47. Л. 148.
- ¹⁷ Там же. Д. 67. Л. 57.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 15. Д. 553. Л. 2; Материалы по истории осетинского народа. Т. 2. С. 236.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 15. Д. 553. Л. 3.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 5.
- ²³ Там же. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Л. 7.

- ²⁵ Там же. Л. 7об.
- ²⁶ *Тотоев М. С.* К вопросу об общественно-политическом и культурном состоянии Осетии в 30–40 гг. XIX в. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1948. Т. 13, вып. 1. С. 28.
- ²⁷ *Кануков И.Д.* Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1874. Вып. 9. С. 110.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1136. Л. 10.
- ²⁹ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 175.
- ³⁰ *Андреевский Э.С.* Записки Э.С.Андреевского. Одесса, 1914. Т. 2. С. 41.
- ³¹ *Тотоев М. С.* Осетинский народ в борьбе против движения мюридизма и Шамиля // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1954. Т. 16. С. 64.

ЗАЛОЖНИКИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Заложниками Кавказской войны были, практически, все ее участники. Разной была степень влияния войны на судьбы людей. Одни получали награды, почести, славу, а жизнь других сопровождалась голодом, лишениями, потерей имущества, близких. Кроме того, война привела к массовому исходу население Кавказа.

В отечественной историографии до сих пор без должного внимания остается определенная часть населения Кавказа, биографии многих людей неразрывно связаны с Кавказской войной. Это категория людей, которых отлучали от родины по разным причинам: одни попадали в аманаты, другие – в плен, а в дальнейшем оказывались в крепостных арестантских ротах, расположенных, как правило, далеко от Кавказа; ссылали в Сибирь и другие регионы Российской империи.

Что касается аманатов, т.е. заложников, выдаваемых для обеспечения соблюдения договора, то в период Кавказской войны это явление носило массовый характер. Число аманатов, выдаваемых горцами, зависело от степени покорности обществ или отдельных родов¹.

Так, 27 сентября 1839 г., командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант П.Грабе в донесении командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Е.Головину отмечал, что «аманаты бывают только те полезны, которые берутся от деревень покорных по назначению правительства и из фамилий, более известных своим влиянием и преданностью, а не те, которых высылают они по собственному выбору».

Наличие аманатов не всегда приводило кавказские общества к безусловной покорности. Горские народы, несмотря на выдачу аманатов, вновь и вновь оказывали неповиновение. Поэтому командующий левым флангом Кавказской линии гене-

рал-майор А.Пулло предлагал в октябре 1839 г. более суровые меры: «Обращение наше с аманатами азиатских деревень <...> так снисходительно, что жители нимало не заботятся об участи своих аманатов, будучи уверены, что со временем, приобретя нашу благосклонность, аманаты их останутся неприкосновенными. Хотя аманаты изменнических деревень бывают сосланы в Сибирь или отдаваемы в вольную службу, но как это сопряжено с большою проволочкою времени, то часто случается, что деревня между тем опять покоряется, и остается за теми же аманатами. Чтобы предать более значимости аманатам и связать тем более народ со своею клятвою, полагаю необходимым принять за правило при вторичном покорении не оставлять село за прежними аманатами, а брать новых, представляя тех в совершенное распоряжение начальства».

Изначально аманаты содержались в крепостях кавказских. Но во время военных экспедиций бывало, что значительная масса населения попадала в плен. Этих людей также использовали в качестве аманатов, ссылали в удаленные от Кавказа крепости.

Из биографий таких пленных, которых в документах часто называли военнопленными, также прослеживается история взаимоотношений России и Кавказа.

Так, в 1842 г. были взяты в качестве аманатов «за измену их общества во время возмущения Шамиля» двое сыновей Андреевского жителя Тавлинца Амира Ахматова Магомет Султан Махмутов и Юсуп Магомет-оглы (он же Курухмаев). Они были отправлены в г. Новочеркасск, а оттуда в крепость Кронштадт².

Из отношения Кронштадтского коменданта начальнику штаба генерал-инспектора по инженерной части от 6 марта 1851 г. следует, что один из арестантов Магомет Султан Махмутов, по неспособности к крепостным работам, был отправлен 25 сентября 1848 г. в С.-Петербургское губернское правление для помещения его в приказе общественного призрения, что касается второго арестанта, то в марте 1851 г. получено высочайшее соизволение о возвращении его, Юсупа Магомет-оглы, на родину³.

Следует сказать, что процесс возвращения ссыльных горцев на родину, как правило, инициировало кавказское начальство, в зависимости от ситуации и к окончанию срока заключения.

Из отношения Рижского генерал-губернатора к генерал-инспектору по инженерной части от 3 января 1853 г. следует, что находившийся в военно-рабочей № 5 полуроте рядовой, кавказский горец Маргуст Темботов (он же Мангут Теленгутов) еще в декабре 1851 г. обращался к нему, генерал-губернатору, с просьбой об исходатайствовании возвращения его на родину, ссылаясь на то, что его отец, мирный житель Кавказского края Темирзео Темботов, дал «тамошнему начальству», т.е. начальнику Штаба войск Кавказского корпуса, обещание выкупить, за возвращение его сына, двух русских, взятых в плен горцами.

Сам же Маргуст Темботов был взят в плен русскими войсками во Владикавказском округе «с оружием в руках» и отправлен в 1844 г. в Новочеркасск, оттуда переправлен в Рижские арестантские роты, из которых в 1850 г., по высочайшему повелению, определен в военно-рабочую № 5 полуроту.

На момент переписки о возвращении на родину Маргуста Темботова, отца его уже не было в живых, но, как выяснилось, он действительно обращался к кавказскому начальству по поводу возвращения своего сына, только о «выкупе солдата ничего не упоминал». Тем не менее, родственник Темботова Казак-Кичинский старшина Алик Цугов изъявил желание «вывести из плена одного русского» в обмен на Маргуста Темботова. Эта история закончилась благополучно. Кавказское начальство сочло «возможным возвратить Темботова на родину, так как он был сослан за маловажное преступление». В июле 1853 г. отправлен по этапу в Штаб войск Кавказской линии и Черномории расположенных⁴.

Черкеевский житель Акай Магома-оглы (он же Магома Алакай) был захвачен в плен в числе других 12 человек экспедиционным отрядом, бывшим под командованием генерал-майора Ф.К.Клюки фон Клугенау, при движении к р. Сулаку 28 и 29 августа 1840 г. В сентябре он сослан в Новочеркасск, а

оттуда, 31 января 1842 г., отправлен в Киевские арестантские роты, но в марте 1843 г., при переводе вместе с другими арестантами в Севастопольские арестантские роты, Акай Магомаоглы совершил побег, был пойман и возвращен в Севастополь «для поступления с ним за означенный побег по законам»⁵.

Из отношения Севастопольского коменданта начальнику штаба генерал-инспектора по инженерной части от 6 апреля 1854 г. следует, что арестант Магома Алакай «за старостью и неспособностью к крепостным работам 8 мая 1850 г. исключен из Севастопольских арестантских рот и отправлен в Таврическое губернское правление»⁶. О дальнейшей судьбе М.Алакая в документах не упомянуто. Скорее всего, он не дожидаясь получения высочайшего соизволения на возвращение на родину.

В переписке, состоявшейся между Департаментом военных поселений, начальником Штаба генерал-инспектора инженерной части, коменданта Кронштадтской крепости (28 августа 1853 г. – 19 февраля 1854 г.), речь идет о возвращении на родину чеченцев Уса Умарова и Елихан Ахарашева, находившихся с 1852 г. в Кронштадтской крепости, так как готовился обмен на российских военнопленных, находившихся у горцев. Как следует из документов, арестованный Ахарашев, по неспособности к крепостным работам был определен в Херсонскую арестантскую богадельню 19 февраля 1853 г., но при следовании из Кронштадта в Херсонскую арестантскую богадельню умер во 2-м Военно-сухопутном госпитале 29 апреля 1853 г.⁷

Что касается Усы Умарова, то его возвращению на родину не встречалось никаких препятствий. Как следует из отношения Кронштадтского коменданта начальнику Штаба генерал-инспектора по инженерной части от 19 февраля 1854 г., он отправлен к командиру С.-Петербургского внутреннего батальона для пересылки его оттуда в Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных для дальнейшего следования на Кавказ, в крепость Грозную, для обмена⁸.

Еще об одной истории, которая завершилась благополучно, узнаем из отношения Департамента военных поселений начальнику Штаба генерал-инспектора по инженерной части от 17 июня 1853 г., по вопросу о возвращении на родину узденя

Б. Кабарды Адамея Карданова. Узден Карданов был пойман тогда, когда он, совершив «побег в 1847 г. в Чечню», пришел «с товарищами в Назраноское укрепление на злодеяния». С разрешения Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцовым в марте 1848 г. был «сослан навсегда» в Киевские арестантские роты⁹.

В июле 1853 г. комендант Киевский крепости писал начальнику Штаба генерал-инспектора по инженерной части, что уздень Адамей Карданов, со дня зачисления в Киевские арестантские роты ведет себя хорошо, и ни в каких предосудительных поступках не замечен, а потому не встречается препятствий к возвращению его на родину¹⁰. В августе 1853 г., согласно ходатайству главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом дано высочайшее соизволение о возвращении Карданова на Кавказ, и сделано соответствующее распоряжение Киевскому коменданту об отправлении его в Ставрополь, в Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных¹¹.

С формулировкой «за сношения с непокорными горцами и подозрительное поведение» М.С.Воронцовым в июне 1852 г. сослан в арестантские роты крепости Ревель, сроком на 15 лет, чеченец Новоюртовской деревни Сута Мирза Арсланбеков. Но вскоре последовало ходатайство М. С. Воронцова о возвращении Арсланбекова на родину, хотя к тому времени (т.е. к январю 1853 г.) Арсланбеков еще не поступил в Ревельскую арестантскую крепость¹². Арсланбеков прибыл в крепость 13 апреля, а 14-го передан командиру Ревельского внутреннего гарнизонного батальона для отправления в Ставрополь – в Штаб войск Кавказской линии и в Черномории.

Причина, по которой так быстро последовало ходатайство кавказского начальства на возвращение Арсланбекова на Кавказ, – это намеченный обмен на него двух пленных штабс-капитанов¹³.

Следующая история связана с чеченцем Тагель Умаровым (он же Тали Умаров), взятом в качестве аманата, вместе с другими заложниками, за измену своего общества. В 1841 г. сослан в Новочеркасск, а оттуда, под именем Тали Умаров, отправлен в арестантские роты в Ригу в декабре 1851 г.

Вследствие поступившего ходатайства от главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом М.С.Воронцова (1851 г.) о возвращении Умарова на родину, «если не встречается каких-либо препятствий к этому», выяснилось, что чеченец Умаров никогда в Рижской арестантскую роту не поступал¹⁴.

Эта история не разрешилась до конца, но выявила еще одного арестанта, биография которого вызывает сочувствие. Речь идет об арестанте Шамиле Омар-оглы, который поступил в числе 7 горцев-аманатов в 1842 г. в Рижскую арестантскую роту. Полагали, что он является Тали Умаровым.

Из отношения Рижского коменданта начальнику Штаба генерал-инспектора по инженерной части от 5 августа 1851 г. следует, что рядовой из горцев Шамиль Омар-оглы, поступивший 13 мая 1846 г. в Рижскую инвалидную команду из Рижского полубатальона военных кантонистов, ранее жил в ауле Черкее. Ему было 13 лет, когда в одно утро, на расстоянии 10-ти верст от аула, во время пастьбы овец, был захвачен в плен вместе с другими сельчанами в количестве 13 человек. Причем он не совершил никаких преступлений, тем не менее, был отправлен в арестантские роты, где и находился под своим именем. Тагель или Тали Умаровым никогда не назывался и никого под таким именем не знал¹⁵.

В переписке Департамента военных поселений, начальника Штаба генерал-инспектора по инженерной части и Аландского коменданта, состоявшейся с 30 июня 1851 г. по 6 марта 1854 г. по вопросу о возвращении на родину Гумбетовского общества Муссы Батуз-оглы, описана совершенно другая история и имеет печальный исход. Мусса Батуз-оглы был взят аманатом во время военных действий в Аварии в 1837 г., сослан на Аландские острова в 1839 г. Семья его, в 1841 г., вышла из гор, поселилась в Мехтулинском ханстве, и как сказано в документе, «отличается с тех пор хорошим поведением и преданностью правительству». Впоследствии один из сыновей ссыльного Гурра Магома Мусса-оглы был зачислен всадником во 2-ю сотню Дагестанского конного полка, служил отлично, усердно и вел себя весьма хорошо. Он и вся семья просили о возвращении

Муссы Батуз-оглы из ссылки. Из этой же переписки выясняется, что Мусса Батуз-оглы поступил не на Аланды, а в Кинбурнские арестантские роты под именем Муртузали Гаджиев-оглы и умер в ноябре 1844 г.¹⁶

Арестант Кронштадтской крепости Махку Дзи-оглы, пробивший 10-летний срок в крепостной работе, не может быть возвращен на родину в деревню Губден. Как следует из отношения Кронштадтского коменданта начальнику Штаба генерал-инспектора по инженерной части от 26 мая 1853 г., «эта деревня неоднократно в последнее время предавалась беспорядкам, и поэтому сего арестанта полагает кавказское начальство оставить в России еще не менее 5 лет»¹⁷.

Из статейного списка Махки Дзи-оглы, составленного на 1853 г., следует, что ему 43 года. За ранение казака 49-го Донского казачьего полка, по конфирмации командира Отдельного Кавказского корпуса наказан шпицрутенами через 500 человек два раза, с отсылкою в Кронштадтские арестантские роты. На родине осталась у него жена¹⁸.

Следует отметить, что статейные списки, которые должны были составляться на каждого арестанта, содержат информацию биографического характера: возраст, вероисповедание, семейное положение, грамотность; причину ареста, срок наказания, характеристика, полученная во время нахождения в арестантских ротах, и т.д.

Среди ссыльных были и те, кто совершал тяжкие преступления. Так, 16 декабря 1847 г. во Владикавказском округе были пойманы непокорные галашевцы Инал Долтокиев и Горчихан Эльбурзуков «с оружием в руках», которые подозревались в убийстве 2-х солдат. В качестве военнопленных были отправлены в крепость Аланд 7 февраля 1849 г., но Инал Долтокиев умер по дороге в Московском пересыльном замке 14 мая того же года. Горчихан Эльбурзуков зачислен в арестантскую роту в Кронштадте, где 1 сентября 1851 г. умер в местном лазарете¹⁹.

При кажущейся схожести биографий вышеназванных арестантов, а таких историй – тысячи, на самом деле мы видим, что они совершенно разные и отражают непростое время, си-

туации, которые были неизбежны (кроме разбоев, разумеется) в той политической реалии.

В плен и в ссылки попадали по-разному. Одно дело, когда убийца, которому никакой закон не писан, другое дело – человек, оказавшийся на пути экспедиционного отряда, да еще «с оружием в руках». Что касается формулировки «с оружием в руках» по отношению к горцам Кавказа, то она воспринимается немного странно, т.к. оружие являлось во все времена атрибутом национальной одежды горца. Трагичной оставалась судьба аманатов, среди которых были и малолетние дети. Безусловно, такого рода документы, раскрывающие биографии людей, порой трагические, дополняют наши познания, возможно, открывают и еще нераскрытые страницы Кавказской войны.

¹ Об аманатах см. подробно: *Цвижба Л.И.* Аманаты // Шамиль: иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 128–130.

² РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1698. Л. 1–1об.

³ Там же. Л. 3об., 5–5об.

⁴ Там же. Л. 1–2, 10–11, 13–14.

⁵ Там же. Л. 42–42об., 44–44 об.

⁶ Там же. Л. 46–46 об.

⁷ Там же. Л. 33–41об.

⁸ Там же. Л. 41–41об.

⁹ Там же. Л. 21–21об.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 25–25об., 26.

¹² Там же. Л. 1–1 об., 4–4об.

¹³ Там же. Л. 5–8об.

¹⁴ Там же. Д. 1322. Л. 5–5об., 7.

¹⁵ Там же. Л. 10–12об.

¹⁶ Там же. Л. 14–21.

¹⁷ Там же. Д. 1699. Л. 19–19об.

¹⁸ Там же. Л. 20–21.

¹⁹ Там же. Д. 1323. Л. 1–3, 4.

ИТОГИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В ДАГЕСТАНЕ И ЧЕЧНЕ В XIX в.

Доклад посвящен подведению внутренних итогов Кавказской войны на ее Северо-Восточной территории – там, где располагался эпицентр самой войны. Выбор темы диктовался несколькими соображениями. По сей день в историографии существуют серьезные разночтения по поводу итогов глубокой реформации, которой Шамиль подверг социальный и духовный уклад «вольных» обществ Северо-Восточного Кавказа. Стоит сразу заметить, сами по себе итоги войны – как внешние, так и внутренние – строго зависимы от концепции, коей привержен тот или иной автор, пишущий о Кавказской войне. Известно, например, что в российской официально-охранительной историографии главным следствием войны считалось «победоносное покорение» горцев Большого Кавказа. Но даже в то далекое от нас время в России были государственные деятели, по-своему оценивавшие природу Кавказской войны и видевшие подлинную суть ее итогов. Так, высокообразованный русский генерал Е.А.Головин «войну Шамиля» рассматривал в контексте событий на Аравийском полуострове в VII в., деятельность имама горцев сопоставлял с миссией пророка Мухаммеда. Не менее прозорлив и аналитичен по поводу итогов Кавказской войны был великий русский дипломат А.М.Горчаков. Он призывал А.И.Барятинского не ставить Шамиля в положение «военнопленного», а заключить с ним мир. Горчаков также просил фельдмаршала войти к императору Александру II с предложением о назначении Шамиля управляющим Дагестанской областью. Несомненно, что два письма дипломата, присланные в адрес Барятинского, свидетельствуют о глубококом понимании Горчаковым прогрессивности реформ Шамиля не только для горцев, но и для России. В этом не сомневался и сам имам-реформатор, своими преобразованиями

сближавший горцев с Россией. «Русские должны мне спасибо сказать», – подчеркивал Шамиль.

В 1936 г. И.Сталин дал Кавказской войне собственное определение, назвав ее «национально-освободительным движением горцев». В самом начале 50-х годов XX в. он поручил первому секретарю ЦК компартии Азербайджана М.Багирову кардинально пересмотреть оценку Кавказской войны и представить ее как реакционное движение. Таким образом, Шамиль и его Революция были надолго выведены из области науки и перенесены в сферу политических дискуссий. В результате Кавказская война стала устойчивым идеологическим «инструментарием», порождающим политический экстремизм и русофобию. Столь далекие от науки страсти, к сожалению, не утихают до наших дней.

В современной литературе заметно и другое – во имя реализации собственных амбиций отдельные авторы насकोком, непрофессионально берутся за «исследование» Кавказской войны и, как правило, демонстрируют свое незнание предмета. Например, профессор В.Дегоев в монографии о Шамиле*, очевидно, желая показать своего героя в разных ипостасях, называет его «пророком», «жрецом», «мирянником» и пр., хотя понятно, что имам ни в одном из этих «качеств» не был и по определению не мог состоять. Когда же вполне образованный профессор выводит шариат из суфизма и расценивает его как «незатейливую» часть ислама, становится ясным – между Кавказской войной и Дегоевым существует глухая стена, надежно закрывшая существо ее предмета от автора. Поясню суть: шариат состоит из двух основополагающих источников – Корана и Сунны. Добавлю, Коран и Сунна, т.е. шариат, являлись тем фундаментом, на котором покоилась Великая Революция Шамиля.

Пример Дегоева, однако, замечателен тем, что заблуждение относительно шариата – ключевой стороны Кавказской войны, привело его к столь же игриво-риторичному, сколь и легкомысленному выводу по итогам реформации Шамиля: «Жизнь победила Революцию». Дегоев пишет: «И тем достойнее вос-

* Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. 371 с.

хищения “блестящая неудача” Шамиля, который осмелился пойти против воли и законов истории». Вместо комментария скажу только одно: «блестящая неудача» – красивая фраза, скорее относящаяся не к Революции Шамиля, но к монографии Дегоева.

На самом деле Кавказская война ознаменовала и окончание общественно-исторической стадии военно-демократической организации жизни горцев, подвергшейся коренной социальной перестройке. Традиции «чифдом» продолжали сохранять лишь тайпы Чечни, не успевшие преодолеть военно-эгалитарную стадию общества.

Важнейшей стороной социальной перестройки, происходившей в период Кавказской войны, являлась ее детерминированность универсальным законом, действующим при переходе от эгалитарности к иерархической стратифицированности. Как известно, такой переход независимо от пространности географических границ, в которых он совершается, в силу своей внутренней масштабности связан с глубокими потрясениями – нередко глобальными: разрушение родоплеменных обществ на Аравийском полуострове стало одним из классических примеров перерастания локальных событий в мировые.

Этой коренной перестройке соответствовали идеологические установки, сформированные революционной стихией. Для объединения племен и племенных союзов и преодоления их разрозненности пророку Мухаммеду в свое время понадобилось основать новую религию и создать первую общину мусульман. По той же логике в XIX в. действовал и Магомет Ярагский – основатель кавказского мюридизма. Единое учение о мюридизме было призвано, прежде всего, объединить горские племена – вместо племенных и этнических различий горцам предлагалась религиозная общность.

Следует подчеркнуть: несмотря на свое тесное единство с сохранившейся в горном Дагестане исламской традицией, кавказский мюридизм стоит рассматривать как оригинальную систему религиозно-идеологических установок, вплотную связанных с конкретными задачами социальной реорганизации «вольных» обществ Дагестана.

Иная конфессиональная обстановка к началу Кавказской войны складывалась в Чечне. Наряду с господством языческих верований здесь в виде религиозных влияний извне были распространены также ислам и христианство. Движение шейха Мансура, с которым порой ошибочно связывают начало кавказского мюридизма, зиждилось всего лишь на двух установках – призыве к «войне с Россией» и отказе от «христианства». Этих двух установок оказалось совсем недостаточно, чтобы послужить основой для столь непростой системы религиозного учения, каковой являлся кавказский мюридизм.

Системное изучение всего сюжета Кавказской войны как целостной исторической материи приводит к выводу: мюридизм, в свое время выдвинувший лозунг войны с Россией, сводился не только и не столько к этой политической доктрине. Периодически, в зависимости от конкретной обстановки, лидеры и участники войны отходили от противостояния с Россией и занимались проблемами революционного переустройства своих обществ.

Идеология мюридизма – составная часть Кавказской войны. Она производна, прежде всего, от внутреннего общественного устройства горцев и революционной перестройки их традиционного социального уклада. Именно с этим было связано объявление тотальной борьбы с адатом – по существу единственным правовым регулятором общественных отношений горцев; запрет на применение обычного права и введение вместо него шариата – ключевые установки кавказского мюридизма – вели к радикальному разрыву с родовыми устоями и переходу к новой социальной организации общества.

Не менее важно и другое: идеология кавказского мюридизма, как в целом и сама Кавказская война, – это далеко не застывшие, догматические установки, а «живой организм», сложный и быстро реагирующий на политико-духовные запросы и предрасположенный к развитию и обогащению новыми идеями. Так, если на начальных этапах Кавказской войны (при Кази-мулле и Гамзат-беке) мюридизм ограничивался ориентацией своих последователей на решение трех задач – войны с Россией, овладения Аварским ханством и установления шариата

та, то позже Шамиль в ходе набравшей силу горской *Революции* внес существенные изменения в его (кавказского мюридизма) установки. Революционные преобразования, как и войну за установление шариатской организации общества, он поверял событиями на Аравийском полуострове и историческим опытом пророка Мухаммеда. В новой трактовке мюридизма был снят лозунг войны с Россией. Желая сосредоточить свою деятельность на внутренних преобразованиях, Шамиль приостановил также набеги в сторону российских границ и предложил заключение мира.

Духовная деятельность Шамиля, как и его преобразования, основывалась на Сунне – жизненном опыте пророка. Речь шла при этом не только о наборе форм общественных преобразований, но и соблюдении той четкой последовательности, которой придерживался в подобной деятельности сам пророк. Еще до возникновения имамата Шамиль приступил к реформированию горского общественного быта. Особое внимание он уделял искоренению наиболее архаичных (родоплеменных) устоев общественной нравственности и укреплению семейно-брачных отношений. Шамиль выдвинул также задачу развертывания на Северо-Восточном Кавказе идеологии мухаджирства. В этом он, с одной стороны, следовал пророку Мухаммеду, с другой – видел более прочные основания будущей государственности. Мухаджирство – не только добровольное, но и насильственное – Шамиль рассматривал как наиболее эффективное средство преодоления племенной и этнической разобщенности, господствовавшей на Северо-Восточном Кавказе.

Насыщая кавказский мюридизм «первозданными» Кораном и Сунной, Шамиль оставался чужд проявлениям исламского фундаментализма с его религиозным фанатизмом. Ему хорошо была известна религиозная терпимость пророка, творческий и созидательно-прагматический смысл шариатских установлений. Решая сложные проблемы внутреннего общественного устройства горцев Северо-Восточного Кавказа, Шамиль исходил из конкретной ситуации и нередко позволял себе отступления от предписаний Корана и Сунны. При этом Шамиль не-

однократно подчеркивал несовершенство шариатских правовых норм и преимущество «закона» над этими нормами.

Являясь сторонником классического ислама, в котором шариат применяется с точки зрения практической целесообразности, Шамиль располагал целостной концепцией типа создаваемой государственности. Однако он не шел дальше «имамата» и не думал переходить к такому типу государственности, как «халифат». Между тем, титул (имам) и название государства (имамат) вызвали ставшее традиционным в историографии представление о том, будто Шамиль стремился к созданию сугубо теократической государственности.

С этой оценкой, однако, глубоко расходился собственный взгляд Шамиля. Он намеренно отказался от роли предстоятеля на молитве и явно подчеркивал смысл понятия «имам» в значении «сан». Однако, как «духовное лицо», Шамиль сохранял за собой роль главного толкователя шариата, при этом имея в виду его светскую правовую систему. Этого было вполне достаточно, чтобы сохранить статус «имамата» в его изначальном смысле. Одновременно функции предстоятеля на молитве и духовного руководителя в имамате Шамиль предоставил Джемал-Эддину, которого он считал самым крупным в Дагестане знатоком ислама.

Светский характер государственной власти, вводимой Шамилем в имамате, довольно четко проявился в его социальной политике. Поставив перед собой задачу выращивания «свежего сословия» – в нем он надеялся найти опору своей власти, Шамиль сделал ставку на мюридов, наибов и муртазек, имевших в имамате сугубо светские обязанности. Что касается духовной знати, которой принадлежала немалая роль в идеологическом обосновании Кавказской войны, то на этапе строительства государственности ее положение было сведено до выполнения рутинной работы – религиозной обрядности в мечетях. Этим определялось также материальное состояние духовенства.

Исламские эгалитарные идеи, свойственные социальной политике Шамиля, дали советским историкам повод писать о том, будто движению горцев «под руководством Шамиля» был свойствен «антифеодальный характер». На самом деле внутренние преобразования имама, направленные на обновление обществен-

ного устройства, четко наметили магистральный путь к «классическому» феодализму. «Свежее сословие», выращиваемое им, было призвано стать феодально-господствующим классом. Заботы о нем Шамиль проявлял не только при строительстве имамата, но и позже: в Калуге он рекомендовал Петербургу широко привлекать лучшую часть его бывших наибов к политической и административной деятельности. Шамиль также считал, что российское правительство должно распространить законодательство о дворянстве и на феодальную знать Дагестана, при этом имея в виду только «свежее сословие», формировавшееся в имамате. Такой позиции «бывший имам» придерживался, несмотря на то, что рассматривал наибова как главных виновников распада имамата.

Распад имамата и последовавшие за ним военное поражение и пленение Шамиля создают чисто внешнее впечатление безрезультатности Кавказской войны.

По степени своей незаурядности в истории становления цивилизации на Большом Кавказе Шамиль предстает уникальным явлением. Масштабность этой фигуры связана, прежде всего, с его личным вкладом в закономерное течение мировой истории. Преодолевая жесткую традиционность горского быта и консервативность общественных отношений, продвигаясь через человеческие трагедии и исторические драмы, Шамиль прокладывал путь к более современной, цивилизованной организации общества. Вместо «рабства своего прошлого», обрекавшего «вольные» общества на окостенелость человеческого бытия, вместо «дикости» и всеобщей первозданной «демократичности», при которой «одаренные люди почти не имеют возможности заменить изжившие себя традиции новыми установлениями», из-за чего «наиспособнейший человек тащится за слабейшим и глупейшим...», «потому что последний не может подняться, а первый может упасть», Шамиль привел горские общества в состояние «естественного неравенства» и таким образом взорвал господствовавший на Большом Кавказе «монотонный ландшафт» общественной жизни. Он покончил с «лживой видимостью равенства», главенствовавшей среди горцев, дал импульс созидательным общественным силам к движению, продемонстрировал собственным примером, как «сосредоточение высшей власти в руках» незаурядного «человека дает ему

возможность за время своей жизни провести такие преобразования, которые не смогли осуществить целые предшествующие поколения». Среди этих преобразований – тот «осиновый кол», который был вбит в сердце эпохи (когда племенами управляли «нерешительные, раздираемые внутренними противоречиями советы старейшин») и тем самым осуществился переход к новому политическому строю, в котором власть достается «одному сильному и решительному человеку». По оценке Дж.Фрэзера, крупнейшего английского этнолога, преобразования, подобные тем, что проводил имам Шамиль, следует рассматривать как «первые большие шаги в направлении цивилизации». В качестве примера ученый указывал на классические формы перехода к цивилизации у вавилонян, греков, римлян и арабов.

Не все, однако, что предопределялось исторической миссией, выпавшей на долю Шамиля, удалось осуществить. Слишком сложной для него оказалась чеченская проблема. Решая ее насильственными средствами, он не заметил, что отставание Чечни от «вольных» обществ Дагестана в общественных процессах (тейповость) ставило его перед необходимостью отвести для ее трансформации гораздо больше времени. Здесь, в Чечне, еще предстояло усилить тукхумные союзы, и только после (и на основе) этого становилось возможным «естественное» формирование государственной структуры. Впрочем, несомненными являлись и открывшиеся в ходе Кавказской войны перспективы решения чеченской проблемы. Но постоянное военное давление России на имамат со стороны, главным образом, Чечни сковывало реформаторские усилия Шамиля, направленные на преобразования в чеченском обществе.

В пределах горных районов Дагестана и большей части Чечни Шамиль реализовал исторически детерминированные процессы становления ранней феодальной государственности. Что же касается его попыток овладеть всем Северным Кавказом, то они не могли иметь успеха не только потому, что на пути Шамиля стояли российские войска, но и по другой причине: на Северном Кавказе уже имелись сложившиеся феодальные общества, способные оказать сопротивление ополчениям вождя горцев.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ XIX в.

26 августа 1859 г. произошло событие знаменательное и для России, и для многих народов Северного Кавказа. В дагестанском ауле Гуниб был пленен легендарный герой кавказской войны имам Шамиль. Таким образом, завершилось покорение Россией северо-восточного Кавказа, и быстрыми темпами шло покорение островков кавказской вольницы в его западной части. Многотысячные потоки эмигрантов потянулись в Турцию и арабские вилайаты. Многие из горцев, эмигрировавших в Турцию в XIX в., а также и те, кто перебрался в европейские страны в ходе гражданской войны в начале XX в., продолжали бережно хранить предания об участии своих предков в шамилевских подвигах.

В 1938 г. издававшийся в Париже эмигрантский журнал «Кавказ» сообщал, что в одном из музеев Владикавказа (а именно – «Ворошиловском») продолжает сохраняться автограф имама Шамиля, «представляющий из себя сухой лист чинары», на котором черной тушью написано арабской графикой почеченски следующее: «Наибу Талхику. Предлагаю тебе завтра быть на условленном месте, где я тебе дам надлежащий ответ. Имам Шамиль». Корреспондент «Кавказа» завершал это сообщение заверением, что «Документ этот сохраняется хорошо, листок почти не поврежден, надпись вполне разборчива»¹.

Работая над книгой по истории ислама в Северной Осетии* и найдя эту информацию, я пыталась выяснить в первую очередь – существовал ли во Владикавказе ворошиловский музей. Ответ был однозначным: такого музея в городе не было. В книге я написала: «Думается, что многое в этом сообщении является вымышленным, прежде всего – сама легенда листка чина-

* *Емельянова Н.М.* Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003.

ры, продолжавшего почти век хранить надпись, сделанную Шамилем. Но предания об имама, даже спустя сто лет, были избраны для консолидации находящихся в эмиграции осетин, кабардинцев, чеченцев и представителей других народов Кавказа».

Через полгода после того, как была издана книга, автору удалось найти этот удивительный раритет. Лист имама Шамиля был обнаружен в фонде 77 – «Имам Шамиль: Руководитель восстания горцев на Кавказе» Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве. Желтый осенний лист размером 8 × 5 см в музее атрибутирован как «лист груши». Как он попал в хранилища музея? В одной из своих статей директор музея Н.А.Охонько писал: «Необычный раритет бережно хранится в краеведческом музее. История его находки и поступления в музей еще во многом загадочна...»². Высказывалось предположение, что это – экспонат из фондов музея, собранных Г.Н.Прозрителевым в начале XX в.

Что касается сообщения о «Ворошиловском» музее – то эта история оказалась наиболее ясной: город Ставрополь был переименован и с 1930 по 1943 г. носил имя Ворошиловск. Но все же, откуда попал в музей лист Имама, почему в корреспонденции из Парижа говорится о городе Владикавказе? В инвентарной книге № 2 Ворошиловского краевого музея краеведения за 1938 г. мы обнаружили запись о поступлении «сухого листа груши с надписью рукой Шамиля» из Музея северокавказских народов в городе Ростове-на-Дону.

Вышеуказанный музей был организован по инициативе Северокавказского краевого исполнительного комитета в 1926 г. В этом году Музейным отделом Главнауки в Москве было принято решение об открытии в Ростове-на-Дону Центрального общегорского музея, в основу которого положить все коллекции Государственного Донского музея, ликвидировав последний. Таким образом, Донской музей, образованный в 1907 г. сначала как городской, а в 1920 г. переименованный в Донской, прекратил свое существование. Но, скорее всего, ин-

тересующий нас экспонат первоначально хранился все же не в Ростове-на-Дону.

Вновь организованному Музею северокавказских народов была направлена партия музейных экспонатов из Центрального хранилища Государственного музейного фонда – картины, коллекция ценного кавказского оружия и библиотека из 2 тыс. книг по истории Кавказа. Получив все эти экспонаты, Северокавказский крайисполком на заседании Малого президиума 7 мая 1926 г. принимает решение о целесообразности слияния с Донским музеем Владикавказского горского музея. Основная цель членам президиума видится в том, чтобы во вновь созданном музее «преобладала линия по изучению культуры горских народов»³. Вот здесь-то и прослеживается цепочка отождествления в парижской корреспонденции двух музеев – «ворошиловского» и «владикавказского».

Судьба Музея горских народов была весьма печальна. Начатое с таким энтузиазмом дело довольно быстро заглохло. И десяти лет не прошло, как в результате районирования, Северный Кавказ был разделен на самостоятельные Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края. Ростов-на-Дону отошел к Азово-Черноморскому краю. И очень быстро изучение и сохранение культуры горских народов перестало интересовать чиновников, поскольку формально музей теперь должен был относиться к ведению другого региона. Собранные ранее с таким трудом уникальные коллекции оказались в сиротских условиях – они не только не были нужны властям, но и создавали лишнее беспокойство. Ростовский горсовет пытался как можно скорее избавиться от ненужных теперь коллекций. Отдельные энтузиасты музейного дела обращались с жалобами по разным инстанциям, но их голос почти не был слышен. В 1936 г. музейные работники решили написать письмо в центральную газету «Правда». В нем они, в частности, указывали: «...музей продолжает находиться в невыносимых условиях: потолки рушатся, полы гниют, ценные экспонаты портятся от дождей и постоянной сырости... Музей горских народов, находясь между двумя краями, находится в положении беспризорного и стоит на краю гибели»⁴.

В декабре 1936 г. вопрос о перевозе коллекций наконец-то был решен – их согласился принять Ворошиловский краеведческий музей. 23 декабря в опломбированном вагоне уникальные экспонаты были доставлены в Ставрополь⁵. Через несколько лет этот город подвергнется нашествию фашистов и немецкой оккупации. Часть коллекций, переданная Краеведческим музеем в Музей по антирелигиозной работе, в ходе Великой Отечественной войны исчезнет бесследно. Остается только удивляться, как маленький лист имама Шамиля сумел уцелеть среди всех жизненных бурь и невзгод. Десятки лет он продолжал лежать под кипами бумаг и фотографий, храня свою тайну.

Очередной вопрос, который возник при изучении этой истории, таков: при практически абсолютной идентичности опубликованного парижским изданием перевода надписи с листа, почему же по-разному атрибутируется материал, на котором сделана сама надпись? Из Ростова экспонат пришел в Ставрополь как «лист груши». Но корреспондент «Кавказа» называет его «листом чинары». Как известно, чинар – это дерево из рода платановых, широко распространен в Северной Америке и Восточном Средиземноморье. На Кавказе платан культивировался и встречается в одичалом виде, но не является коренной породой. Его листья, кленообразной формы, совершенно не похожи на овальные листья груши. Автору удалось установить, что на Северном Кавказе чинарой называют бук⁶. Это – одна из самых обычных пород Кавказа, восточный ареал которой ограничивается Чечней, а западный – Ставропольским краем. В середине XX в. бук занимал до 25% всей лесной площади Кавказа, а в середине XIX, по-видимому, еще больше. Мощные высокие деревья, срок жизни которых мог превышать 300 лет, по размеру в диаметре иногда достигали более метра. На Кавказе древесину бука использовали в строительстве, для выделки деревянной посуды, из них мастерили ружейные ложки. Легко поддающаяся колке древесина использовалась для топки – она хорошо горит, а уголь долго держит жар. А еще деревья бука дают обильные урожаи вкусных орешков, называемых в народе «чинариками». Их не только ели поджаренными, но и настаивали, приготавливая таким образом напиток

наподобие кофе. Из «чинариков» давили масло (его в ядре семени более 30%) и зачастую использовали в лампах для освещения⁷.

При сравнении формы листа музейного экспоната и листьев бука восточного из гербария коллекции отдела природы музея стало ясно, что прав был корреспондент эмигрантского издания: письмо написано на листе кавказского бука, или чинары. Значит, корреспондент был хорошо знаком с местными реалиями. И это подтверждает, что он, скорее всего, житель Северного Кавказа. Судя по тому, что он был в некоторой степени осведомлен о факте перемещения листа из коллекции (о чем свидетельствует ссылка на «ворошиловский музей во Владикавказе»), можно было сделать вывод, что он либо недавно покинул родину, либо имел постоянные контакты со своими земляками в СССР.

Ни в одной из книг о письмах имама Шамиля не упоминался факт письма на листьях деревьев. В 1997 г. дагестанские ученые издали наиболее полное собрание писем Имама, в котором отмечали, что большинство из них писалось на бумаге фабричного производства, нередко – на клочках, размер которых был предельно мал (от 10×15 до 3×5 см)⁸.

Чем же было написано письмо? Мы провели эксперимент и установили, что для письма на листе бука подходят самые обычные чернила. Даже современным гелевым стержнем можно не только писать, но и рисовать прямо на свежих сорванных листьях. За несколько часов лист высыхает, а с ним и надпись, которая становится мало заметной; чтобы прочесть ее, нужно поднести лист к источнику света – надпись хорошо читается на просвет. Значит, лист отлично скрывает тайнопись. При возникновении опасности его можно в любой момент уничтожить – просто смять и выбросить.

Зная все это, можно представить себе картину передачи письма гонцами по цепочке преданных Иمامу людей. От одного аула к другому скакали на лошадях или шли пешком разные люди. Скорее всего, они не знали арабского языка, и даже не знали конечного адресата. Они просто должны были передать лист, а в случае если бы их остановил русский патруль, то

на такую малоприметную улику, скорее всего, просто не обратили бы внимание.

По какому случаю было написано это необычное письмо? В нем Шамиль обращается к одному из наибов, связанных с ним родственными узами⁹. Вызывает сомнение точность перевода. «Наибу Талхику. Предлагаю тебе завтра быть на условленном месте, где я тебе дам надлежащий ответ. Имам Шамиль». Первая его часть переведена почти дословно, она хорошо сохранилась и легко прочитывается: *الي نايب لخيرك كن غدا الي مكان المعلوم عندك*. Дословный перевод: «К наибу Талхику. Будь завтра на месте, которое тебе известно». А дальше несколько слов, которые написаны так, что их трудно прочитать. Наиболее близким по виду нам пока кажется: *حربنا عديا جديد*, что можно перевести как «мы совершим новое нападение на врагов». На наш взгляд, именно эти три слова в письме несут смысловую нагрузку. В письме не соблюдены правила арабской грамматики, но может быть тот, кто писал его, торопился и спешил передать в нескольких словах основной смысл приближающегося события?

Далее надпись, которая сохранилась четко и читается легко: *هذا من امام شمويل* – «Это от имама Шамиля». Какова точная дата написания письма? На этот вопрос трудно ответить. На кончике письма в скобках просматриваются цифры 1 и 2, но дальше в этом месте лист поврежден. Да и вряд ли здесь был бы указан год – скорее всего, день и месяц. Может быть, письмо к Талхику написано незадолго до пленения Шамиля.

В 1859 г. путь Шамиля лежал по городам и весям в далекую Калугу, где он стал почетным, но все же пленником русского царя. Дорогой, редкой и долгожданной гордой птицей в золоченой клетке. Шамиль, грозный противник русских в горах Кавказа, уже принимал от своих врагов выплату пожизненной пенсии, с горьким юмором расписываясь в получении денег «дряхлый старец Шамиль».

Клонила на закат не только жизнь, но целая эпоха в истории Кавказа и России. Но имам Шамиль не остался навсегда заключенным в России. Трижды в течение десяти лет он просил царя отпустить его в хадж, и на третий раз (в 1869 г.) полу-

чил согласие. Совершением хаджа – одного из столпов ислама, он завершил свой земной путь. Имам Шамиль умер в феврале 1871 г. в святом для всех мусульман городе Медине и был похоронен на кладбище Джаннат аль-Бакия, рядом со сподвижниками пророка Мухаммада¹⁰.

Возможно, лист долго и бережно сохранялся как семейная реликвия его единомышленниками на Кавказе – тем же гонцом, который, быть может, даже не успел доставить его по назначению. И так письмо могло лежать в старой шкатулке несколько десятков лет, а когда Северный Кавказ захлестнул вихрь русских революций, то потомки передали осенний лист в один из музеев. Сегодня мы можем сказать только одно, что осенний лист чинары немного приоткрыл завесу тайны, являясь уникальным материальным свидетельством своей эпохи.

¹ Кавказ = Le Caucase: орган независимой национальной мысли. Paris, 1938. Май (№ 5/53). С. 39.

² *Охонько Н.* Грозный пленник // Ставропольская правда. 1990. 12 января.

³ Методический отчет о работе краеведческого музея Северокавказских народов за истекший год – с 1. 04. 1927 по 1. 04. 1928 г. // Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей. Ф. 37 «Северокавказский музей горских народов имени большевика Мусы Кундухова». Д. 3. Л. 5.

⁴ Копия письма в газету «Правда» // Там же. Л. 15–16.

⁵ Акт сдачи имущества Краевого музея горских народов // Там же. Ф. 37. Ед. хр. 8.

⁶ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1978. Т. 29.

⁷ *Гроссгейм А.А.* Растительные ресурсы Кавказа. Издание АН Азербайджанской ССР. Баку, 1946. С. 11, 52, 294, 402.

⁸ 100 писем Шамиля. // Памятники письменности Дагестана. Махачкала, 1997. Вып. 1. С. 16, 17.

⁹ Талхик, наиб Аргунский, выдал свою дочь за сына Шамиля Джамалуддина, когда тот вернулся на родину, проведя долгие годы в плену у русских.

¹⁰ Шамиль: иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 182.

М.А.ПОЛИЕВКТОВ КАК КАВКАЗОВЕД

Михаил Александрович Полиевктов (1872–1942) – представитель петербургской исторической школы, ученик С.Ф.Платонова и Г.В.Форстена, стоял у истоков российского кавказоведения. Первоначально сферой интересов историка была история международных отношений XVIII в. В ней он приобрел значительный авторитет, знакомя научную общественность не только с русскими архивными документами, но и регулярно работая в европейских архивах. Его концепции дипломатической истории XVIII в. прочно заняли место среди достижений российской исторической науки начала XX в.

В 1911 г. Михаил Александрович женился на Русудане Николаевне Николадзе, дочери известного грузинского общественного деятеля Н.Я.Николадзе. Именно Русудана связала Полиевктова с грузинской культурой и общественной жизнью, а тесть подтолкнул к изучению истории русско-грузинских отношений. Н.Я.Николадзе предпринял попытку найти и опубликовать неизвестные документы русской дипломатической истории, касающиеся Грузии. Будучи непрофессиональным историком, он обратился за помощью к зятю, который специально для него провел изыскания в Петербургском государственном архиве Министерства иностранных дел. Поиски увенчались успехом, Полиевктов открыл значительный комплекс ранее неизвестных документов. Тогда в сферу его интересов вошла тема восточной политики России: «...восточная политика России и англо-русские отношения... для меня формулируется все отчетливее и отчетливее... Русско-грузинские отношения, конечно, должны будут занять в этих исследованиях самое видное место»¹. Так начались исследования Полиевктова как кавказоведа. Надо отметить, что история Кавказа традиционно оказывалась на периферии научных исследований, оста-

ваясь заслоненной историей России, Украины, Белоруссии, Литвы, Польши и т.д. В то же время силами местных специалистов существовавший пробел невозможно было заполнить из-за невысокого уровня подготовки местных историков.

Окончательный поворот к кавказоведению в творчестве историка происходит в послереволюционное время. Несмотря на активную научно-организационную работу в Петрограде, Полиевктов в 1920 г. перебирается в Грузию, в Тифлис. Причиной этому стала все большая бытовая неустроенность в северной столице и неустойчивое положение «старой интеллигенции» в революционную эпоху. По воспоминаниям ученика Полиевктова, Н.С.Штакельберга, его переезд напоминал скорее бегство, когда он кружными путями через Киев добрался до Тифлиса². С этого времени заканчивается петербургский период его жизни и начинается тифлисский.

При переезде, конечно же, помогли родственные связи жены. В Тифлисе историк получил работу в Тифлисском университете, при этом не потеряв связи с петербургскими и московскими коллегами. В письме С.Б.Веселовскому Полиевктов писал: «Здесь историк-грузиноведы встретили меня с распростертыми объятиями»³. Значительный интерес вызвала тематика исследовательской работы ученого – история русско-кавказских отношений. Как писал историк в одном из писем: «Здесь ее (тему. – В.Т.) приняли с большим интересом»⁴. До Полиевктова проблема истории русско-кавказских взаимоотношений поднималась в документальных публикациях С.А.Белокурова, А.Цагарели и М.Броссе. Но в них рассматривались только древнейшие периоды, в то время как Полиевктов сосредоточился на истории XVI–XVII вв., когда отношения перешли на новый качественный уровень. Выбор темы оказался весьма удачен. В условиях того беспокойного времени это была одна из немногих возможностей ведения научной работы: «Помимо того, что в современных условиях и вообще особенно приходится ценить, когда удастся выполнить хоть какую-нибудь научную работу, я особенно буду рад, если мой скромный труд действительно окажется небесполезным для грузинской исторической науки и я смогу тем самым хоть немного

отблагодарить за тот прием, какой я неизменно встречал в течение 5 лет со стороны грузинского общества и, в частности, университета»⁵. Его тесть, Н.Я.Пайчидзе, видел в этой теме большую социально-политическую важность. В своем письме к историку он писал: «Я очень рад, что ты берешься за пересмотр и новое издание материалов для истории сношений России с Кавказом... Это предметы, требующие наибольшей популяризации, потому что из правильного изучения вековечности и естественности этих сношений может, наконец, выработаться правильность взаимных отношений»⁶.

В дальнейшем в работах Полиевктова тема русско-кавказских отношений получила многоаспектную окраску: он рассматривал и вопросы внешней политики, и вопросы экономического сотрудничества, и культурные связи народов. Не остались вне поля зрения исследователя и проблемы научных взаимодействий⁷. Влившись в грузинскую профессионально-историческую среду, Полиевктвов принимал активное участие в работе «Грузинского общества истории и этнографии» и «Грузинского географического общества».

Несмотря на хороший прием, жизнь историка в Тифлисе была полна трудностей. В 1924 г. закрыли Факультет общественных наук местного Политехнического техникума, где работал Полиевктвов. Это существенно подорвало его финансовое благосостояние: «Мои академические дела (не считая работы) обстоят посредственно. За закрытием ФОНа в здешнем Политехникуме у меня остался только университет, что за всеми вычетами дает около 70 рублей. Кое-как на это можно было бы перебиться... Но еще долги, и потому приходится изворачиваться»⁸. Для подработки историк устроился в государственный архив Грузии, где проработал с 1924 по 1934 г. Тема материальной нужды еще неоднократно всплывет в письмах ученого.

Тем не менее, материальные трудности не помешали закончить документальную публикацию, посвященную московским посольствам на Кавказ в середине XVII в.⁹ Для создания полной картины русско-кавказских отношений периода, где в центре внимания оказались взаимоотношения с Грузией, историк провел многочисленные архивные изыскания. Им впервые

были введены в научный оборот архивные материалы Посольского приказа. Новые документы позволили полнее и по-иному взглянуть на проблему.

Систематические дипломатические связи между раздробленной Грузией и недавно объединенным Московским царством историк относил к концу XVI в. В указанное время грузинские земли встали перед угрозой захвата либо со стороны Османской империи, либо Иранского царства. Инициатива сближения с Россией исходила от кахетинского правителя Теймураза I. Но русско-грузинские отношения возникли не на пустом месте. По наблюдению автора: «Русская ориентация... не была чем-то новым: она имела за собою уже более чем столетнюю традицию»¹⁰. Со стороны России интерес к грузинским делам возник после того, как колонизационные и завоевательные процессы привели русское население к середине XVI в. на Северный Кавказ, сделав тем самым кавказский регион сферой интересов московского государства. С этого времени «кавказский вопрос начинает оригинально входить в систему внешней политики Москвы»¹¹. Но наметившееся сближение было прервано Смутным временем. Тем не менее, с восстановлением государственного порядка в Московском царстве, возвращается и интерес Москвы к кавказским территориям в целом и грузинским в частности. Более того, по мнению Полиевктова, «сам кавказский вопрос... получает более широкую и углубленную постановку»¹². По наблюдению историка, в XVII в. в русско-кавказских взаимоотношениях преобладает политическая подоплека, но уже в это время московское правительство начинало понимать, насколько большое значение может играть Кавказ в международной торговле. Подводя итоги, автор отмечает, что надежды кахетинских властей на помощь Москвы «далеко не оправдались», что привело к дальнейшему охлаждению в отношениях. Но именно в это время был заложен фундамент для дальнейших связей.

Планомерная работа над научно-историческими изысканиями историка была прервана «эхом “Академического дела”». В 1929–1930 гг. прошли аресты в Москве и Ленинграде по делу «Союза борьбы за освобождение русского народа», который

якобы возглавлял академик С.Ф.Платонов¹³. Среди арестованных было немало друзей и знакомых Полиевктова. Сам он, благодаря своей «удаленности» от основного места событий, не был арестован. Но насколько его положение было шатким, свидетельствует то, что в программной (можно даже сказать «погромной») брошюре Г.Зайделя и М.Цвибака, призванной идеологически обосновать гонения в исторической науке, Полиевктон был назван среди ближайших сотрудников Платонова¹⁴.

Несмотря на то, что Полиевктон не был арестован, «Академическое дело» наложила заметный отпечаток и на его научное творчество. Особенно показательным в этом смысле является небольшая монография, освещавшая русские экономические и политические разведки в грузинских землях¹⁵. Работа была посвящена рассмотрению основных тенденций и направлений изучения московскими путешественниками-разведчиками Кавказа, в ходе которого Грузия занимала центральное место: «Сношения с Грузией занимают очень видное место в общем цикле кавказских отношений Московского государства и постоянно переплетались с его отношениями с другими областями и странами Кавказа, а потому и разведочная работа Москвы на Кавказе обрисовывается по “грузинским делам” наиболее полно и отчетливо»¹⁶. В этой работе историк активно использовал риторику, свойственную работам школы Покровского. Так, интерес Московского государства к Кавказу он более жестко, чем раньше, связал с деятельностью «торгового капитала», ключевой категории в исторической концепции М.Н.Покровского. «Феодальное государство в условиях развивающегося денежного хозяйства и торгового капитала, в поисках колониальных рынков и в связанных с этими поисками устремлениях к освоению новых отдаленных территорий или к непосредственному расширению своих границ, никогда не идет вслепую. Москва, феодальное государство, в котором к XV в. развивается уже денежное хозяйство и начинает зарождаться торговый капитал, в этом отношении не представляет какого-либо исключения»¹⁷. Очевидно, что вкрапление широко распространенных концепционных идей современной ему со-

ветской исторической науки свидетельствует о стремлении автора вписаться в общий поток. Также очевидно, что это было вызвано атмосферой неопределенности и страха, царившей в среде «историков старой школы» после «Академического дела».

Несмотря на определенные уступки конъюнктуре, работа историка была написана на высоком научном уровне. В ней впервые анализировались взаимоотношения России и кавказских стран и народов с точки зрения тех первых впечатлений, которые приносились разведывательными посольствами.

Интерес к Кавказу со стороны России автор снова связывал с завершением колонизационных и завоевательных процессов Поволжья. Более того, в руках Москвы оказывается весь волжский путь, традиционно используемый для торговли с восточными странами. В этой связи Кавказ приобретает особое значение как стратегическое военно-торговое продолжение этого пути. В ходе анализа международной политической и экономической обстановки Полиевктов пришел к новаторскому выводу: «В московской внешней политике завязываются теперь два вопроса – балтийский и черноморско-кавказский (иначе – восточный), надолго определившие с этого времени почти все содержание этой политики»¹⁸. Концепция двух направлений внешней политики России теперь имеет общепризнанный статус в отечественной научно-исторической и учебной¹⁹ литературе.

Важным дополнением к анализу экономических и политических разведок стал вывод о том, что они имели кроме важного утилитарного значения и научную значимость. Тем самым именно разведки стали основой, первым этапом формирования русского кавказоведения²⁰.

Подводя итоги изучения проблемы, Полиевктов писал: «Уже в XVII в. Московское государство и московский торговый капитал тщательно готовили свое политическое и экономическое наступление на Кавказ, глубоко прощупывая все открывающиеся здесь и возможности, и трудности»²¹.

Значительным вкладом в кавказоведение стал справочник «Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу». В книге были собраны биобиблиографические статьи, посвящен-

ные всем на тот момент известным путешественникам, посетившим кавказские страны в средние века и новое время. В предисловии Полиевктов отмечал: «Надо учитывать еще и то, что всякое путешествие в чужие страны и сообщения о таком путешествии почти всегда, прямо или косвенно, есть определенный социально-политический заказ»²². Признавая это, автор-составитель рассматривал путешествия как составную часть политико-экономической экспансии великих держав на Кавказ. Активизацию внимания европейских государств к кавказскому региону историк связывал с развитием торговли в Европе начиная с XIII в. «Дальнейшее накопление в Европе торгового капитала приводит к тому, что в XIV и XV вв. европейская торговля принимает гораздо более широкий размах и устремляется на поиски далеких заморских рынков»²³. Значительный интерес вызывал прикаспийский рынок шелка.

Особое внимание кавказские страны привлекли к себе в XVIII–XIX вв., когда кавказская проблема тесно увязывалась с вопросом о будущем международном статусом Османской империи и Персии. Наиболее агрессивную позицию заняла Российская империя. По мнению исследователя, завоевание Закавказья рассматривалось русским царизмом как плацдарм для дальнейшего завоевания азиатских провинций Турции и Персии²⁴.

В указанных концепциях чувствуется определенное влияние установок советской историографии, выражающихся в выпячивании агрессивных устремлений Российской империи и ретушировании корыстной политики других европейских держав. Тем не менее, в общем и целом, нарисованная картина представляется адекватной историческим реалиям. Важное концептуальное значение имеет мысль Полиевктова о Кавказе как «некотором культурно-историческом целом»²⁵. Данный подход позволяет выделить Кавказ как особую культурно-историческую область, тем самым признав специфику ее исторического развития. Стоит также отметить, что данная книга до сих пор является единственным справочником, наиболее полно освещающим затронутую тему.

Заметным событием в советской исторической науке стала документальная публикация Полиевктова по русско-грузинским взаимоотношениям XVII в.²⁶ В ней впервые были обнародованы архивные документы Посольского приказа. Несмотря на высококачественную археографическую подготовку издания, в этой работе в концептуальном смысле также прослеживается следование официально принятым идеологическим установкам. Так, российскую политику в Грузии историк расценивает как «колониальную»²⁷. Безусловно, ученый и раньше не испытывал иллюзий по поводу деятельности России в кавказском регионе, но данная трактовка представляется сильно упрощенной, не в пример его предыдущим исследованиям. В предисловии к изданию автор утверждал: «...не зная почти трехсотлетней истории грузино-русских взаимоотношений, предшествовавших захвату русским царизмом Грузии, мы рискуем не понять многого и в истории колониальной политики русской империи в XIX–XX вв., не только в Грузии, но, пожалуй, и на всем Кавказе»²⁸. Кроме того, заостряются выводы, сделанные исследователем в предыдущих работах. Например, сближение с Кахетией рассматривается как «экспансия», которая, впрочем, потерпела крах²⁹. Вся московская политика, по мнению автора, нацеленная на вытеснение Турции и сохранение мира с Персией, оказалась неудачной. Тем не менее, именно в это время был заложен фундамент дальнейшему проникновению России на Кавказ. Причем кавказская политика стала «подготовкой к тому общему, определенно выраженному наступлению, какое с начала XVIII в. Российская империя поведет на Балтийское море»³⁰. Кавказ рассматривался историком как черноморский выход России на европейские рынки сбыта.

Последней работой ученого стала брошюра «Новые данные о московских художниках XVI–XVII вв. в Грузии». Автор связал деятельность московских художников в Грузии не только с чисто культовыми задачами, но и с политикой Московского царства: «Посылки мастеров церковного дела входила... в общую программу политики Москвы в Грузии... эти мастера не только экспортировались сюда из Москвы как рабочая сила, но и сами делали здесь иногда – конечно, на ролях мелких сошек, – московскую политику»³¹.

Полиевктов умер 21 декабря 1942 г., оставив значительное научно-литературное наследие. Исследования, посвященные русско-кавказским отношениям, составили золотой фонд как русской, так и грузинской исторической науки. Во многом в его работах впервые ставились те вопросы, которые определили развитие кавказоведения и грузиноведения на ближайшее время. Безусловно, многие проблемы трактовались в угоду требованиям времени, но научная ценность проведенных им исследований несомненна. Работы историка отличались фактографичностью и осторожностью выводов. С одной стороны, здесь проявился научный этос, свойственный петербургским исследователям, а с другой – надо помнить, что многие вопросы Полиевктовым затрагивались впервые, а это требовало тщательного предварительного анализа именно фактической стороны.

Биография историка является редким случаем адаптации ученого в другой научно-культурной среде. Многие направления изучения кавказской истории получили разностороннее освещение в его работах. Подводя итоги рассмотрению научного творчества Полиевктова, можно с полным правом подчеркнуть его роль в становлении и развитии российского кавказоведения.

¹ Цит. по: *Пайчадзе Г. Г.* К столетию со дня рождения М.А.Полиевктова // Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств. Тбилиси, 1973. Вып. 2. С. 222.

² *Штакельберг Н. Л.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In *тетогіам: исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка*. СПб., 1995. С. 35.

³ Письма М.А.Полиевктова С.Б.Веселовскому // Переписка С.Б.Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 239.

⁴ Архив Российской Академии Наук. Ф. 665. Оп. 1. Д. 443. Л. 1об. Далее: АРАН.

⁵ Письма М.А.Полиевктова С.Б.Веселовскому. С. 239.

⁶ Цит. по: *Пайчадзе Г.Г.* К столетию со дня рождения М.А.Полиевктова. С. 223.

⁷ Например: *Полиевктов М.А.* Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина (младшего) // Из-

- вестия Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1925. Т. 3.
- ⁸ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 443. Л. 4об.
- ⁹ *Полиевктов М. А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640–1643. Тифлис, 1928.
- ¹⁰ Там же. С. 14.
- ¹¹ Там же. С. 15.
- ¹² Там же. С. 16.
- ¹³ Подробнее см: Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова; СПб., 1999. Вып. 2: Дело по обвинению Е.В.Тарле; и другие публикации и исследования.
- ¹⁴ *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931. С. 6.
- ¹⁵ *Полиевктов М. А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.
- ¹⁶ Там же. С. 5.
- ¹⁷ Там же. С. 3.
- ¹⁸ Там же. С. 7.
- ¹⁹ Например: История России XIX – начала XX в.: учебник / под ред. В.А.Федорова. 3-е изд. М., 2002. С. 134–135.
- ²⁰ *Полиевктов М. А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. С. 5–54.
- ²¹ Там же. С. 52.
- ²² Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу / сост. М.А.Полиевктов. Тифлис, 1935. С. 2–3.
- ²³ Там же. С. 8.
- ²⁴ Там же. С. 12.
- ²⁵ Там же. С. 4.
- ²⁶ Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615–1640 / сост. М.А.Полиевктов. Тбилиси, 1937.
- ²⁷ Там же. С. I.
- ²⁸ Там же. С. IV.
- ²⁹ Там же. С. XVIII.
- ³⁰ Там же. С. XXII.
- ³¹ *Полиевктов М.А.* Новые данные о московских художниках XVI–XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941. С. 21.

УПРАВЛЕНИЕ ОСЕТИЕЙ В 30–50-е годы XIX в.

Вторая треть XIX в. – время укрепления и дальнейшего развития российских институтов управления в Осетии – является неотъемлемой частью реорганизации административного устройства на Кавказе в целом. В 30–50-е годы основной формой управления народами Центрального Кавказа, в том числе Осетией, стала приставская система. Ее тотальное введение в Осетии связано с деятельностью фельдмаршала И.Ф.Паскевича.

В 1829 г. окончание русско-турецкой войны и ожидавшееся возвращение войск позволили царскому правительству приступить к подчинению горцев полному административно-политическому контролю российских властей. Мирное утверждение здесь российской администрации правительство считало пройденным этапом. Военные операции должны были придать «большую прочность системе управления горскими народами»¹.

По указанию императора, в 1829 г. главнокомандующий Кавказским краем граф И.Ф.Паскевич разработал план «покорения горцев». Он предлагал провести несколько военных экспедиций: вначале осуществить экспедицию против лезгин и чеченцев в восточной части Кавказа, затем направить экспедиции в Абхазию, Осетию, Ингушетию, Кабарду и за р. Кубань². Однако нараставшее мюридистское движение в Дагестане и Чечне, волнения в Абхазии и среди закубанских горцев, а также задерживавшееся возвращение войск с турецкого фронта заставили царизм отказаться от больших экспедиционных маршей и наметить серию мелких карательных экспедиций³.

В 1830 г. две такие экспедиции были направлены в Осетию. Первая экспедиция во главе с П.Я.Ренненкампом отправлялась на южные склоны Главного Кавказского хребта, против

«осетин северной Карталинии», вторая, возглавляемая генерал-майором И.Н.Абхазовым, в горные районы северо-восточной части Осетии⁴. Фельдмаршал И.Ф.Паскевич-Эриванский так определил их цель: «Приведение сих народов к должному повиновению, учреждение между ними основания гражданского порядка ... и рассмотрение местных средств к обеспечению Военно-Грузинской дороги»⁵.

Военные действия в Южной Осетии начались 19 июня и продолжались меньше месяца. Итогом экспедиции П.Я.Ренненкампа стало установление здесь института приставства. До 1830 г. на территории юга Осетии, формально находившейся в составе Горийского уезда Грузии, отсутствовали органы управления, предназначенные специально для осетинских обществ. По приказу И.Ф.Паскевича осетинские села выделялись из Горийского уезда и образовывали «особое приставство»⁶. Учреждение жесткой военно-административной системы, по мнению главноуправляющего, должно было способствовать «усмирению жителей» и положить конец многочисленным восстаниям, вспыхивавшим на юге Осетии в течение последних трех десятилетий.

«Особое приставство» разделялось на четыре моуравства⁷ – приставства. В первое приставство вошли жители «Вцхе, Дзивы, Джавского, Кешельтского и других ущелий, расположенных вниз от сел. Джавы»⁸; во второе – села Коштинского, Джамагского, Рокского, Згубирского, Гвидинского, Чипранского, Тлийского и Герсевского ущелий; в третье – население Магладолетского, Келиантского, Бритаульского, Кногского и Малолиахвского ущелий до сел. Белоты; в четвертое – Джамурское ущелье⁹. Осетинскими приставами П.Я.Ренненкампа назначил грузинских дворян, знавших осетинский язык, – Заалу Бердзеева (Бердзенашвили), князя Гогию Павленова, Лаурсобы Пурцеладзе и Элизара Тулаева¹⁰. Несмотря на то, что осетинские села были выведены из Горийского уезда и составили отдельное приставство, все приставы, кроме Джамурского, находились в административном ведении Горийского окружного начальника. Джамурского пристава, Элизара Тулаева, кавказ-

ские власти сочли «более удобным» подчинить Главному приставу (управляющему) горских народов, живущих по Военно-Грузинской дороге, майору Чилиеву¹¹.

Стараясь предотвратить восстания осетинских крестьян в будущем, И.Ф.Паскевич решил ликвидировать главную их причину – феодальные притязания грузинских князей Мачабели и Эристави. Всех жителей юга Осетии главноуправляющий причислил к казенным крестьянам, объявив, что осетины никогда не находились во владении этих помещиков, и что последние предъявили свои права на осетинские села уже после утверждения российской власти в Грузии. Другим аргументом, выдвинутым И.Ф.Паскевичем, стал факт неподчинения осетинских крестьян князьям Мачабели и Эристави на момент проведения карательных действий П.Я.Ренненкампом¹². Отстаивая свою позицию, главноуправляющий обратился к Николаю I с просьбой – «высочайшим повелением» пресечь домогательства грузинских помещиков. «Удовлетворение их желаний, – подчеркивал он, – возбудит бесчисленное множество подобных же требований и правительство наше, кровью воинов и другими жертвованиями распространяя власть свою, не будет в состоянии приобрести малейшего участка земли, без того, чтобы на оный не явилось претендателя»¹³. Император поддержал И.Ф.Паскевича. Многочисленные жалобы князей Эристави сенаторам-ревизорам Е.И.Мечникову и П.И.Кутайсову, в которых они описывали произвол военных чиновников, пользовавшихся, по их словам, имуществом осетинских крестьян и взыскивавших с них оброк, ни к чему не привели.

Вторая экспедиция, возглавляемая И.Н.Абхазовым и направленная в ущелья северо-восточной части Осетии, также завершилась административными преобразованиями. В 1830 г. здесь, как и в Южной Осетии, учреждалась система приставства и, кроме того, Владикавказский инородный суд, открытый властями в 1828 г., реорганизовывался в окружной.

Для тагаурцев, куртатинцев назначался общий пристав. Его резиденцией стала крепость Владикавказ. По распоряжению князя И.Н.Абхазова эту должность занял хорунжий Константинов¹⁴. Царское правительство широко привлекало к управ-

ленческой деятельности социальные верхи Осетии. К приставу прикреплялись четыре помощника из местных феодалов. Так, под контролем подпоручика Эль-Мурзы Дударова находилось население Куртатинского ущелья, прапорщик Сафук Тулатов управлял тагаурцами, живущими в горах, Вара Тулатов – равнинными тагаурцами¹⁵. Однако не вся территория Северной Осетии состояла в управлении пристава Константинова и его помощников. Селами Алагирского ущелья, расположенными в глубине горной Осетии далеко от российских крепостей, управлял назначенный властями «управляющим» (приставом) «старшина» Натек Алдатов. Как и пристав Константинов, алагирский пристав состоял в ведении Владикавказского коменданта.

Приставам и помощникам пристава Константинова «для надлежащего руководства их по должностям»¹⁶ были разосланы «наставления», определявшие обязанности приставов и помощников.

В одном из наставлений излагались обязанности полицейского характера. Приставы и помощники осуществляли строгий надзор за тем, чтобы «никто ничего вредного не предпринимал», они же «принимали меры об исправлении и уничтожении беспорядков», доносили в вышестоящие инстанции «об ослушностях», вели следствие по уголовным делам¹⁷.

Пристав, кроме того, занимался на вверенной его надзору территории расквартированием проходивших войск, отводил для войсковых лошадей пастбища и сопровождал войска во время их передвижения до границы своего управления, следил за исправностью дорог и мостов.

Сбор податей, наложенных после экспедиции И.Н.Абхазова на население Осетии, поручался также приставу и его помощникам и накладывал на них ряд обязательств. Они же занимались сбором информации «о произведениях земли, о сбыте произведений, о хозяйстве... с показанием выгоды ежегодно от одного получаемых; о промыслах и других доходах», о ценах на хлеб и другие продукты питания, о случаях пожара и падежа скота и т.п. Подать, взимаемая в 1830 г. с населения и составлявшая «с дома» по одному барану, две курицы и восемь фун-

тов сыра, должна была переводиться в деньги и расходоваться на жалование чиновников, а точнее, на содержание установленного здесь управленческого аппарата.

Подати, собираемые приставами и их помощниками в Тагаурском, Куртатинском и Алагирском обществах Осетии, и вся информация о жителях поступали во Владикавказский окружной суд, которому они подчинялись.

Владикавказский окружной суд, как и ранее существовавший инородный суд, призван был заниматься дело- и судопроизводством осетин и обладал административной властью.

При реорганизации Владикавказского инородного суда, практически не приступившего к выполнению возложенных на него функций, в окружной царская администрация в корне изменила судебное разбирательство. Если ранее разбор дел осуществлялся согласно обычаям и традициям горских народов, то теперь предписывалось «в производстве дел и решении оных руководствоваться правилами и порядком, начертанными в Учреждении о губерниях для уездных судов»¹⁸. Использование общероссийского законодательства позволило рассматривать во Владикавказском суде не только гражданские дела, но и уголовные преступления.

Применение в судопроизводстве общероссийских законов не могло не привести к изменению состава суда. Участие в суде требовало специальной подготовки и знания законодательства. Поэтому в соответствии «с высочайше» утвержденным указом (от 1 апреля 1831 г.) «О штате Владикавказского окружного суда» в его состав теперь входили: председателем – владикавказский комендант, судьями – два гражданских чиновника, два «депутата от народа» с совещательными голосами и секретарь суда¹⁹. Как видим, представители от местного населения Осетии, обладавшие лишь совещательными голосами, практически не участвовали в вынесении приговора.

Так, впервые на Центральном Кавказе в судопроизводстве гражданских дел горских народов были применены законы России.

Учреждение в Осетии общероссийской судопроизводительной системы, однако, не являлось закономерным актом,

обусловленным историческим и административным развитием региона. Причины, вызвавшие полное переустройство суда на «российский манер», кроются, главным образом, в направленности общественно-политических взглядов главноуправляющего Кавказом графа И.Ф.Паскевича-Эриванского, в частности, в его отношении к административному развитию всего Кавказского края. 24 апреля 1830 г. в рапорте императору И.Ф.Паскевич доносил: «Везде учреждения временные; странная смесь российского образа правления с грузинским и мусульманским; нет единства ни в формах управления, ни в законах, ни в финансовой системе»²⁰. Лучшим средством устранения указанных недостатков в управлении И.Ф.Паскевич считал введение на всем Кавказе «российского образа управления и законов». В результате такого переустройства, по мнению фельдмаршала, «жители будут более сближаться с Россией» и «менее будут отчуждены от прочих частей государства»²¹.

И.Ф.Паскевич отрицательно относился и к системе военного управления. В том же рапорте императору фельдмаршал писал, что теперь, «когда победоносным оружием водворен мир и введению внутреннего устройства не препятствуют беспокойства внешние... лучшее время для введения гражданского устройства»²². Все это нашло свое отражение главным образом в системе судопроизводства Осетии, установленной после экспедиций 1830 г.

В начале 30-х годов XIX в. в Осетии завершился процесс становления российских административно-судебных учреждений. При этом особенностью административного развития Осетии стала ее расчлененность и подчинение различным управленческим структурам. Так, тагаурцы, куртатинцы, алагирцы и население равнинных сел оказались в ведении Владикавказского коменданта, жители Дигорского ущелья были объединены в одно управление с кабардинцами и подчинялись начальнику Центра Кавказской линии, а осетины, населявшие южные скаты Главного Кавказского хребта, вошли в состав Грузинской губернии. Такая раздробленность в управлении Осетией объяснялась географической обособленностью ее обществ друг от друга.

В 1834 г., с назначением на должность главноуправляющего барона Г.В.Розена, на повестку дня вновь выносится вопрос об упразднении гражданской администрации и установлении военного управления. Мотивируя свое предложение, Г.В.Розен ссылаясь не только на трудность соотносить гражданскую и военную администрацию, но и на расходы, связанные с их содержанием.

Одним из первых учреждений, которых коснулись преобразования Г.В.Розена, явился Владикавказский окружной суд. В 1836 г. власти сочли необходимым закрыть его как лишнюю административную инстанцию. На протяжении шестилетнего существования суда здесь было рассмотрено всего 18 дел, в том числе 12 уголовных²³. Аргументируя такое течение дел, барон Г.В.Розен подчеркивал невозможность осуществления судопроизводства среди горских народов по общероссийским законам; он писал, что «умы горцев не приуготовлены для прочного между ними гражданского устройства»²⁴.

С 1836 г. в Северной Осетии существовала лишь система приставства. Все приставы теперь находились в непосредственном подчинении коменданта Владикавказской крепости. Гражданские тяжбы решались на местах приставами и их помощниками «сообразно понятиям и обычаям горцев»²⁵, уголовные преступления осетин и ингушей передавались в военные суды²⁶.

С назначением на Кавказ барона Г.В.Розена изменилась политика российской администрации и в Южной Осетии. Г.В.Розен, как и его предшественники, признавая Осетию как целостную страну, был сторонником поддержки феодальных притязаний грузинских тавадов на юго-осетинское крестьянство. В 1837 г., пытаясь найти опору в грузинских феодальных верхах, он вернул осетинские села во владение князьям Эристави²⁷. Ту же политику в отношении грузинских помещиков на юге Осетии проводил и преемник Г.В.Розена генерал Е.А.Головин.

В 1838 г. Е.А.Головин, вступив в должность главноуправляющего Кавказским краем, с особым вниманием изучил приставскую систему в Южной Осетии. По мнению нового глав-

ноуправляющего, она требовала некоторой реорганизации. 22 июля 1838 г. Е.А.Головин направил военному министру А.И.Чернышеву рапорт, в котором излагал концепцию будущего административного устройства²⁸. При этом одним из главных в документе являлся пункт о целесообразности замены приставов грузинского происхождения на русских. О «неудобствах» системы управления, введенной в Осетии И.Ф.Паскевичем, писал военному министру еще Г.В.Розен. Тогда, как на «ощутительный недостаток», Г.В.Розен указывал на отдаленность Южной Осетии от «главного местного начальства» и на неисполнение приставами из грузинских князей и дворян, редко посещавших осетинские села и «не пользовавшихся доверенностью населения»²⁹, своих обязанностей.

С просьбой о замене грузинских приставов русскими чиновниками обращались в Тифлис и жители юга Осетии, оказавшиеся под двойным гнетом. Грузинские приставы, как и князья Мачабели и Эривани, считали подведомственные им села Осетии собственными вотчинами и не оставляли свои попытки обложить население податями. В рапорте министру А.И.Чернышеву Е.А.Головин предлагал вывести осетинских приставов из ведения горийского окружного начальника и земского суда и, учредив новую должность главного пристава, подчинить приставов ему. Вышестоящей инстанцией для главного пристава объявлялось грузинское губернское начальство.

В 1838 г. главным приставом юга Осетии был назначен капитан Васильев. Его резиденцией стало одно из осетинских сел. Как прежде окружному начальнику, капитану Васильеву подчинялись три частных пристава, четвертый – Джамурский пристав – оставался в ведении Управляющего горскими народами по Военно-Грузинской дороге³⁰.

В 1841 г. в ходе реформы, проводимой сенатором П.В.Ганном на Кавказе, Южная Осетия вновь вошла в состав Горийского уезда Грузино-Имеретинской губернии³¹. В соответствии с «Положением», разработанным П.В.Ганном, в осетинских ущельях учреждались участковые заседатели, а административным органам Осетии, как и всего Закавказского края, предписывалось руководствоваться общими законами империи, с

необходимыми «по местным обстоятельствам изменениями и дополнениями»³². Эффект от новой административной политики не заставил себя ждать. При первой попытке участкового заседателя князя Джавахова арестовать за проступок одного из жителей Нарского ущелья чиновник с угрозами был изгнан и долгое время не решался приезжать к нарцам³³.

В 1840–1841 г. Южную Осетию вновь охватили крестьянские волнения. В высших российских и кавказских органах власти основную вину за происшедшее возлагали на главного пристава майора Васильева и участкового заседателя Джавахова. По распоряжению военного министра А.И.Чернышева они отстранялись от службы; кроме того, назначалось расследование «поступков означенных лиц»³⁴. Результаты комиссии, занимавшейся изучением деятельности главного пристава и участкового заседателя, а также общий провал в Закавказье реформы П.В.Ганна убедили А.И.Чернышева в том, что причиной недовольства жителей Осетии стали не только действия чиновников, но и установленная здесь система управления. В 1842 г., прибыв на Кавказ и лично ознакомившись с ситуацией, сложившейся в военном и административно-гражданском отношении в Закавказском крае, А.И.Чернышев отдал приказ отделить всех закавказских горцев, в том числе и осетин, от уездного управления и образовать для них особые военные округа³⁵.

С 1844 г. на юге Осетии устанавливалось военно-окружное устройство. При этом приставская система сохранялась. Ее территория и участки, прилегавшие к Военно-Грузинской дороге в составе Грузино-Имеретинской губернии, образовывали два округа: Осетинский и Горский. Обязанности и пределы власти окружных начальников определялись в общих чертах специальной инструкцией³⁶. Начальнику Горского округа присваивалось звание Начальника горских народов с подчинением ему начальника Осетинского округа. Округи делились на участки, их возглавляли помощники окружных начальников.

В 1843–1845 г. военно-окружная система была учреждена в Северной Осетии. Ее окончательное оформление здесь относится к 1845 г., когда указом от 25 июня из части Центра Кав-

казской линии и Владикавказского комендантства образовался Владикавказский военный округ³⁷. Начальником округа Е.А.Головин назначил бывшего владикавказского коменданта генерал-майора П.П.Нестерова. Начальнику округа подчинялись четыре приставства: 1) приставство горских народов; 2) приставство алагирского и куртатинского народов; 3) назрановское приставство и 4) начальник Верхне-Сунженской линии³⁸. Пристав горских народов управлял осетинами – тагаурцами и ингушами – джерахами, цоринцами, кистинцами, малхинцами и галгаевцами. К алагирскому и куртатинскому приставству относились жители Осетии, населявшие Алагирское и Куртатинское ущелья³⁹.

В 1843 г. в ходе формирования Владикавказского округа и реорганизации Центра Кавказской линии Дигорское ущелье (дигорское приставство) на короткий срок было объединено в одно управление с остальной частью Северной Осетии. Однако в 1845 г. в связи с новыми преобразованиями на Кавказской линии дигорское приставство вновь передали в ведение начальника Центра Кавказской линии, занимавшегося вопросами Кабарды и Балкарии.

В начале 40-х годов XIX в. российские власти на Кавказе в своей деятельности не ограничивались поисками путей дальнейшего развития управленческого механизма. Серьезное значение кавказская администрация придавала процессу реализации общей программы по сбору сведений «об адате или суде по обычаям кавказских горцев»⁴⁰ и созданию письменных сборников адатов. К этому времени нормы обычного права признавались властями главным способом осуществления судопроизводства среди горских народов. В связи с этим командующий Кавказской линией генерал-лейтенант И.А.Гурко поручил генерал-майору П.П.Нестерову, поручику Магомеду Дударову и прапорщику Есенову организовать сбор адатов осетин во всех обществах Осетии. Первые тетради с записями адатов осетин, составленные капитаном Норденстренгом, были представлены командующему линией 31 марта 1844 г. К концу 40-х годов работа по сбору информации о нормах обычного права

тагаурского, куртатинского, алагирского и дигорского⁴¹ обществ завершилась⁴².

Успешное выполнение программы по изучению и сбору судебных норм горцев и учреждение окружного управления вызвали реорганизацию органов судопроизводства в Осетии. В 1847 г. для горских народов, входивших в округ, во Владикавказе восстанавливался суд для разбора дел осетин. Владикавказскому народному суду предписывалось осуществлять судопроизводство в соответствии с нормами обычного права горцев⁴³.

Кавказские власти приняли также решение учредить судебные органы в Дигорском обществе Осетии. 11 мая 1847 г. в дигорском пристастве по инициативе начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Хлюпина и «по беспрестанным жалобам дигорских старшин»⁴⁴ был открыт Дигорский народный суд. Установив суд самостоятельно, без одобрения начальства, генерал-майор Хлюпин обратился к командующему войсками Кавказской линии Н.С.Завадовскому с просьбой поддержать принятое им решение и ходатайствовать перед наместником Кавказским об учреждении Дигорского суда. Объясняя свои действия, генерал-майор Хлюпин ссылался на неспособность дигорского пристава единолично разбирать огромный поток жалоб «дигорских старшин на подвластных и сих последних на старшин»⁴⁵ и на неисполнение старшинами судебных решений пристава. Заручившись поддержкой Н.С.Завадовского, а позже и М.С.Воронцова, начальник Центра Кавказской линии поручил организацию работы суда и контроль за ним начальнику линии Военно-Грузинской дороги полковнику М.С.Ильинскому.

В состав Дигорского суда вошли выборные старшины и депутаты «от черного народа». Старшин в суде представляли штабс-капитан Ислам Каражаев, подпоручик Каламурза Туганов, Дударуко Кубатиев и Асламурза Абисалов, депутатов «от черного народа» – фарсаглаги – Гивис Цаголов, Дзиды Зокоев, Гивис Камболов и Тотрыко Айдаров. На судей возлагалось разбирательство и решение тяжб между «всеми классами дигорцев – старшинами, фарсаглагами, тумами и холопьями»⁴⁶ и

выдача билетов (паспортов) жителям для свободного проезда на Кавказскую линию. В правилах, составленных для Дигорского суда, содержался перечень возможных судебных дел: «споры, обиды, претензии, воровство скота, лошадей и прочего, обманы и ложные поступки со вредом другому, захваты чужого с насилием, ссоры и драки без обнажения оружия, оскорбления старшинам, фарсаглагам и тумам от холопов, превышающие меру домашнего исправления или между первых один другому»⁴⁷.

В своей работе суд должен был руководствоваться адатом дигорцев независимо от того, являются ли обе стороны местными жителями или же одна из них представлена «инородным» лицом. В разряд «инородных» попадали представители горских народов, в том числе и осетины, не проживавшие в дигорском приставстве. Дела казаков и русских с дигорцами подлежали разбирательству российской администрации по российскому законодательству. Посредником между истцом и ответчиком в этом случае выступал пристав.

Из ведения Дигорского суда извлекались также уголовные преступления: «а) убийство; б) измена; в) возмущение в народе; г) набеги, нападения и хищничества на границе линии, обнажение оружия в ссорах с причинением ран»⁴⁸. Они находились в юрисдикции военных судов и судились по общероссийским законам.

Кавказская администрация установила для суда письменное делопроизводство. Предполагалось, что каждое решение суда, жалобы и ход дел будут записываться в книгу на арабском, турецком или русском языках и подтверждаться печатью и подписями членов суда. Исполнение именно этого пункта правил вызвало у судей серьезные затруднения. 8 октября 1847 г. дигорские старшины докладывали новому начальнику Центра Кавказской линии полковнику Н.С.Беклемишеву (весной 1847 г. генерал Хлюпин умер от холеры), что направленный для управления дигорским народом войсковой старшина Гайтов, нуждается в помощнике, знающем «русскую грамоту», и что письменные дела, принятые Гайтовым от его предшественника хорунжего Романова и требующие исполнения, а также

поступающие от администрации письменные указания, лежат «без должного движения»⁴⁹.

Судьи признавались в незнании арабского, турецкого и русского письма и просили, чтобы присланный для пристава Гайтова помощник занялся и оформлением судебного журнала. У дигорских старшин на примете уже имелся кандидат на должность помощника пристава – поручик Владикавказского линейного казачьего полка Рейт. Однако начальник Центра линии счел более разумным назначить помощником пристава казака Кизлярского полка, осетина Ивана Карданова⁵⁰.

Кавказские власти, обозначив примерные правила деятельности суда, поручили дигорскому приставу, его помощнику и судьям разработать подробные правила для судопроизводства «на основании обрядов и обычаев дигорского народа». Составленные ими правила администрация намеревалась, внимательно изучив, утвердить. Пока же власти рекомендовали судьям за «маловажные дела», в том числе проступки зависимых крестьян перед владельцами, налагать небольшой штраф и давать возможность владельцам самим наказывать провинившихся «на основании обычаев, не взыскивая свыше меры преступления»⁵¹. Окончательное решение суд имел право принимать по тяжбам, стоимость которых не превышала 50 руб. серебром. В остальных случаях недовольная разбором суда сторона могла обратиться с апелляцией к начальнику линии Военно-Грузинской дороги. Дела «особой важности», а также вызывавшие «затруднения» у судей и начальника линии Военно-Грузинской дороги, последний передавал на рассмотрение начальника Центра Кавказской линии.

Решения в Дигорском суде принимались большинством голосов в присутствии пристава или его помощника. В тех случаях, когда пристав не соглашался с приговором судей, он налагал запрет на его исполнение и доносил об этом начальству.

В правилах Дигорскому суду отдельно выделялись дела, разбиравшиеся по шариату: «а) до веры и совести касающиеся; б) по несогласию мужей и жен; в) между родителями и детьми; г) не имеющие улики, нужных доказательств и письменных свидетельств»⁵². Для разбора этих дел в суд приглашался кадий.

Царская администрация строго следила за тем, чтобы шариатскому суду не подвергались христиане-дигорцы.

Особо оговаривались способы сбора свидетельских показаний. Свидетели в обязательном порядке приносили присягу в присутствии эфендиев или православного священника в зависимости от их вероисповедания, и лишь после присяги пристав и судьи могли приступать к опросу. Лица с сомнительной репутацией («ззорного поведения») лишались права выступать в роли свидетелей.

Все штрафы и денежные взыскания с виновных, присуждаемые судьями, хранились в суде и расходовались только с разрешения начальника Центра Кавказской линии. Генерал-майор Хлюпин, а позже полковник Беклемишев требовали предоставления квартальных отчетов о собранных суммах. Из них выплачивалось жалованье членам Дигорского суда, а оставшиеся деньги употреблялись «на общественные надобности»⁵³.

Кавказская администрация учреждала Дигорский суд «в виде опыта». Наместник М.С.Воронцов требовал докладывать ему о деятельности нового судебного органа постоянно. 16 марта 1849 г. начальник штаба войск Кавказской линии на запрос «о последствиях опыта» Дигорского народного суда рапортовал в Тифлис о преодолении судом трудностей, связанных с неисполнением в отдельных случаях его решений из-за разногласий между судьями. «Теперь, – доносил военный чиновник, – с общего согласия (дигорцев. – З.Б.) переменены некоторые судьи, которые в присутствии начальника Центра линии приведены к присяге, и должно надеяться, что дела будут решаться справедливо»⁵⁴. Начальник штаба и командующий Н.С.Завадовский заключали: «необходимо оставить этот суд в настоящем его положении впредь, пока не представится надобность в изменении»⁵⁵.

Отдельную группу административных учреждений, действовавших на территории Осетии, составили сословно-поземельные комитеты и комиссии. Их появление связано с переселением осетин на равнину и общественно-экономическими изменениями, вызванными этим процессом. Переселение на

равнину привело к образованию новой материально-технической базы для развития феодальных отношений. Земледелие заняло определяющее место в хозяйственной жизни осетин. Скованные малоземельем в горах, феодальные отношения получили на равнине возможность развиваться на благодатной производственной базе⁵⁶. В сложившихся условиях представители осетинского привилегированного сословия предпринимали все меры для юридического оформления своих прав и привилегий.

В 1846 г. тагаурские старшины обратились к наместнику М.С.Воронцову с просьбой о выдаче им актов на право потомственного владения землей и об утверждении их сословных прав⁵⁷. Решение вопроса требовало тщательного изучения общественных и поземельных отношений осетин. Именно этим и должен был заняться «Комитет для разбора прав разных сословий Тагаурского общества», учрежденный по инициативе кавказских властей. Главой Комитета М.С.Воронцов назначил начальника Владикавказского военного округа генерал-майора П.П.Нестерова. В его состав вошли главный пристав горских народов, командиры Горского и Владикавказского казачьих полков, полковник Казбек (Казбеги) и несколько кабардинских князей. 20 марта 1847 г. во Владикавказе состоялось официальное открытие Комитета. В 1848 г. его функции были расширены, кроме сбора материалов о сословиях и поземельном праве осетин, Комитету поручалось рассмотрение ходатайств осетин (жителей Владикавказского округа), достигших офицерских чинов, о предоставлении им «званий высших сословий»⁵⁸.

В течение двух лет Комитет во главе с П.П.Нестеровым подготовил Записку-проект, в котором авторы предлагали правительству пути преодоления земельных споров. В проекте Комитет отказывал осетинским феодалам в праве на владение равнинными землями, объявляя их «государственными». В качестве меры, регулировавшей социальные отношения на равнине, П.П.Нестеров называл раздельное поселение феодалов и фарсаглагов. Для обособленного расселения общинников предполагалось выделить земли из государственного фонда

или же выкупить их у кабардинского князя Бековича-Черкасского. В проекте предлагалось также удовлетворить словесные требования тагаурской знати. Одиннадцать знатных фамилий Тагаурии признавались в ранге высшего сословия⁵⁹. Эта часть проекта была утверждена наместником, и в начале 1848 г. власти обнародовали решение о признании принадлежности тагаурских алдар к высшему сословию. М.С.Воронцов, однако, отверг идею об обособленном поселении феодалов и фарсаглагов.

Итогом деятельности Комитета стала констатация им остроты межсословных конфликтов тагаурцев и указание на преждевременность принятия серьезных мер по урегулированию сословных и поземельных вопросов.

В 1849 г. Комитет для разбора прав разных сословий Тагаурского общества подвергся реорганизации. Новый Комитет должен был заняться «правами и преимуществами» сословий всех горских народов, населявших Владикавказский округ (главным образом осетин и малокабардинцев), а также определением и реализацией российской переселенческой политики – «состоит ли надобность выселить и куда именно часть населения округа, затем в каком именно качестве следует наделить земельных переселенцев»⁶⁰. Состав Комитета полностью менялся. Его председателем назначался генерал-майор барон И.А.Вревский, членами – начальник Владикавказского округа генерал-майор М.С.Ильинский, начальник Центра Кавказской линии полковник князь Г.Р.Эристов, офицер генерального штаба, топограф (для подробной съемки и размежевания земель), делопроизводитель из пехотных офицеров, переводчик осетинского и кабардинского языков и 12 депутатов от разных осетинских обществ и кабардинцев⁶¹. За период работы Комитета в нем обсуждался вопрос о сословных преимуществах осетинской знати и подготовлен проект о проведении размежевания земли в равнинной Тагаурии. В основе проекта лежал принцип, выдвинутый Комитетом П.П.Нестерова, – раздельное поселение и наделение землей феодалов и крестьян.

В 1852 г. наместник приказал закрыть Комитет. Причиной его закрытия называлось отсутствие возможности собирать

Комитет в полном составе. Обязанности всего Комитета передавались лично генерал-майору И.А.Вревскому; в его распоряжении временно «до окончания дел» оставались топограф и переводчик. Решение практических задач – «подробная съемка и межевание земель в Тагаурском обществе и другие межевые работы во Владикавказском округе и Малой Кабарде»⁶², осуществлял корпус топографов под руководством барона И.А.Вревского.

Такое положение дел сохранялось до 1857 г., до учреждения кавказскими властями нового органа – «Комитета для разбора личных и поземельных прав туземцев Левого крыла Кавказской линии» под председательством генерал-лейтенанта А.П.Грамотина. Ему поручалось разбирать поземельные споры в Осетии, завершить изучение сословных отношений осетин и продолжить деятельность по межеванию и наделению землей переселенцев на равнине. Ту же работу Комитету предстояло выполнить в остальных округах Левого крыла: Кабардинском, Кумыкском и Чеченском.

В 1858 г. Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев Левого крыла Кавказской линии был распущен как неоправдавший ожиданий кавказской администрации. Более «полезным» признавалось учреждение отдельных комитетов в каждом округе⁶³. В апреле 1859 г. такой Комитет для осетин открывался в Военно-Осетинском округе под председательством исполнявшего обязанности начальника округа полковника М.А.Кундухова. За короткое время Комитет собрал необходимые сведения для разъяснения сословных и поземельных прав осетин, привел в порядок дела по Осетии грамотинского Комитета и предоставил проект нового распределения равнинных земель с увеличением наделов для высшего сословия⁶⁴. Разногласия высших российских чиновников при обсуждении проекта привели к его отклонению; в октябре 1860 г. комитет был ликвидирован.

Дальнейшие изменения в административном развитии Осетии произошли в конце 50-х годов XIX в. На ее территории, как и на всем Северном Кавказе, учреждалась для горцев военно-народная система. Однако до упразднения Владикавказско-

го военного округа здесь продолжала сохраняться приставская система, а главным судебным органом для осетин оставался Владикавказский народный суд. В 1858 г. в ходе общей реорганизации административных учреждений на Кавказе суд и приставства в Осетии были упразднены.

-
- ¹ *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970. С. 349–350.
 - ² Там же. С. 350–351.
 - ³ РГИА. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.
 - ⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 353–354. Далее: АКАК.
 - ⁵ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб., 1891. Т. 3. С. 273.
 - ⁶ История Юго-Осетии в документах и материалах / сост. И.Н.Цховребов. Сталинир, 1960. С. 58–59.
 - ⁷ *Чудинов В.* Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. 13. С. 68.
 - ⁸ Там же.
 - ⁹ Там же.
 - ¹⁰ АКАК. Т. 7. № 304.
 - ¹¹ Там же. Тифлис, 1881. Т. 8. № 291.
 - ¹² Там же. Т. 7. С. 385.
 - ¹³ Там же. Т. 8. № 294.
 - ¹⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 16. Л. 4об.
 - ¹⁵ Там же. Л. 4об.–5.
 - ¹⁶ АКАК. Т. 7. С. 272–273.
 - ¹⁷ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 16. Л. 11–16.
 - ¹⁸ АКАК. Т. 7. С. 272–273.
 - ¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 6. С. 280. № 4474. Далее: ПСЗ II; РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 692. Л. 8.
 - ²⁰ *Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 180.
 - ²¹ Там же.
 - ²² Там же. С. 181.
 - ²³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 692. Л. 8.
 - ²⁴ Там же.
 - ²⁵ Там же. Л. 9.
 - ²⁶ Сохранилось дело об убийстве жителя «деревни Наваков» осетина Тепсура Золоева его родственниками, рассмотренное в военном суде в Ставрополе в 1839 г. Причиной убийства стал спор вокруг

участка пахотной земли, полученной братьями Бранацем, Тепсуром и Магометом Золоевыми после смерти их отца. На допросе подозреваемые в убийстве Бранац и Магомет Золоевы и их брат по матери Хамурза Кадиев рассказали, что Тепсур, недовольный разделом имущества, угрожал убить родственников, а затем бежал в с. Нар. Через пять лет, вернувшись в родное село, он возобновил свои угрозы, за что и был убит братьями. Судей поразил тот факт, что преступники «сами во всем сознались, нисколько не стесняясь». Нормы обычного права, по которым жили подсудимые, не предполагали серьезного наказания за содеянное. Вердикт судей, по мнению горцев, был неоправданно суров. Согласно Своду военных постановлений Российской империи, части I, ст. 106 и ст. 107, подсудимые Бранац Золоев и Хамурза Кадиев приговаривались к наказанию шпицрутенами через пятьсот человек по одному разу и ссылке в Сибирь на каторгу. Магомет Золоев как несовершеннолетний освобождался от телесного наказания и ссылался на каторжные работы сроком на 5 лет с дальнейшим поселением в Сибири (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 1339. Л. 1–2).

²⁷ АКАК. Т. 8. № 294.

²⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–6.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. Зоб.–4, 6.

³¹ Грузинская губерния была переименована в Грузино-Имеретинскую в 1837 г.

³² История Юго-Осетии в документах и материалах. С. 66–67.

³³ АКАК. Тифлис, 1884. Т. 9. № 629.

³⁴ История Юго-Осетии в документах и материалах. С. 67.

³⁵ ПСЗ II. Т. 17. № 16199.

³⁶ *Иваненко В. Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии и до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1901. С. 337.

³⁷ ПСЗ II. Т. 21. № 20171.

³⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1851. С. 137.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 77–78.

⁴¹ Сбор сведений об адатах дигорцев был поручен начальнику Центра Кавказской линии.

⁴² *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 112–116.

⁴³ АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 664.

- ⁴⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 466. Л. 1–1об.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Л. 2об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 3.
- ⁴⁸ Там же. Л. 3об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 8–8об.
- ⁵⁰ Иван Карданов был против его желания назначен помощником управляющего дигорским народом сроком на один год с сохранением «всего того, что получают казаки» (Там же. Л. 12).
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же
- ⁵³ Там же. Л. 15.
- ⁵⁴ Там же. Л. 17.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Бзаров Р.С.* Три осетинских общества в середине XIX в. Орджоникидзе, 1988. С. 143.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 455. Л. 19.
- ⁵⁸ Там же. Л. 19об.
- ⁵⁹ *Блиев М.М., Бзаров Р.С.* История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000. С. 301.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 455. Л. 19об.–20.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. Л. 21.
- ⁶³ Там же. Л. 23об.
- ⁶⁴ *Бзаров Р.С.* Указ. соч. С. 15; Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, Отдел рукописных фондов. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

ДАГЕСТАН: СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЦАРИЗМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В 2009 г. мы отмечали 150-летие окончательного присоединения Дагестана к России. Обычно в такие даты принято подводить определенные итоги. Основной итог бесспорен – присоединение Дагестана и других регионов Северного Кавказа к России сыграло огромную роль в социально-экономическом, политическом и культурном развитии всех народов региона.

Кавказская война стала одним из главных факторов, оказавших влияние на содержание, характер, направленность административных реформ в Дагестане. В первую очередь влиянием войны объясняется глубокая противоречивость нововведений на Кавказе, их непоследовательность и двойственность.

После завершения многолетней и кровопролитной войны в Дагестане перед российским правительством встал вопрос о поисках оптимальных для покоренных горских народов форм и методов управления. В этой связи главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский в своем сообщении военному министру России писал: «По мере успехов русского оружия на Кавказе, все более и более ощущалась необходимость водворения в крае прочного управления, сообразного с духом, нравами и обычаями разноплеменного горского населения»¹. В результате была создана своеобразная и оригинальная система власти, известная под наименованием «военно-народное управление». Система военно-народного управления, примененная к горским народам Кавказа, создавалась в годы многолетней борьбы с этими народами и вызывалась теми особыми политическими условиями, в которых находился Кавказский край.

До середины 50-х годов XIX в. вопросы экономического развития Кавказского края невольно отодвигались на задний

план, так как все силы царской администрации были направлены на борьбу с непокорными горцами Дагестана, Чечни и Западного Кавказа. Хотя губернии Закавказья управлялись в то время на основании общего гражданского положения, управление это осуществлялось вяло, так как высшая центральная и местная кавказская власть уделяла все свое внимание военным действиям в указанных районах. Не прекращавшиеся военные действия сильно затрудняли привлечение на службу на Кавказ гражданских лиц, а следовательно, и формирование гражданской администрации. В то же время военная служба здесь считалась почетной, была окружена поэтическим ореолом и давала возможность быстро продвигаться по пути служебных почестей и наград.

Понятно, что в силу указанных условий все лучшие силы Российской империи стремились в ряды действующей армии. Отсюда следовало, что именно армия должна была стать центром формирования системы военно-народного управления, именно здесь стали выявлять способных офицеров для привлечения на различные поприща административной деятельности на Кавказе. Генерал-фельдмаршал князь Барятинский считал необходимым при введении военно-народного управления на новых началах установить более строгий выбор при назначении на административные должности указанных управлений, но для того, чтобы привлечь сюда лучших офицеров, приказал предоставить им особые преимущества.

Завершение активных военных действий дало возможность более глубоко развивать идеи военно-народного управления. Это привело в конечном итоге к созданию достаточно стройной системы административного управления в Терской и Дагестанской областях. Вместе с тем, установление русского господства, как показывал опыт, в 60-х годах XIX в., нередко носило временный характер, царская администрация не была уверена в прочности своего положения на Кавказе. Поэтому на начальном этапе внедрения главная цель военно-народного управления заключалась не столько «в водворении гражданственности и преследовании культурных задач, сколько в умении

удержать население в повиновении, и, в случае надобности, быстро и решительно с имеющимися под руками, часто ничтожными военными силами, подавить восстание»².

При таких условиях единственной пригодной формой административного управления могла быть только военная администрация, основной чертой которой было подчинение гражданской власти военной³.

С постепенным покорением горских народов возник вопрос об установлении не только собственно администрации в лице отдельных чиновников, но и управления, основанного на определенных принципах. Применить к покоренным горцам непосредственно систему управления, действовавшую в империи, не представлялось возможным, так как все административно-судебное устройство последней в то время все еще было построено на крепостном праве. У народов Дагестана крепостное в том виде, в каком оно существовало в европейской России, отсутствовало. Прививать же населению несвойственные ему понятия и условия жизни представлялось нецелесообразным. В сложившихся условиях требовалось создание даже новой системы управления. Но для создания новой системы управления необходимо было изучить военно-политическую обстановку, возникшую в Дагестане после завершения Кавказской войны; исследовать быт, обычаи, мораль, нравственные и религиозные устои горских народов. Вместе с этим требовалось исследовать перспективы господства России на Кавказе. Русская администрация это осознавала.

Но для исследовательской работы не было ни средств, ни времени. «Необузданный и своевольный характер кавказских горцев делает управление ими в высшей степени затруднительным и требует от служащих этих управлений самых высоких нравственных качеств, основательного и продолжительного изучения края и ближайшего ознакомления с характером туземцев. Можно с убеждением сказать, что не только во всей России, но и во всем мире не найдется страны, более разнообразной и трудной для изучения, нежели Кавказ, не встретите людей, более привыкших к своеволию и беспорядкам, нежели кавказские горцы»⁴, – писал военному министру Наместник

Кавказа. С приведенным заключением можно согласиться, за исключением того, что так называемые «своеволие и беспорядки» нужно определить как свободолюбие и глубокое чувство собственного достоинства.

При таких условиях само собой возникла мысль о поддержании во вновь покоренных горских обществах существовавшего уже у них порядка управления, вытекавшего из сложившихся народных обычаев и религиозных убеждений, с широким привлечением к управлению представителей местных народностей, но под руководством поставленного царским правительством лица из числа среднего и старшего офицерства. Этот офицер должен был наблюдать за применением народных обычаев и не допускать таких, которые могли бы поддерживать политическую неблагонадежность или противоречили бы интересам России на Кавказе. Выбор подобных лиц представлялся особенно важным, так как они должны были удовлетворять в известной мере нравственные и образовательные требования, а также быть ознакомлены с бытом и обычаями управляемого народа. Таких представителей опять-таки могла дать только Кавказская армия, где в то время была сосредоточена лучшая часть русского офицерства, которая, проводя большую часть года в походах, невольно знакомилась с бытом народа, изучала обычаи, языки и позиции различных народностей Кавказа.

При формировании системы военно-народного управления учитывался опыт организации управления в азиатских и африканских колониях европейских стран.

Военно-народное управление создавалось под влиянием обстоятельств, не терпящих отлагательства, еще в ходе многолетней Кавказской войны. Несомненно, «элементы» военно-народного управления внедрялись с самого начала войны и постепенно укоренялись в виде распоряжений частных военных начальников, в руках которых сосредотачивалась обыкновенно и гражданская власть. С завершением Кавказской войны возникла потребность в создании самостоятельных административных единиц (область, управление, наибства) военно-народного управления и центрального учреждения для руково-

дства и регулирования управления новыми подданными. С этой целью в 1858 г. было утверждено Положение по управлению Кавказской армией, где в составе Главного штаба создавалось специальное отделение по управлению горскими народами. Основные функции по управлению краем были возложены на главнокомандующего армией на Кавказе. 24 мая 1860 г. генерал-фельдмаршал Барятинский издал Приказ о создании при Главном штабе Кавказской армии «Канцелярии по управлению кавказскими горцами»⁵.

В 1865 г. для руководства территориями с военно-народной формой управления было создано Кавказское горское управление, переименованное в 1880 г. в Кавказское военно-народное управление. В 1883 г. Кавказское военно-народное управление было переведено из военного ведомства в гражданское и стало называться Канцелярией главноначальствующего гражданской частью на Кавказе по военно-народному управлению. Военный губернатор Дагестанской области был лишен военной власти, а его права уравнивались с правами обыкновенных губернаторов.

Что же касается структуры военно-народного управления в Дагестане, то она соответствовала политическим и экономическим условиям, в которых находился Кавказ во второй половине XIX в., и была максимально приспособлена к интересам царизма.

5 апреля 1860 г. был утвержден проект Положения и штаты по управлению Дагестанской областью и Закатальским округом, где были сформулированы основные принципы управления краем, которые заключались в следующем:

- 1) сохранение власти в руках военного командования;
- 2) поддержание и укрепление высшего сословия горцев;
- 3) ликвидация действия шариата, являвшегося одним из истоков мюридистского движения и восстановление действия адатов⁶.

На территории Левого крыла Кавказской армии, которая располагалась на Северо-Восточном Кавказе, были образованы Терская и Дагестанская области. Областью руководил началь-

ник, который одновременно был командующим русской армией в Дагестане. Центром администрации Дагестанской области стал город Темир-Хан-Шура.

Система управления в округах была достаточно мобильной по сравнению с сегодняшним днем. Штат управления округа включал всего 24 человека, что составляло по всем округам 216 человек.

Одновременно в Дагестане в начале 60-х годов XIX в. была восстановлена ханская власть, по которой на правителя ханства были возложены права окружного начальника. Таким образом, в Дагестане, вплоть до середины 60-х годов XIX в., наряду с царской администрацией, продолжала функционировать власть старой феодальной верхушки – шамхала Тарковского, ханов Аварского, Мехтулинского, Кюринского. К ним для контроля и проведения политики военной администрацией были приставлены специальные помощники из числа русских офицеров. Округа, в свою очередь, были разбиты на участки или наибства, во главе которых стояли также представители местного населения – наибы.

Наибами назначались лица из числа представителей местной феодальной или аульной знати, чаще всего имевших офицерское звание. Наидам, кроме обязанностей по «наблюдению за настроением населения», предоставлялось право разрешать мелкие споры между жителями.

Особое место в системе военно-народного управления в Дагестане занимало судопроизводство, опиравшееся в основном на нормы адата (обычное право). Для судопроизводства и решения общих народных дел учреждался народный суд, где судебные дела решались по адату и шариату (мусульманское право). В отношении порядка судопроизводства и ведения дел было принято решение руководствоваться ранее существовавшими порядками.

Окружной народный суд состоял из кадия и депутатов из народа, которые были преданными правительству представителями горской аристократии (от каждого наибства по одному). Они получали жалованье от правительства (примерно

250 рублей в год) и отправляли правосудие по нормам шариата и адатам.

По общим законам империи представители местного населения судились только в том случае, если преступление было совершено ими на территории, не подчиненной военно-народному управлению, или если в судебном процессе в качестве одной из сторон выступали представители этнических групп, не подчиненных военно-народному управлению.

Что же касается сельского управления в структуре военно-народного управления в Дагестане, то здесь, прежде всего, следует отметить два главных фактора, которые играли огромную роль в жизни дагестанского населения. Это – община (джамаат), включавшая в себя всех жителей данного селения или общества, и родовой союз (тухум), на который подразделялся джамаат.

При формировании начальной системы управления царская администрация не затронула низовых звеньев управления – сельских, которые во многом оставались под влиянием духовенства, а значит, могли представлять потенциальную опасность для укрепления русской власти на местах. Этот пробел должно было ликвидировать «Положение о сельском управлении в Дагестане», которое было утверждено 26 апреля 1868 г. «Положение» установило структуру сельского управления, во главе которого был поставлен сельский старшина. Кроме него сюда входили его помощники, кадии и сельские судьи, а также общее собрание – джамаат. Старшины, судьи и кадии утверждались в должностях по представлению окружного начальника начальником области. Эта система разрушала сложившуюся на селе практику выборности своих представителей и подчиняла сельскую администрацию окружной. Как отмечали авторы проекта «Положения», ввиду большого значения сельских старшин в Дагестанской области «было бы преждевременно и опасно назначение их по выбору массы населения»⁷.

В результате «Положение» возвысило роль сельского старшины как главной фигуры низового органа военно-народного управления – сельского управления. Старшина ведал всеми делами сельского управления. Джамаат уже не мог созываться

без его указания. Лица, созвавшие собрание без ведома начальства, подвергались строгой ответственности. Решения джамаата признавались законными лишь в том случае, если сход проводил старшина или его помощник. Жалобы на решение сельского собрания приносились сначала наibu, затем по инстанциям (окружной начальник и т.д.).

В лице старшин и их помощников, которые формировались из узденской верхушки, царская администрация нашла верных и преданных помощников в деле укрепления общей системы военно-народного управления в Дагестане. «Адаты и вытекающие из них сельские управления, – писали авторы “Положения”, – служат нам твердой опорой в предстоящей нам, надолго еще тайной, борьбе за влияние на народ со здешним мусульманским духовенством, которое не может оставаться равнодушным к тому, что влияние его на народ год от году слабеет»⁸.

В связи с введением «Положения о сельском управлении» изменилась и система управления зависимыми поселениями, управляемыми ранее беками. Их управление формально было ликвидировано. Однако бекское сословие, которое представляло собой наиболее состоятельную и образованную часть общества, в большинстве своем привлекалось царской администрацией к военной и гражданской службе в органах военно-народного управления, занимало наиболее ответственные должности в наибствах и окружных управлениях Дагестана. Поэтому фактически сельское управление вплоть до 1913 г. находилось в руках беков, что и предопределило задержку решения об отмене в Дагестане зависимых отношений.

В целом, подбор представителей местного населения в сельские и окружные управления со всей очевидностью демонстрировал классовый подход к формированию колониальной администрации царской России в Дагестане. В то же время реформы органов управления в Дагестане свидетельствовали о достаточно тонкой и продуманной политике при внедрении системы военно-народного управления, направленной на консервацию существовавших в Дагестане общественно-политических и правовых отношений. Хотя военно-народное управление в Дагестане было введено как временное мероприятие,

оно сохранилось до свержения царизма. Каждый раз, когда возникал вопрос о введении гражданского управления в Дагестане, кавказская администрация находила разные причины, чтобы сохранить военно-народное управление. В отчете Кавказского наместника за 1863–1871 гг. говорилось: «Что же касается Дагестанской области, то, имея в виду, что в ней существует сплошное горское население, я не считал еще возможным прекратить в ней временный порядок управления»⁹.

В самой идеологии реформирования царскому правительству не удалось преодолеть отношение к Дагестану как к покоренному району, в котором при помощи силы необходимо было выполнять цивилизаторскую миссию. Созданная на этой основе концепция административно-судебной системы состояла в постепенном вовлечении Дагестана в сферу российского административного устройства с учетом местной специфики. Методы же развития системы военно-народного управления строились на основе опоры на военный элемент и значительных ограничений прав коренного населения.

Традиции управления времен Кавказской войны, выразившиеся в наличии военно-административных органов, ограничений законодательного характера, неполноправности коренного дагестанского населения, сдерживали фактически процесс интеграции Дагестана, как и других частей Северного Кавказа, в социально-политическую и экономическую структуру Российской империи.

Влияние Кавказской войны на процесс формирования органов управления Дагестана было, таким образом, основополагающим и проявлялось в следующем.

Во-первых, война отсрочила ход проведения административных реформ, в том числе по сравнению с Закавказьем, существенно повлияла на идеологию и концепцию реформ не только до, но и после ее окончания. Во-вторых, реформы имели весьма противоречивый характер: с одной стороны, проводились весьма осторожно, чем объясняется их запаздывание, с другой, в случаях, когда решающую роль приобретал военно-политический фактор, безжалостно ломались традиционные структуры. В-третьих, война привела к тому, что в управлении

Кавказом, в том числе и Дагестаном, на протяжении всего XIX в. важнейшую роль играл военный фактор. В-четвертых, именно с военным фактором связано одновременное существование нескольких форм административно-территориального деления, управления и суда.

Создание института военно-народного управления и последующее его несущественное реформирование, которое дотянуло ее вплоть до 1917 г., не в последнюю очередь объяснялось необходимостью для самодержавия сформировать в Дагестане свою социально-политическую опору власти, определяло и содержательную сторону реформ, отражавших в конечном счете интересы вполне определенных общественных групп населения. Этим и объясняется сохранение и реставрация ханского управления в первые годы после войны и всемерная поддержка и консервация феодально-бекского землевладения на протяжении всего XIX в.

Царизм не имел в Дагестане широкой социальной опоры среди местного населения и рассчитывал только на весьма малочисленное русское население, казачество, армию и пророссийски настроенную феодальную знать и узденскую верхушку. Одновременно русская администрация принятием «Положения о сельском управлении в Дагестане» попыталась создать массовую опору в горском обществе, развивая местное общинное самоуправление и несколько ограничивая права местной феодальной знати и духовенства. Однако это была непоследовательная политика, и она практически не затронула интересов бекков и духовенства. В таких условиях основной формой упрочения позиций Российской власти в Дагестане становится выработанный в годы Кавказской войны тип военизированной власти.

На протяжении всей второй половины XIX в. самодержавной власти так и не удалось преодолеть различий в формах управления по отношению к казачьему, русскому и горскому населению. Отличия в правовом положении указанных категорий населения сохранялись вплоть до свержения царизма. Сам факт создания Дагестанской области, а не губернии, указывал на особый статус новых административно-территориальных образований. Старые, присущие периоду войны, методы

управления не были изжиты в течение всей второй половины XIX в. Вследствие этого в Дагестанской и Терской областях сложилась и поддерживалась двойная система власти: военно-народная (для горцев) и гражданская (для населения городов, слобод и пр.). Это особенно было видно на примере горского суда, организация которого носила архаичный характер. Уже к концу XIX в. горский суд по адату и шариату стал анахронизмом. Несоответствие его времени, общественно-политическому и социально-экономическому положению Дагестана в составе России состояло в различной подсудности, смешению гражданского и уголовного судопроизводства, использованию устаревших норм адата и шариата, административному вмешательству в судебную деятельность и судебный процесс, на которые был вынужден указать в 1907 г. в своем отчете государю наместник Кавказа И.И.Воронцов-Дашков¹⁰. В этой связи отметим, что большинство реформ, осуществляемых в 60–70-х годах XIX в. в губерниях европейской России, не распространилась на Кавказ, в том числе и на Дагестан.

Таким образом, важнейшей составной частью системы военно-народного управления являлось сосредоточение у русской администрации полномочий поддержания внешнего порядка, в том числе с применением в случае надобности военной силы.

Эта двойственность, а также отмеченные особенности военно-народного управления свидетельствуют о том, что Кавказская война завершилась не только покорением горцев, как принято считать, а долговременным политическим компромиссом, конечной целью которого русские власти рассматривали только окончательно гражданское приобщение к России. И эта политика дала свои всходы. У горцев, вошедших в ее состав как добровольно, так и в результате принуждения, наряду с национальным формировалось еще и общероссийское самосознание. Подтверждением этому может служить хотя бы то, что еще в конце XIX в. в некоторых нагорных районах, куда были вытеснены в результате военных действий непокорные племена, старики начинали плакать при упоминании проповедниками имени Шамиля, вспоминая былые времена, а в рав-

нинных аулах население выдавало русским властям пропагандистов идей панисламизма и пантюркизма, подтверждая тем самым свое российское подданство.

Посетивший Кавказский край в 1914 г. английский путешественник о. Гарольд Бэксон, бывавший во многих колониальных владениях, в том числе и британских, с восхищением отмечал: «Русские чиновники никогда не проявляют в отношении туземцев той надменности и презрения, какие являются характерной чертой британских чиновников в наших колониях; русская природная доброта и радушие дают им возможность быть на совершенно равной ноге с ними, что не только не роняет, а наоборот, увеличивает престиж русской власти»¹¹.

В 1877 г. население нагорных районов под влиянием пер-вых событий русско-турецкой войны поднялось на восстание, но уже на рубеже XX в. оставалось ко всем событиям на мусульманском Востоке, согласно донесению заместника Его императорского величества на Кавказе, «совершенно равнодушным, отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма никакого успеха... не имели»¹². И это не случайно. Как и другие народы, горцы начали признавать Россию своей родиной.

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 379. Л. 161.

² Там же. Д. 470. Л. 2.

³ *Киняпина Н. С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 41.

⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 379. Л. 119–120.

⁵ Там же. Д. 387. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 379. Л. 129.

⁷ ЦГИА Грузии. Ф. 545. Оп. 1. Д. 317. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 39.

⁹ Там же. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 16.

¹⁰ [*Воронцов-Дашков И.И.*]. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 17.

¹¹ *Марков Л.* На Кавказе после появления там России // Посев. 1993. № 2. С. 91.

¹² [*Воронцов-Дашков И.И.*]. Указ. соч. С. 17.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОРОССИЙСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В КАБАРДЕ, 1552–1560 гг.

«Каждое новое поколение должно переписывать историю по-своему, каждый же новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен переосмысливать и сами вопросы».

Р.Дж.Коллингвуд

Черкесия, в силу своего географического положения, находилась на стыке Запада и Востока, мусульманской и христианской культур. Это обстоятельство наложило и продолжает накладывать отпечаток на всю историю, культуру, политику, идеологию и характер черкесского народа. Пограничное состояние дает возможность выбора, можно обратиться то к одной, то к другой стороне. История предназначила Черкесии судьбу раздробленной страны, составленной из множества независимых, самоуправляющихся субэтнических групп: *абадзехи, бжедуги, шапсуги, натухай, убыхи, адамей, жанэ, мамхеги, махошей, кемиргой, кабардей, бесленей* и др. Из всех этих областей самые поздние политические образования – *Кабардей* и *Бесленей*. Кабарда в течение XV–XVI вв. превратилась в доминирующую военно-политическую силу в центре Северного Кавказа и достаточно активно вела борьбу за свою самостоятельность и влияние на соседние народы.

Относительная слабость института великокняжеской власти (*пцышхуэ*) в Кабарде, в условиях борьбы за власть и собственность между потомками Инала, позволили в начале XVI в. уйти пши Каноко со своими людьми в Закубанье и образовать на Лабе княжество *Бесленей* (по имени его деда князя Беслена I Иналовича – родоначальника всех черкесских князей). Переселение, по-видимому, не обошлось без поддержки правящих кругов Турции и Крыма, с которыми они успели породниться.

Ранее 1515 г. сын турецкого султана Селима Явуза (Грозного) Сулейман – будущий султан Сулейман Кануни (1520–1566), также известный как Великолепный, затем и крымский хан Девлет-Гирей I (1551–1577) были женаты на дочерях пши Каноко. За короткое время у новообразованного бесленейского княжества сложились прочные отношения с Портой и менее прочные с Кабардой.

На ранних этапах формирования межэтнических отношений роль субъективного фактора очень велика. Это в полной мере относится к деятельности бесленейского пши Махошоко Канокова – яркой и пассионарной личности, шурина султана Сулеймана Кануни, кондотьера (от итал. *condotta* – договор о найме на военную службу) стамбульского, затем и московского двора, побратима царя Ивана Грозного (1547–1584).

В отечественной литературе, начиная с 1950 г., приезд в 1552 г. в Москву черкесских князей Махошоко (*Магаушук, Магаушько, Маашук, Машук, Амашук, Амашик, Омашук, Омошук, Бугашик*, адыг.: *Мэхъуэшокъуэ*) и Елбозлуко (*Езбозлуко, Езбузлуков, Езболу, Езболуи, Албуздуй*, адыг.: *Елбэдзыкъуэ*) традиционно преподносился как первое официальное дипломатическое обращение черкесов к русскому царю за помощью перед угрозой крымско-турецкого порабощения. Никоновская летопись является официальной московской летописью, этим объясняется стиль и специфика составления записей, касающихся посольских дел. Государев летописец из Александровой слободы ограничился краткой записью под ноябрем 7061/1552 г. и шаблонной формулировкой: «Того же месяца приехали к государю царю и великому князю черкасские государи и князи Машук-князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»¹.

В силу различных обстоятельств, в числе которых определенная зависимость от государства и политизированность общества, некоторые историки до сих пор искажают характер русско-черкесских отношений. Политическим реалиям того времени никак не соответствуют предлагаемые ими формулы: «добровольное присоединение», «вхождение» и даже «военно-

политический союз». Выражение «взять к себе в холопы» в данном случае нельзя понимать буквально, путать с привычным его пониманием «взять в подданство». В толковом словаре древнерусского языка читаем: «холопство» – это наем, работа, служба. Переход придворного черкеса султана Сулеймана Кануни пши Махошоко Канокова к царю Ивану IV Грозному на службу было политическим бегством², типичным примером политического отчуждения (political alienation).

Политическое отчуждение, по существу, означает разочарование в отношении политических лидеров, недовольство политикой правительства и самой политической системой. Условия проявления и преодоления отчуждения человека в политике изучал американский ученый Г.Лассвел³. Как поступить в ситуации, связанной с отчуждением, решает человек сам или реже – по воле случая. Г.Лассвел полагает, что человек может отдать жизнь, если обязан поступить так в силу внутреннего долга. В различных культурах, социальных организациях принятие и реализация индивидуального решения связано с различными способами преодоления. Психология относит отчуждение обычно к механизмам психологической защиты. Этот вид защиты напоминает «синдром отчуждения», для которого характерно чувство утраты эмоциональной связи с другими людьми, ранее значимыми событиями или собственными переживаниями, хотя их реальность и осознается. С такой защитой могут быть связаны феномены дереализации, деперсонализации и расщепления личности⁴.

Анализ источников и литературы позволяет нам вскрыть истинные мотивы этой измены. Сестру Махошоко, первую жену Сулеймана, султаншу Босфорану, через интриги неизвестной фаворитки султана Роксаланы, сперва оттеснили, затем сослали⁵. С этого момента жизнь князя Махошоко в Стамбуле потеряла всякий смысл. Он не имел никакой возможности заступиться за сестру и тем самым защитить свою честь. Вскоре и его племянника, престолонаследника принца Мустафу обвинили в измене и убили по распоряжению самого султана. Жизнь на чужбине редко бывает со счастливым концом. Трудности приходится преодолевать самому и принимать решение

по каждому случаю также самому. И все же, независимо от обстоятельств морального или идеологического характера, поступок князя Махошоко Канокова был дерзким вызовом самому султану Османской империи и *халифу* – лидеру всего мирового ислама. Ведь переход мусульманина в иную религию (тур.: *муртад*) карался смертью.

В поисках новой опоры Махошоко встретил авторитетного человека – князя Дмитрия Вишневецкого, в будущем основателя Запорожской Сечи. Эта встреча, которая во многом определила его судьбу, могла произойти в Стамбуле, где с середины 1553 до начала 1554 г. Вишневецкий находился как посланник польского короля. Вернувшись к королю, князь Дмитрий не находит у него необходимой поддержки и в 1557 г. переходит на службу к московскому царю Ивану Грозному⁶. Но толчком для принятия решения о смене покровителя была угроза жизни. Опасность помогла ему сделать выбор в пользу другого государя, с иной религией и культурой.

Бегство представило Сулеймана гонителем, а Махошоко мучеником. Как знатного человека, пользующегося известностью, Махошоко приняли в Москве с большим почетом. Он присягнул царю на верность; а в 1557 г. принял крещение под именем Иван⁷. Махошоко и сопровождающие его лица были представлены, как «черкесские государи и князи»⁸. В дипломатическом документе 1559 г. Махошоко назван бесленейским («абеслинским») князем⁹. Таким образом, легенда о происхождении черкесских князей от египетского мамлюкского султана Сайф ад-Дина Инала (857–865/1453–1461) впервые могла быть озвучена и принята здесь, в Москве.

Махошоко, действительно, нуждался в такой легенде. Внешне он вполне соответствовал высокому сану. В придворной иерархии иноземцев в Москве он занял второе место после татарских царевичей. Стремясь вернуть себе утраченную роль при османском дворе, очень скоро он заслужил доверие и милость царя Ивана Грозного, стал его фаворитом, сподвижником и получил в награду обширные поместья в Тверской земле. В жизненно важной для Махошоко поездке в Москву его сопровождали: «князь Иван Езбозлуков и Танашук-князь». Первый

из них – оппозиционный Крыму абазинский князь, природное имя его – Канклыч (Алклыч)¹⁰. Что касается Танашука, не подлежит сомнению, что он – знатный *уорк-дигжинуго*, вассал одного из князей Махошоко или Езбозлуко. В Никоновской летописи он ошибочно назван *князем*, а в Царственной книге записан без титула¹¹. *Танашук* легко идентифицируется с фамилией потомственных дворян Танашевых в Кабарде.

«Иван-Магашук-князь Черкасской», как прозвали его москвичи, честно провел на русской службе с 1552 по 1560 г. Из всего того, что было сделано им, наибольшее значение имело формирование русской партии в Черкесии. Основой идеи сближения стала чрезвычайная ситуация в черкесском обществе, вызванная давлением со стороны Крыма и Турции.

Черкесская область Жанэ, из-за близости к Крыму, чаще других провинций подвергалась татарским нашествиям. Ее лидер князь Сибок Каншаоков одним из первых откликнулся на призыв Махошоко, в надежде, что ему, наконец, при поддержке русского царя – покорителя Казанского ханства – удастся отомстить правящей династии Крыма за все насилия, причиненные его отцу покойным ханом Сахиб Гиреем (1532–1551). Фактор мести и так называемый «*синдром предков*», для которого характерным является «оплачивать долги» предков¹², в случае с Сибоком, действительно, имел место.

Об этом свидетельствует сочинение Раммаль-Ходжи Кедаш-Кайсуни «Повествование о событиях царствования Сахыб-Гирея, хана Крымского». Автор его, биограф-панегерист и друг Сахиб-Гирея, приводит массу подробностей, связанных с походом хана на Жанэ. Поводом для обвинения Каншаоко послужил тот факт, что он, имея чин турецкого *санджакбея* и получая за это жалованье, «пропустил» или «допустил» набег черкесов в глубь Крыма¹³.

Есть основания полагать, что на такую дерзость в то время могли отважиться только кабардинцы – самые независимые и самые дальние «верхние черкесы». Не случайно же они сохранили память о «Бахчисарайском походе», якобы организованном князем «сыном Татлостана» и в котором участвовал легендарный князь-тума Андемиркан¹⁴, молочный брат (*имильдеш*)

«исторического» князя Канбулата Идаровича (1508–1588). В 1570 г. Тепшаруко и Темрюко все еще враждовали с Крымом, хотя сыну Тепшаруко Пыште (Пушты, Буштоко) удалось взять на воспитание Шердан-Гирея, сына Мухаммед-Гирея II (калга в 1551–1577, хан в 1577–1584), надо думать, в знак примирения¹⁵.

По прибытии в Жанэ Сахиб-Гирей устроил суд над Каншаоко, лишил его чина санджакбея, подверг публичному унижению, назначив телесное наказание в виде порки плетьюми. Желая избежать кровопролития, Каншаоко преступил свою гордость, собрал самых знатных жанеевских мужей и отправил в лагерь крымского хана с просьбой о мире и отступлении. Но вместо приема и переговоров хан, не удовольствовавшись одним унижением, устроил акт самого дикого, варварского насилия – послы были публично наказаны плетьюми, у двоих были «отрезаны уши и носы». Это событие произвело потрясающее впечатление на жанеевское племя и усилило их ненависть к крымцам. Народ восстал против крымско-татарского ига. После пятнадцатидневных боев в горах военное столкновение закончилось поражением жанеевцев. Каншаоко «с сотнею, двумя» ушел в Кабарду.

Сахиб-Гирей проследовал за ними по пятам, имея намерение заодно наказать и кабардинцев. По дороге в Кабарду крымцы встретили кабардинского князя Елбузду, изгнанного своим двоюродным братом. С целью умиловить хана, он отдал ему в подарок 20 невольников и просил помочь восстановить его статус. Двоюродными братьями под одним и тем же именем были в то время в Кабарде: Елбузду[ко] (Ябузлук[о]) Идарович и Елбуздуко (Элбуздуко, Избулдуко) Битуевич, встречающиеся как в родословных, так и дипломатических документах¹⁶. Из них «изгнанником» был, по-видимому, князь Елбузду Битуевич, который, будучи в крайне беспомощном положении, предложил крымскому хану провести войско в Кабарду тайной и безопасной дорогой. Судя по описаниям Рамаль-Ходжи, предложенный им маршрут пролегал через Темрюк – Бештау – Канжал и впоследствии не раз использовался крымскими ханами при нападении на кабардинцев. Конечный

пункт назначения Кашкатау было родовым гнездом Идаровых, в сердце Кабарды.

Здесь, «в тесном ущелье» Черека и произошло жестокое сражение, получившее в кабардинском фольклоре наименование «Кара-Кашкатауская битва». В этой отдаленной и уединенной местности находилась и резиденция великого князя Кемиргоко (*Кермургук, Комургун, Темиргука, Темгрюк, Темрюк*, адыг.: *К1эмыргукъуэ*) Идаровича, о чем свидетельствуют многочисленные памятники: остатки Черекского городища, средневековые кабардинские курганы (Биту и 1уашхэ, Беслэн и 1уашхэ, Къыдыршыкъуэ и 1уашхэ, К1эмыргукъуэ (Темрыкъуэ) и 1уашхэ, Андемыркъан и 1уашхэ)¹⁷, а также письменные источники XVIII в. Старинная кабардинская песня, появившаяся на свет в память о данном событии, прямо связывает приход неприятельского войска крымского хана с князем Каншао, нашедшим убежище у кабардинцев: «Мы хъэжьук1ыдзэр ди Къаныщао пщым къытхуишэщ» («Это собакоедово войско Каншао-князь привел»)¹⁸. В сражении погиб сам Сахиб-Гирей вместе с тринадцатилетним сыном, что говорит о масштабах битвы¹⁹. В числе убитых кабардинцев, по песне, были «двое из Идаровых», один из них – родной брат Темрюко, Кидиршоко Идарович. В сражении на стороне крымского хана участвовал кумыкский шамхал («щокъалышхуэр»)²⁰. Все эти моменты находят документальное подтверждение, что свидетельствует о большой степени достоверности исторических песен у бесписьменного народа.

За период с 1552 по 1559 г. мы насчитали шесть приездов в Москву из Черкесии: в ноябре 1552 г., августе 1555 г., июне 1557 г., июле 1557 г., октябре 1558 г. и сентябре 1559 г. При внимательном изучении состава этих посольств нетрудно заметить, что все они были организованы одним и тем же Махошко Канокowym. Осенью 1553 г., в связи с известием о походе крымского хана на владения «пятигорских черкас», Махошко, Сибок и Езбозлуко были отпущены из Москвы. «Кавказские каникулы» их длились полтора года. Между тем крымский хан Девлет-Гирей I в ярости пытался взять реванш. Его походы на «пятигорских черкас» отмечены под 1553, 1554, 1555 гг., а в

1556 г. «царь крымский со всеми людьми пошел был на черкасы на пятигорские да воротился»²¹. В походе Девлет-Гирея 1553 г. был захвачен в плен абазинский князь Елбузду с членами его семьи. Несчастный князь пострадал за то, что «зимовал у великого князя московского». О результатах других походов хана ничего неизвестно. Махошоко достаточно плодотворно использовал «отпущенное» ему время; ярким примером его дипломатической удачи следует считать приезд летом 1555 г. в Москву рекордного количества черкесских людей во главе с жанеевским князем Сибоком Каншаоковым, его братьев Ацымгука и Куданека, абазинского мурзы Тутаруко Елбаздукова, «а людей с ними их полтораста человек»²². Тутарыкмурза (Додаруко-мурза) принял крещение под именем Иван и остался в Москве.

Как известно, чуть ли не самой большой внешнеполитической проблемой для Ивана Грозного была конфронтация с крымским ханом с его бесконечными требованиями «поминок» и постоянными набегами на южные окраины государства. Царь хорошо осознавал, что для ведения активной антикрымской политики требуются свои люди в ближайшем окружении хана Девлет-Гирея. В состав «ближней думы» хана входили черкесы, братья первой жены Девлет-Гирея Айше-Фатьмы: Ахмед-Аспат (шурин и зять хана) и Татармурза Тазрютовы (Тхазритовы), которые традиционно были вассалами (тлелотлешами) бесленейских пши Канокowych. Было решено воспользоваться этим обстоятельством.

В июле 1557 г., в соответствии с разработанным планом, в Москву приехал шурин крымского хана Татармурза Тхазритов²³. О причинах его визита летописи молчат. Однако факт приезда одной из самых влиятельных фигур при крымском дворе чрезвычайно интересен. Возможно, он приехал как вассал Канокowych, но был представлен как шурин Девлет-Гирея. Важно, что Махошоко привез человека, пригодного для выполнения трудной задачи. Москва получила в качестве «своего человека», агента влияния важное должностное лицо в Крыму. Об этом свидетельствует, завязавшаяся с данного момента, переписка Ивана Грозного с братьями Татармурзой и Ахмед-

Аспатом как с «князями Черкасскими»²⁴. В соответствии с царским наказом послу в Крым Афанасию Нагому от марта 1563 г., надлежало выяснить: «про Черкасских князей, которые Черкасские князи в Крыму, хто именем и сколь давно и сколько с ними людей и в какове жалованье у царя (т.е. хана. – В.С.)»²⁵. Братья, как могли, опекали русских посланников, гонцов и купцов в Крыму и через хорошо налаженную агентурную связь информировали обо всем, что представляло интерес. За это им посылалось отдельное царское жалованье. Но в походе Девлет-Гирея на Москву в мае 1571 г. они не могли не участвовать. На этом основании отношения прекратились. Факт участия черкесских князей в том татарском набеге послужил одной из причин казни главного опричного воеводы князя Михаила Темрюковича, отвечавшего в то время за оборону Москвы²⁶.

Здесь самое время, кажется, вспомнить о характере внешних связей. Черкесия держалась в решающей степени на династических и аталыческих связях, а не на этническом самосознании. Традиция выдавать замуж своих дочерей за владельцев Золотой Орды, Египта, Турции, Крымского ханства, России, Ирана и Грузии стала чуть ли не самоцелью, стереотипной ролью в межкультурной коммуникации. Кровь османских султанов (так же, как и крымских ханов), по сути, была черкесской. В 1514 г. состоялся брак наследного принца и бейлербея Кафы Сулеймана, сына турецкого султана Селима, и черкешенки бесленейского княжеского рода Каноковых Босфораны. В следующем году у Сулеймана в этом браке родился принц Мустафа. С малых лет он проявлял незаурядные способности. В 1524 г. Брагадин писал о Мустафе: «Он чрезвычайно одарен, пользуется любовью янычар и совершит великие подвиги»²⁷.

Через интриги Роксоланы 6 октября 1552 г. произошло жестокое убийство этого наследного принца. Робер Мантран пишет: «После смерти матери Сулеймана Хуррем, опираясь на великого визиря Ибрагима пашу, постаралась выжить первую законную наложницу-султаншу Босфор. Босфор интригу встретила интригой. Маневр – контрманевром, атаку – контратакой, но, в конце концов, потерпела поражение. Сама она была отправлена в ссылку, а ее сын умерщвлен, дабы устранить пре-

пятствие на пути к трону сына Хуррем. Ибрагим-паша за участие в интриге тоже получил плохую награду: его также вскоре казнили. Тогда-то Хуррем и обрела решающее влияние на Сулеймана; многие даже полагали, что именно она руководит всей политикой Османской империи»²⁸.

Почти все крымские ханы, начиная с Сахиб-Гирея, роднились с черкесскими князьями. Русский посол В.Левашов сообщал, что супруга Сахиб-Гирея Фатьма-султан умерла, и хан летом 1533 г. ездил в Керчь жениться на черкешенке («черкаска»), надо полагать, знатного рода²⁹. Из четырех официальных жен Девлет-Гирея I три были черкешенками: первая, Айше-Фатьма, – дочь бесленейского тлекотлеша Тхазрытокова; вторая, Бисултан, – сестра бесленейского князя Канклыча Каноква; третья, Хансурет, – дочь кабардинского князя Алхаса Джамурзовича из рода Клехстана³⁰. Членами крымского дивана были Татармурза и Ахмед-Аспат Тхазрытоковы, уже знакомые нам братья Айше-Фатьмы, женщины с сильным характером. Русский посол Афанасий Нагой в 1562 г. сообщал, что хан «жалует свою большую царицу Айшат-Фатьма, салтану калгину царевичеву мать, да калгу Магмет Кирея царевича да другова царевича Адиль Гирея. И думает де со царицею и слушает ее и царевича да другова царевичей во всем. А царевичи де отца мало слушают. И от царицы де и от царевичев царь боитца»³¹. Айше-Фатьма султан была матерью ханов Мухаммед-Гирея II (1577–1584) и Ислам-Гирея II (1584–1588); последний также был женат на черкешенке³².

Один из сыновей Девлет-Гирея Мубарек (Шакай)-Гирей воспитывался у кабардинского князя Асланбека I Кайтукина, «во времена жестокостей Гази Гирея бежал в черкесские пределы, где и умер, оставив двух сыновей – Джанибек-Гирея и Девлет-Гирея»³³. Мать их, княгиня Дурбика Каноква, по выражению В.Д.Смирнова, должно быть, «прелестная и обворожительная особа», последовательно находилась замужем за тремя ханами и благодаря своему личному влиянию добилась ханской власти для своего сына Джанибек-Гирея II (1610–1623, 1628–1635)³⁴. Сам Джанибек-Гирей II взял в жены княгиню Накуру Ибаковну, племянницу великого князя Шолоха Вели-

кого³⁵. В годы правления Девлет-Гирея I и Мухаммед-Гирея II черкесы принимали участие во всех наиболее важных государственных делах и занимали высшие должности. Это вызывало сильное недовольство со стороны представителей местной аристократии, не связанной родственными узами с черкесами. В 1577 г. последовал античеркесский бунт в Крыму, который жестоко был подавлен Мухаммед-Гиреем II; инициаторов движения публично казнили на площади в Бахчисарае³⁶.

Кабардинская знать была связана родством и с иранскими шахами. В частности, шах Аббас I (1587–1629) был зятем пши Алхаса Жамурзовича Клахстанова, при его дворе служил черкес Ферхад-бек, исфаханский воевода. Пши Мудару Алхасовичу, как своему двоюродному брату, Аббас I поручил контроль над стратегическим и торговым путем через Дарьяльский проход. Ввиду того, что мать шаха Сефи I (1629–1642) была кабардинкой, к нему часто ездили по праву близких родственников малокабардинские князья Бобарука, Татархан и Тонжехан Арасланмурзины; их старший брат (Иван) служил стольником и воеводой в Москве. Княгиня Увжюгта, сестра Муцала Сунчалеевича из рода Идара, была обещана знатному закубанскому ногайскому мурзе, но отдана за шаха Аббаса II (1642–1667), из-за чего возник конфликт, была подана жалоба русскому царю с требованием возмещения ущерба (калыма) и выдачи за мурзу очередной дочери³⁷. Немецкий философ И.Г.Гердер (1744–1803) имел все основания писать: «...индуски и черкешенки облагородили персидскую кровь»³⁸.

Частые браки грузинских владетелей с дочерьми кабардинских князей определялись заинтересованностью в союзе с Кабардой как доминирующей военно-политической силой на Северном Кавказе, имевшей непосредственную границу с Грузией. Кратчайший путь в Астрахань, Москву и Крым пролегал через кабардинские земли. Царь Кахетии Георгий, по свидетельству Вахушти Багратиони, в 1563 г. взял в жены «дочь господина черкезов» Русудан Джанмурзовну (Клахстанов род)³⁹. Вторая дочь Джанмурзы была за иранским принцем, будущим шахом Аббасом I; третья дочь, Хансурет, как указывалось выше, – за крымским ханом Девлет-Гиреем I. В 1589 г.

грузинский царь Александр II женил своего сына Араклина на дочери кабардинского тлекотлеша Хату Анзорова⁴⁰.

Наряду с практикой династических браков, традиционные институты *аталычества* и *кондотьерства* служили элементами единой системы, взаимодействуя между собой, вместе они обеспечивали родственные связи с могущественными родами, правящими династиями соседних государств, поддерживали мобильность и жизнестойкость общества, но одновременно они свидетельствовали о слабости государственных институтов. Традиция выезда на королевскую службу (лат.: *comites regis*), которая приобрела у черкесов законченную форму, стала системой, нормой права. Выезды случались как по доброй воле, так и под давлением клана, рода. Роль «солдата удачи» была главным предназначением многих *пишуорков*. Военная служба по найму – это то, что они хорошо знали и чем могли торговать. *Швейцарцы* и *шотландцы* служили по найму везде в Европе, *гурхи* служили англичанам. Правители соседних стран не могли обойтись без наемничества и охотно привлекали на службу выходцев с Кавказа, выделявшихся отчаянной храбростью, ловкостью и боевым опытом. Личное достоинство, «кодекс чести», врожденный аристократический этикет (*уэркъ хабзэ*), схожий со средневековым рыцарским, делали их исключительно верными приверженцами правителей и украшением придворной свиты.

Военный профессионализм превратил черкесов в «гвардейскую касту», обслуживающую дворы властителей Европы, Африки и Ближнего Востока. Кондотьеры не относились ни к одному сословию, они полностью зависели от покровительства короны. Теоретически они сохраняли видимость свободы, на деле же относились к категории «рабов имперской казны». Это означает, что они лично, а также все их имущество принадлежало императору, они были приписаны к «прямым холопам» – вассалам. Они не могли путешествовать без разрешения царя и, разумеется, не могли от него уйти, запрещены были связи с исторической родиной. Судьбу такого рода принято называть феноменом «счастливого раба». Тем не менее, представления о счастье и ценности были такие, что попасть на королевскую

службу было в высшей степени престижно, и многие юноши мечтали об этом. «*Пацтыхьым и бжаблэм кьулыкьу щыщIэн*» – «Служить придворным императора»; благопожелания «Стань солдатом фортуны» – «*Щауэмахуэ ухьу!*», «*Пицацэмахуэ ухьу!*»), предполагали в традиционном сознании именно такое счастье. Всякий солдат удачи, прежде чем поступить на службу, давал клятвенное обещание «быть верным, добрым и послушным слугой».

В окружении османского султана Сулеймана I Великолепного было немало черкесов, в том числе мамлюкского происхождения, перешедшие на службу в Стамбул, после взятия турками Каира в 1517 г.: Каир-бей – бейлербей в Килисе; губернатор Каира (1522) и везир Ахмед-паша; везир Оздемир-паша и его сын Оздемир-оглу Осман-паша, прославившийся завоеванием Кавказа и умерший на посту великого везира в 1585 г.; Искендер-паша – бейлербей Вана и заместитель великого везира; Касым-бей – второй (икинджи) дефтердар и бейлербей, санджакбей Кафы (1568–1569); сын его Канболат-бей⁴¹ – и родственники старшей султанши, среди которых бесленейский пши Махошоко Каноков.

Теперь посмотрим, как складывались отношения лидера прорусской черкесской партии князя Махошоко Канокова и великого князя Кабарды Кемиргоко (Темрюко) Идаровича. Положение Кемиргоко Идарова было уязвимым. Ему нужны были союзники, причем союзники извне. Поэтому нельзя сказать, что мысль об установлении устойчивых дипломатических связей с русским царем его не беспокоила. Но, испытывая вражду и ненависть к Крыму и Турции, он, тем не менее, не торопился присоединяться к оппозиции. Страх перед дестабилизацией и без того хрупкой власти великого князя и опасность потерять признательность народа не позволяли ему этого сделать. Вскоре Иван Грозный убедился в том, что Махошоко действительно удалось расположить князя Кемиргоко в его пользу. Кемиргоко убедили не аргументы и уговоры Махошоко, а изменившаяся политическая обстановка после взятия русскими Астрахани в 1556 г. Это событие способно было перевернуть представления о силе и возможностях Российского государства. В ситуации,

когда власть ускользала из рук и Кабарда шла к распаду, Кемиргоко твердо решил пойти на сближение с русским царем. При этом он, конечно, не мог не думать также о судьбе своей старшей дочери Алтыншаш – супруги астраханского царевича Бекбулата (известный Симеон Бекбулатович был сыном от этого брака), которая вместе с мужем и детьми оказалась вынужденной теперь жить в Москве под надзором.

С учетом всего этого в 1557 г. Кемиргоко впервые отправляет посла к московскому царю через Астрахань. Странно то, что послами великого князя должны были назначаться люди из его ближайшего кабардинского окружения, а вместо этого послом стал закубанский бесленейский пши Канклыч Каноков. Еще более непонятно, что тот же посол-князь представлял интересы своего вассала – тлекотлеша Тхазритокова (Газрюта), хотя и тестя самого крымского хана Девлет-Гирея⁴². Из этого некоторым образом видно, что инициатива в установлении посольских связей Кабарды с Москвой исходила от Махошко Канокова. Однако, после посольства 1557 г. Кемиргоко Идарович занял строго прорусскую позицию и стал самым последовательным сторонником идеи сближения с русскими. Желание Кемиргоко отправить в Москву своего сына в аманаты, в сопровождении нескольких знатных дворян, было встречено Иваном Грозным весьма благосклонно. Уже в следующем 1558 г. в знак верности своему клятвенному обещанию он отправил к царю под залог своего малолетнего сына Султануко в Москву. «И царь и великий князь Салтану-мурзе по их челобитью велел жити у себя на дворе и крестить его велел, а нарекли ему имя князь Михайло и велел его государь грамоте учить, а Булгарьи мурзе велел молвить государь, что им оборонь учинит от шевкал, как его царской довол будет»⁴³. Шурин и свояк Ивана IV Михаил Темрюкович стал одним из самых близких к царю лиц, впоследствии главой Опричной думы. Возможно, он и был первым аманатом в Москве.

Таким образом, в реальной политике Черкесии личные амбиции и претензии князя Махошко имели серьезные основания. Вскоре ему лично с оружием в руках пришлось то же самое доказывать в области военных знаний, на полях сражений

в Ливонской войне, где он блестяще продемонстрировал опыт, мужество и талант военачальника, в качестве царского воеводы Передового полка и Полка левой руки. Соответствующие записи в разрядных книгах – красноречивое тому доказательство:

– Лета 7065/1557 г.: «были в Ливонской земле по полком: в Большом полку царь Шигалей... в Передовом полку были бояре и воеводы Иван Васильевич Шереметьев-Большой да Алексей Данилович Басманов. Да в Передовом же полку царевич Тохтамыш, пристав Дмитрий Григорьев сын Плещеев. Да в Передовом же полку черкасы, князь Иван Амашик з братьею; а пристав у них Федор Вокшерин. Да в Передовом же полку Данило Федоров сын Адашев с казанскими людьми».

– Лета 7066/1558 г.: «были воеводы у Рынгола против моистра по полком: в Большом полку воеводы князь Михайла Петрович Репнин... в Передовом полку воеводы Федор Васильевич Шереметьев да Семен Ярцев сын Норматцкого. Да в Передовом же полку черкасские князи Амашук князь да князь Василей Сибок з братьею».

– Лета 7067/1559 г.: «велел государь быти из Бронниц в Серпухов царю Симеону Касаевичю. А у царя Семиона был боярин Иван Михайлович Воронцов. Да в Серпухове же был царевич Тохтамыш; а у царевича был Микита Большой Иванович Чюлков. ...а воеводы были по прежней росписи по полком. А головы были: в Большом полку с воеводою со князем Иваном Дмитриевичем Бельским ...А с царем и великим князем будет в полку брат ево князь Володимер Андреевич с своими детьми боярскими да царь Семион Касаевич, да черкасские князи новокрещены князь Иван Амашик да князь Василей Сибок с товарищи; а быти им в правой руке».

– Лета 7067/1559 г., октябрь: «И царь и великий князь велел ити к Рынголу из Ракобора князю Михаилу да Семену, а из Пскова Черказским князем князю Ивану Маяшику, да князю Василию Сибоку з братьею, а с Вышегорода Федора Шереметеву, а из Красной Фоме Третьякову, а из Юрьева государь велел ити князю Петру Щепину да Михаилу Головину; и ити им велел на три полки: в Большом князь Михаилу Петрович да

князь Петр Щепин, в Передовом Федор Васильевич да Семен Ярцов, в Сторожевом Фома Третьяков да Михаило Петров; а Черказским князем велел бытии в Передовом же полку; а велел воеводам съезжаться в Передовой полк ко князю Ивану Маашику Черказскому»⁴⁴.

Одновременно царь Иван в своей внешней политики приступил к разворачиванию военных действий против Крыма и Турции. Главные надежды при этом он возлагал на Д.И.Вишневецкого, Махошко Канокова и бия Большой Ногайской Орды Исмаила; последний сразу же отказался от участия в войне под предлогом, что «опасается людей Казия» Уракова – бия Малой Ногайской Орды⁴⁵. Вскоре отряды казаков князя Дмитрия Вишневецкого и черкесы князя Махошко Канокова штурмовали и осаждали города Темрюк, Тамань, Ислам-кермен (октябрь 1556 г.) и Азов (апрель 1559 г.); вели партизанскую войну, захватывали в плен, нападали на проезжающих по дорогам, нанося значительный урон неприятелям⁴⁶. Военные результаты, столь быстро достигнутые и наводившие ужас на турок и татар, произвели сильное впечатление на русское правительство. Объективно антикрымская политика Ивана Грозного содействовала укреплению Русского государства.

Казалось, «побратимство» с русским царем упорядочило жизнь мятежного черкесского князя, благодаря новому высокому статусу и появившейся возможности отомстить своему обидчику. Но дело в том, что в своей этнической среде Махошко не пользовался такой же популярностью, в особенности после принятия им христианства. Черкесы в большинстве своем принимали сторону Крыма. Авторитет его держался только благодаря помощи русских: сначала Дмитрия Вишневецкого, потом Ивана Грозного. Противники сближения с русскими стали врагами Махошко. Произошел политический раскол черкесского общества, который, по сути, был необратим.

Жизненная ситуация должна была сделать нашего героя маргиналом. В сентябре 1559 г. Москву посещает еще один Каноков – «Ичюруко мырза⁴⁷ Черкасской», приехавший вместе с Дмитрием Вишневецким. На приеме у царя Елджируко

(Ичюруко мурза) делает сенсационное заявление: «все черкасы бьют челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»⁴⁸. Идея о назначении в Черкесию русского наместника в лице Дмитрия Вишневецкого и желание обратить своих соплеменников в христианство стала кульминацией отчуждения Махошко. Это был вынужденный ход отчаявшегося князя. Нет ничего удивительного в том, что для него самой желательной кандидатурой на пост наместника-воеводы был испытанный в сражениях верный русский друг («кунак») – казачий атаман, князь Дмитрий Вишневецкий. С его помощью он надеялся создать себе тыл и защиту. С другой стороны, надо было обладать непомерным честолюбием, чтобы при существовавших тогда обстоятельствах возложить на себя такой груз. Как человек, давно оторванный от своих корней и практически сформировавшийся в иной культуре, он вряд ли до конца осознал, что добровольно толкает себя на существование среди неуправляемых, свободолюбивых и мятежных черкесов, среди интриг честолюбивых и завистливых князей.

«Черкесский проект» был изначально обречен, но в Москве либо не понимали этого, либо не хотели понимать. Царь в полной мере удовлетворил желания своего черкесского друга и назначил «на государство Черкесское» Вишневецкого, выделил жалованье и отправил к черкесам «попов для крещения»⁴⁹. Ивану-Махошко и Василию-Сибоку, по их просьбе, государь учинил «приезд и отъезд добровольной»; и в начале 1560 г. они отбыли на родину⁵⁰.

Положение Сибока Каншаокова, в связи с его отъездом в Жанэ и новыми установками, было еще более безнадежным. Владения его располагались под самым боком у Крыма. Как человек, долгие годы находившийся на русской службе и скомпрометировавший себя своими смелыми антикрымскими действиями, он, конечно, понимал, что подвергает свою жизнь высшей степени риска, пощады он ждать не может, и едва ли когда-нибудь найдет в своей земле приют. Но жаждавшему покаяния жанеевскому князю каким-то чудом повезло. Первый дипломатический шаг был им сделан еще в 1562 г., когда он

послал своего брата Чюбука в Крым просить хана Девлет-Гирея, чтобы тот назначил «на Черкасское государство царевича». Девлет-Гирей отпустил к ним «внука своего царевича, калгина сына царевича [И]слам Герая, а провожал де царевича сее зимы в черкасы Мурат мурза Сулейманшин сын княжой»⁵¹. Как удалось ему склонить хана к примирению, остается гадать. Но одних слов о верноподданнических чувствах и готовности искупить вину беззаветной службой было явно недостаточно. Удача улыбнулась, когда он взял на воспитание Сафа-Гирея – внука Девлет-Гирея и сына калги Мухаммед-Гирея⁵². Это было уже добрым знаком, искуплением за измену. Отныне Сибок мог не бояться за свою жизнь.

Правда, была одна проблема – ему предстояло успокоить совесть по поводу того, что была нарушена клятва русскому царю. Маловероятно, чтобы бесстрашный рыцарь считал себя предателем. Впрочем, князь Сибок – предводитель небольшого народа – мог найти для себя утешение и в других вещах. Иван Грозный отдал предпочтение брачному союзу с кабардинскими князьями Идаровыми, хотя в качестве кандидата в царские невесты рассматривалась и дочь Сибока, для чего приезжал к нему сватом посол Борис Сукин⁵³. У черкесов высшей ценностью является честь. Сибок выбрал жизнь и прожил еще не менее десяти лет и пережил всех своих черкесских друзей по русской службе.

Сулейман Кануни, получив известие об отступничестве Махошоко и его набегах на турецкие города, должен был объявить охоту за изменником. Идея убийства за переход в иную веру в то время была очень популярна в мусульманском мире. Султаны имели обыкновение фанатично преследовать вероотступников повсюду. Обвинение, что Махошоко занимается подстрекательством и хочет обратить в христианство население Черкесии, сделало его врагом мусульманской веры. Из-за дальности расстояния союз с русским царем был практически бесполезен; рассчитывать можно было только на своих единомышленников – немногочисленную черкесскую оппозицию.

Обстоятельства гибели Махошоко малоизвестны. Н.Тернавский в новейшей статье «Байда на Кубани» пишет: «Похо-

ды князя Вишневецкого на Азов сопровождалась восстаниями жанеевцев на Тамани и попыткой последних захватить Каффу, которая в то время являлась базой турецкого флота в Крыму. Хан Диван (Девлет-Гирей. – В.С.) в своем письме от 22 сафара 967 г. (22 ноября 1560 г.) сообщал в Стамбул, что атака черкесов с целью захватить Каффу, была отбита, а в плен к татарам попал черкесский предводитель»⁵⁴. В Эрмитажной копии (ГИМ) текст Синодика под 1561 г. обрывается на «вечной памяти» князю «Ивану Амашуку Черкасскому, убитому от безбожных турок за православную веру»⁵⁵.

Смерть Ивана-Махошко произвела на царя потрясающее впечатление. Иван Грозный, которого часто предавали в жизни, долго чтит память князя, делает монастырские вклады по его душу как за близкого человека⁵⁶. Для Махошко как человека, прошедшего через аталычество – традиционную систему воспитания и обучения в рыцарском духе, исполнять долг, проявлять честь, верность, благородство и мужество было нормой. Чувство долга увязывалось с честью, понимаемой как моральное право на уважение и общественное признание. Отсюда и тот моральный авторитет, который он заработал при дворе. Царь считал его образцом жертвенного служения, мужества и преданности. Но утверждать, что Махошко стал человеком глубочайшей веры, вряд ли правильно. Сказать, что им руководила слепая преданность царю и он пошел на смерть «во имя непонятого и иррационального», тоже неверно. Правильнее думать, что он пожертвовал собой во имя себя самого, что его удивительная самоотдача и жертвенность основывалась на чувстве долга. Черкесский кодекс рыцарской чести предписывал прежде всего верность долгу. Преданность, как и все другие добродетели, основана на чести. Традиционный этикет поучал: «Псэм ипэ напэ» – «Честь дороже жизни».

Князь-атаман Дмитрий Вишневецкий ненадолго пережил своего черкесского друга Махошко. Осенью 1561 г. он уже находился на Днепре, на Монастырском острове. 31 июля 1562 г. стало известно, что князь «государю изменил, отъехал с Поля з Днепра в Литву, к Польскому королю со всеми своими людьми, которые с ними были на Поле; а людей его было три-

ста человек»⁵⁷. В марте 1563 г. царскому послу в Крым А.Ф.Нагому надлежало ответить на вопрос о Вишневецком, что тот «к государю нашему как собака притек, так собакою и потек», а также объявить о «выводе» его «из Черкас» за то, что он «учал жити в Черкасах не по наказу»⁵⁸.

Обстоятельства смерти Дмитрия Вишневецкого напоминают смерть Махошоко. Оба они ушли из жизни мученической смертью. А.Крымский писал, что князя «Байду» Вишневецкого погубили не татары, с которыми он всю жизнь боролся, а султан Сулейман I Великолепный; он был заключен в темницу и предан мучительной смерти. «В 1562 г. он явился претендентом на престол воеводства Молдавского, подвластного Сулейману Великолепному. Более успешный молдаванин-претендент схватил его, раненого, в плен и отправил в Царьград. Здесь, по малорусскому песенному преданию (занесенному и в старинные польские хроники), Байда был брошен с высоты башни на крюк в стене и повис ребром; три дня – гласит предание, – он висел в таком положении, хуля пророка Мохаммеда... Однако в записках очевидца, французского посла, просто сказано, что султан велел *engacher* пленного Вишневецкого»⁵⁹.

Махошоко стал родоначальником князей Ага-Машуковых Черкасских в России⁶⁰. Сын Махошоко Рамадан (Петр) летом 1558 или 1567 г. также выехал «из Царьгорода» (Стамбула) на московскую службу⁶¹, состоял в опричнине, государь его «пожаловал и велел испоместити во Ржеве», ему был установлен поместный оклад в 500 четей в гор. Торжке и Шелонской пятине. Позднее он имел поместный оклад 700 четей земли и 60 руб. денег. Упоминается в разрядах 1582–1583 гг. как дворянин в полку царя Федора Ивановича, в период шведской кампании 1586 г. – как второй воевода Полка правой руки; в 1594 г. – как первый воевода Полка правой руки; воеводствовал в городах Березове (1606) и Галиче (1614), умер в 1615 г. и похоронен в Симоновом монастыре. Дочь Петра – княжна Татьяна Петровна (ум. 24 марта 1646 г.) была замужем за князем Б.К.Урусовым (ум. 14 февраля 1620 г.)⁶². Сын Петра князь Василий – стольник (1627–1629), воевода Воронежа (1613), Пскова (1624), Вязьмы, на Осколе и Двине, в Архангельске

(1626–1635), окольничий (1635), возглавлял приказ Большого прихода (1640) и Московский судный приказ (1641, 1645, 1646); «поместья за ним на Костроме, что ему дано из дворцовых сел при боярех, 800 четьи, оклад сполна, а старого за ним нет». С кончиной В.П.Черкасского в 1652 г. угасла ветвь князей Каноковых (Амахашуковых, Ага-Машуковых) Черкасских в России⁶³.

Бывают роковые события, которые определяют ход истории на длительный период. Так случилось, что 1552 год, когда Махошко нашел спасение бегством в Москве, стал поворотным в истории Северного Кавказа. Нет ничего удивительного в том, что именно благодаря Махошко ряд черкесских князей перешел на службу к Ивану Грозному и состоялся двойной брачный союз между Идаровыми и Рюриковичами (Иван Грозный и Михаил Темрюкович были женаты на сестрах). Все это кардинально изменило расстановку сил в черкесском обществе. Новое соотношение сил отразилось на судьбах черкесского и русского народов. В средневековой черкесской истории трудно найти другого политического деятеля, так сильно повлиявшего на судьбу своего народа. В истории Черкесии памятными навсегда останутся эти две замечательные личности – Махошко Каноков и Кемиргоко Идаров, имена которых восходят к субэтническим названиям: *махошей* и *кемиргой*.

Подводя итог нашему исследованию, мы вынуждены признать факт, что история жизни и деятельности бесленейского пши Махошко Канокова, полная роковых мгновений и приключений, заслуживает быть предметом творческого осмысления не только с позиции истории, но и литературы и искусства. Пши Махошко жил в уникальную эпоху политического прорыва черкесов в истории. Объективно его деятельность имела позитивный характер. Его выезд в Москву был первым, насколько известно, в истории русско-черкесских отношений, а в дальнейшем во многом благодаря его стараниям они приобрели систематический характер. Махошко в лице Ивана Грозного нашел мощную поддержку. Между ними сложились отношения покровительства, заступничества (защита, оказываемая сильной стороной слабой). В свою очередь Иван Грозный в

лице Махошоко приобрел отважного и опытного кондотьера из числа потомков египетского султана Инала (по легенде), владельца Черкесии. Царь ценил его за доблесть и был доволен тем, как он со своими людьми, без страха и упрека, нес опасную и трудную службу. Присяга на верность не была навязана, а когда клятва дается по доброй воле и взаимному согласию, союз приближался к институту побратимства. Для такого рода соглашения характерны – взаимопонимание, доверие, взаимопомощь и глубокая привязанность. Понятие «побратимство» предполагает существование близких и интенсивных отношений между людьми, близкими по духу, единомышленниками, не являющимися родственниками. Именно такое сообщество существовало между царем и князем, история отношений между ними – трогательный пример верности своей клятве. За годы службы Махошоко показал себя как верный сподвижник царя и как видный полководец в составе русской армии в ходе Ливонской войны и походах против Крыма и Турции. У себя на родине Махошоко оказал непосредственное влияние на стереотип поведения многих представителей династии князя Инала, в особенности Идаровых, ставших впоследствии самыми твердыми сторонниками идеи сближения с Русским государством.

¹ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13. С. 228. Далее: ПСРЛ; Кабардино-русские отношения: сб. док. и материалов: в 2 т. М., 1957. Т. 1. Далее: КРО 1; *Кушева Е.Н.* Политика России на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34. С. 204.

² О бегстве князя Махошоко Канокова из Стамбула см.: Выписка о приезжавших на Москву царевичах и Черкасских и Ногайских мурзах, с 1552 по 1618 гг. Рукопись XVII в. на 13 л. // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 22, кн. 2. С. 887. Далее: РИБ; [*Белокуров С.А.*]. Роспись, кто был на Москве царей и царевичев розных земель и кто был Черкасских и Ногайских мурз и при котором государе и кто в каком чину был // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. С. 83; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 204.

- ³ *Lasswel H. Psychopatology and Politics. N.Y., 1962. P. 220; Рыбаков О.Ю. Политическое отчуждение человека. Саратов, 1997. С. 49.*
- ⁴ *Рыбаков О.Ю. Указ. соч. С. 49.*
- ⁵ *Chesneau J. Le voyage de monsieur d'Aramon ambassadeur pour le roy en Levant. Paris, 1887. P. 261; Busbeck G. von. Vier Briefe aus der Türkei. Erfurt, 1926. S. 36, 80; Renzo Sertoli Salis. Solimano il Magnifico. Milano, 1945. P. 89 – здесь приведены надменные речи матери османского наследного принца Мустафы к ее сопернице Роксолане, бывшей пленнице-рабыне; Крымский А. История Турции и ее литературы. М., 1916. Т. 1: От возникновения до начала расцвета. С. 35–38; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 201.*
- ⁶ *Тернавский Н. Байда на Кубани [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2009/03/20/1025>*
- ⁷ *ПСРЛ. Т. 13. С. 228; Выписка о приезжавших на Москву царевичах ... С. 887; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 584. Далее: Сборник РИО; КРО 1. С. 389.*
- ⁸ *ПСРЛ. Т. 13. С. 228.*
- ⁹ *Сборник РИО. Т. 59. С. 584; КРО 1. С. 389.*
- ¹⁰ *Сборник РИО. Т. 59. С. 480; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 202.*
- ¹¹ *ПСРЛ. Т. 13. С. 228.*
- ¹² *Шутценбергер А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М., 2009.*
- ¹³ *История событий в управление Сахыб Гирей хана, составленная Ходжа Реммалем // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения РАН. Ф. 50 (В.Д.Смирнов). Оп. 1. Ед. хр. 114, 1881. Л. 103–150; Tarih-i Sahib Giray han. Ankara, 1973; Gokbilgin O. 1532–1577 yillari arasinda Kirim Hanligi'nin siyasi durumu. Ankara, 1973; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 44; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. М., 2005. Т. 1: Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. С. 330; КРО 1. С. 21, 395.*
- ¹⁴ *Адыгэ пшыналъэхэр. Зыгъэхъзырар КъардэнгъуцI Зырамыкуш. Налшык, 1992. Н. 53, 204.*
- ¹⁵ *РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 44; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 222.*
- ¹⁶ *Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1: 1578–1613 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1888. Кн. 3. С. 48, 49, 70; КРО 1. С. 51, 52, 383, 385, 389.*

- ¹⁷ *Аброкъуэ Беллэ*. 1ук1э 1уэрылуатэ зэрахъэт, 1эк1э 1уашхъэ зэт-ральхъэт // Псынэ. 2008. № 4. Н. 48–53.
- ¹⁸ Къэрэкъэщкъэтау // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отд. 3. С. 5–61; *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 110, 111; Адыгэ пшынальэхэр. Н. 57, 58.
- ¹⁹ *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 318.
- ²⁰ См.: Къэрэкъэщкъэтау. С. 58–61; *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 110, 111; *Цагъуэ Нурий*. 1элыфб. Стамбыл, 1331. Н. 29; Адыгэ пшынальэхэр. Н. 57, 58.
- ²¹ Цит. по: *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. [Т.] 1. С. 93.
- ²² ПСРЛ. Т. 13. С. 259; КРО 1. С. 4.
- ²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 283, 284; КРО 1. С. 5; *Виноградов А.В.* Указ. соч. [Т.] 1. С. 71, 72.
- ²⁴ См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 361об.; Кн. 11. Л. 153об., 334–335об., 397–398; *Виноградов А.В.* Указ. соч. [Т.] 1. С. 77.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 52об.–53, 59–59об., 60–61.
- ²⁶ О московской службе Михаила Темрюковича и о разных версиях его гибели см.: Разрядная книга, 1559–1605. М., 1974. С. 74; *Штаден Г.* Записки немца опричника. М., 2002. С. 55; Послание Иоганна Таубе и Элэрти Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 8–29; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 13. Л. 447–449; КРО 1. С. 34; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 467; *Кушева Е.Н.* Политика России на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. С. 284, 285; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 16, 86, 87; *Зимин А.А.* Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 460; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 543 (синодик); *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 2003. С. 265, 266; *Володихин Д.М.* Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 269, 270.
- ²⁷ *Фрилли Дж.* Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004. С. 66.
- ²⁸ *Мантран Р.* Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М., 2006. С. 291.
- ²⁹ *Некрасов А.М.* Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI веках // Генеалогия Северного Кавказа: историко-генеал. науч.-реферат. независимый журн. Нальчик, 2005. № 13. С. 146, 157.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 44.
- ³¹ Там же. Кн. 10. Л. 163–168.
- ³² Там же. Кн. 14. Л. 265об.; Кн. 16. Л. 139; Кн. 15. Л. 88, 89, 289 об.–291об.; Кн. 16. Л. 153об., 154; *Некрасов А.М.* Указ. соч. С. 154.

- ³³ *Смирнов В. Д.* Указ. соч. С. 270, 271, 350.
- ³⁴ Там же. С. 350.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 59–60.
- ³⁶ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 29об., 30.
- ³⁷ *Сокуров В.Н.* Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 1: Выпуск Кабардино-Балкарского историкородословного общества. С. 102.
- ³⁸ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 155.
- ³⁹ *Вахушти Багратиони.* История царства грузинского. Тбилиси, 1976; *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 97–134.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 44; *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 103.
- ⁴¹ *Эвлия Челеби.* Книга путешествия: (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М.: Наука, 1979. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. С. 26, 50, 59, 62, 63, 65, 82, 94, 105, 108, 113, 114, 117, 125, 139, 159, 193, 219; *Его же.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Симферополь, 2008. С. 174, 175; *Kirzioğlu Fahrettin.* Osmanlılar'ın Kafkas-Elleri'ni Fethi (1451–1590). 2. baskı. Ankara, 1998. S. 121–249, 251–389; *Peçevi İbrâahim Efendi.* Peçevi Târîhi. Ankara, 1992. С. I. S. 25–27, 30, 60–62, 197, 200, 329, 330, 332, 338; Ankara, 1992; С. II. S. 15, 48, 55, 72–88, 95; *Печеви Ибрагим Эфенди.* История. Баку, 1988. С. 40–47, 53–57.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 13. С. 283, 284; КРО 1. С. 5, 391.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 13. С. 312, 313; КРО 1. С. 7.
- ⁴⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 170, 175, 181; ПСРЛ. Т. 13. С. 312.
- ⁴⁵ См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 15, 16; *Кушева Е. Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. С. 265; *Трепавлов В.В.* Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник, 2003–2004. М., 2005. С. 286.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 44; ПСРЛ. Т. 13. С. 276, 277, 286; КРО 1. С. 4. Об осаде Ислам-кермена ханом см.: *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 79, 80; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 209, 213–215; *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere lithuanien du XVIe siècle: le prince Dimitrij Višnevecij et l'origine de la Seč Zaporoague d'après les archives ottomanes // La Russie et l'Europe XVI–XX s. Paris; Moscou, 1970. P. 155–62; *Флоря Б.Н.* Проект антитурецкой коалиций сере-

- дины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVI вв. М., 1979. С. 71–86; *Виноградов А.В.* Указ. соч. [Т]. 1. С. 103–112, 135–159, 198.
- ⁴⁷ Ср. с легендарным бесленейским пше Елджироко Каноковым (ПСРЛ. Т. 13. С. 320; *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 116, 119, 120; *Его же.* Избранные труды. Нальчик, 1956. Т. 2; Къанокъуэ Лэжьэрыкъуэ и уэрэд // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отд. 3. С. 68; *Цагъуэ Нурий.* Указ. соч. Н. 29).
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 320; КРО 1. С. 8.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 324; Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1793. Ч. 10. С. 77, 78; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 216, 217.
- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 324; КРО 1. С. 8.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 44; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 137, 222.
- ⁵² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 60об., 166 об.–168; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 221, 222.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 332; КРО. Т. 1. С. 9, 392; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 220.
- ⁵⁴ *Тернавский Н.* Указ. соч.
- ⁵⁵ Текст Синодика см.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С. 178.
- ⁵⁶ *Титов А.А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 59, 60; Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. М., 2006. № 3. С. 29; Кормовая книга Кирилло-Белоозерского монастыря // Записки отделения Русской и славянской археологии имп. Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. С. 58; ПСРЛ. Т. 13. С. 333; КРО 1. С. 9, 10.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 339, 341, 343; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 221; *Виноградов А.В.* Указ. соч. [Т.] 1. С. 174.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 60об.; *Виноградов А.В.* Указ. соч. М., 2007. [Т]. 2. С. 15.
- ⁵⁹ *Крымский А.* История Турции и ея литературы. М., 1910. Т. 2: От расцвета до начала упадка. С. 27, 28.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 117. Л. 1 (Родословная роспись Ахамашуковым, составленная в 1685 г.); Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 366, 416, 425, 523, 529; Разрядная книга, 1559–1605. С. 277, 299, 334; ПСРЛ. М., 2000. Т. 14. С. 74. КРО 1. С. 5, 389;

Мордвинова С.П. Служилые князья в конце XVI века // Труды / Московский государственный историко-архивный институт. М., 1970. Т. 28. С. 339; *Ее же.* К истории утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 127–141; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией ... С. 151.

- ⁶¹ Выписка о приезжавших на Москву царевичах и Черкасских и Ногайских мурзах ... С. 887; [*Белокуров С.А.*]. Роспись, хто был на Москве царей и царевичев разных земель ... С. 83.
- ⁶² Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 360–362, 416, 466, 523, 529; Разрядная книга, 1559–1605. С. 217, 335; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 1, ч. 2. С. 24, 25, 26, 189 (примечание публикатора: «в рукоп.: Петр Ахамахушевич»), 226; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3, ч. 1–3. Л. 931об., 956об.; Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 143; *Мордвинова С.П.* Служилые князья в конце XVI века. С. 339.
- ⁶³ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. Л. 76, 76об.–78об., 118; Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1789. Ч. 12. С. 382; Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 1, ч. 2. С. 267, 269, 282, 290, 300, 302, 321, 332, 335, 341, 350, 384, 385, 406, 409, 411; *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М., 2006. С. 146–149; Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. Колл. Строева. Оп. 2. № 218; РИБ. Пг., 1917. Т. 35. № 342; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею. СПб., 1836. Т. 3. № 158; Акты исторические. СПб., 1843. Т. 3. С. 292, 322; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в Московском сенатском разрядном архиве, с обозначением служебной деятельности каждого лица и указанием на годы состояния в занимаемых должностях / сост. П.Иванов. М., 1853. С. 15; РИБ. СПб., 1898. Т. 18: Донские дела. Кн. 1. С. 633–634, 713–997; Докладная выписка 7121/1613 г. о вотчинах и поместьях / сообщил действительный член А. П. Барсуков // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1895. Кн. 1. С. 5; *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 125, 126.

**МУРАД-ГИРЕЙ В «АСТРОХАНИ».
К ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ РОССИИ
НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ И НА КАВКАЗЕ
В 1586–1591 гг.**

В 80–90-х годах XVI столетия Кавказ оказался в эпицентре ирано-турецкой войны 1578–1590 гг., повлекшей за собой помимо множества других последствий резкое усиление в этом регионе внешнеполитической активности Русского государства. Стремительному восстановлению военно-политического присутствия Москвы на Северном Кавказе, обозначившегося уже с конца 70-х годов, способствовал, казалось бы, случайный фактор – династический кризис в Крыму, приведший к серьезному ослаблению государства Гиреев и умело использованный русским правительством.

Как известно, в начале 70-х годов в условиях прямой военной угрозы Русскому государству со стороны Крыма с предъявлением требований о «возвращения мусульманских юртов» правительство Ивана Грозного было вынуждено пойти на снос Терского «городка» и временно ограничить военно-политическую активность на Кавказе. Победа русских войск над крымцами при Молодях летом 1572 г. не привела к активизации политики Москвы на Кавказе, но «сняла вопрос об отдаче Астрахани, а тем более Казани»¹.

Поражение крымцев при Молодях содействовало падению престижа хана Девлет-Гирея I в глазах Порты, вплоть до угрозы его смещения с престола, что в свою очередь спровоцировало начало борьбы за власть между его сыновьями.

По мере усиления политической нестабильности в Крыму еще с середины 70-х годов русская дипломатия все более убеждалась, что и «черкасы пятигорские» и «черкасы жжаневские» выходят из-под военно-политического контроля Бахчисарая. Весной 1575 г. это проявилось, в частности, в отказе

«пятигорских черкасов» давать хану ясаки ввиду его неспособности предотвратить нападения на них мурз Малых Ногаев². После кончины летом 1577 г. хана Девлет-Гирея I наследовавший ему Мухаммед-Гирей II, ввиду неустойчивости своего положения на престоле, вообще теряет контроль над ситуацией. Сыновья попавшего в плен при Молодях карачи-бека крымских мангытов Дивея игнорируют хана. Их «Дивеев улус» фактически не подчиняется Бахчисараю. Мурзы «Казыева улуса» следуют их примеру. Кабарда восстанавливает союзные отношения с Москвой.

Весной 1578 г. кабардинское посольство во главе с Камбулатом Идаровичем ставит в Москве вопрос о восстановлении «городка» на Тереке. Правительство Ивана Грозного принимает решение о возобновлении военного присутствия Русского государства на Северном Кавказе. Решение рассматривалось Иваном Грозным как средство для политического давления на Крым, но оказалось явно преждевременным – в условиях угрозы войны с Речью Посполитой Русское государство не могло идти на конфликт с Крымом. Обеспокоенная резким ослаблением Крыма Порта принимает срочные меры для консолидации Гиреев и крымской знати вокруг правящего хана. Уже летом 1578 г. крымское посольство в Москве возобновляет требование об «уступке мусульманских юртов» – Казани и Астрахани и ставит вопрос о недопустимости постройки нового «городка» на Тереке. Крымцы шантажируют Москву угрозой союза с Речью Посполитой. Одновременно крымское посольство действительно ведет во Львове переговоры с королем Стефаном Баторием³. Впрочем, вопрос о неучастии Крыма в войне Русского государства и Речи Посполитой уже был решен в Стамбуле, где готовилась «большая война с Ираном». В 1578 г. Москва не дала ясного ответа на крымское требование сноса «городка». Но в 1579 г. требование хана было выполнено. Это было связано с событиями на Кавказе 1578–1579 гг., когда у «городка» русскими воеводами были разгромлены возвращавшиеся из Ширвана крымцы во главе с «царевичем» Адыл-Гиреем. Последовала жесткая реакция Порты, выразившаяся в очередном крымском ультиматуме Москве. В январе 1580 г.

гонiec Иван Елизаров повез грамоту Ивана Грозного хану, в которой тот информирует о сносе «городка»⁴.

Уступчивость русского правительства понятна», констатирует Е.Н.Кушева⁵. Москва не может позволить себе угрозу с юга в момент тяжелейшей войны с королем Стефаном Баторием. На время русское правительство «со стороны» наблюдает за ходом ирано-турецкой войны и «сопутствующих ей» событий.

Война с Ираном, в которой Крым принял активное участие, способствовала дальнейшему развитию династического кризиса Гиреев, который к 1583 г. превращается в открытое противостояние хана Мухаммед-Гирея II с братьями. В начавшейся в Крыму междоусобной войне претенденты на престол активно используют мурз «Казыева улуса» и «жжаневских черкасов». За ходом «крымской смуты» пристально следит Иран. Кавказ медленно вовлекается в крымскую междоусобицу. Позиция Москвы формально демонстрирует «невмешательство»: дипломатические «ссылки» осуществляются с «законными» ханами – Мухаммед-Гиреем II и сменившим его по воле султана Ислам-Гиреем II.

И «вдруг» происходит нечто невиданное: обращение изгнанных из Крыма «царевичей» Гиреев, сыновей свергнутого хана Мухаммед-Гирея II Сеадет-Гирея, Мурад-Гирея и Сафа-Гирея, за военно-политической поддержкой непосредственно к Москве. При этом двое из числа «претендентов на престол» находятся на Кавказе, а один водворяется на Нижней Волге.

Осенью 1586 г. «Крымский юрт» Малые и Большие Ногаи, а также все «черкасы» были ошеломлены невероятным известием. В Астрахани водворился Мурад-Гирей в качестве брата законного крымского «царя» Сеадет-Гирея и одновременно Чингисида, призванного консолидировать «под рукой московского царя» мурз «Казыева улуса» и Больших Ногаев. Мурад-Гиреем по прибытии в Астрахань декларируются планы похода на Крым, в котором помимо Больших Ногаев предлагается принять участие шамхалу, «черкасам» и «всем горским князьям». Впрочем, нельзя сказать, что эта акция русского

правительства была, по крайней мере, для ногайских мурз и кабардинских князей полной неожиданностью. Догадывались о планах Москвы и в Крыму.

Чтобы понять, почему в Астрахани водворился именно Мурад-Гирей, необходимо вернуться «немного назад» и остановиться на событиях 1583–1586 гг.

Итак, с середины 70-х годов XVI столетия в Крыму начинается противостояние сыновей хана Девлет-Гирея I (1551–1577), связанное с нежеланием некоторых «царевичей» видеть наследником отца калгу Мухаммед-Гирея, которому тем не менее после его кончины удается при поддержке Порты утвердиться на престоле. Противостояние сыновей хана Девлет-Гирея I после его кончины в 1577 г. постепенно стало серьезным фактором во всей системе межгосударственных отношений в Восточной Европе и на Кавказе.

Французские ориенталисты Ш.Лемерсье-Кельеже и А.Беннигсен датируют начало династического кризиса в Крыму 1577 г. т.е. смертью Девлет-Гирея I⁶. Отчасти это датировка правомерна: и летом 1577 г., в момент болезни и агонии хана, и в 1581 г., когда против хана Мухаммед-Гирея II восстал его брат Адыл-Гирей, дело едва не дошло до крупномасштабной междоусобной войны. Однако Порты, заинтересованная в выступлении крымской орды на иранский фронт, всякий раз содействовала достижению компромисса между ханом и его братьями.

Дальнейшему развитию династического кризиса способствовало именно участие Крыма в ирано-турецкой войне. Как известно, в ходе кампаний на Кавказе крымцы понесли тяжелые потери, а дом Гиреев лишился ряда «царевичей». Нежелание хана Мухаммед-Гирея II (1577–1584) покидать Крым для участия в тяжелой войне в условиях конфликта с братьями послужило исходной точкой в начале «крымской смуты».

До начала 80-х годов Порты менять Мухаммед-Гирея II на престоле не хотела.

Положение изменилось после самовольного оставления ханом театра военных действий. К этому времени калга Адыл-Гирей погиб на войне с персами, другой брат, будущий хан

Гази-Гирей, попал к ним в плен, и основным соперником хана стал Алп-Гирей. Впрочем, Порты определила «на место» Мухаммед-Гирея II еще одного его брата – Ислам-Гирея, длительное время находившегося в Стамбуле.

В «острую фазу» события в «Крымском юрте» перешли в конце 1583 г., приняв формы открытой междоусобной борьбы. Столкновение хана Мухаммед-Гирея II с коалицией крымской знати во главе с его братом Алп-Гиреем завершилось весной 1584 г. военным вмешательством Порты. На «Крымский юрт» при поддержке османских войск был посажен хан Ислам-Гирей II, калгой (первым наследником престола) стал Алп-Гирей. Свергнувший хан Мухаммед-Гирей II был убит при попытке бегства с территории полуострова. Его сыновья – Сеадет-Гирей, Мурад-Гирей и Сафа-Гирей – сумели вырваться из Крыма и водворились в кипчакских степях (Дешт-и-Кипчаке), где могли рассчитывать на поддержку мангытского клана Дивеевых. Хан Ислам-Гирей II оповестил сопредельные государства о своем воцарении. В Москву был отправлен гонец Сеферь Ших, задержанный там до прояснения обстановки. Осторожность русского правительства оказалась оправданной

В конце лета 1584 г. вторжение «царевичей» – сыновей свергнутого хана Мухаммед-Гирея II – в Крым положило начало потоку событий, приведших к самому крупному после противостояния Сеадет-Гирея и Ислам-Гирея I в 30-х годах XVI в. «двоецарствованию» в «Крымском юрте». Династический кризис в доме Гиреев на этот раз не только привел к очередному вмешательству в крымские дела Порты, но и создал условия для вмешательства в него Русского государства.

Внешний ход событий выглядел следующим образом исходя из сведений, собранных в Крыму в конце 1584 г. русскими дипломатами – И.Судаковым-Мясным и следовавшим через Кафу в Стамбул Б.Благово (Благова). По статейному списку гонца в Крым И.Судакова-Мясного: «Приходили на Крым царевичи Саадет-Кирей з братьею да Есиной князь Дивеев, да Арасланай мурза и многие мирзы ногайски, а с ними было нагайских людей пятнатцать тысяч. И приходиди за один и царе-

вичи и ногайские мирзы приступали Бохчисарае три дни, и посад у Бохчисараев выжгли»⁷. Вторжение было поддержано внутренней оппозицией: «И крымские многие люди изменили Ислам-Гирею царю, и от которых царь и не чаял измены в своих ближних людях, и те все изменили»⁸. Последовала кратковременная осада Бахчисарая, где сидели хан, калга Алп-Гирей и оставшиеся верными хану младшие братья: «А с ними было крымских князей и мурз тысячи четыре да енычар шестьсот человек. И енычар многих побили»⁹. В конечном итоге Бахчисарай был сдан. Хан и его братья разными путями добрались до Кафы.

«И учинился царевич Саидет-Кирей царем, и был царем полтретья месяца»¹⁰. Свергнутый хан из Кафы «послал Саламета-Кирея царевича к турецкому за море, а велел просить у турецкого енычар»¹¹. Султан Мурад III прислал три тысячи янычар. С этими силами хан выступил из Кафы и в ожесточенном сражении разбил мятежников. «И Саидет-Кирей царь и царевичи и ногайские мурзы побежали. И побили ногайских и крымских многих людей»¹². После этого хан Ислам-Гирей II вернулся в Кафу, а калга Алп-Гирей двинулся вдогон за «царевичами». Калга не решился сам выходить далеко за Перекоп, встал «в Балысараех на Миусех», затем сжег этот укрепленный пункт, который уже давно служил форпостом Дивеевых, и повернул назад. Алп-Гирей послал преследовать мятежников до Северного Донца Каллаш дувана, который по возвращении «декабря в 15 день» встретил направлявшегося в Крым русского гонца И.Судакова-Мясного¹³.

Ввиду утраты части посольской документации по связям с Крымом, не представляется возможным установить, когда и в какой степени Москва получила информацию о начале в Крыму вооруженной борьбы между сыновьями хана Мухаммед-Гирея II и правительством Ислам-Гирея II. Наличие посольских «речей» и посланий «законному» хану говорит о том, что в Москве были твердо уверены, что «на Крымском юрте» сидит Ислам-Гирей II.

15 января И.Судаков-Мясной прибыл в Кафу, где после предварительных переговоров с беком Мурадом Сулешевым –

наследственным московским «амиатом» 16 января состоялась его аудиенция у Ислам-Гирея II¹⁴.

Ко времени прибытия И.Судакова-Мяснова в Кафу, в крепости уже побывал русский посол в Турцию Б.Благово (Благой), который 16 декабря также провел там переговоры с беком Мурадом Сулешевым и получил аудиенцию у хана¹⁵.

При переговорах русских дипломатов с Мурадом Сулешевым и контактах с представителями крымской знати прояснились масштабы кризиса в Крымском ханстве.

Приведенные «царевичами» ногайские полчища как «казыевские», так и «дивеевские» «Крымскому юрту учинили шкоду великую, всю землю пусту зделали и цареву казну всю разграбили, и в полон женок и девок, и робят русских и литовских имали»¹⁶. Среди крымской знати мятеж «царевичей» вызвал настоящее опустошение: помимо павших в битвах, цвет князей мурз, не успевших или не захотевших последовать за «царевичами», был уничтожен калгой Алп-Гиреем. В его руках находилась реальная власть в «Крымском юрте», пока хан отсиживался в Кафе.

Постепенно перед И.Судаковым-Мясным вырисовывались масштабы угрозы правящему хану от бежавших «царевичей», которые явно не отказались от борьбы за «отца своего юрт». 16 января 1585 г. сразу же после аудиенции у хана И.Судаков-Мясной провел переговоры с «царевыми ближними людьми» – Мурадом Сулешевым, Мустафой беком и Зентимиром агой¹⁷. Они неожиданно потребовали у русского гонца отправить в Азов и, что самое замечательное, «на Дон» толмача из числа прибывших с ним людей. Мало того, они сообщили, что с подобным же требованием хан обратился к пребывающему в Кафе Б.Благово (Благому). Причиной явилась информация о захвате «царевичей», а также «всех лучших князей и мурз, которые бежали с царевичи на Дон» донскими казаками – Третьяком Кишкиным «с товарищи». Якобы «Хотят де Третьяк да Кишкин со царевичи ехать к Москве к государю вашему»¹⁸. И.Судаков-Мясной, естественно, ответил отказом. 22 января И.Судаков-Мясной получил сведения, что хан отказался от плана посылки русских толмачей и отправил «Достогмета агу

азоавского на Дон проводить прямых вестей про царевичей»¹⁹. 18 февраля И.Судаков-Мясной получил сведения: Достогмет благополучно вернулся в Крым с захваченными на Дону казаками, которые сообщили, что «два царевича пошли в Нагаи», а третий «царевич» «утек» в Астрахань²⁰. 20 марта бек Мурад Сулешев сообщил, что «Ко царю пришла прямая весть про царевичи». Вести были нерадостные для Ислам-Гирея II: Мурад-Гирей определенно находился в «Астрохани», Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей – в «Шевкалах»²¹. В начале мая стало известно, что Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей «в Черкасах в Кумыках» и уже получили приглашение прибыть к «кызылбашскому». Это уже затрагивало интересы Порты. Вскоре И.Судакову-Мясному стало известно, что проблемой «царевичей» озабочен находившийся тогда в Костомане османский главнокомандующий на иранском фронте всесильный Осман-паша.

5 марта 1585 г. И.Судакову-Мясному стало известно, что в Кафу прибыл «Осман пашин приказной человек Сефер ага». Эмиссар главнокомандующего потребовал немедленного отправления Б.Благово (Благова) в Синоп и далее в Костоман в ставку Осман-паши. Одновременно прибыли копычей с приказом выяснить «сколько ноне в Кафе воинских людей». Однако главная их цель заключалась «проводывати прямых вестей про царевичей. Где ныне царевичи»²². Б.Благово (Благой), отбывший из Кафы, 5 марта прибыл через Синоп в Костоман, где был принят Осман-пашою. Переговоры показали явное стремление «сильного человека» Порты в кратчайшие сроки завершить войну с Ираном. Затрагивалась и проблема «терских казаков». Осман-паша потребовал, «чтоб тебе, государю, с терки велеть казаков свесть всех. Чтоб ему проход был в кызылбаши бесстрашен»²³. Проведя переговоры в Костомане, Б.Благово (Благой) 26 марта отбыл в Стамбул, куда прибыл 8 апреля. Пребывание русского посла в османской столице затянулось до 12 июня. Дипломатическая миссия Б.Благово обстоятельно рассмотрена в труде Н.А.Смирнова, и мы ограничимся только констатацией исключительной озабоченности Порты пребыванием «царевичей» на Кавказе²⁴.

Между тем находившимся в Крыму И.Судакову-Мясному стало ясно, что проблема «царевичей» превращается в центральный вопрос отношений Москвы и Бахчисарая.

12 мая русскому была дана отпускная аудиенция ханом Ислам-Гиреем II, который объявил И.Судакову-Мясному, что с ним в Москву посылается крымский гонец Джан-паша. Главное, однако, последовало после аудиенции.

18 мая 1585 г. к И.Судакову-Мясному прибыл доверенное лицо хана Зентимир ага с «тайными речами». «Ислам-Гирей царь велел тебе говорить тайно к брату своему, а ко государю вашему, в своей грамоте о том не пишу. Приказывает тебе словом сказывать царю. Поехал ко государю вашему Мурат-Кирей царевич. И царю был царевич братин сын. А нынче царю учинился недругом. И учнет Мурат-Кирей царевич Ислам-Гирея царя со государем свавить, и государь ваш тому не верил, штобы меж дву великих государей дружба не порушивалась»²⁵.

Завершением миссии в Крыму И.Судакова-Мясного была его аудиенция у калги Алп-Гирея 7 июня уже на Молочных Водах. Помимо объявления о том, что калга посылает вместе с И.Судаковым своих гонцов, ему было объявлено, что «душманы (враги) наши два царевича пошли в Кызылбаши»²⁶. Алп-Гирей не скрывал своей озабоченности складывающейся ситуацией.

Таким образом, полугодовое пребывание русского гонца в Крыму прошло под знаком нарастающей угрозы правящему хану со стороны «царевичей», превращающейся, помимо всего прочего, в фактор, существенно затрагивающий интересы Порты.

К лету 1585 г. в Крыму были уже осведомлены о «ссылках» «царевичей» с Москвой.

Обращение сыновей Мухаммед-Гирея II к московскому государю произошло далеко не сразу. «Царевичи» отступили с крымского полуострова вероятно с еще значительными силами. Во всяком случае, в ноябре – декабре 1584 г. калга Алп-Гирей не осмелился преследовать их, ограничившись разорением Балы-Сарая. После этого кипчакские степи (Дешт-и-Кипчак) – владения Дивеевых – для мятежников оказались потеряны. Без

владения Балы-Сараем контролировать «Дивеев улус» было нереально. «Царевичи» с поддержавшими их ногайскими мурзами перебрались за реку Миус (Молочные Воды) и вступили в кочевья Малых Ногаев. Первоначально «царевичи», судя по всему, предполагали водвориться в «Казыевом улусе». Весной 1585 г. им пришлось оставить эти планы. По сведениям И.Судакова-Мясного, 21 апреля к Ислам-Гирею II пришли «из Казыева улуса Акула ази от Аросланая мирзы Дивеева и ото всех мирз, которые жили в Калмиюсе», которые готовы были шертовать хану и просили прислать для этого в Азов царевича, который также должен был дать шерть ногайским мурзам²⁷. Ислам-Гирей II готов был пойти на это предложение, если мурзы, в свою очередь, не будут иметь никаких дел с Сеадет-Гиреем и его братьями.

К лету 1585 г. Ислам-Гирею II казалось, что «Казыев улус» возвращен под его контроль. Как оказалось, это суждение хана было преждевременным. Главная фигура – Арсанай мурза Дивеев так и не вернулся в Крым, а продолжал оставаться фактически независимым правителем большей части «Казыева улуса». Правда, сами «царевичи», судя по всему, уже ранней весной 1585 г. покинули кочевья Малых Ногаев.

В марте 1585 г. бек Мурад Сулешев определенно говорил русскому гонцу И.Судакову-Мясному: «Ко царю пришла прямая весть про царевичей Саадет-Кирей царевич да Сафа-Кирей пошли в Шевкалы, а Мурат-Кирей царевич в Астрохани, а племянника моего Кошум мурзу Сеферева сына царевичи послали к государю Вашему к Москве»²⁸. В апреле бек Мурад Сулешев заявил И.Судакову-Мясному, что Мурат-Кирей царевич «дополна в Астрохани»²⁹. Вскоре появились сведения и о местопребывании его братьев. В начале мая И.Судаков-Мясной получил сведения о том, что Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей «В Черкасах в Кумыках», где они вступили в контакт с иранцами: «И прислал им шах, кизилбашский царь, великое жалование. А зовет их к себе»³⁰. Наконец в июне русскому гонцу сообщили, что «Сафа-Кирей царевич со государя вашего казаки ссылается»³¹. Между тем, в апреле – мае 1585 г. пребы-

вающий в Стамбуле Б.Благово также узнал о том, что «Слух дошел до турецкого, что крымский Махмед-Киреев сын Мурат-Кирей царевич пошел к тебе, государю»³².

Итак, к моменту возвращения И.Судакова-Мясного в Москву летом 1585 г. «царевичи» решили разделиться. Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей пытались найти поддержку «в Больших Ногаях», исконных врагах Крыма, и на Северном Кавказе, «в Шевкалах». Мурад-Гирей должен был заручиться поддержкой московского государя. Ссылки с Москвой по поводу этого «царевича», вероятно, уже имели место у «астроханских» воевод. Сеадет-Гирей планировал укрепиться «в Шевкалах», Сафа-Гирей также рассчитывал «на западных черкасов» (Жанэ). При этом Сафа-Гирей «ссылался» с казаками как с приднепровскими, так и с донскими.

Возможно, поздним летом или осенью 1585 г., уже после отбытия И.Судакова-Мясного из Крыма, Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей с донскими казаками и скорее всего с ногайскими татарами и с «черкесами» совершили набег на Крым³³. Точную датировку похода установить трудно. Он упоминается в наказной памяти отправленному в январе 1586 г. в Крым гонцу В.Непейцину, где был предусмотрен был ответ на следующий вопрос «царя, царевичей и ближних царевых людей» «почто Саадет-Кирей царь с братом ходил на Крым, и с ними ходили государевы люди донские атаманы и казаки» – «со царем государевы казаки не хаживали»³⁴. Сведений о походе «царя з братом» нет ни в доставленных в Москву летом 1585 г. донесениях гонца в Крым И.Судакова-Мяснова, ни в донесениях русского посла к Порте Б.Благово (Благова). Следовательно, сведения о походе были получены Москвой из других источников. До нас дошел сохранившейся в столбцах ногайских дел отрывок указной грамоты Федора Ивановича в Астрахань гонцу Степану Кузьмину³⁵. Помимо всего прочего этот документ показывает, что к осени 1585 г. «царевичи» уже прочно находились в поле зрения Москвы. С.Кузьмина послали к Сеадет-Гирею и Сафа-Гирею с «поминками» и «жалованием», где бы они в то время не находились – «в Шевкалы или где они будут в Нагаех или в Казыеве улусы»³⁶. Интересно, что перечисление возможных

мест пребывания «царевичей» соответствует материалам донесений И.Судакова-Мясного, к тому времени уже доставленных им в Москву. Можно предположить, что, когда С.Кузьмин приехал в Астрахань, стало известно, что Гирей пошел на Крым. Не имея долгое время информации об их точном нахождении, гонец на достаточно длительное время задержался в Астрахани или вблизи ее и не заметил, как Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей подходили к городу, прежде чем отправиться к Тереку. Упоминание «поминок» можно рассматривать как констатацию признания Москвой Сеадет-Гирея «крымским царем». «Жалование», очевидно, посылалось его приближенным, в числе которых был Кошум мурза, представитель рода московских «амиатов» Сулешевых. В документе упоминается гонец Леонтий Панов, прибывший в Москву с грамотами Сафы-Гирея, возможно именно он принес известия о набеге. Этот гонец упоминается в многих документах.

В момент отбытия С.Кузьмина в «Астрохань» русское правительство имело сведения, что «царевичи», скорее всего, водворятся в «Шевкалах», что явствовало из сведений И.Судакова-Мясного и, возможно от «астроханских» воевод. Скорее всего, С.Кузьмин побывал в «Астрохани» поздней осенью 1585 г., находился там длительное время и, получив сведения, что «царевичи» двинулись «в Шевкалы», отправился туда вслед за ними.

Данные сведения почти полностью подтверждаются в указной грамоте государя Федора Ивановича «астроханскому» воеводе кн. Ф.М.Лобанову-Ростовскому от 30 января 1586 г., где помимо всего прочего вызван гнев на С.Кузьмина, который «проморгал» пребывание «царевичей» у «Астрохани», и содержалось указание немедленно, после того как вернется в «Астрохань» «от Саадет-Кирея царя», отправить его в Москву³⁷. В документе не упоминается Мурад-Гирей. Может быть он уже, ранней осенью 1585 г., покинул Астрахань и находился в пределах Русского государства.

Во всяком случае, факт установления русским правительством контактов с сыновьями Мухаммед-Гирея II летом – осенью 1585 г. не подлежит сомнению. Главная роль в «ссылках»

с Москвой братьями отводилась Мурад-Гирею. Судя по всему, уже было решено, что именно он должен лично предстать перед московским государем.

Между «царевичами» было достигнуто своеобразное «разделение труда». Сеадет-Гирей играл роль «хана в изгнании» и планировал обосноваться «в Шевкалах». Судя по всему, он поддерживал контакты с иранцами. Сафа-Гирей находился вблизи Крыма «у жжаневских черкас», Мурад-Гирей «примерялся» к «Астрохани». Это, конечно, было не случайно. «Царевичи» избегали соединяться вместе. Единственные упоминания, когда они находились «вблизи» друг от друга, связаны с Астраханью.

Конечно, «царевичи» не случайно «тяготели» к Астрахани, геополитическое положение которой делало ее опорным пунктом для борьбы за Крым. Как известно, Гирей претендовали на «Астраханский юрт» с момента возникновения Крымского ханства. С конца 60-х годов требование «уступки» Астрахани было главной темой русско-крымских отношений. Планы посадить в Астрахани младших Гиреев под русским протекторатом время от времени возникали у Ивана Грозного. Роль Астрахани в истории Больших Ногаев и народов Кавказа, в системе международных отношений этого времени многократно описана исследователями³⁸. Через Астрахань осуществлялись дипломатические контакты Москвы с Ираном и грузинскими царствами. Через Астрахань для «царевичей» открывался путь в любом направлении – к шамхалу и далее в Иран, в «Казыев улус», к «жжаневским черкасам», к Большим Ногаям, наконец, обратно в Крым. В Москве интерес «царевичей» к Астрахани своевременно заметили и оценили.

Политика Москвы в отношении «царевичей», и прежде всего Мурад-Гирея в течение 1585–1586 гг., формировалась постепенно.

На фоне первых контактов с «царевичами» в июле – декабре 1585 г. происходил прием дипломатического представителя хана Ислам-Гирея II Джан-паши. Русские власти не дали ясного ответа на «миролюбивые предложения» крымского хана. Пребывание гонца затянулось до декабря, когда он был отпу-

щен вместе с русским гонцом В.Непейциным. В грамоте, отправленной хану от имени государя Федора Ивановича, проблема «царевичей» практически не затрагивалась³⁹. В то же время в отношениях с сопредельными державами русское правительство стремилось интерпретировать миссию Джан-паши как показатель неустойчивого положения «Крымского юрта». В наказной памяти отправленному 4 сентября 1585 г. на польский съезд со шведами боярину кн. Ф.Д.Шастуну и думному дворянину И.П.Татищеву было предписано довести до «Свийских послов» следующую информацию: «Крымский Ислам-Гирей ныне ко государю нашему прислал гонцов Ян-пашу мурзу с товарищи, а послов посылает же. А просит того, чтоб государь наш был с ним в любви и в братстве, и с его бы юрта государь его не согнал (sic), и племянников Саадет-Кирея царя и Мурат-Кирея царевича и Сафа-Кирея царевича на юрт на Крымский не отпускал и своей рати с ними не посылал. И государь наш того его челобития слушать не хочет, а хочет послати ис своих рук царских на Крым своих посаженников Саадет-Кирея царя с братьею»⁴⁰.

Соглашение Москвы с «царевичами» было достигнуто в начале 1586 г., вскоре после отпуска из Москвы крымского эмиссара Джан-паши. После осени 1585 г. «царевичи» активизировали контакты с Москвой. В это время «на Москве», вероятно, уже находился Мурад-Гирей, который покинул Астрахань, не дожидаясь прибытия в низовья Волги своих братьев. В столицу его до отпуска крымских гонцов, естественно, не допускали. Точных данных о его местонахождении не имеется, но судя по сохранившимся в московском делопроизводстве копиях посланий к нему от брата «царя» Сеадет-Гирея он имел возможность «чаловаться о мирезех и о послех, которые ныне посланы, чтоб их государь пожаловал»⁴¹. По возвращении из Крымского похода на Терек, как указано в послании к брату Мурад-Гирею, Сеадет-Гирей с Сафа-Гиреем подъехали под Астрахань и «со князем Федором (астраханским воеводой кн. Ф.М.Лобановым-Ростовским) обослались». Царевичи «роту и шерть учинили и с тем холопа своего Магмет агу послали ес-

ми»⁴². Предварительная шерть была условием признания Москвою Сеадет-Гирея «царем».

В первые месяцы 1586 г. «ссылки» с «царевичами» стремительно активизировались, Они шли через Шацк – основной базой для приема дипломатических представителей Больших Ногаев. В январе месяце в Москву приехали послы от Сеадет-Гирея и Сафа-Гирея Магмет ага «с товарищи»⁴³. Их сопровождал сын боярский Леонтий Полев.

25 января из Москвы отпустили к Сеадет-Гирею одного из его эмиссаров, Асанака (Асана) с грамотой⁴⁴. 7 марта в Шацк пришли новые послы от Сеадет-Гирея и Сафа-Гирея, люди Мурад-Гирея, «Казыевых мирз», а также Арсаная Дивеева, которых уже 9 марта отпустили в Москву⁴⁵. 15 марта в Шацк приехал от Сеадет-Гирея, Дивеевых и «Казыевах мирз» русский служилый татарин Кадыш Кудинов⁴⁶. 14 мая в Шацк прибыли послы от «Саадет-Гирея царя» и шамхала. И уже 16 мая их отпустили из Шацка к московскому государю⁴⁷. 24 мая прибывшие послы от Сеадет-Гирея, бия Большой Ногайской Орды Уруса и шамхала были у боярина князя Андрея Ивановича Шуйского, Посольского дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова в Посольском приказе⁴⁸.

Подробности переговоров неизвестны. В донесении государю отмечен только факт принятия грамот у послов. Вместе с тем производит впечатление оперативность в организации «ссылок» с «царевичами». Во время приема этих послов А.Я.Щелкалову были вручены списки с посланий от «кызылбашского шаха и от его сына» к Мурат-Гирею, доставленные его послом в «Астрохань» Ясымом⁴⁹.

«Царевичи» превращались в «ключевые фигуры» кавказской политики. Исследователи обратили внимание на активность шамхала. Е.Н.Кушева подчеркивает, что шамхал в марте – мае 1586 г. принимал активное участие в «ссылках» Сеадет-Гирея и Сафа-Гирея с Москвой⁵⁰. Французские ориенталисты Ш.Лемерсье-Кельеже и А.Беннигсен отмечают, что через шамхала «царевичи» имели связь с Ираном⁵¹. К сожалению,

особенности сохранившихся в «столбцах» ногайских дел русской посольской документации по ссылкам с «царевичами» не дают возможности проследить ход переговоров.

Кавказскими делами «ссылки» с «царевичами» не ограничивались. Обращает на себя внимание тот факт, что параллельно с переговорами с «царевичами» русское правительство возобновило интенсивный диалог с Большой Ногайской Ордой.

Роль Мурад-Гирея в русско-ногайских отношениях исследовалась В.В.Трепавловым, поэтому ограничимся констатацией того факта, что в любом случае фигура этого направленного в Астрахань Чингисида должна была упрочить политический контроль Москвы над Большими Ногаями.

Русское правительство явно готовилось использовать «царевичей» на нескольких «геополитических направлениях». Одной из главных задач было восстановление военно-политического влияния Москвы на Северном Кавказе. Правительство Федора Ивановича, в котором уже доминировал Б.Ф.Годунов, готовилось использовать всех трех «царевичей». «Царем» признавался Сеадет-Гирей (впервые упомянут в таком качестве в грамоте, отправленной к нему с гонцом Л.Полевым)⁵².

Представлять «царя» в Москве должен был Мурад-Гирей. Весной шли активные переговоры о принесении Мурад-Гиреем шерти Федору Ивановичу за себя и своих братьев, а также об условиях посылки Мурад-Гирея в Астрахань и помощи Русского государства в возвращении крымского престола. Вероятно, переговоры шли непосредственно с Мурадом-Гиреем, после его прибытия в Москву к марту 1586 г. Определить, на каком этапе переговоров было достигнуто соглашение об отправлении Мурад-Гирея в Астрахань, не представляется возможным. Окончательная договоренность была, вероятно, достигнута в начале лета. Условия соглашения можно реконструировать только в общих чертах. По нему Мурад-Гирей посылался на «житье» в Астрахань. Статус царевича в городе установить достаточно тяжело. А.А.Новосельский этого вопроса не касался, ограничившись замечанием о «назначении» Мурад-Гирея в Астрахань⁵³. В.В.Трепавлов указывает, что всем «царевичам дозволили поселиться на Нижней Волге»⁵⁴. А.В.Беляков

отмечает, что Мурад-Гирей «поселили в Астрахани и активно использовали в кавказской и крымской политике»⁵⁵. Все исследователи признавали, что нет однозначных сообщений о «пожаловании» Чингисида городом. Федор Иванович, судя по всему, обещал всестороннюю, в том числе и военную, помощь братьям в их борьбе за Крым. В частности были обещаны терские, волжские, яицкие и донские казаки. Мурад-Гирей, в свою очередь, «бил в холопство» русскому царю, становился его подданным, и, возможно, отказывался от права отъезда. В целом вопрос о статусе Мурад-Гирея в Астрахани требует специального исследования⁵⁶.

Действительно, Мурад-Гирей перешел «на особое положение»; его братья от «прямого холопства» дистанцировались. Возможно, Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей обещались согласовывать свои действия с Москвой. Сеадет-Гирей, как старший брат и носитель «царского титула», обещал отдать в заложники своего сына⁵⁷. Можно предположить, что им стал Кумо-Гирей. Как отмечают И.В.Зайцев и А.В.Беляков, только он упоминается в Русском государстве после смерти отца⁵⁸.

Факт прибытия мятежных Гиреев в Русское государство различно отражен в летописных источниках. В «Новом Летописце» информация дается под заглавием «О приезде к царю Федору Крымского царевича Малат-Кирея с снохою и с племянником и со многими татаровя»⁵⁹. Обстоятельства и причины прибытия Мурад-Гирея не раскрываются и далее сразу же следует информация о его отправлении в Астрахань.

В Строгановской редакции Нижегородского летописца читаем: «Лето 7093-го (1594/95 г.). Приехал к Москве царевич крымской Мурат Киреев сын Девлетекиев государю, царю служить»⁶⁰. Интерес провинциального летописца к данному событию, судя по всему, вызван тем, что визиты Мурад-Гирея из Астрахани в Москву пролегли через Нижний. Судя по всему, визиты «царевича» не остались незамеченными современниками. Автор дополнения к Никоновской летописи («Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси») даже заменил имя «крымского царя Казы-Кирея» (хана Газы-Гирея II), совершившего поход на Москву в 1591 г., име-

нем его племянника, находившегося незадолго до этого в Астрахани⁶¹.

Более развернутые сведения дает А.Лызлов в «Скифской истории», которые явно почерпнуты из разрядных книг. Он отмечает, что Мурад-Гирей «приде к Москве служити государю царю и великому князю Федору Иоанновичу с племянником своим иже бе, и пасынок, ему же имя Кумы-Гирей, и з женою, яже бе и невестка ему, и с ними многие татарове, аталыки и мурзы»⁶². В данном случае речь идет уже о родственниках «царевича» в момент его пребывания в Астрахани. Лызлов отмечает, что Мурад-Гирей «был у государя на приезде и у стола июня в 23 день, а июля в 18 день, и повелел ему промысел чинити над Крымским юртом и естли бы Господь поручил ему владети Крымом, а служити московскому великому государю»⁶³. Итак, по Лызлову, именно Мурад-Гирей выступает как основной претендент на «Крымский юрт». Тем не менее, можно предположить, что Кумык(Кумо)-Гирей, сын Сеадет-Гирея, прибыл в Москву вместе с Мурад-Гиреем весной 1586 г.

Точное время прибытия Мурад-Гирея Москву не известно, впервые он упоминается в контексте своего участия в приеме польского посланника М.Гарабурды в марте 1586 г.

Уже на первой аудиенции «при государе был в полате царевич крымской Мурад-Гирей да касимовский царь Мустофа алей да сибирский царевич Магмет кул, а сидел крымский царевич Мурад-Гирей на большой лавке против дверей у государева места, а от него в сажень сидели бояре»⁶⁴. Выделение Мурад-Гирея из числа присутствующих на приеме прочих Чингисидов явно не случайно.

«Предъявление» Мурад-Гирея прежде всего Михаилу Богдановичу Гарабурде, опытнейшему польско-литовскому дипломату, неоднократно бывавшему в Бахчисарае, конечно было не случайным. Оно органически вписывалось в сложную дипломатическую игру, которую вели весной 1586 г. Русское государство и Речь Посполитая. Наличие в Москве реального претендента на крымский престол должно было повысить «ставки» кандидатуры Федора Ивановича на польско-литовский

престол при возможном новом «бескоролевые» в Речи Посполитой.

Пребывание Мурад-Гирея в Москве летом 1586 г. прослеживается по нескольким источникам. 21 июня царевич Мурад-Гирей ел у царя с боярами князем Федором Ивановичем Мстиславским, Борисом Федоровичем Годуновым, Федором Никитичем Юрьевым, Иваном Васильевичем Сицким и окольным Иваном Михайловичем Бутурлиным, а 18 июля ему объявили об отпуске в Астрахань⁶⁵. Вероятно, еще до этого в июле Мурад-Гирей шертвал Федору Ивановичу за себя и своих братьев Сеадет-Гирея и Сафа-Гирея в том, «что быти им под государевою рукою в ево государеве жалованье и воле, и жити под Астараханью, и во всем государю лиха не хотети, и стояти против государевых недругов».

Шертная грамота была известна еще в 1626 г. В «Описи архива Посольского приказа 1626 г.» зафиксирована «Грамота шертная крымского Мурат-Гирея царевича, по которой шертвал он на Москве царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси за себя, и за братью свою, за царя Адет-Кирея и за Сакирея царевича и за мурз, чо быи им под государевою рукою в ево государеве жаловании и воле, и жити под Астроханью, и во всем государю лиха не хотети, и стояти против государевых недругов»⁶⁶.

Датировка «лета 7094-году июля месяца» проходит и по другим источникам. Весьма красноречива и запись в Разрядной книге 1475–1605 гг.: «То го же года июля в 18 день отпустил государь крымского царевича Мурат Кирея Магмет Киреевича в Астрахань, а из Астрахани ему ийти промышлять под Крым, а взем Крым, сести ему на Крыме царем, а служить ему царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси, да с ним послал государь думново дворянина и воеводу Романа Михайловича Пивова да Михаила Ивановича сына Бурцова»⁶⁷. А.А.Новосельский считает, что данная «Запись разрядной книги ценна тем, что она выдает сокровенные замыслы русского правительства: правительству царя Федора Ивановича как будто рисовалась возможность посадить в Крыму зависевшего от него царя, как это некогда было в Астрахани и Казани»⁶⁸.

Вместе с тем, есть все основания предполагать, что к моменту отправления Мурад-Гирея в Астрахань цели русской стороны были явно не сформулированы, по существу речь шла о возможности использовать фактор Мурад-Гирея на разных геополитических направлениях в зависимости от развития обстановки. Подобная тактика была не новой в «степной политике» Москвы и отражала неясность стратегической перспективы ввиду быстро менявшейся обстановки.

Летописные источники крайне лаконично отражают факты, относящиеся к отправлению Мурад-Гирея в Астрахань. «Новый летописец» после информации о прибытии Мурад-Гирея в Москву сообщает, что «Царь же Федор его пожаловал великим жалованием и посла его в царство Астраханское, а с ним послал воевод своих князя Федора Михайловича Троекурова да Ивана Михайловича Пушкина»⁶⁹. Еще более скудна информация в «Новом летописце» о цели отправления в Астрахань Мурад-Гирея и о результатах данной военно-политической акции: «Царь же Крымский в Астрахани многую службу ко государю показал, многие бусурманские языки под ево царскую высокую руку подвел»⁷⁰. Это тем более бросается в глаза, что далее содержится весьма развернутый материал о смерти в Астрахани Мурад-Гирея. Тем не менее, даже в такой короткой летописной информации обращает на себя внимание ряд существенных деталей. В контексте водворения его в Астрахани Мурад-Гирей именуется «крымским царем», хотя буквально строкой ранее говорится, что государю прибыл «служити Крымский царевич Малат-Кирей». При этом «крымским царем», т.е. ханом «в изгнании», в Москве признавался Сеадет-Гирей. Замечательно также, что двадцать четвертый раздел «Нового летописца», повествующий о смерти в Астрахани Мурад-Гирея, озаглавлен как «О смерти царевича Малат-Кирея»⁷¹. Таким образом, крымским царем он назван только в контексте направления его в Астрахань. Конечно, подобные разночтения не случайны и отражают различные интерпретации роли Мурад-Гирея.

Между тем сведения о его непосредственном пребывании в Астрахани крайне противоречивы. Основным источником являются донесения астраханских воевод государю, но они носят

фрагментарный характер. Тем не менее указные грамоты астраханским воеводам дают достаточно полный материал о главных целях пребывания «царевича» в Астрахани – приведения к шерти бия Уруса и строительстве новой крепости на Тереке. Эти два сюжета явно доминируют и в переписке Мурад-Гирея с Б.Ф.Годуновым и в его посланиях государю Федору Ивановичу и в сохранившихся посланиях братьям. Заметны они и в донесениях астраханских воевод.

Мурад-Гирей отбыл из Москвы 8 сентября 1586 г. Путешествие «царевича» по Волге описано В.В.Трепавловым, который обратил внимание на его «демонстрационный характер»⁷². В Астрахань Мурад-Гирей торжественно въехал 15 октября. Он «с помпой» высадился и проследовал в специально приготовленный для него двор. Вслед за ними туда последовали воеводы⁷³.

Начальный период пребывания Мурад-Гирея в Астрахани (до зимы 1586–1587 гг., когда он отъезжал оттуда «в Шевкалы») отмечен его активностью на разных геополитических направлениях – с Большими Ногаями, мурзами «Казыева улуса», с оппозиционной хану Ислам-Гирею II крымской знатью, но, главное, с кавказскими правителями и прежде всего с шамхалом.

Тем не менее, главным направлением деятельности «царевича» была координация действий с братьями, находившимися ко времени прибытия Мурад-Гирея в «Астрохань» «в Шевкалах» (Сеадет-Гирей) и «у жжаневских черкас» (Сафа-Гирей). Она увязывалась с внешнеполитическими задачами русского правительства по укреплению своих позиций на Кавказе. Источники показывают, что с самого начала пребывания в «Астрохани» одновременно с ногайскими делами развивались сложные отношения Мурад-Гирея со старшим братом «царем» Сеадет-Гиреем, водворившимся к тому времени «в Шевкалах». Е.Н.Кушева подчеркивала, что помимо Больших Ногаев Мурад-Гирею предписывалось сослаться с шамхалом, тюменским ханом, грузинским царем и с «черкасами» и со всеми «горскими народами»⁷⁴. Однако без наличия «консолидирующего центра» на Кавказе бурная дипломатическая деятельность не име-

ла перспектив. Этим центром могли быть в тех обстоятельствах только владения шамхала.

Первоначально казалось, что «в Шевкалах» будет прочно сидеть «царь» Сеadet-Гирей. Осенью 1586 г. к нему присоединился Сафа-Гирей, причем его сопровождали помимо крымских эмигрантов («Ширинских и Барыньских людей») во главе со своими беками) и мурз «Казыева улуса» еще и «черкасов джанского князя сын Мустофа мирза»⁷⁵. Эти сведения астраханских воевод крайне важны для подтверждения союзных отношений Сафа-Гирея с «жжаневскими черкасами». Воссоединение Сафы-Гирея и Сеadet-Гирея действительно могло привести к крупным военным акциям в направлении Крыма, причем не контролируемых Москвой. Именно поэтому Москва предпочла осуществить «рокировку царевичей». Мурад-Гирея решено было отправить к братьям. При этом ему явно предназначалась лидирующая роль. По ряду признаков сам Мурад-Гирей, оказавшись «в центре пересечения» различных интересов, явно претендовал на первое место среди изгнанных «царевичей». Факт признания Москвой законным «царем» Сеadet-Гирея его мало смущал.

«Ссылки» с братьями начались у Мурад-Гирея буквально с первых дней его пребывания в Астрахани.

17 сентября 1586 г. в Астрахань приехали некие «юртовские татары» с известиями. Они сообщили, что Сафа-Гирей из «жжаневских черкас» приехал к Сеadet-Гирею «в Шевкалы». С ним было до 100 человек⁷⁶. Таким образом, Сафа-Гирей предпочел соединиться с братом. Это обстоятельство в Астрахани восприняли спокойно: русские воеводы полагали, что все три «царевича» должны находиться в их досягаемости.

28 сентября Сеadet-Гирей прислал «человека своего Касыма», с посланиями от себя и от шамхала. В них сообщалось, что хан Ислам-Гирей должен был сопровождать «казну» турецкого султана, которую в Дербент, и о последних событиях ирано-турецкой войны⁷⁷. Вопрос об этой «казне» постоянно фигурировал в русской посольской документации. Известия о возможном движении крымской орды на Кавказ «астроханских» воевод не испугали: они хорошо представляли себе со-

стояние «Крымского юрта». Тем не менее, после получения известий от брата «подопечный» воевод стал проявлять активность. Мурад-Гирей собирался жениться «в Шевкалах» и поставил вопрос о своем отбытии из «Астрохани». Поездка «царевича» «в принципе» была признана необходимой. Помимо этого он должен был найти место для строительства нового «городка» на Тереке. В отсутствие «царевича» в Астрахани его должны были заменить его братья Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей. В городе царевич в свое отсутствие собирался оставить келаря Протасьева. К сожалению, мы не знаем, какие функции он выполнял при Мурад-Гирее, но об этом факте следовало сообщить в Москву⁷⁸. Впрочем, все исследователи отмечают, что роль келаря Протасьева при «царевиче» в это время была главной. Именно он в дальнейшем ставил «городок» на Тереке⁷⁹.

Следует упомянуть, что одна из дочерей шамхала (по видимому, предыдущего правителя княжества), Тавлу-бегим, была замужем за ногайским бием Урусом. От нее у бия родился сын Хан мирза. Поездка «в Шевкалы» имела значение и для укрепления отношений «царевича» с Большими Ногаями. Кроме того, «царевичу» нужно было повидаться с «царем» Сеадет-Гиреем. Отметим, что позиция братьев Мурад-Гирей была неоднозначной: они явно опасались попасть в Астрахани «под руку» московского государя.

Тем не менее, сразу покинуть Астрахань для Мурад-Гирей было нереально. К тому же он должен находиться там для приведения к шерти бия Уруса и прочих мурз Больших Ногаев. Тогда возник план «приглашения» братьев Мурад-Гирей непосредственно в Астрахань.

19 октября Сеадет-Гирею и Сафа-Гирею «наспех» послали «Ислам мирзу Казыева сына», шурина Сафа-Гирей, чтоб они «ехали в Астрахань наспех и мирзам велели с собой ехать»⁸⁰.

29 октября с приглашением ехать в Астрахань к «царю и царевичу» «в Шевкалы» послали приближенного Мурад-Гирей Текея аталыка⁸¹.

Между тем обстановка на ирано-турецком фронте складывалась не в пользу Порты. Соответственно обострялась и общая обстановка на Кавказе.

16 ноября в Астрахань «из Шевкал» пришел некий толмач Русинка Полуэктов с сообщением о захвате персами Тебриза и Тифлиса, а также о том, что казну, что везли из Стамбула в Дербент, захватили «грузинские люди». Под ними, вероятно, понимались подданные кахетинского царя Александра, склонявшегося в то время к ориентации на Иран. Сообщалось также, что казну якобы вез сам хан Ислам-Гирей II в сопровождении 5 000 «стрельцов». Ему султан велел также поставить крепость на Тереке⁸². Та информация оказалось ложной. Хан не покидал Крыма. Однако сведения о том, что османы собираются двигаться к Тереку, была весьма правдоподобна. Во всяком случае в историографии наличие у Порты таких планов считалось реальным фактом⁸³. При этом Е.Н.Кушева обратила внимание на то, что сведения о движении османских войск к Тереку «астроханские» воеводы получили еще до прибытия Мурад-Гирея в Астрахань. Вообще в общем хаотичном течении разнообразных «ссылок» с Астраханью и обилием получаемой буквально со всех сторон информацией вопрос «городке» на Тереке явно доминировал.

Поражения Порты на иранском фронте расценивались в Астрахани неоднозначно. Воеводы и приставленные в «царевичу» русские «служилые люди» стремились использовать благоприятную обстановку для закрепления русского влияния на Кавказе. Мурад-Гирей рассчитывал на овладение «Крымским юртом» старшим братом и укреплении своего положения в Астрахани. Впрочем, о реальных планах «царевича», так же как и его братьев, нет достоверной информации.

В донесениях астраханских воевод есть информация о внимании Мурад-Гирея к планам строительства нового, уже третьего по счету «городка» на Тереке. Собственно говоря, эти планы начали реализовываться еще до прибытия Мурад-Гирея в Астрахань, о чем свидетельствуют донесения астраханских воевод⁸⁴. Вопрос о «городке» на Тереке неоднократно подымался в отечественной историографии. Причины решения русского правительства Е.Н.Кушева определяет следующим образом: «необходимость запретить турецким войскам и гонцам султана дорогу в Закавказье, предупредить намерение султана по-

ставить свои крепости на Тереке, а также затруднить возможность вторичного похода на Астрахань»⁸⁵. Е.Н.Кушева обратила внимание и на то, что местоположение крепости в устье Терека давало возможность сноситься с нею из Астрахани водным путем. Исследовательница полагает, что решение о постройке крепости было стимулировано обращением кахетинских посольств в Москву, которые двигались через Астрахань. Астраханские воеводы не только доносили о желании послов в Москву, но и отправляли конкретные предложения. Е.Н.Кушева полагает, что вопрос о возобновлении Терского городка был решен в Москве до прибытия в Астрахань в сентябре 1586 г. очередного кахетинского посольства⁸⁶. Во всяком случае то, что Мурад-Гирей, отправляясь в Астрахань, имел четкое представление о планах постройки крепости, не вызывает сомнений.

Мурад-Гирей в период своего пребывания в «Астрохани», особенно осенью 1586 г., неоднократно заявлял, особенно на пирах в честь прибывших к нему ногойских мурз, о том, что постройка «городка» является для него главной задачей⁸⁷. Тем не менее, есть основания утверждать, что к «реальной деятельности» по постройке «городка» «царевича» не допускали.

Контролировали астраханские воеводы и «внешнеполитическую деятельность» Мурад-Гирея. Прибытие Мурад-Гирея в Астрахань активизировало действия персидской дипломатии по налаживанию контактов с «царевичами». К находящемуся «в Шевкалах» Сеадет-Гирею был направлен эмиссар, сведения о миссии которого дошли до «астроханских» воевод. Князь Ф.Лобанов-Ростовский доносил, что Сеадет-Гирею шах собирался пожаловать Дербент, но тот предложил «согласовать этот вопрос» с Москвой – «без государева указа Дербень мне не надо»⁸⁸. Прямые «ссылки» с Ираном самого Мурад-Гирея «не приветствовались».

Итак, начальный период пребывания «царевича» в Астрахани отмечен его активностью на разных «геополитических направлениях». Однако сам «царь» Сеадет-Гирей находился вне прямого контроля Москвы.

В конце 1586 – начале 1587 г. Мурад-Гирей в сопровождении своих людей и стрельцов с огненным боем отправился из Астрахани «в Нагаи и Шевкалы». В Крыму об этом стало известно в марте 1587 г., что отметил в своем статейном списке пребывающий там гонец И.Судаков-Мясной⁸⁹. «В Шевкалах» помимо прочего он взял за себя в жены дочь шамхала⁹⁰. По сведениям русского гонца в Крым И.Судакова-Мясного, вместо Мурад-Гирея в Астрахани остался «царь» Сеадет-Гирей⁹¹. Третий «царевич» от контактов с братьями устранился. Сафа-Гирей, скорее всего, никогда не бывал ни в Астрахани, ни в ее окрестностях (возможно только зимой 1585–1586 г.)⁹². Во всяком случае, ни в одном из своих многочисленных посланий на имя государя и к Б.Ф.Годунову Мурад-Гирей об этом не упоминает. Проследить перемещения Сафа-Гирея можно только по «отпискам» астраханских воевод. Ранней осенью 1586 г. астраханский воевода Ф.М.Лобанов-Ростовский доносил, что «царевича Сафа-Кирея в Шевкалах нет, живет нынча в жаневских черкесах»⁹³. Е.Н.Кушева высказала мысль о том, что Сафа-Гирей был связан с ними узами аталычества. Это подтверждает постоянное нахождение в его окружении «жжанских князей». Имеются также многочисленные свидетельства пребывания Сафа-Гирея в «Казыевом улусе». Вероятно, Сафа-Гирей именно там видел свою опору. Русская разведка отмечала тесные связи Сафа-Гирея с Арсанаем Дивеевым. Затем, как мы видели, Сафа-Гирей поздней осенью соединяется с Сеадет-Гиреем, но в Астрахань его не сопровождает и временно исчезает из поля зрения русской дипломатии и разведки.

Есть все основания предполагать, что Сафа-Гирей предпочел обратиться «из Шевкал» накануне появления там Мурад-Гирея. В этой связи отметим, что все три брата после отхода из Крыма осенью 1584 г. практически ни разу не встречались. Конечно, это не случайно. Сафа-Гирей явно не желал слишком тесно связывать себя с Москвой.

Обстоятельства «казакования» Сафа-Гирея после его отбытия «из Шевкал» точно не выяснены. Во всяком случае, с начала 1587 г. Сафа-Гирей пребывал вблизи Крыма либо в «Казые-

вом Улусе», либо «в жжаневских черкасах». В любом случае младший «царевич» не имел намерения прибыть в Астрахань.

В начале 1587 г. Мурад-Гирей вернулся в Астрахань. Второй период пребывания Мурад-Гирея в Астрахани с зимы 1586–1587 г. по позднюю осень 1588 г., когда он был вызван в Москву, значительно хуже прослеживается по источникам. Отписки «астроханских» воевод носят фрагментарный характер. Имеется большое количество документов, связанных с различными планами использования царевича. Е.Н.Кушева выявила несколько узловых моментов: «большое дело» – поход «царевичей» на Крым, первой стадией которого должно было быть нападение на казыевского мурзу Якшисаата, вопрос о проходе османских войск в Дербент, который угрожал всему «проекту» постройки города на Тереке, наконец, в целом объединение вокруг царевичей всех промосковских сил⁹⁴.

Возможность похода на Крым не исключалась. 4 мая 1587 г. в Крыму получили послание из Астрахани от Кошум-мурзы «Сеферева сына», в котором он утверждает, что Мурад-Гирей с братьями собирается в поход на Ислам-Гирея. При этом Федор Иванович якобы дал ему для этого 25 000 стрельцов «с вогненным боем» да 5 000 донских казаков. С царевичами же Урус князь отпускает мирз с ногайскими людьми. В предполагаемом походе должен был участвовать и Араслан мирза Дивеев⁹⁵. Правда, не исключено, что эта информация служила целью «запугать» Ислам-Гирея II. «До ушей» хана эту информацию донес дядя Кошум-мурзы бек Мурад Сулешев, который как раз в этот момент демонстрировал ему свою «незаменимость» в организации «замирения» с Москвой.

В течение 1587 г. действительно могло сложиться впечатление, что «царевичи» готовятся к вторжению в Крым, хотя одновременно Москва рассматривала и другие планы в отношении Мурад-Гирея, в том числе и его похода на Речь Посполитую.

Намерения русской стороны в отношении «царевичей» частично раскрылись в период переговоров с прибывшим в апреле 1587 г. имперским посланцем Г.Гойгелем в контексте перегово-

воров о возможном союзе Русского государства и Габсбургской монархии против османов. Уже при встрече посланца сопровождающему ему приставу были даны развернутые инструкции относительно возможных вопросов о цели пребывания детей свергнутого хана на территории Русского государства и особенно о цели отправления в «Астрохань» Мурад-Гирея. Характерно, что ответы должны были даваться в случае вопроса «как ныне государь с Крымским», т.е. с царствующим в Бахчисарае ханом. Прежде всего обращает внимание факт признания русской стороной Сеадет-Гирея легитимным ханом и законным наследником отца: «А старого крымского царя Магмет Киреевы дети Саадет-Кирей царь что был на Крыме после отца своего царем да Мурат Кирей что был калга да Сафа-Кирей царевичи приехали ко государю нашему в службу»⁹⁶. Так русская сторона толковала водворение вооруженным путем Саадет-Гирея и его братьев в Бахчисарае. Далее следовало обстоятельное объяснение «Астроханского дела» Мурад-Гирея: «А царевич Мурат Гирей был у государя нашего на Москвы а ныне он поехал жить в государя нашего отчине в Астрохани. А с ним и крымские князи и мурзы и улусные многие люди да с ними ж ногайские мурзы Арсанай мирза Дивеев сын да Хан мирза Касыев сын да Ибрагим мирза Исупов да Бра Газы мурз Шейдяков. И иные многие мурзы ногайские со своими улусы до сорока тысяч у государя нашего вотчины у Астрохани по крымской стороне все государю нашему служат». Таким образом, имперцы должны были быть информированы о наличии формировавшейся в Нижнем Поволжье мощной группировки – будущей Орды под русским контролем и командованием. Далее излагалось стремление держать «рать большую» в землях «кумыцких и черкас горских»

Вывод был однозначный: «Куды велит государь ходити и людей своих посылати коли государь велит им потому и было все в государевой воле». Таким образом, имперцы должны были иметь в виду возможность привлечения разномастной Орды Мурад-Гирея в любом геополитическом направлении, но предпочтению отдавалось походу на «Черкас и ногайских людей» и далее на «Крымский юрт»⁹⁷.

В самом Крыму обстановка еще более осложнилась. Прибывший туда со второй миссией И.Судаков-Мясной констатировал падение престижа хана Ислам-Гирея II, «раздрай» среди крымской знати и усиление антиосманских настроений. Сведения прибывающих к Мурад-Гирею в Астрахань перебежчиков это подтверждали. Среди крымской знати помимо рвавшегося «заменить» брата калги Алп-Гирея рассматривались три кандидата на престол: Сеадет-Гирей, Мурад-Гирей и недавно прибывший в Стамбул после сенсационного побега из персидского плена Гази-Гирей. Последний постепенно превращался в центральную фигуру в политике Порты. Летом 1587 г. хану стало известно, что в «Белгород» (Аккерман) из Стамбула приехал Казым князь Тубулдуков. Он направлялся, минуя Крым, в Азов с ярлыками от Гази-Гирея к Мурад-Гирею и к Сеадет-Гирею. Об их содержании мы можем только догадываться. Скорее всего, Газы-Гирей, чей вес при дворе султана продолжал расти, предлагал царевичам приехать в Стамбул, обещая высокое положение при пожаловании его Крымским юртом. Газы-Гирей был в Стамбуле уже летом 1586 г. Тогда к нему под защиту приезжали из Крыма сторонники свергнутого Мухаммед-Гирея II, по тем или иным причинам не бежавшие с царевичем. Уже тогда он хотел быть «в соединенье» со своими племянниками против Ислам-Гирея, который «пустошил юрт». «Князь» Касым, судя по всему, имел при себе и фирманы султана, адресованные «царевичам». О.Гайваронский высказал предположение, что хан готов был силой задержать «таинственного посланца», но он вовремя «исчез в ногайских степях»⁹⁸. Это подтверждают сведения И.Судакова-Мясного. Ислам-Гирей послал к Азову «Аллаш дувана уганивать Казыя князя и велел Казыя изымати», однако из этой затеи ничего не вышло⁹⁹. Приезд «князя» Казыма стимулировал оппозицию, и в Крыму разразился очередной кризис. Вскоре до И.Судакова-Мясного дошли слухи о раскрытии заговора против хана. Заговорщиков возглавил наследственный «литовский гомьян» бек Дербыш Куликов, которому удалось сбежать «к турецкому за море»¹⁰⁰. Ранее этот вельможа ссылался с «царевичами» и просил у И.Судакова-Мясного «опасную грамоту» на случай бегства в

Астрахань. Трудно сказать, насколько Мурад-Гирей был в курсе заговора. Его нити скорее всего вели в Стамбул.

Во всяком случае, с этого времени начинают вырисовываться контуры стратегического плана Гази-Гирея – водворение в Крыму в качестве хана с санкции Порты при условии подчинения ему «царевичей» Мурад-Гирея и Сафы-Гирея, которым предлагалось вернуться в Крым со своими людьми при гарантии занятия ими постов калги и нуреддина. «Царь» Сеадет-Гирей оказывался «вне игры». Вероятно, «заинтересованные лица» уже были осведомлены о его смерти, к которой возможно имели непосредственное отношение.

Смерть «царя» Сеадет-Гирея одна из самых запутанных страниц истории мятежных «Царевичей». Достоверной датировки его смерти нет. Е.Н.Кушева считает, что «царь» скончался в «Астрохани» в 1597 г. Ш.Лемерсье-Келькеже и А.Беннигсен считают, что в начале 1588 г. Сеадет-Гирей был еще жив. А.Беляков полагает, что смерть «царя» произошла в начале 1588 г.¹⁰¹ И.В.Зайцев датировку смерти «царя» не указывает. Местом смерти О.Гайворонский, вслед за Е.Н.Кушевой, однозначно указывает Астрахань, причем отмечает, что он был «погублен русскими»¹⁰². Словом, вопрос требует специального рассмотрения. Тем не менее, смерть «царя» удивительным образом совпала со смертью хана Ислам-Гирея II.

Весной 1588 г. обстановка изменилась после скоропостижной кончины хана Ислам-Гирея II. По приказу султана на «Крымском юрте учинился» Гази-Гирей II, активно поддерживаемый оппозиционной по отношению к умершему хану крымской знатью.

Калга Алп-Гирей бежал в Стамбул. Через месяц в Крым вернулся Сафа-Гирей в сопровождении значительного количества эмигрировавшей знати. Возвращение «царевича» произошло явно по предварительному сговору с Гази-Гиреем II. Он вступил в Бахчисарай во главе «многих ногайских людей». Последовала резня сторонников Ислам-Гирея II. Сафа-Гирей занял пост нураддина (второго наследника престола). 24 мая 1588 г. И.Судаков-Мясной зафиксировал в своем статейном

списке вступление Сафы-Гирея в Бахчисарай «со многими ногайскими людьми», а уже спустя несколько дней, 30 мая, последовала его тайная встреча с новым нураддином. Она чрезвычайно важна для уяснения той роли, которой предстояло играть в Крыму при новом хане вернувшемуся туда мятежному «царевичу». Сафа-Гирей поведал, что он и его брат никогда не забудет «хлеб» московского государя: «Ни в которых землях добра и чти не наехали, а кроме государя московского царя и великого князя и ево жалования и береженья видели и хлеб соль ели», но настойчиво попросил «отпустить» Мурад-Гирея из Астрахани в Крым¹⁰³. Таким образом, уже при первых контактах Сафы-Гирея с все еще находящимся в Бахчисарае русским гонцом И.Судаковым-Мясным выявилось явное стремление хана как можно скорее вернуть в Крым и Мурад-Гирея. Это подтвердилось и при приезде первого гонца нового хана Апсоллом Молы в августе 1588 г. в Москву, который доставил послание государю¹⁰⁴.

Центральная часть послания, естественно, была посвящена главному вопросу двусторонних отношений – дальнейшей судьбе «Астраханского юрта племянника нашего Мурад-Кирея царевича». Хан констатировал, что ему прекрасно известно, что Мурад-Гирей был «ласково принят московским государем» после вынужденного ухода из Крыма. Его отправление «на Астраханский юрт» осуществлялась по его воле. Хан осторожно намекнул, что лично он «дал бы еси на его волю у тебя у брата нашего похочет жить или к нам ехати», но Порты придерживается более жесткой позиции в этом вопросе. Обращает на себя внимание, что Гази-Гирей II в отличие от Ислам-Гирея II трактует пребывание Мурад-Гирея в Астрахани как главы «Астраханского юрта».

Началась «большая игра» между Москвой и Бахчисараем. Русская сторона в послании хану от имени государя с гонцом И.Мишуриным не дала ясного ответа на «просьбы» отпустить «царевича». В декабре 1588 г. прибыли очередные крымские гонцы во главе с Казан Агой. В своем послании, адресованном государю, хан вновь просил «отпустить» Мурад-Гирея¹⁰⁵. Ситуация требовала определенности – Москве нужен был мир с

Крымом, но отказываться от своих позиций на Кавказе она не собиралась. «Городок» на Тереке стал оплотом Русского государства в сношениях с Кабардой. Активизировались связи Москвы с Ираном. Е.Н.Кушева и А.П.Новосельцев показали, что московские посольства к шаху Аббасу активно использовали факт пребывания Мурад-Гирея в Астрахани¹⁰⁶. Ш.Лемерсье-Келькеже и А.Беннигсен полагают, что в «астроханском проекте» Москвы по-прежнему были «позитивные элементы»¹⁰⁷. Убирать Мурад-Гирея из Астрахани было явно преждевременно. Тем не менее раздражать нового хана было нельзя. Его положение на престоле было не слишком устойчивым. Жесткая позиция Москвы в отношении Мурад-Гирея могла привести к его смещению Портой, у которой, как всегда, под рукой был готовый «кандидат на престол» в лице Алп-Гирея. В этой обстановке произошло второе прибытие Мурад-Гирея в Москву.

«Царевич» прибыл в феврале в момент нахождения в Москве крымских гонцов во главе с Казан Агой. Замечательно, что в Крыму прекрасно знали о скором прибытии Мурад-Гирея в Москву. Еще на аудиенции у государя 26 декабря гонец Казан ага во второй части своей «речи» от имени хана поведал, что «нам ведомо что Мурад-Гирей царевич поехал к тебе братцу нашему», но «нам не ведомо для чего он к тебе поехал»¹⁰⁸.

Мурад-Гирей действительно прибыл в Москву 18 февраля 1589 г. Причем в Разрядах было отмечено, что помимо жены и «сына царевича Кумы-Гирея» с ним прибыли «его царевы Мурат Киреевы Магмет Киреевы карачей да отылыки и князи и мурзы»¹⁰⁹. Есть все основания предполагать, что именно тогда в Москве появляются самые известные приближенные «царевича» Мамай-мурза, Ен Маметь аталык и Ямгурчей аталык. 23 февраля царевич «челом ударил государю», который велел звать его на аудиенцию «бояр своих» – И.В.Годунова, С.В.Годунова, кн. Т.Р.Трубецкова и окольничего И.И.Сабурова¹¹⁰. Столь внушительный перечень бояр вполне заслуженно был прокомментирован в разрядной книге: «И такой встречи не бывало». Не менее впечатляющим был перечень участников церемониальной части приема «царевича» непосредственно в Кремле.

Отметим, что во второй встрече в «сенях» участвовал казначей Иван Васильевич Траханионов, которому вскоре предстояло организовать посольский размен в Ливнах. В первой встрече участвовал небезызвестный по астраханским делам думный дворянин Михаил Андреевич Бензин. Другими участниками церемониальной части приема были бояре князь Тимофей Романович Трубецкой, князь Федор Дмитриевич Шестунов и окольный Иван Михайлович Бутурлин¹¹¹.

Пребывание «царевича» было связано с «большой дипломатической игрой», которую Москва вела с Крымом. Уже в декабре 1588 г. крымские гонцы «исправили челобитье» о встрече с Мурад-Гиреем на аудиенции у государя¹¹². Оно было повторено на отпускной аудиенции 28 марта 1589 г.¹¹³ Б.Ф.Годунов не мог его игнорировать, так как оно было «исправлено» не только от имени хана, но и от родного брата Мурад-Гирея Сафы-Гирея: «И государь крымским гонцам Казан Аге с товарищи велел быть вместе с гонцом своим с Петром Зиновьевым у царевича Мурад-Кирея на дворе»¹¹⁴. Встреча состоялась «того ж дни». Вероятно, Мурад-Гирей находился в Кремле и был заранее осведомлен о предстоящей встрече. Символично участие в ней нового гонца Петра Зиновьева, одной из главных задач миссии которого в Крым было решение проблемы Мурад-Гирея. К сожалению, подробности встречи в русской посольской документации по связям с Крымом отсутствуют.

Итак, Б.Ф.Годунов решил содействовать встрече «царевича» с крымскими эмиссарами, проведя ее под своим контролем и увязав ее с отпуском крымцев вместе с новым русским гонцом. Отправленный в Крым Петр Зиновьев получил «наказ», центральной частью которого было изложение позиции русского правительства по вопросу о «астроханском юрте» Мурад-Гирея. Вновь повторялось, что московский государь «пожаловал царевичей», «дал из Астрохани многую рать с вогненным боем» для похода на Крым, который якобы был отменен по получении известия, что «Казы Гирей царь на Крыме учинился царем»¹¹⁵. Подчеркивалось, что «Мурад-Кирей царевич

ныне на Москве»¹¹⁶. На возможный вопрос о том, «даст ли государь на волю» возвращение в Крым, ясного ответа П.Зиновьеву давать было запрещено¹¹⁷. Вопрос о судьбе «Астроханского юрта» Мурад-Гирея Москва продолжала держать «открытым». На возможный вопрос, о том, «государь Астрохани поступитца ли турецкому салтану или хочет на Астрохани учинити царем Мурат-Кирея царевича», П.Зиновьеву были даны указания ответить, «что то дело великое, о том не надобно нам говорить»¹¹⁸.

В аналогичном ключе была выдержана и грамота от имени государя хану¹¹⁹.

Русское правительство не дало определенного ответа на «просьбу» хана отпустить племянника.

В историографии нет однозначной оценки линии Мурад-Гирея в течение 1589 г. Французские ориенталисты А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Кельеже полагают, что после визита крымских эмиссаров Мурад-Гирей выразил твердое намерение вернуться в Крым вне зависимости от разрешения Москвы¹²⁰. О.Гайваронский однозначно полагает, что «возможность стать калгою при новом хане была гораздо более реальной, нежели призрачная надежда самому водвориться в Крыму с помощью русского оружия»¹²¹.

К сожалению, ясной оценки планов самого Мурад-Гирея в русских источниках найти практически невозможно. Однако обращают на себя внимание некоторые обстоятельства связей Астрахани непосредственно с Крымом в 1589 г.

Когда после отпуска крымских гонцов весной 1589 г. Мурад-Гирей вернулся в Астрахань, в Москве осталась многочисленная группа его приближенных, активно используемых русской стороной при переговорах с посланцами Гази-Гирея II.

Осенью 1589 г. «люди царевича» во главе с Ен Маметем аталыком три раза принимали участие в аудиенциях у государя крымских гонцов – 7 сентября, 4 и 13 ноября¹²².

На первый взгляд складывалось впечатление, что они находились там в качестве «статистов», «речей» не произносили, с крымскими дипломатами «в полемику» не вступали. Но дело

обстояло не так просто. Московскими властями люди «царевича» активно использовались в «ссылках» с Гази-Гиреем II непосредственно в Крыму.

В апреле 1589 г. в Крым вместе с русским гонцом Петром Зиновьевым из числа оставленных «на Москве» людей Мурад-Гирей был отправлен Мамай-мурза с конфиденциальной миссией русского правительства к хану. Немного позднее туда же из «Астрохани» был отправлен курьер Мурад-Гирей Сююндюк с его посланиями дяде.

Оба эмиссара благополучно вернулись в Москву и были порознь распрошены в Посольском приказе.

Люди «царевича» при приезде принимались ханом вместе с сопровождавшими их русскими гонцами, но затем Гази-Гирей II вел с ними личные переговоры.

Хотя Мамай-мурза по возвращении в Москву был основательно «распрошен» в Посольском приказе, некоторые аспекты пребывания эмиссаров Мурад-Гирей в Крыму наверняка остались вне поля зрения русской дипломатии и разведки. Тем не менее, Москва была удовлетворена итогом его миссии. Во всяком случае в дальнейшем он всегда присутствовал в числе людей «царевича» на совместных ауденциях у государя крымских гонцов. Гази-Гирей II лично принимал Мамай-мурзу, приглашал его на свой диван («ближнюю думу»), где обсуждался посольский размен с Москвой, вел с ним конфиденциальные беседы. Результаты «расспросов» Мамай-мурзы, доложенные Посольским дьяком А.Я.Щелкаловым лично Б.Ф.Годунову, показывают, что хан опасался своих братьев Алп-Гирей и Мубарак-Гирей, бежавших в 1588 г. к султану, не доверял своему оставшимся в Крыму в качестве его калги брату Фетх-Гирейю и давал понять, что единственной опорой среди Гиреев в сложившихся обстоятельствах являются племянники – Сафа-Гирей и Мурад-Гирей. Интересно, что к аналогичному выводу пришли Ш.Лемерсье-Кельеже и А.Беннигсен на основе изучения османских архивов¹²³.

Летом 1589 г. хан предпринял новую попытку решить проблему Мурад-Гирея. В Москву был отправлен посланник карачи-бек рода Кипчаков Абдулла.

В Москве прекрасно понимали, что центральное место на переговорах будет занимать вопросе о «Мурад-Кирее». На вопрос о нахождении «царевича» встречавшему посланцу представу М.Молчанову надлежало ответить, государь «Мурад-Кирея отпустил в Астрохань»¹²⁴. Был предусмотрен и ответ на вопрос, оставил ли «после себя у государя на Москве аталыков, князей и мурз». Ответ должен быть следующим: «по то мне слышать не случалось», но «ведомо, что у Мурад-Кирея царевича люди есть добрые, но неведомо кто имеем»¹²⁵. Бек Абдулла не доехал до Москвы. Он внезапно скончался на пути к столице. Это событие серьезно усложнило ситуацию. В дальнейшем в свете смерти Мурад-Гирея некоторые крымские мурзы в частных беседах намекали русским дипломатам в Крыму, что смерть посланника была не случайна. Абдулла заменил следующий по старшинству гонец Кедреш. Ему было разрешено после аудиенции у государя встретиться с оставленными «на Москве» людьми Мурад-Гирея. Вопрос о Мурад-Гирее младший гонец обсуждать, конечно, не мог.

Осенью 1589 г. в Москву пожаловала очередная большая группа крымских гонцов во главе с Аллаш Богатыром. 4 ноября состоялась аудиенция крымцев вместе с уже находившимися «на Москве» гонцами во главе с Кедрешем и опять с «людьми» Мурад-Гирея, возглавляемых Ен Маметем. При этом особо подчеркивалось, что в их числе был Мамай-мурза, «который был в Крыме»¹²⁶. При описании церемониальной части приема крымских гонцов обращают на себя внимание важные детали: они ждали «государева выхода» «в Посольской избе», в то время как приближенные «царевича» «на казенном дворе»¹²⁷. Подобное разделение, конечно, было не случайным. Москва намекала на особый статут крымских «эмигрантов». В «речи» от имени хана на аудиенции гонца Аллаша Богатыра опять содержались «просьбы» от «отпуске» Мурад-Гирея. Подчеркивалось, что «племянник наш Мурад-Кирей царевич пришел к тебе брату нашему по своей воле»; говорилось о его желании

вернуться в Крым, причем подчеркивалось, «племянник наш Мурат-Кирей царевич о том сам писал нам со своим человеком»¹²⁸. На отпускной аудиенции 13 ноября вновь главная роль отводилась семи приближенным Мурад-Гирея во главе с Ен Маметем. За ними был послан отдельный пристав. Приближенные «царевича» вновь ждали аудиенции «на казенном дворе»¹²⁹. Складывалось впечатление, что власти всячески старались ограничить контакты эмигрантов с крымскими гонцами, и в то же время подчеркнуть их высокий статус в Москве.

Ответная речь государя, прочитанная А.Щелкаловым, декларировала готовность русской стороны к посольскому размену, но не упомянула о «царевиче». Вопрос об отпуске Мурад-Гирея в Крым русской стороной на «официальных мероприятиях» упорно не затрагивался. Между тем доставленное послание хана как на имя государя, так и Б.Ф.Годунову содержало повторные просьбы «отпустить» Мурад-Гирея. И вновь в который уже раз московские власти в ответных посланиях хану от имени государя и от Б.Ф.Годунова не дали ясного ответа.

Между тем в ситуации на Кавказе произошли серьезные изменения. Весной 1590 г. между шахом и султаном был заключен мир. Обозначилось доминирование Порты в Закавказье. Османы контролировали Ширван. Москва внимательно следила за развитием ситуации. Продолжались интенсивные дипломатические контакты с Ираном и активные «ссылки» с Кабардой. Полной ясности в отношении планов Порты не было.

Провоцировать Крым было опасно. Мурад-Гирей был вновь вызван в Москву.

Последнее пребывание Мурад-Гирея относится к лету 1590 г. и имеет прямое отношение к предполагавшемуся тогда посольскому размену.

На Ливны было отправлено готовившееся следовать в Крым русское посольство во главе с казначеем И.Траханионовым. Особый характер приема Мурад-Гирея явно предполагал скорое прибытие крымского посольства, которое, впрочем, так и не прибыло в Москву. 13 июня Мурад-Гирей был принят государем в Грановитой палате вместе с пасынком Кумо-Гиреем. В церемониальной части приема вновь участво-

вал цвет русской знати – при первой встрече боярин Богдан Юрьевич Сабуров и окольный кн. Федор Иванович Хворостинин, при второй встрече – бояре кн. Никита Романович Трубецкой и кн. Дмитрий Иванович Хворостинин¹³⁰. 21 июля царевич с пасынком и женой (царицей) был отпущен в «Астрохань». Его провожали воеводы и служилые люди, в числе прочих и будущий посланник в Крым Семен Безобразов. Последний должен был идти с «царевичем» из Казани в «Астрохань»¹³¹.

Намеревалось ли русское правительство отпустить Мурад-Гирея в Крым? Источники не дают ясного ответа на этот вопрос. Наказ И.Траханионову в полном объеме не сохранился. В «столбцах» крымских дел имеются отдельные фрагменты. Тем не менее, они дают представление о задачах, которые ставились перед этим посольством и, главное, в вопросе о Мурад-Гирее. Относительно Мурад-Гирея подчеркивалось, что государь «царевичу дал на ево волю» оставаться на «астроханском юрте» или возвращаться в Крым. Впрочем, подчеркивалось, что в настоящее время «царевич Мурат-Кирей в Астрохани живет в государевом жаловании по своей воле»¹³². Можно предположить, что в случае успеха посольского размена, а по существу это должен был быть посольский съезд, Москва могла «отпустить» Мурад-Гирея. Гази-Гирей II, принимая доверенное лицо Мурад-Гирея – Мамай-мурзу, намекал, что в случае отпуска царевича его специальные представители, которые должны были сопровождать к Ливнам новое крымское посольство, беки Мурад Сулешев и Дербыш Куликов заключат предварительный договор. Об этом же хан сообщил в личных посланиях Б.Ф.Годунову.

Интересно, что в официальных речах И. Траханионова хану фигурирует понятие «Астроханский юрт».

Посольский размен не состоялся. Посольство И.Траханионова до осени находилось в Ливнах и вернулось в Москву. Хан явно не мог пойти на урегулирование отношений с Москвой без решения проблемы Мурад-Гирея. А «царевич» между тем был вновь возвращен в «Астрохань». Русский гонец И.Бибииков, направленный в Крым для выяснения причин сры-

ва посольского размена, вновь не привез хану ясного ответа. Вскоре в Крыму стало известно о кончине «царевича». Это известие лично доставил хану доверенное лицо и «первый министр» умершего племянника Ямгурчей аталык.

Последнее пребывание царевича в «Астрохани» завершается его кончиной предположительно поздней весной 1591 г. В начале 1591 г. Мурад-Гирей был жив. Мало того, предполагался его отзыв из «Астрохани» в Москву для участия в новом посольском размене. Отпуск Мурад-Гирея в Крым был, судя по всему, крайней мерой русского правительства для предотвращения разрыва с ханом Гази-Гиреем II.

В грамоте государя Федора Ивановича вдове Мурад-Гирея царицы Ентуган в сентябре 1593 г. сперва отмечалось что «из начала того хотели, чтоб из нашей руки быть царевичу Мурат-Кирею на отца своего на Крымском юрте», однако, затем «хотели есмь царевича Мурат-Кирея в Крым совсем отпустить»¹³³.

Смерть «царевича» была результатом довольно странного «поветрия», в ходе которого умерли, помимо Мурад-Гирея, одна из его жен и племянник Кумо-Гирей. Сохранились впечатляющие подробности трагедии (материалы введены в научный оборот А.В.Беляковым и И.В.Зайцевым). Мурад-Гирей был якобы «испорчен бусурманскими ведунами». Воеводы запаниковали и «сыскали» некоего «врачевателя» араба. Тот, собственно, и заявил, что царевич «испорчен ведунами» и его можно вылечить, если найдут «ведунов». Они были обнаружены в «юртах» в местах кочевки Больших Ногаев. Это обстоятельство стало ключевым в многочисленных указаниях исследователей на связь гибели «царевича» с его напряженными отношениями с мурзами Больших Ногаев. «Ведуны» были подвергнуты пыткам и, выбив из них признания, приведены к царевичу. Важно, что «царевич» умер уже после того, как к нему привели «ведунов». В источниках содержатся подробности кончины «царевича», последующих пыток «ведунов», которые признались, что «просили царевича, и цариц и татар, пили из них сонных кровь». «Ведуны» были сожжены, после чего последовала расправа над слугами «царевича». Факт репрессий в «Астрохани» после смерти «царевича» подтверждается многи-

ми источниками¹³⁴. Вопрос о причинах смерти Мурад-Гирея остается открытым. Существуют три основных версии:

– смерть в результате эпидемии, в нездоровом климате дельты Волги;

– пищевое отравление, непредумышленного характера;

– преднамеренное отравление, к которому причастны ногайские мурзы, возможно, с ведома Порты.

В отечественной историографии до сих пор нет единства мнений об обстоятельствах смерти Мурад-Гирея. Наибольшее распространение получила версия, согласно которой в 1591 г. Мурад-Гирей был «испорчен» в «Астрохани» «бусурманскими ведунами»¹³⁵. Современная украинская историография в лице О.Гайваронского возлагает ответственность за смерть Мурад-Гирея на русское правительство.

Отвечала ли интересам Москвы гибель «царевича»? Ответ на этот вопрос ввиду отсутствия в полном объеме источниковой базы получить в настоящее время невозможно. Несомненно, что в сношениях с лояльными ей представителями крымской эмиграции и с вдовой «царевича» «задним числом» Москва представила дела так, что Мурад-Гирей по-прежнему оставался для нее наиболее желательным претендентом на «Крымский юрт». «И мы, великий государь царь и великий князь Федор Иванович, Из начала того хотели, чтоб из нашей руки быть царевичу Мурат-Гирею на отца своего на Крымском юрте», – говорилось в послании государя вдове претендента «царице» Ентуган¹³⁶. С другой стороны, активность Мурад-Гирея, проявленная им в «Астрохани», не давала оснований предполагать, что он будет послушным орудием Москвы.

Мурад-Гирей был несомненно личностью одаренной. Тенденция рассматривать его как «марионетку Москвы», иногда проявляющаяся в историографии, поверхностна. В донесениях «астроханских» воевод и служилых людей, приставленных к Мурад-Гирею, отмечается его активность, напористость, часто прорывающееся своеволие в отношении «директив» из Москвы. Ногайские мурзы в «Астрохани» часто становились объектами его гнева. Мурад-Гирей хорошо знал принципы «степной политики», расстановку сил среди соседей.

В отношении к нему уже после его кончины у его бывших приближенных проскальзывают нотки искреннего уважения (что проявилось в частности при многочисленных «распросах» в Москве приближенного «царевича» Ямгурчя аталыка).

Гибель Мурад-Гирея вызвала огромный резонанс в сопредельном с Русским государством мусульманском мире и имела большие последствия как для русско-крымских и русско-ногайских отношений, так и в целом для всей «степной политики» Москвы.

Предполагало ли русское правительство масштабы последствий гибели Мурад-Гирея?

Известию о ней русское правительство придало исключительное значение.

При распросах осенью 1591 г. Ямгурчя аталыка, прекрасно осведомленного о ходе событий полугодовой давности, ему напомнили, что «для брата своего Казы-Гирея царя, и на то не смотря, что Казы-Гирей царь во всю зиму и весну послов своих не посылал, и никакова присылка от него не бывала, послал государь наш в Астрохань к Мурат-Кирееве царевичеве царице дворянина своего Остафья Михайловича Пушкина, да дьяка Смирнова Васильева в ее кручине навестити»¹³⁷. Данная миссия помимо всего прочего привела и к отпуску Ямгурчя аталыка из «Астрохани» к хану Гази-Гирею II. О.М.Пушкин несомненно имел полномочия содействовать извещению «царицей» крымского хана о смерти Мурад-Гирея. А.Я.Щелкалов напомнил приближенному «царевича»: «И позволили ей послати тебя к Казы-Гирею царю тебя, Ямгурчя аталыка, о смерти мужа своего известити»¹³⁸.

Следует обратить внимание на исключительно представительный состав «комиссии по расследованию» смерти «царевича». Остафий Михайлович Пушкин представлял собой опытного дипломата и разведчика, известного многочисленными дипломатическими миссиями. Смирной Васильев в это время уже имел репутацию опытного администратора. Отметим, что для обоих миссия в «Астрохань» явилась важным этапом в дальнейшей успешной карьере.

Неясно, как и в какой форме сам Годунов собирался известить Гази-Гирея о смерти племянника, Сафа-Гирея о смерти брата. Времени на это явно не хватило. Летом 1591 г. последовало самое крупное после похода Девлет-Гирея I 1572 г. крымское нападение на Русское государство. Формальным поводом для него послужила гибель Мурад-Гирея.

Провал похода 1591 г. повлек за собой новый поворот в крымской политике в отношении Москвы. Последовали многочисленные дипломатические миссии обеих сторон, завершившиеся посольским разменом и съездом под Ливнами в августе 1593 г., в ходе которого в Крым была отпущена вдова Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея Ентуган. Важную роль в этих событиях сыграл «первый министр» Мурад-Гирея Ямгурчей атаклык, два раза посылаемый ханом Гази-Гиреем II в Москву, во время пребывания там помимо секретных переговоров с Б.Ф.Годуновым (которому он лично доставил «тайные послания» от хана) об урегулировании русско-крымских отношений организовавшего «отпуск» «царицы».

Итак, «астроханский проект» Москвы завершился. Его последствия имели большое значение и для русско-крымских отношений, и для русско-ногайских отношений, и для кавказской политики Русского государства. Автор присоединяется к точке зрения, высказанной Е.Н.Кушевой, о том, что «годы пребывания Сеадет-Гирея и Сафа-Гирея на Северном Кавказе, а Мурат-Гирея в Астрахани имели большое значение для развития сношений Северного Кавказа с Россией и для восточной политики русского правительства»¹³⁹.

Реальными последствиями пребывания Мурад-Гирея в «Астрохани» являлись: восстановление «городка» на Тереке, который создавал возможность контроля северокавказского пути, резкое усиление возможности военно-политического давления на шамхала, что было продемонстрировано в 90-х годах, и укрепление связей Москвы с Кабардой.

В целом следует признать, что именно «бегство трех царевичей из Крыма открывало для русского правительства новые возможности влиять на положение в Ногайской орде, на Кавказе и в Крыму»¹⁴⁰. Москва сумела воспользоваться этими возможностями.

-
- ¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, вторая половина XV – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 255.
- ² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 258–258об.
- ³ Виноградов А. В. Русско-крымские отношения, 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. [Т.] 2. С. 276, 277.
- ⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1579. Д. 2. Л. 37–8.
- ⁵ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 259.
- ⁶ Bennigsen A., *Lemercier-Quelquejay Ch.* La Moscovie, L'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le Khanat de Crimée // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1973. Vol. 14, N 4. P. 453.
- ⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 16. Л. 1об.–2.
- ⁸ Там же. Л. 2.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 2об.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Там же. Л. 1об.
- ¹⁴ Там же. Л. 8об. О переговорах с Мурадом Сулешевым: Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // *Тюркологический сборник, 2005.* М., 2006. С. 58, 59.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 377–382об.
- ¹⁶ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 16. Л. 2об.
- ¹⁷ Там же. Л. 9.
- ¹⁸ Там же. Л. 10.
- ¹⁹ Там же. Л. 13.
- ²⁰ Там же. Л. 16об.
- ²¹ Там же. Л. 18–18об.
- ²² Там же. Л. 17.
- ²³ Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 325об.
- ²⁴ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1. С. 132–134.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 16. Л. 25об.
- ²⁶ Там же. Л. 27.
- ²⁷ Там же. Л. 22об.
- ²⁸ Там же. Л. 18 об.–19.
- ²⁹ Там же. Л. 22.
- ³⁰ Там же. Л. 24об.
- ³¹ Там же. Л. 27об.–28.
- ³² Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 326об.

- ³³ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. М., 2005. Т. 1. С. 331; *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Бахчисарай, 2007. Т. 1. С. 298.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 16. Л. 63об.
- ³⁵ Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д. 2. Л. 6–8.
- ³⁶ Там же. Л. 6.
- ³⁷ Там же. Л. 3–5.
- ³⁸ Основные работы последних лет: *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения, 50-е – вторая половина 70-х гг. XVI века. М., 2007. [Т.] 1–2; *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001; *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.
- ³⁹ О миссии Джан-паши и дипломатических связях Москвы с Ислам-Гиреем в 1585–1588 гг. см.: *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства ... С. 59–63.
- ⁴⁰ Сборник РИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 414.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д. 2. Л. 12–13.
- ⁴² Там же. Л. 12.
- ⁴³ Там же. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Л. 13.
- ⁴⁵ Там же. Д. 6. Л. 1.
- ⁴⁶ Там же. Л. 2.
- ⁴⁷ Там же. Д. 7. Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. Л. 2.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Кушева Е. Н.* Указ. соч. С. 263.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д. 7. Л. 2.
- ⁵² Там же. Д. 2. Л. 1–2.
- ⁵³ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., 1948. С. 35
- ⁵⁴ *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 334.
- ⁵⁵ *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVI веков // Архив Русской Истории. М., 2007. Вып. 8. С. 39.
- ⁵⁶ В настоящее время в издательстве «Квадрига» готовится к изданию монография А.В.Белякова «Чингисиды в России», где будет раздел о пребывании в Астрахани Мурад-Гирея.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д. 13. Л. 71.
- ⁵⁸ *Беляков А. В.* Указ. соч. С. 38; *Зайцев И. В.* Указ. соч. С. 156.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 14. С. 37.
- ⁶⁰ *Шайдакова М. Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород, 2006. С. 142.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 10–11.
- ⁶² *Лызлов А.* Скифская история. М., 1990. С. 151.

- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 16. Л. 33об.
- ⁶⁵ РК, 1475–1605. М., 1987. Т. 3, ч. 2. С. 88.
- ⁶⁶ Описание архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 79.
- ⁶⁷ РК, 1475–1605. Т. 3, ч. 2. С. 88.
- ⁶⁸ Новосельский А.А. Указ соч. С. 35.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 37.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же. С. 39.
- ⁷² Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 334.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д. 13. Л. 27–36.
- ⁷⁴ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 265.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф.123. Оп. 1. 1586. Д. 1. Л. 98.
- ⁷⁶ Там же. Л. 90.
- ⁷⁷ Там же. Л. 96–99.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д. 1. Л. 16–17.
- ⁷⁹ Смирнов Н.А. Указ. соч. Т. 1. С. 138.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 123. Д. 1586. Л. 52–53.
- ⁸¹ Там же. Л. 51.
- ⁸² Там же. Л. 107–109.
- ⁸³ Смирнов Н.А. Указ. соч. Т. 1. С. 138; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 263.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1586. Ед. хр. 13. Л. 74–75.
- ⁸⁵ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 269.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 337.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Ед. хр. 7. Л. 2.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17. Л. 20об.
- ⁹⁰ Русско-чеченские отношения, вторая половина XVI – XVII вв. М., 1997. С. 27, № 10.
- ⁹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17. Л. 20.
- ⁹² Беляков А. В. Указ. соч. С. 43.
- ⁹³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Ед. хр. 13. Л. 75.
- ⁹⁴ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 265.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф 123. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 26–26об.; Известия Таврической Архивной Комиссии. 1891. Т. 14. С. 58. Далее: ИТУАК.
- ⁹⁶ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 81.
- ⁹⁷ Там же. Л. 81–81об.
- ⁹⁸ Гайворонский О. Указ. соч. С. 305.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 38; ИТУАК. Т. 14. С. 64.
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 38об.; ИТУАК. Т. 14. С. 64.
- ¹⁰¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 268; Bennigsen A., Lemercier-Quelquejeu Ch. Op. cit. P. 464; Беляков А.В. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁰² Гайваронский О. Указ. соч. С. 305.
- ¹⁰³ ИТУАК. Т. 14. С. 76.

- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 76 об.–80.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 190–193об.
- ¹⁰⁶ *Новосельцев А.П.* Русско-иранские политические отношения во 2-й половине XVI века // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961. С. 453, 454; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 274, 275.
- ¹⁰⁷ *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejaye Ch.* Op. cit. P. 471.
- ¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 389об.
- ¹⁰⁹ РК, 1475–1605. Т. 3, ч. 2. С. 126.
- ¹¹⁰ Там же. С. 127.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 188.
- ¹¹³ Там же. Л. 207.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же. Оп. 1. 1589. Ед. хр. 2. Л. 22.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 32.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 31.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 41.
- ¹¹⁹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 213об.–218об.
- ¹²⁰ *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejaye Ch.* Op. cit. P. 471.
- ¹²¹ *Гайваронский О.* Указ. соч. С. 316.
- ¹²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 345об., 398 об., 419 об.
- ¹²³ *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejaye Ch.* Op. cit. P. 471.
- ¹²⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 281об.
- ¹²⁵ Там же. Л. 282.
- ¹²⁶ Там же. Л. 397 об.
- ¹²⁷ Там же. Л. 398.
- ¹²⁸ Там же. Л. 399об.–400об.
- ¹²⁹ Там же. Л. 419об.–420.
- ¹³⁰ РК, 1475–1605. Т. 3, ч. 2. С. 166.
- ¹³¹ Там же. С. 167.
- ¹³² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1590. Ед. хр. 5. Л. 10об.
- ¹³³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 82об.
- ¹³⁴ *Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей... Собрана из древних тех времен описаний.* М., 1788. С. 18, 19.
- ¹³⁵ *Зайцев И. В.* Указ. соч. С. 191.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 82об.
- ¹³⁷ Л. 92–92об.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 268.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 262.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АДЫГОВ С РОССИЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Уже с конца XVIII в. разворачивается оживленная торговля между черноморскими казаками и закубанскими черкесами. Она была выгодной для обеих сторон¹. А в начале XIX в. российские купцы проникают и на Черноморское побережье, ведя торговлю «под боком» у анапского паши.

Первые попытки русских завязать торговые отношения с причерноморскими адыгами относятся ко времени русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В апреле 1807 г. под ударами русского оружия пала крепость Анапа², важнейший опорный пункт Порты в Черкесии. Престиж султана был поколеблен, весть об успехе русских разнеслась по горам и долинам Закубанья. Разрушив укрепления крепости, русский десант погрузился на корабли эскадры Черноморского флота и отплыл от Анапы.

Воспользовавшись временным прекращением военных действий после начавшихся с Россией в августе 1807 г. Слободзейских переговоров, османы вновь заняли и укрепили Анапу. Один турецкий судовладелец, взятый в плен моряками русского фрегата «Воин» в мае 1809 г. у черкесского побережья, показал на допросе, что османы доставляли горцам на небольших судах боеприпасы³. Из протокола этого допроса мы также узнаем, что османский паша с вспомогательным войском из местных жителей вновь расположился в Анапе⁴. Восстановленная Анапа стала центром турецкой торговли в Черкесии. Русское командование решает нанести еще раз удар по этому пункту.

Анапа была взята в июне 1809 г. десантом, высаженным с судов эскадры капитан-лейтенанта Перхурова⁵. В ней расположился русский гарнизон. Уже через несколько дней после занятия Анапы, командующий Черноморским флотом И.И.Тра-

версе писал министру морских дел П.В.Чичагову о необходимости разрешить торговлю в этой крепости, в особенности соль, «...в которой закубанские народы имеют великую нужду, и сверх того, доставить туда со стороны казны соли не для каких-либо выгод, а единственно для привлечения их к нам».

В 1811 г. энергичный делец, отставной сотник Донского войска С.Николаев выдвинул проект развития русской торговли с горцами в Анапе. Он предлагал доставлять туда крымскую соль на морских судах⁶. Впрочем, этому авантюристу, сумевшему ранее нажиться во время содержания в 1803–1807 гг. на откупе меновых дворов Черномории, на этот раз не удалось сорвать куш.

Развитию торговли с адыгами уделял большое внимание комендант Анапы генерал-майор Бухгольц. Сближению с горцами содействовала его жена, черкешенка из племени абадзехов⁷. В юности она была рабыней и лишь позже достигла столь высокого положения⁸.

При содействии генерал-майора Бухгольца начал в 1811 г. свою деятельность по установлению торговых отношений с горцами северо-восточного побережья Черного моря российский коммерсант генуэзского происхождения Рафэль Августинич Скасси. Он представил в этом году Херсонскому военному губернатору дюку де Ришелье⁹ свой план развития торговли с прибрежными черкесами¹⁰ и, снабженный рекомендательными письмами последнего, прибыл в Анапу. Придавая немаловажное значение Кавказу как рынку сбыта европейских товаров и учитывая его роль в торговле с Азией, Ришелье оказывал Скасси поддержку в его предприятиях¹¹. Как явствует из собственноручной записки Р.Скасси, 20 октября 1811 г. он, в сопровождении местного жителя Измаила Базаша и двух его людей, вышел из Анапы и прибыл к натухайцам¹². Горцы приняли его весьма дружелюбно. Первые связи были установлены.

После завершения русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Анапа и Суджук-кале, согласно условиям Бухарестского трактата 1812 г., были возвращены Османской империи. Северо-восточный берег Черного моря оставался под номинальной властью Порты. В Анапе вновь утвердился турецкий паша. По

поручению паши вел деятельность в Черкессии назырь Сеид-эфенди. В одном из официальных русских документов отмечалось, что Сеид-эфенди «...разными фальшивыми от имени турецкого султана и анапского паши разглашениями возмутил закубанцев и разных владельцев до того, что они, собираясь скопищами, угрожают скорым вторжением в наши границы...»¹³.

В этой обстановке вольготно стали чувствовать себя османские купцы. Анапа вновь стала оживленным рынком по сбыту товаров из Черкесии. В прибрежных пунктах Черкесии теснились кочермы, кончебасы и чектырмы из Османской империи, суда из европейских стран.

Русское правительство вступает в торговое соперничество с Портой на Северо-Западном Кавказе. Р.Скасси в 1813 г. занимался, по поручению дюка де Ришелье, вопросами торговли с горцами. Он присутствовал несколько раз на народных собраниях прибрежных адыгов и на одном из них заключил с ними соглашение о торговле¹⁴. В устье р. Пшады кунаками Скасси было заготовлено значительное количество леса для русского флота¹⁵. Для вывоза этого леса в Россию было отправлено в июне 1814 г. к устью р. Пшады судно «Дунай» с грузом соли, подлежащим обмену. Черкесский лес был доставлен в Севастополь и осмотрен корабельным мастером Мелиховым¹⁶.

В 1816 г. Р. Скасси подал в Петербурге на имя Александра I записку о развитии торговых сношений с черкесами¹⁷. Ему было отпущено 100 тыс. пудов соли из крымских соляных складов для вывоза в Черкессию¹⁸.

С 1816 г. Скасси, как надворный советник Коллегии иностранных дел, был послан Херсонским военным губернатором Ланжероном в землю Черноморского казачьего войска с дипломатическими поручениями, касающимися черкесов. При этом войсковому атаману Г.К.Матвееву предписывалось оказывать ему всяческое содействие¹⁹. Скасси предложил Матвееву наладить нормальные отношения с горцами, развивая с ними торговые связи²⁰. Он решительно критиковал практиковав-

шуюся казачьей администрацией отдачу меновых дворов в откупное содержание²¹.

Пользуясь покровительством местного влиятельного князя Магомета-Индара-Оглы²², Скасси устроил в устье р. Пшады, на побережье, находившимся под номинальным владычеством Порты, настоящую торговую факторию. В 1818 г. к Пшаде прибыла посланная им шхуна «Черкешенка», груженная солью, были построены магазины для торговли с горцами²³. В поездке Скасси в 1818 г. по торговым делам на восточный берег Черного моря его сопровождал Тебу де Мариньи, оставивший после себя весьма ценные описания своих поездок на черкесское побережье.

К 1819 г. торговые операции Скасси расширились, он укрепил связи с прибрежными черкесами, которые вырубали для отпуска в Россию свыше двух тысяч корней строевого леса²⁴.

Вопрос о дальнейшем развитии русской торговли с горцами на Черноморском побережье Кавказа обсуждался летом 1819 г. на заседаниях Комитета министров. В записке министра финансов предлагалось разрешить беспошлинный отпуск соли в Черкесию и Абхазию²⁵. Соглашаясь с запиской графа Ланжерона, министр финансов считал, что производство торговли с прибрежными горцами следует упорядочить и подчинить одному начальнику. Это дело можно вверить Р.Скасси, под руководством Херсонского военного губернатора²⁶.

В 1821 г. вышли в свет утвержденные Александром I «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами». Указав на пользу «учреждения торговых сношений с народами Закубанскими и особенно с черкесами и абазинцами, обитающими на берегах Черного моря», правила устанавливали два пункта для торговли с ними – в Керчи и Бугазе. При этом следовало «в Керченском порте принимать произведения Черкесии и Абхазии морем привозимые, а в Бугазе те же самые произведения, сухопутно туда доставленные для мены на товары и произведения российские»²⁷.

Горские товары разрешалось принимать в этих пунктах беспошлинно, и также беспошлинно отпускать в Черкесию и Абхазию русские товары в соответствии с тарифом, исключая

золотые, серебряные и медные монеты, российские банковые ассигнации, огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец²⁸. Торговлю можно было вести беспошлинно в течение десяти лет со времени открытия Керченского порта и Бугазского менового двора.

Руководство и контроль над осуществлением торговли с прибрежными горцами возлагались на учреждаемую специальную административно-коммерческую организацию, возглавляемую «Попечителем торговли с черкесами и абазинцами». Местопребыванием попечителя была назначена Керчь. Согласно штату Попечительства, ему подчинялись три комиссара, которые посылались в Пшаду, Геленджик и Бугаз²⁹.

Попечителем был назначен Р.Скасси³⁰. Комиссарами были Карл Иванович Тауш и Леонтий Яковлевич Люлье. При описании деятельности Попечительства мы опираемся не только на архивные и опубликованные документальные материалы, но и на статью Л.Я.Люлье о своем участии в делах этой организации. Статья эта «О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря» была издана в «Закавказском вестнике» в 1848 г.

Комиссары, направленные Попечительством в горы Черкесии, поддерживали связи с кунаками, наблюдали за ходом торговли, являлись посредниками между русскими купцами и горцами³¹.

Торговля, согласно правилам, должна была подвергаться строгой регламентации и контролю³². Хозяева судов, привозивших товары из Черкесии и Абхазии, должны были получать от помощников попечителя бумаги, подтверждающие адыгейское и абхазское происхождение этих товаров, а также ярлыки с указанием их веса, меры и количества. При этом хозяин товаров обязан был в течение шести месяцев предъявить в таможенную свідетельство от помощников попечителя в том, что товары эти действительно привезены были в Черкесию и Абхазию в указанное место³³. В случае отсутствия подобного свидетельства право беспошлинной торговли терялось, и взыскивался положенный акциз³⁴.

В специальной росписи указаны были адыгейские и абхазские товары, допускавшиеся к беспошлинному «меновому торгу». Среди них названы сало всякое, воск, мед, масло, кожи, лошади, лес, бурки, фрукты, овощи, хлеб, шерсть, табак и другие продукты горского хозяйства³⁵.

На проведение торговых операций и заведение кораблестроения в Керчи в распоряжение Р.Скасси было отпущено 200 тысяч рублей. Кроме того, по штату Попечительства, эта организация ежегодно получала три тысячи рублей «...на толмачей, канцелярские расходы, разъезды и на угощения приезжающих горских князей и старейшин...»³⁶. В дальнейшем на «поддержание дружеских связей с кунаками» попечителю ежегодно отпускалась так называемая экстраординарная сумма в 15 тысяч рублей³⁷.

Развитие торговли с горцами северо-восточного побережья Черного моря преследовало политические интересы. В одном из российских официальных правительственных документов прямо указывалось относительно заведений для меновой торговли с кавказскими горцами, что «...главная цель сих учреждений была политическая...»³⁸. Р.Скасси принимал энергичные меры для ослабления влияния анапского паши среди адыгов³⁹. Паша даже жаловался, что русская торговля солью с горцами крайне затрудняет его действия по «возмущению» их против России⁴⁰.

Попечительство торговли с черкесами и абазинцами развернуло свою деятельность в 1822 г. Тогда же отправились к берегам Черкесии и Абхазии русские суда, груженные солью и мануфактурными товарами. На судне «Святой Николай» было доставлено в Пшаду семь тысяч пудов соли, взамен которой капитан судна Капуни вывез оттуда кукурузу, рожь, ореховые и дубовые доски, воск, мед, строевой лес. Судно «бахчисарайского мещанина» Моше Калфе, носившее красочное название «Надежда», привезло в Тду 10 тысяч пудов соли.

Русско-адыгские торговые связи на Черноморском побережье Кавказа еще более расширились в последующие годы. С 18 мая по 22 ноября 1823 г. берега Черкесии и Абхазии посетили 10 ку-

печеских судов из России. Помимо соли, они доставили железо, серебро, мельничные жернова и другие товары⁴¹. Суда приходили главным образом в Цемес, Геленджик и Пшаду⁴². В небольшом количестве сбывались товары горцам. Так, лишь князь Мурадин приобрел 998 пудов соли и 5 пудов железа.

В 1823–1827 гг. попечительством было отправлено к прибрежным жителям 159 тысяч 290 пудов соли. Вывезено было в то же время из Черкесии и Абхазии морем товаров на сумму 93 842 рубля, а ввезено – на 51 705 рублей⁴³. Кроме соли, ввозили из Керчи в Черкесию значительное количество чугунных котлов, кос, топоров, иголок, зеркал, сафьяна, бумажных материй и сукна.

Российские суда покидали живописные берега Западного Кавказа, груженные хлебом, воском, медом и пушными товарами⁴⁴, и направляли свой путь по лазурным волнам Черного моря в г. Керчь. По словам одного из помощников «попечителя торговли с черкесами и абазинцами», Кодинца, в 1824–1827 гг. к северо-восточному побережью Черного моря пристало до 30 российских судов.

В то же время шла торговля через р. Кубань. В 1810 г. правительством России было принято решение развернуть меновую торговлю с горцами на Кавказской линии. Для этого в 1811 г. было на ней учреждено 6 меновых дворов: Усть-Лабинский, Прочноокопский, Прохладненский, Константиногорский, Лашуринский и Наурский⁴⁵. Кроме этого, в земле Черноморского казачьего войска существовали «войсковые» меновые дворы: Редутский, Малолагерный, Екатеринодарский, Великолагерный, Новоекатеринославский, Славянский, Бугазский.

Царское правительство строго регламентировало и контролировало торговлю с горцами⁴⁶. Мелочная регламентация не способствовало широкому развитию русско-черкесской торговли. Нормальному развитию этой торговли также препятствовала эскалация военных действий по мере дальнейшего углубления Кавказской войны.

С началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. прекратилась посылка российских купеческих судов к берегам Черкесии. Меновая торговля с горцами на Кавказском побережье

была прервана и свернулись операции «попечителя торговли с черкесами и абазинцами». Л.Я.Люлье писал по этому поводу: «...открывшаяся в 1828 году турецкая кампания положила конец сношениям нашим в горах, а в конце того же года, по взятии Анапы, комиссары должны были выехать из страны, в которой вследствие политического переворота дальнейшее пребывание их сделалось невозможным»⁴⁷. Осенью 1829 г. был уволен с русской государственной службы Р.А.Скасси⁴⁸.

В исторической литературе нет единства взглядов в оценке как деятельности попечительства, так и результатов развития русско-адыгских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в.

В ряде работ высказана мысль о том, что не было условий для развития торговли с горцами и что деятельность попечительства следует характеризовать отрицательно⁴⁹. В.А.Потто, например, утверждал, что возглавлявшаяся Р.Скасси организация была лишена значения и что это «...обстоятельство не мешало де Скасси не обращать никакого внимания на то, что жизнь, действительность, на каждом шагу опровергала его соображения и уничтожала плоды его канцелярской работы»⁵⁰.

Существует в историографии противоположное мнение, что развитие торговли с прибрежными адыгами в первой четверти XIX в. достигло определенных успехов и имело положительные последствия⁵¹. М.В.Покровский весьма ясно высказался по этому поводу: «Создание в Керчи и на Бугазе русских торговых пунктов, имевших задачей вывоз товаров на Черноморское побережье Кавказа, дало положительные результаты. Ко времени начала русско-турецкой войны 1828–1829 гг. вывоз этот достиг весьма существенных размеров»⁵².

На основании изучения документальных материалов по этому вопросу мы можем констатировать, что русская торговля с причерноморскими адыгами в первой четверти XIX в. получила определенное развитие. Об этом убедительно говорят вышеприведенные конкретные факты о деятельности российских купцов на побережье, номинально входившем в сферу влияния Османской империи.

Вместе с тем укажем, что результаты этой торговли не соответствовали сделанным на нее затратам. Некоторые исследователи правильно указывают, что развитию торговли нанесли ущерб спекуляции российских купцов, неудовлетворительная организация торгового дела на меновых дворах. Значительная часть денежных средств, представленных в распоряжение Р.Скасси, попала в руки многочисленных чиновников, заинтересованных в личном обогащении.

Торговые операции российских купцов на Западном Кавказе затруднялись происками османского пашы в Анапе. Порта ревниво отнеслась к экономическому проникновению России на Черноморское побережье и в Закубанье. Турецкие эмиссары подстрекали вождей некоторых черкесских племен к нападениям на устроенные попечительством торговые фактории. По словам современника «благоденствие возникавшей торговли, было... нарушаемо несколько раз жителями глубоких теснин, отделенных от моря, и даже загорными шапсугами из зависти и из надежды на добычу, к чему по некоторым вероятиям они были побуждаемы турками, которые с неудовольствием смотрели на эти сношения»⁵³.

Находившийся в Анапе с 1821 г. Гассан-паша пытался вводить турецкие порядки среди горцев⁵⁴. Следуя излюбленной формуле агрессоров всех мастей «разделяй и властвуй», паша натравливал туркофильски настроенных горцев на тех жителей, которые поддерживали Россию. Анапский паша, как писал глава российского министерства иностранных дел К.В.Нессельроде, «...всячески старается сбить с толку склонных перейти на нашу сторону или же жестоко преследует наших приверженцев, прибегая в этих целях то к силе, то к хитрости»⁵⁵. М.С.Воронцов указывал анапскому паше на совершившиеся летом 1824 г. нападения на русские торговые пункты в Пшаде и Тду и на разграбление и потопление у Пшады российского купеческого судна⁵⁶.

Анапский паша пристально следил за развертыванием деятельности Р.А.Скасси на побережье Западного Кавказа. Он просил в 1823 г. Скасси о встрече с ним на Бугазском меновом дворе, однако К.В.Нессельроде не санкционировал ее⁵⁷.

Османо-русские противоречия, конечно, сильно мешали развитию русско-адыгских торговых связей.

Этому развитию не способствовало и негативное отношение отдельных представителей царской администрации к торговому диалогу между горцами и русскими. Так, А.П.Ермолов в отношении к Нессельроде от 27 апреля 1822 г. высказывался против проекта Скасси о развитии мирных отношений и торговли с горцами⁵⁸. Близкие к Ермолову круги стояли за военное решение черкесского вопроса. Присоединение адыгов к России, по их мысли, должно было совершиться путем завоевания.

Между тем К.В.Нессельроде, М.С.Воронцов и некоторые другие деятели стояли за мирное присоединение Черкессии к России путем развития с горцами торговых и других связей. К.Нессельроде активно содействовал деятельности попечительства Скасси.

Царизм одной рукой осуществлял мероприятия для развития торговли с горцами, другой же – препятствовал ей, производя опустошительные военные вторжения в Закубанье. С.К.Бушуев очень верно подметил в этой связи: «Вот почему при больших затратах на ведение русско-адыгейской торговли результат был незначительный. То, что делали гражданские власти, военными властями сводилось на нет. Этим пользовались англо-турецкие агрессоры»⁵⁹.

Все это не могло не привести к сокращению объема русско-адыгейской торговли к 1828 г. – ко времени начала новой войны между Османской империей и Россией.

Ликвидированная после Адрианопольского мира 1829 г. административно-коммерческая организация, возглавлявшаяся «попечителем торговли с черкесами и абазинцами», сыграла положительную роль в развитии торговли с горцами и установлении с ними дружественных связей. Это признал позже командир Отдельного Кавказского корпуса барон Г.В.Розен, писавший министру финансов Е.Ф.Канкрину, что «Попечительство Кавказской торговли», «несмотря на все злоупотребления, вкравшиеся в управление оным, некоторым образом поддерживало связь России с горскими народами»⁶⁰.

После заключения Адрианопольского договора 1829 г., согласно которому Черноморское побережье Кавказа вошло в состав России, возобновилась торговля с горцами. Уже через несколько месяцев после взятия крепости Анапы в 1828 г. русскими войсками, началась торговля между гарнизоном и окрестным населением⁶¹. В 1830 г. были приняты временные правила для меновой торговли в Анапе⁶².

Ряду представителей николаевской администрации было ясно, что лишив горцев возможности получать из Османской империи необходимые им товары, следует организовать их снабжение товарами русскими. Тайный советник Родофиникин, отмечая в своем отношении к М.С.Воронцову от 3 июня 1830 г., что меновая торговля в Анапе развивается неудовлетворительно, указывал на сохранение османской контрабандной торговли и тут же подчеркивал, что для развития торговли горцев в Анапе «...желательно, чтобы они находили в означенном городе достаточное количество оных (товаров. – А.Ч.), которое могло бы вознаградить для тех народов невольное лишение способов торговать с турками»⁶³. Тут же Родофиникин предлагал привлечь к торговле с адыгами на Черноморском побережье русских «промышленников»⁶⁴.

С возведением на восточном берегу Черного моря русских укреплений, их гарнизоны начали меновую торговлю с близживущим адыгским населением. В начале 30-х годов XIX в. купцы русские из Феодосии просили Керчь-Еникальского градоначальника разрешить им осуществлять торговлю с адыгами в Пшаде и других пунктах северо-восточного берега Черного моря⁶⁵. Этот царский чиновник обратился с представлением по данному вопросу к министру финансов Е.Ф.Канкрину. Последний ходатайствовал перед комитетом министров по вопросу о возобновлении торговли с горцами на Кавказском побережье Черного моря от Анапы до Сухум-кале⁶⁶.

В результате, 17 декабря 1835 г. последовало решение царя Николая I, по которому эта торговля разрешалась, с тем, однако, условием, что русские купеческие суда могли отправляться лишь к тем пунктам восточного берега Черного моря, где находились царские войска. Проведение торговли регулирова-

лось прежними правилами 1821 г. и указом, вышедшим в марте 1835 г.⁶⁷

И после выхода правил от 17 декабря 1835 г. торговля с горцами сохранялась в прежних размерах, ибо ее нормальному развитию препятствовало разрешение купцам торговать только в тех местах побережья, где были, как указывалось выше, расположены войска России. А в 1835 г. лишь немногие пункты северо-восточного берега Черного моря контролировались царскими властями. Вне их контроля находилось большое количество удобнейших для торговли мест населенного адыгами Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа. Как указывал М.С.Воронцов, из 25 пунктов побережья от Анапы до Редут-Кале, через которые можно было иметь свободные связи с горцами, лишь в 5 пунктов могли отправляться купеческие суда из России⁶⁸.

Царское правительство вначале колебалось в вопросе о разрешении русским купцам проявить частную торговую инициативу и вести торговлю с горцами на Черноморском побережье Кавказа, а затем выдало это разрешение⁶⁹, и следует подчеркнуть, что русские вольнопромышленники, и среди них крепостные крестьяне, поддерживали оживленные торговые связи с адыгами⁷⁰.

Значительное развитие получила русско-адыгская торговля на побережье после создания Черноморской береговой линии. Друг А.С.Пушкина и декабристов генерал-лейтенант Н.Н.Раевский, командовавший береговой линией в 1837–1841 гг., придавал большое значение развитию торговли и мирных отношений с горцами. Указывая на отсутствие налаженных торговых связей с живущими на Черноморском побережье адыгами и на стремление русского командования пресечь торговлю адыгов с внешним миром через Черное море, он отмечал, что представители царских властей «...полагали держать в тесной блокаде восемьсот тысяч жителей, обессиливая их голодом и недостатком и, наконец, покоряя их вторжениями в их горы»⁷¹.

По мнению Н.Н.Раевского, одними военными средствами невозможно было добиться присоединения Северо-Западного Кавказа к России и прекращения османской и английской кон-

трабандной торговли. Отсутствие или запрещение русской торговли с горцами лишь увеличивало размеры турецкой торговли на северо-восточном берегу Черного моря и способствовало возрастанию влияния Османской империи на Северо-Западном Кавказе⁷².

Н.Н.Раевский настойчиво проводил мысль о том, что для прекращения турецкой торговли необходимо развивать экономические связи с горцами. В своем знаменитом «Обзрении восточного берега Черного моря», составленном в середине апреля 1839 г., он отмечал, что «...если мы (российские власти. – А. Ч.) будем снабжать горцев нужными для них произведениями, то контрабандисты не выдержат торгового соперничества. Подверженные конфискации, они вынуждены повышать цены по мере опасности»⁷³.

Получив в 1839 г. разрешение на торговлю солью с адыгами, Н.Н.Раевский добился предоставления ему 20 тысяч пудов для продажи местному населению по умеренной цене. Эту соль распределили по укреплениям Черноморской береговой линии⁷⁴. Кроме этого Н.Н.Раевскому было отпущено на развитие торговли с горцами 20 тысяч рублей⁷⁵. После предпринятых мер динамично стала развиваться торговля с горцами Северо-Западного Кавказа. В приказе Н.Н.Раевского по Черноморской береговой линии от 22 апреля 1839 г. помещены были правила для меновой торговли с горцами⁷⁶. Тут же прилагалась такса, которой при торговле с адыгами должны были руководствоваться начальники береговых укреплений в специально выделенном для этой цели месте. Мена с горцами внутри укреплений не допускалась. Место для торговли обтягивалось кругом веревкой или огораживалось.

Н.Н.Раевский стремился обратить укрепления Черноморской береговой линии в торговые пункты⁷⁷. В большинстве береговых фортов производилась мена солью. Многие адыги проявляли стремление к торговле с Россией. Так, в частности, когда в 1839 г. на р. Мескаге строился форт Раевский, для переговоров туда прибыл один из влиятельных представителей натухайцев – Безим Соопух. Он выразил от имени жителей близлежащих аулов натухайцев стремление иметь мирные от-

ношения с русскими и вести с ними торговлю⁷⁸. После этого горцы стали часто посещать Анапу и форт Раевский, ведя торговлю с расположенными там российскими гарнизонами, причем почти ежедневно в форт Раевский прибывали от 10 до 20 человек, а в Анапу – от 25 до 30⁷⁹. За один только месяц, с 1 сентября по 1 октября 1840 г., в Анапе произвели с горцами мену товаров на сумму 5 700 рублей ассигнациями⁸⁰. А с октября 1839 г. по 1 декабря 1840 г. в той же крепости променяли горцами более 15 352 пудов соли⁸¹.

Однако нормальному развитию торговых отношений между русскими купцами, а также гарнизонами военных укреплений и адыгским населением Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа мешала колониальная политика царского самодержавия, стремившегося, используя торговлю с горцами как одно из средств проведения своего курса на Кавказе, применять по отношению к ней репрессивные меры, исходя из соображений складывавшейся военно-политической обстановки. Так, когда в начале 1840 г. восставшее горское население Черноморского побережья захватило ряд укреплений Черноморской береговой линии, то царский генерал П.Х.Грабе, являвшийся начальником войск на Кавказской линии, запретил в качестве «наказания горцев» производить с ними торговлю⁸².

Начальник Черноморской береговой линии Н.Н.Раевский решительно возражал против подобных действий. Временное прекращение торговли ухудшило положение гарнизонов русских укреплений. Н.Н.Раевский писал в своем рапорте к командиру Отдельного Кавказского корпуса Е.А.Головину, что «мирные сношения и мена с горцами... столь же необходимы для наших (русских. – А.Ч.) укреплений, как и для горцев»⁸³. Благодаря торговле с прибрежными адыгами гарнизоны укреплений Черноморской береговой линии обеспечивали себя свежим мясом и другими продуктами питания. Выгоды торговли с горцами были настолько велики, что Н. Н.Раевскому удалось добиться разрешения на ее возобновление на северо-восточном берегу Черного моря⁸⁴.

Н.Н.Раевский предпринял попытку привлечь предпринимателей к торговле на Черноморском побережье. В мае 1840 г. он

обратился к Новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору М.С.Воронцову с просьбой пригласить «какого-нибудь достойного негоцианта» к участию в деле торговли с прибрежными адыгами. Раевский предложил выяснить возможность привлечения к торговле с горцами барона Штиглица⁸⁵. При этом начальник Черноморской береговой линии писал, что он, в случае, если Штиглиц будет вести торговлю на побережье, окажет ему всяческую помощь в проведении коммерческих операций. В отношении от 16 ноября 1840 г. М.С.Воронцов сообщил Раевскому, что обращался по этому вопросу к управляющему домом Штиглица в Одессе Классену, а затем в Петербурге имел встречу и переговоры с самим Штиглицом. Однако от торговли на Кавказском побережье Штиглиц отказался, сославшись на трудности подобного предприятия⁸⁶. «Возражения в таковом же смысле, – заключил М.С.Воронцов, – я получил и от других лиц, с которыми я говорил по возвращении моем в Одессу, и которым я предлагал вступить в это дело»⁸⁷.

По инициативе М.С.Воронцова, в 1845 г. был разрешен беспошлинный привоз иностранной соли к портам восточного берега Черного моря, где разрешалась торговля зарубежных купцов⁸⁸. Это разрешение дано было «в видах уменьшения числа предметов, поддерживавших сношения турецких контрабандистов с горцами» Кавказа⁸⁹.

Меры, принимавшиеся русским правительством, приносили определенный успех. Русская торговля с горцами на Черноморской береговой линии в 1845 г. продолжала развиваться, как показывают рапорты А.И.Будберга М.С.Воронцову и другие документальные материалы⁹⁰.

В эти же годы успешно развивалась торговля между адыгами и Черноморскими казаками через р. Кубань. Масштабы ввоза горских товаров через Черноморскую кордонную линию, проходившую по р. Кубани от ее устья до крепости Усть-Лабинской, год от года возрастали. Так, лишь через Екатеринодарский частный карантин в 1842 г. было привезено горских товаров на сумму 85 тысяч 105 рублей 80 копеек ассигнациями, а в 1843 г. – на 91 тысяч 753 рубля.

Итак, необходимо отметить, что, несмотря на суровую обстановку Кавказской войны, торговые связи между Россией и адыгами получили определенное развитие. Вместе с тем царизм стремился использовать торговое проникновение для достижения своих политических целей.

В целом можно констатировать, что торговля являлась важной составной частью системы жизнеобеспечения у адыгов.

-
- ¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 32. Л. 11об., 14об. Далее: РГИА.
 - ² М.П. Взятие турецкой крепости Анапы, в 1807 году: (письмо к Н.И.Гречу) // Сын отечества. СПб., 1828. Ч. 119, № 9. С. 81–90.
 - ³ Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 243. Оп. 1. Д. 748. Л. 9. Далее: РГА ВМФ.
 - ⁴ Там же.
 - ⁵ Веселовский Н. Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии имп. Русского военно-исторического общества. Петроград, 1914. Т. 3. С. 68, 69.
 - ⁶ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 1. Л. 16–16об., 17.
 - ⁷ Л.Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря // Закавказский вестник. Тифлис, 1848. № 14 (1 апреля); Веселовский Н. Указ. соч. С. 71; Хрестоматия по истории Кубани: документы и материалы. Краснодар, 1975. Ч. 1. С. 50.
 - ⁸ Neumann K. Rußland und die Tscherkessen. Stuttgart; Tübingen, 1840. S. 60.
 - ⁹ Арманд Эммануил София-Септимания дю Плесси Ришелье, герцог де Ришелье и де Фронсак, являлся херсонским военным губернатором с 1805 г. (См.: Сборник РИО. СПб., 1886. Т. 54. С. III, IX).
 - ¹⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского министерства иностранных дел. Серия 2. М., 1979. Т. 3 (11). С. 107. Далее: ВПР.
 - ¹¹ Widerszal L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864. Warszawa, 1934. S. 29.
 - ¹² Скасси Р. Извлечение из Записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. Далее: АБКИЕА.

- ¹³ Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1873. Т. 5. С. 872. Далее: АКАК.
- ¹⁴ АБКК. С. 282, 283.
- ¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 920. Л. 4. Список с письма комиссионера генуэзского дворянина Скасси к херсонскому военному губернатору дюку де Ришелье от 20-го апреля 1813 года.
- ¹⁶ Там же. Л. 36, 54, 68, 71.
- ¹⁷ Там же. Л. 82. Список с отношения статс-секретаря Нессельроде к морскому министру от 9-го июля 1816 г.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 157. Л. 36–36об., 37.
- ¹⁹ Русско-адыгейские торговые связи 1793–1860 гг.: сб. док. Майкоп, 1957. С. 40, 41.
- ²⁰ *Короленко П.П.* Черноморцы. СПб., 1874. С. 164.
- ²¹ *Покровский М.В.* Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957. С. 23.
- ²² *Koch K.* Reise durch Rusland nach dem kaukasischen Jsthmus in der Jaren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart; Tübingen, 1842. Bd. 1. S. 306.
- ²³ *Л.Я.* Указ. соч.
- ²⁴ АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. 2. С. 451.
- ²⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 157. Л. 38.
- ²⁶ ВПР. Серия 2. Т. 3 (11). С. 108.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 259. Л. 103об.
- ²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 37. С. 878, 879. Далее: ПСЗ.
- ²⁹ АКАК. Т. 6, ч. 2. С. 485. Штат для попечителя торговли с черкесами и абазинцами и чиновников, в его ведомстве состоящих.
- ³⁰ Записка о Керчи. Ч. 1–3 // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1864. Кн. 1. [Отд.] 5: Смесь. С. 65. Разд. паг.
- ³¹ *Л.Я.* Указ. соч.; АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 638.
- ³² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 259. Л. 107об.–108.
- ³³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 37. С. 880.
- ³⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 157. Л. 41об.–42.
- ³⁵ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 259. Л. 111–111об.
- ³⁶ АКАК. Т. 6, ч. 2. С. 485.
- ³⁷ Там же. С. 638.
- ³⁸ Там же. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 891. Записка «О закубанских народах».
- ³⁹ Там же. С. 451.
- ⁴⁰ Там же. Т. 5. С. 841.
- ⁴¹ ВПР. Серия 2. М., 1982. Т. 5 (13). С. 729, примеч. 172-е.
- ⁴² РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 134. Ч. 3. Л.15.

- ⁴³ Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. М., 1940. Т. 9. С. 170.
- ⁴⁴ АКАК. Т. 7. С. 891.
- ⁴⁵ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 209.
- ⁴⁶ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 146.
- ⁴⁷ Л.Я. Указ. соч.
- ⁴⁸ АКАК. Т. 7. С. 882; Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3. С. 335, примечание.
- ⁴⁹ Короленко П.П. Указ. соч. С. 165, 184; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1886. Т. 2, вып. 4. С. 600, 601, 663; Писарев В.И. Указ. соч. С. 170, 171; Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958. С. 32, 33.
- ⁵⁰ Потто В. Указ. соч. С. 663.
- ⁵¹ Л.Я. Указ. соч.; Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи.
- ⁵² Покровский М. В. Указ. соч. С. 82.
- ⁵³ Л. Я. Указ. соч.
- ⁵⁴ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 305.
- ⁵⁵ ВПР. Серия 2. Т. 5 (13). С. 617.
- ⁵⁶ Там же. С. 771, примеч. 341.
- ⁵⁷ Там же. С. 78. Управляющий министерством иностранных дел К.В.Нессельроде попечителю керченской и бугазской торговли Р.А.Скасси.
- ⁵⁸ АКАК. Т. 6, ч. 2. Док. № 859.
- ⁵⁹ Очерки истории Адыгеи. Т. 1. С. 300.
- ⁶⁰ АКАК. Т. 8. С. 641.
- ⁶¹ Русско-адыгейские торговые связи 1793–1860 гг. С. 62, 63.
- ⁶² ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1831. Т. 5, отделение 1. С. 356, 357.
- ⁶³ АКАК. Т. 7. С. 891.
- ⁶⁴ Там же. С. 891, 892.
- ⁶⁵ Там же. Т. 8. С. 642. Отношение гр. Канкрин к гр. Воронцову от 8 января 1836 г.
- ⁶⁶ Русско-адыгейские торговые связи 1793–1860 гг. С. 71.
- ⁶⁷ АКАК. Т. 8. С. 642.
- ⁶⁸ АКАК. Т. 8. С. 643; РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 134. Ч. 2. Л. 49.
- ⁶⁹ Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. С. 85–87.

- ⁷⁰ Раевский Н.Н. Записка Н.Н.Раевского «О торговле с горцами и переселении на Восточный берег» // Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3. С. 362.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 164. Д. 91. Л. 96.
- ⁷² Архив Раевских. Т. 3. С. 66.
- ⁷³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 134-а. Ч. 1. Л. 17.
- ⁷⁴ Архив Раевских. Т. 3. С. 389.
- ⁷⁵ РГИА. Ф. 1297. Оп. 164. Д. 91. Л. 78.
- ⁷⁶ Там же. Л. 79.
- ⁷⁷ Шавров Н. Проекты колонизации восточного берега Черного моря // Северный вестник. СПб, 1886. № 7. Отдел 2. С. 22; Архив Раевских. Т. 3. С. 342, 343.
- ⁷⁸ Архив Раевских. Т. 3. С. 347.
- ⁷⁹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 164. Д. 91. Л. 38.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 134-а. Ч. 1. Л. 51.
- ⁸¹ Там же. Л. 17об.
- ⁸² Архив Раевских. Т. 3. С. 613.
- ⁸³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 134-а. Ч. 1. Л. 17об.–18.
- ⁸⁴ АКАК. Тифлис, 1884. Т. 9, ч. 1. С. 489, 490.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 1297. Оп. 164. Д. 91. Л. 69–69об.
- ⁸⁶ Там же. Л. 69об.
- ⁸⁷ ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1846. Т. 20, отд. 1. С. 484.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 6. Д. 384. Л. 2–2об.
- ⁸⁹ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 560. Л. 25; Ф. 261. Оп. 1. Д. 722. Л. 116об.
- ⁹⁰ Русско-адыгейские торговые связи 1793–1860 гг. С. 154, 155, 157, 158.

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XIX в. И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АБХАЗО-ГРУЗИНСКОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Социально-политическое развитие Абхазии в конце XX в. и обострение межэтнических отношений в этом регионе в 1980–1990-е годы, абхазо-грузинский вооруженный конфликт – все эти события вновь и вновь привлекают внимание исследователей к историческому прошлому Абхазии, к особенностям ее этнокультурной истории. При решении вопроса о причинах и поводах войны 1992–1993 гг. неизбежно возникает вопрос и о том, как складывались отношения двух соседних народов – абхазов и грузин/мегрелов – на протяжении предыдущих десятилетий и столетий? Как взаимодействовали культуры этих народов? Какие этнические процессы происходили под влиянием этого взаимодействия?

Следует прежде всего отметить, что абхазы и грузины, как показывают многочисленные источники, имеют длительный опыт исторического взаимодействия¹. Причем оно происходило не только в зоне этнического пограничья абхазов и грузин, но в той или иной степени – и на территории всей Абхазии. Если говорить о XVIII–XIX вв., миграции грузин (в основном мегрелов) в этот регион, судя по имеющимся источникам, были постоянными: это были и добровольные переселения, и вынужденные – например, в результате захвата пленных. (Конечно, шел и аналогичный процесс – абхазы переселялись в силу тех или иных причин в соседнюю Мегрелию, но, видимо, это явление имело меньшие масштабы².) Довольно тесные связи существовали между элитными кругами абхазов и соседних грузинских княжеств: «между ними традиционно поддерживались самые тесные связи, осуществлявшиеся на различных уровнях – династических браков, аталычества, куначества, мо-

лочного родства, побратимства, политических союзов, основанных на кровном родстве»; благодаря этому и при отсутствии политического единства элиты были «тесно переплетены и интегрированы друг с другом на менее заметном родственном уровне»³. Немало сведений о династических связях высших сословий Абхазии и Мегрелии имеется в работе С.Н. Джанашиа «Георгий Шарвашидзе»⁴.

Тем не менее обострение взаимоотношений между этими народами приводит к тому, что в настоящее время некоторые исследователи отрицают даже факт присутствия грузинского населения на территории Абхазии до конца XIX в. Показательно такое высказывание: «Для установления факта отсутствия “грузин” в Абхазии нет необходимости искать такие факты в глубинных пластах вековой истории – их (грузин. – Л.С.) не было здесь до конца XIX в.»⁵.

Подобные утверждения выглядят совершенно необоснованными, поскольку историки, в том числе и абхазские, исследовавшие проблему формирования многонационального населения Абхазии, уже для второй половины XIX в. отмечают, что происходило «интенсивное заселение Абхазии» представителями разных народов – грузинами/мегрелами, армянами, греками, эстонцами, болгарами, немцами⁶. Среди переселенцев преобладали грузины: по большей части мегрелы, а также в небольшом количестве имеретины, сваны, рачинцы. К концу XIX в. уже около половины населения Абхазии составляли переселенцы разных национальностей⁷.

Некоторые грузинские историки, в свою очередь, пишут о «чисто грузинском» населении юго-восточной Абхазии (исторический регион Самурзакано). В отдельных научных трудах абхазов, наряду с живущими в Грузии этническими меньшинствами – армянами, азербайджанцами, русскими и др., объявляют даже «гостями на грузинской земле»⁸.

Этнокультурные проблемы Гальского района, судьба его населения (в настоящее время здесь преобладают мегрелы) очень важны для решения многих вопросов, оставшихся до сих пор нерешенными. Отметим, что абхазские исследователи считают изучение этнокультурной истории жителей этого региона

весьма актуальным. Как пишет Т.А.Ачугба, «раскрытие... процесса и причин искусственной и естественной ассимиляции абхазов создаст благоприятный фон для добровольной реанимации исконного национального самосознания самурзаканцев, выработки их верной политической ориентации»⁹.

Важность этого вопроса подчеркивают и грузинские историки. В частности, И.Квашилава отмечает: «...объективная оценка этнокультурной принадлежности самурзаканцев ...играет значительную роль в деле урегулирования абхазо-грузинского конфликта»¹⁰. По мнению М.Ториа, «часть современной абхазской элиты прямо связывает поиски “истинных” корней населения Гальского района, то есть исторического Самурзакано, с “будущим молодой Абхазской Республики”»¹¹.

В данной статье рассматривается проблема формирования локальной группы («самурзаканцы») в зоне интенсивного этнокультурного взаимодействия абхазов и грузин (мегрелов) на юго-востоке Абхазии (район Самурзакано, современные Гальский и частично Очамчирский и Ткварчельский районы Абхазии). Цель статьи – определить, под влиянием каких факторов происходило формирование этой группы, выявить, какие причины способствовали тому, что на протяжении XIX – начала XX в. в официальных документах, переписях, статистических обзорах население этого района обозначали особым термином – «самурзаканцы», отделяя их тем самым как от абхазов, так и от мегрелов.

Основные источники данной работы – материалы XIX – начала XX в. из архивов Тбилиси, Сухуми, Москвы, а также исследования историков, этнографов и лингвистов.

Вначале остановимся на особенностях формирования территории Самурзакано и особенностях его политической истории.

Сложная этническая картина в Самурзакано, известная из источников XIX в., во многом была результатом событий, происходивших здесь в предшествующий период, и особенно в XVII–XVIII вв. Этнические границы расселения народов, живших на этой территории, – абхазов и грузин – не оставались неизменными. Если в IX–XIII вв. граница проходила еще

по р. Галидзга, то в конце XIII – начале XIV в., как пишет З.В.Анчабадзе, «мегрельские феодалы отторгли от Абхазии значительную территорию и ... часть ее (вплоть до р. Кодора) сумели даже этнически освоить». Видимо, это касалось главным образом прибрежных районов Абхазии, где в XIII–XVII вв., по словам историка, протекали процессы этнической ассимиляции абхазов мегрелами¹².

Граница между Абхазией и Мегрелией по Кодору сохранялась до 80-х годов XVII в. О Кодоре как границе двух княжеств писал А.Ламберти, итальянский миссионер, живший в Мегрелии в 1633–1650 гг. Подтверждает это и Ж.Шарден, побывавший здесь в 1672 г.¹³ Исторические документы не дают точного представления об этнических процессах, которые здесь происходили. Но, видимо, к середине XVII в. этническая территория мегрелов (по крайней мере в прибрежных районах) доходила до Кодора. А.Ламберти, прекрасно знавший местную ситуацию, считал население вплоть до Кодора мегрельским, и лишь за Кодором, по его сведениям, жили абхазы «со своим особенным языком»¹⁴.

Абхазские мтавары Шервашидзе, ранее признававшие верховный сюзеренитет Мегрелии, во втором десятилетии XVII в., воспользовавшись ее ослаблением, добиваются политической самостоятельности. Во второй половине XVII в. Мегрелия окончательно теряет политическую гегемонию в крае. Абхазские феодалы воспользовались этим и начали систематические набеги на своих соседей – главным образом на Мегрелию и Гурию. Так, Ж.Шарден сообщает, что в 1671 г. владетелю Гурии пришлось несколько раз отражать их нападения¹⁵. В 70-е годы XVII в. Иерусалимский патриарх Досифей отмечал, что в Мегрелии абхазы опустошили Мокви, Зугдиди и всю страну до р. Цхенис-цкали¹⁶. По свидетельству Ж.Шардена, в 1672 г. обстановка в низовьях Ингури из-за постоянных набегов абхазов была очень беспокойной, и местное население уходило оттуда в более безопасные места. В том же году абхазские феодалы, приглашенные мегрельским правителем для борьбы против турок, вместо этого увели в плен более 1 200 мегрелов и, захватив большую добычу, вернулись в Абхазию¹⁷.

Особенно усилились набеги в 1660–1680-е годы, при владельцах Сустаре и Сорехе Шервашидзе. В эти годы феодалы перешли от набегов и грабежей к захвату земель Мегрельского княжества. Сначала были захвачены земли от р. Кодор до р. Галидзга. Об этом сообщает Вахушти: «И было в Одиши большое несчастье и главным образом от абхазов, так как проходя на лодках и сушею, уводили в плен людей, заняли всю территорию до р. Эгриси (р. Галидзга. – *Л. С.*) и поселили там абхазов»¹⁸.

В 80-е годы XVII в. к Абхазии была присоединена новая область – от р. Галидзги до р. Ингури, которая впоследствии стала называться Самурзакано. Захватить земли по другую сторону Ингури Сореху Шервашидзе не удалось, но эту реку он сделал прочной границей между двумя княжествами. Таким образом, в 80–90-е годы XVII в. окончательно оформилась юго-восточная граница Абхазии.

Итак, скудные данные источников XVII–XVIII вв. фиксируют в Самурзакано мегрельское население (даже в 50–70-е годы XVII в.). С 80-х годов того же столетия вследствие захвата этой территории абхазскими феодалами в Самурзакано усиливается приток абхазского населения. Видимо, он был значительным, и можно предполагать, что абхазский язык и абхазский компонент населения Самурзакано в XVIII – начале XIX в. играл более значительную роль, чем в конце XIX в. Вероятно, это было связано с тем, что формирование населения Самурзакано происходило в период, когда там установилось политическое господство абхазских феодалов. Факты исторических миграций абхазов в Самурзакано (в основном до XIX в.) подтверждают и народные предания, существовавшие в этом районе.

Одно из преданий приводится в «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 1872 г. Согласно этому преданию, в 70-е годы XVII в. население на территории между Галидзгой и Ингури было страшно разорено постоянными войнами, часть его бежала в Абхазию, часть в Мегрелию, а оставшиеся скрывались в неприступных ущельях гор. Только жители селения Бедия остались, считая своей защитой древний храм. Такое запустение продолжалось до того времени, когда в Самурзакано

поселился Куап Шервашидзе, которому эта область досталась при разделе наследства. Он отправился туда со своей дружиной из князей и дворян, которые «по народному обычаю последовали за ним с частью своих подвластных», а вскоре и семьи их переселились туда же. Малочисленное местное население охотно признало покровительство пришельцев, надеясь на их защиту¹⁹.

Эти же факты сообщает и документ, составленный в начале XIX в. и приведенный в работе И.Г.Антелава. Из него также следует, что Квапу Шервашидзе заселял доставшуюся ему область, переманивая князей и дворян из других частей Абхазии. Из Бзыбской Абхазии Квапу переселил представителей следующих княжеских и дворянских фамилий: Анчабадзе, Эмухвари, Иналишвили, Маргания, Званбая, Лакербая, Акиртава²⁰.

П.Краевич, основываясь на народных преданиях, сообщает, что во времена Мурзакана Шервашидзе Самурзакано было заселено главным образом в северо-восточной части (в районе с. Бедия) и в юго-восточной, называвшейся Барбала (местность в нижнем течении Ингури). Только со времени Мурзакана началось заселение этого края, причем колонизация из Абхазии преобладала над колонизацией из Мегрелии²¹.

Эти народные предания отмечают большую роль абхазских переселенцев в формировании населения Самурзакано, причем эти переселения «имели характер общих мероприятий: привилегированные фамилии всегда сопровождалась ... своими подвластными», поэтому «абхазская община переносилась ... в полном составе» в Самурзакано²².

Видимо, подтверждением правдивости этих преданий можно считать то обстоятельство, что в Самурзакано все княжеские и дворянские фамилии были те же, что и в Бзыбской Абхазии (исключая князей Чхотуа, считавшихся выходцами из Имерети или Сванети)²³. Даже в 1870-е годы XIX в. в Самурзакано сохранялись абхазские формы фамилий и имен, что зафиксировано в различных архивных документах: Маан, Мадлей Булат-ипа Симония, Тлапс Ростом-ипа Эмухвари и др.²⁴ Но чаще абхазские фамилии употреблялись уже в измененных формах. Так, здесь проживали представители следующих кня-

жеских фамилий: Шервашидзе (абхазская форма – Чачба), Анчабадзе (Ачба), Эмухвари (Эмх), Иналишвили/Иналискуа (Инал-ипа), Сатишвили (Чабалурхва), Зеписвили/Зепискуа (Дзяпш-ипа)²⁵. Дворяне Самурзакано также имели однофамильцев в других регионах Абхазии: Маргания (абхазская форма – Маан), Акиртава (Акиртаа), Лакербая (Лакрба), Званбая (Жванба), Миканбая (Миканба). Та же картина наблюдалась в сословии пиошей, составлявшем большинство крестьян, и только в сословии дельмахоре «родственная связь самурзаканского населения с абхазским» начинала исчезать: в этом сословии было много фамилий «чисто мингрельского происхождения»²⁶.

Подтверждением того, что князья и дворяне переселялись в Самурзакано со своими подвластными, можно считать следующую интересный факт. Фамилия Маан, обитавшая в Пичундском округе, имела крестьян по фамилии Зухба, Коцба, Тарба, а самурзаканские Маргания владели подданными тех же фамилий – Зухбаия, Коцбаия, Тарбаия. У князей Анчабадзе в селении Ачандара были крестьяне Ахба, в селении Тагелони (Самурзакано) – Ахбаия; у Акиртаа в селении Ацы были подвластные Кылба, у Акиртава в селении Чубурисхинджи (Самурзакано) – Килбаия²⁷.

Как свидетельствуют архивные документы 1870-х годов, некоторые фамилии самурзаканских феодалов еще сохраняли память о том, что их предки некогда переселились из Бзыбской Абхазии. Так, прадед дворян Чацубаия (его потомки жили в селениях Речхи и Падгу), согласно семейному преданию, переселился из селения Бармыш вместе с тавадами Инал-ипа и со своими подвластными крестьянами. Действительно, в упомянутом селении жили их однофамильцы Чац/Чацба – амиста тавадов Инал-ипа²⁸. Князья Сатишвили (из поселка Рекка селения Бедия) считали, что их предок Шат-ипа Чабалурхва (мегрельская форма фамилии – Сатишвили) был выходцем из Пичундского округа, откуда он переселился в Самурзакано со своими крестьянами²⁹.

Некоторые семьи самурзаканских феодалов поддерживали родственные связи с жителями Бзыбской Абхазии и в XIX в.

Н.Н.Раевский в 1839 г. сообщал, что родственники и однофамильцы самурзаканских князей и дворян живут в Бзыбской Абхазии, а многие абхазы имеют в Самурзакано перешедшие к ним по наследству поместья³⁰. По данным 1860-х годов, некоторые представители высших сословий владели имениями и в Самурзакано, и в других частях Абхазии, так что при желании они могли свободно переселяться из одного района в другой, или занимали земли своих однофамильцев и наравне с ними пользовались «всем движимым и недвижимым имуществом»³¹. Однофамильцы считались ближайшими родственниками несмотря на различие в религии – христианской в Самурзакано и мусульманской в Бзыбской Абхазии. Однофамильцы и родственники поддерживали друг друга: например, по свидетельству Д.Бакрадзе, когда Г.Шервашидзе поссорился с Хасаном Маргания, «весь многочисленный род Марганиев, христиане и мусульмане, из Самурзакани и Абхазии мгновенно собрались, как один человек, под знамя Хасана»³².

По сравнению с XVII в., как свидетельствуют источники, этот район населяли мегрелы, к XIX в. этнический состав населения Самурзакано стал более сложным. В это время Самурзакано всеми авторами безоговорочно включается в состав Абхазии: во всех документах именно р. Ингури обозначена как граница Абхазии и Мегрелии³³. О Самурзакано как о части Абхазии писали не только в смысле политическом, но и в смысле этническом, причисляя население Самурзакано к «абхазскому племени»: «одноплеменные Абхазцы и Самурзаканцы»³⁴. Ф.Торнау неоднократно отмечал, что абхазы (по его выражению, «племя абазин») живут вплоть до Ингури (т.е. и в Самурзакано)³⁵. Интересно, что Н.Дадияни, описывая как очевидец похороны самурзаканского владельца Манучара Шервашидзе, отмечает, что в селении Барбала происходило «большое и выдающееся по обычаю абхазцев оплакивание и горевание»³⁶, т.е. он, очевидно, считает самурзаканцев абхазами.

Владелец Абхазии Михаил Шервашидзе обосновывал свои права на Самурзакано единым «происхождением сего округа с абхазцами» и подчеркивал, что это подтверждается «преданиями и личными свидетельствами старожилов, географиче-

ским положением Самурзакани... языком, нравами, родственными связями ...тождеством фамилий самурзаканских и абхазских»³⁷. Одним из абхазских «племен» считал самурзаканцев Дюбуа де Монпере, а А.Берже называл их «однородным с Абхазцами племенем»³⁸. В архивных документах 1870-х годов встречаются утверждения, что Самурзакано отделяется от Абхазии «не этнографически, а политически»³⁹.

Но можно ли утверждать, что население Самурзакано, даже принимая во внимание причисление в различных документах и сочинениях его населения к «абхазскому племени», было этнически однородным в XVIII – начале XIX в.? Судя по всему, вряд ли. Во всяком случае, данные первой трети XIX в. свидетельствуют о полиэтничности населения этого района. Так, Ф.Торнау в 1835 г. отмечал, что «трудно определить, какого именно происхождения народ, ее (Самурзакань. – *Л.С.*) населяющий», поскольку там говорят «частью абхазским, частью мингрельским языком»⁴⁰.

Теперь рассмотрим некоторые факты политической истории. На рубеже XVII–XVIII вв. Абхазия распалась на мелкие феодальные владения. Сыновья Зегнака Шервашидзе поделили край между собой: Ростом получил область от Бзыби до Кодора, Джикешиа – от Кодора до Галидзги, Квапу – от Галидзги до Ингура. Последняя область позднее стала называться Самурзакано (грузинская форма названия) или в русифицированном варианте – Самурзакань (т.е. Са-мурзакано, область, принадлежащая Мурзакану), по имени Мурзакана Шервашидзе, бывшего там владельцем в XVIII в.⁴¹

В XVIII – начале XIX в. Абхазия разделялась на ряд почти независимых феодальных владений: Самурзакано, Абжуа, или Средняя Абхазия, Внутренняя Абхазия, Бзыбская Абхазия, горная Цебельда и др. Правители Самурзакано номинально считались вассалами главного владельца, резиденция которого располагалась в селении Лыхны, но фактически далеко не всегда ему подчинялись⁴². Для защиты своей независимости правители Самурзакано искали поддержки у правителей соседней Мегрелии князей Дадиани, и последние постепенно приобрели там большое влияние. Однако в конце XVIII в. Келеш-бей,

владелец Абхазии, заставил Дадиани отказаться от вмешательства в дела Самурзакано: в 1799 г. он захватил Зугдиди и, заключив договор с правителем Мегрелии, получил крепость Анаклия на правом берегу Ингури⁴³. Но и после этого Келеш-бей продолжал свои вторжения в Мегрелию. В 1804 г. российский чиновник Литвинов сообщал, что «жалобы ... о похищении Абхазцами людей из Одиши всякий день умножаются», и вывоз пленных из Мегрелии и Поти продолжается в больших размерах⁴⁴. Как свидетельствуют документы, Дадиани находился чуть ли не в «зависимости» от владельца Абхазии и не раз просил у него помощи против имеретинского царя⁴⁵. Своего сына, Махмед-бея, Келеш-бей назначил управлять Самурзакано, но тот вскоре умер, и владельцем этой области при поддержке Левана Дадиани стал его зять Манучар Шервашидзе, представитель самурзаканской ветви Шервашидзе, женатый на сестре владельца Мегрелии.

В 1803 г. Мегрелия, теснимая с одной стороны имеретинским царем Соломоном, а с другой стороны – Келеш-беем, поспешила принять российское подданство. Манучар Шервашидзе, не желавший подчиняться Келеш-бею, через родственников своей жены, князей Дадиани, начал переговоры с российским правительством. В результате этого Самурзакано было присоединено к России ранее других районов Абхазии. В июле 1805 г. в Мегрелии, в селении Бандза Манучар Шервашидзе с братом Леваном присягнули на верноподданство России. Таким образом, на пять лет раньше остальной Абхазии Самурзакано вошло в состав Российской империи. В тексте присяги брата Шервашидзе называли себя «абхазскими князьями» и «рабами самодержца Мингрелии Левана Дадиани», добавляя при этом, что они с их землею «издревле принадлежали Мингрельскому самодержцу»⁴⁶.

Родственные связи Манучара Шервашидзе и владельческого дома Дадиани имели важнейшие последствия, во многом определившие дальнейшую историю Самурзакано и особенности развития этого региона.

В 1813 г. Манучар Шервашидзе был убит. Два сына Манучара были еще несовершеннолетними. Владелец Абхазии Се-

фер-бей, занятый укреплением своей власти в других частях страны, вынужден был дать разрешение Дадиани, как ближайшему родственнику наследников (тот приходился им родным дедом), получать доходы с Самурзакано до совершеннолетия детей. Фактически же Дадиани стал полноправным хозяином этой богатой области, годовой доход от которой равнялся 21 700 рублям серебром: сюда входили натуральные повинности, плата за пользование пастбищами, за продажу леса и др.⁴⁷

Кавказская администрация официально признавала Самурзакано частью мегрельского владения. Несомненно, это способствовало укреплению позиций Дадиани в этом районе. Например, представитель царской администрации барон Розен писал, что со стороны российского правительства «должно быть главной целью, чтобы в Мингрелии и подвластных ее владетелю местах, к числу коих решительно принадлежит и Самурзакань, сохранялись спокойствие и полное повиновение всех жителей владетелю»⁴⁸.

При непосредственном вмешательстве владетеля Мегрелии в 1828 г. был сослан в Россию старший сын Манучара Шервашидзе – Александр, а в 1832 г. был убит и второй его сын – Дмитрий. Самурзакано было официально присоединено к Мегрелии. Это обстоятельство вызвало недовольство как со стороны владетеля Абхазии Михаила, так и местного населения. Как отмечалось в документах того времени, сами самурзаканцы были недовольны «устранением природных их владетелей» и потому там «происходили частые беспорядки с целью избавиться от Дадиани»⁴⁹. По словам М.Селезнева, «самурзаканцы ... ненавидя вновь поставленную власть, били, прогоняли чиновников, присылаемых Дадианом... самовольно объявили войну Дадиану»⁵⁰. Обстановка обострилась настолько, что в 1834 г. в Самурзакано пришлось ввести российские войска, но жители все же отказывались платить налоги владетелю Мегрелии, заявляя: «Мы не знаем другого владетеля, кроме своей свободы, мы Абхазы, а не Мегрелы»⁵¹.

Владетель Абхазии также предъявил свои требования на владение Самурзакано, и эта область долгое время оставалась яблоком раздора между владетельными домами Мегрелии и

Абхазии. В 1834 г. Михаил Шервашидзе даже захватил селение Илори и потребовал от его жителей выдать ему заложников и принести присягу на верность⁵². В 1836 г. он вновь собирался отправиться в Самурзакано «для взятия аманатов от тамошних жителей», так как считал этот округ «неправильно присвоенным» владельцем Мегрелии⁵³.

Такое «неопределенное состояние» Самурзакано, происходившие там «своевольства, разбои, грабежи» не могли не беспокоить российское правительство. В результате проведенного царской администрацией обследования прав князя Дадияни на Самурзакано они не были признаны и область в 1840 г. перешла в «непосредственное русское управление» в качестве приставства. Вознаграждением за это для Дадияни стали 25 тысяч рублей серебром; по его просьбе ему оставили также одно из самурзаканских селений – Пахулани⁵⁴. Дадияни успел также присоединить к Мегрелии несколько селений по левому берегу Ингура, ранее относившихся к Самурзакано: Диди Коки, Орсантия, Шамгони⁵⁵. В новое приставство не вошло Илори и некоторые другие селения: граница была проведена по р. Охури/Охурей⁵⁶. Такое решение вопроса не удовлетворило Михаила Шервашидзе, продолжавшего заявлять свои притязания на эту область. Даже в 1855 г. генерал Муравьев жаловался, что абхазские князья и дворяне производят набеги на Самурзакано⁵⁷.

В 1847 г. Самурзаканское приставство было подчинено кутаисскому военному губернатору, а в 1857 г. – с принятием Мегрелии в непосредственное русское управление – ее управляющему. Только после 1865 г., когда было упразднено Абхазское княжество – Самурзакано было объединено с другими районами Абхазии и они составили единую административную единицу – Сухумский военный отдел⁵⁸.

Но исторические судьбы населения Самурзакано и во второй половине XIX в. имели некоторые особенности по сравнению с судьбами населения остальной Абхазии. Так, Самурзакано практически не затронуло махаджирство (поскольку здесь преобладало христианское население), тогда как в других регионах Абхазии оно радикально изменило демографическую

ситуацию. В Самурзакано численность жителей за 1876–1878 гг. почти не уменьшилась: 26 915 человек в 1876 г. и 26 514 человек в 1878 г., в то время как в Кодорском участке население сократилось с 17 707 человек до 12 464 человек, в Пицундском – с 32 492 до 6 834, а в Цебельде из 863 человек не осталось никого⁵⁹.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. только жители Самурзакано и двух общин Кодорского участка – Илорской и Поквешской – не были включены в состав «виновного» населения (как остальное население Абхазии, объявленное «виновным» якобы за пособничество туркам). Поэтому только в Самурзакано крестьяне являлись собственниками своих земель⁶⁰. Только самурзаканцы несли обязательную воинскую повинность, тогда как остальное, «виновное», население Абхазии платило взамен этого денежный налог⁶¹. Так называемая виновность была снята с абхазского населения только в 1907 г.

Особенности политической истории Самурзакано, длительное обособление этого региона от остальной территории Абхазии – все это оказывало значительное влияние и на развитие происходивших здесь этнических процессов.

Каковы же были особенности этнокультурного развития Самурзакано? Уже по данным XVIII в. в Самурзакано фиксируется смешанное абхазо-грузинское (абхазо-мегрельское) население. Традиционно-бытовая культура населения Самурзакано в XIX в., как свидетельствуют литературные и архивные материалы, во многом была результатом длительных этнокультурных контактов этих народов. При этом следует учитывать значительную близость многих сторон традиционно-бытовой культуры абхазов и грузин/мегрелов⁶².

Одной из особенностей этнической истории Самурзакано были миграции в этот район значительных масс населения из соседних областей Западной Грузии, главным образом из Мегрелии. Причины этих переселений были различны, главную роль играли социально-экономические факторы: классовая борьба и социальные противоречия, малоземелье, продажа крепостных крестьян, захват абхазскими феодалами пленных в Мегрелии, кровная

мечь и др. Определенное значение имели также стихийные бедствия, голод, эпидемии чумы и других болезней.

Успешной адаптации мигрантов способствовал социальный институт, известный на всей территории Абхазии, – *асасство*, от абхазского *асас* – гость. Так называлось «обычное право временного или постоянного переселения из одной общины в другую»⁶³ которое давало возможность крестьянам в какой-то степени отстаивать свои интересы. В XIX в. основной причиной *асасства* был протест против растущей феодальной эксплуатации. Протестуя против несправедливости феодала, в другую общину переселялись часто не только семья обиженного, но и его родственники и однофамильцы⁶⁴. В 1867 г. при составлении камерального описания в каждом селении Самурзакано оказалось от 5 до 15 семей *асасов*⁶⁵.

Асаса мог принять любой член общины, ни у кого не спрашивая на то разрешения. По данным сословно-поземельной комиссии, в Самурзакано «частые передвижения населения из одной местности в другую ... как отдельных лиц, так и целых семейств и фамилий, или всех подвластных одного какого-либо лица или фамилии, были самым обыкновенным явлением»⁶⁶.

Переселенец-*асас* мог найти покровительство и в бедной семье, и у целой фамилии крестьян, но чаще – у князя или дворянина. В любом случае он «вступал во все права постоянных жителей селения»⁶⁷, расчищенный им от леса участок земли становился его собственностью, лесом он тоже пользовался наравне с другими жителями⁶⁸. Даже если *асас* ссорился со своим покровителем и тот хотел прогнать его, сделать это было нелегко, особенно если тот жил на отведенной ему земле больше года⁶⁹. *Асас* платил незначительные подати. За оскорбление *асаса* мстил его покровитель, род покровителя и даже вся община⁷⁰.

В целом права *асасов* соблюдались довольно строго, что можно объяснить заинтересованностью дворянского сословия в сохранении этого института. В конце 1860-х годов князя и дворяне Самурзакано сами заявляли, что почти во всех их селениях живут *асасы*, так как с целью заселения своих владений они давали им земли, не требуя никакого вознаграждения⁷¹.

Среди асасов были и абхазы, но бóльшую их часть составляли переселенцы из Мегрелии.

В Мегрелии переход крестьян от одного помещика к другому не разрешался. С позволения владельца крестьянин мог, в случае нехватки земли, перейти на землю другого помещика, но подати в этом случае он должен был платить обоим. Подобная категория крестьян называлась по-мегрельски *миндобили* – «пришедшие под покровительство» (груз. *хизани*). Иногда их называли и *стумари* (гость). Несмотря на сходство названий, по сути эти институты коренным образом различались.

Асасство существовало на законных основаниях до конца 1860-х годов. В 1869 г. для «прекращения бродячего элемента и уничтожения воровства» оно было окончательно запрещено: согласно «Проекту поземельного устройства населения Сухумского военного отдела» асасам предоставили год для выбора постоянного места жительства⁷².

Как свидетельствуют источники, одной из самых распространенных форм классовой борьбы в этом регионе был переход крестьян от одного феодала к другому. Особенно часто крестьяне бежали из Мегрелии в Абхазию, так как крепостное право не приняло там таких тяжелых форм, как в Мегрелии⁷³. К.Бороздин в 60-е годы XIX в. отмечал, что такие побегі весьма часты, потому что «земли там (в Абхазии. – Л.С.) вдвое плодороднее мингрельских и крепостного права вовсе не существует», и недовольный в силу тех или иных причин крестьянин, «положив на арбу каштановые доски, служащие основанием сакли, со всем своим семейством и скотом отправляется в Самурзакань, или в Абхазию»⁷⁴. Крестьяне, бежавшие от притеснений помещиков, составляли значительную часть переселенцев. В 1847 г. мегрельский князь Дадиани потребовал возвращения помещикам 140 семей крепостных, бежавших в Самурзакано из Зугдидского (62 семьи), Суджунского (18 семей) и Джварского (60 семей) округов⁷⁵.

Важнейшей причиной переселения мегрельских крестьян была нехватка свободных и пригодных к возделыванию земель. В Мегрелии уже в 1850-е годы, по приблизительным данным, плотность населения была в 2,5 раза выше, чем в Са-

мурзакано (30 человек на кв. версту в Мегрелии и 12 – в Самурзакано)⁷⁶. Новый этап в развитии миграционных процессов из Мегрелии начался после 1866 г., когда там отменили крепостное право.

Следует отметить, что дворяне в Самурзакано были заинтересованы в привлечении арендаторов из Мегрелии, поскольку здешние крестьяне (как и крестьяне в других районах Абхазии) считали наемный труд не престижным и позорным занятием⁷⁷. Как сообщал Г.А.Рыбинский, в 1890-е годы наемными работниками у местных помещиков был только «пришлый народ из Мингрелии»⁷⁸.

Переселенцы из Мегрелии, судя по имеющимся материалам, весьма успешно адаптировались к новым условиям жизни. В родные края они ездили нечасто – встретиться с родными, помолиться в общинной церкви. Например, Т.Саджая с семьей переселился из мегрельского селения Мухури в селение Набакеви в 1864 г. и лишь один раз ездил на родину «для принесения обычной молитвы при Таисской церкви»⁷⁹.

Формирование в Самурзакано этнически смешанного населения оказывало значительное влияние практически на все стороны его традиционно-бытовой культуры – как материальной, так и духовной⁸⁰, на формирование локальной идентичности местных жителей, а также на развитие здесь языковых процессов.

Основным типом двуязычия, долгое время устойчиво существовавшим в Самурзакано, было абхазо-мегрельское двуязычие, которое охватывало значительную часть коренного населения. На его развитие оказывали влияние следующие факторы: пограничное положение Самурзакано, особенности формирования населения этого района, миграции значительных масс населения из соседней Мегрелии, давние политические и хозяйственные контакты с Западной Грузией (главным образом с сопредельной Мегрелией). Наконец, немалое значение имело и длительное пребывание Самурзакано под управлением мегрельских владетельных князей Дадиани, т.е. политическое главенство мегрельского языка. В силу сложившихся обстоятельств мегрельский язык стал насущно необходим как

язык общения местного населения. Даже после выделения Самурзакано в отдельное приставство почти все здешние чиновники (переводчики в суде, священники, учителя) были выходцами из Западной Грузии. Часто они не знали ни русского, ни тем более абхазского языка. Симон Басария, например, считал это обстоятельство главной причиной того, что самурзаканцы забыли абхазский язык и перешли на мегрельский, поскольку только на этом языке они могли общаться с чиновниками⁸¹.

Мегрельский язык был широко распространен и в быту, так как местные абхазы часто брали в жены мегрелок. Еще более усилил значение этого языка рост товарного обращения, поскольку население в основном было связано с экономическими центрами, которые находились на территории распространения мегрельского языка: Зугдиди, Сенаки, Очамчира, Гудава. Вся внутренняя торговля в Самурзакано также была в руках мегрелов. Мегрельский был языком общения с отходниками, приходившими из Западной Грузии (даже со сванами и рачинцами нередко общались на мегрельском). При выяснении причин того, почему «международным» (по определению авторов XIX в.) языком в Самурзакано стал мегрельский, видимо, следует учитывать и чрезвычайную сложность абхазского языка (особенно его фонетики).

Данные о абхазо-мегрельском двуязычии населения Самурзакано имеются начиная с 1830-х годов. Так, Ф.Торнау отмечал, что «трудно определить, какого именно происхождения народ, ее населяющий», так как там говорят «частью абхазским, частью мингрельским языком»⁸², о том же сообщал Дюбуа де Монпере. К.Мачавариани, чьи детство и юность прошли в Самурзакано, утверждал, что в 1850-е годы здесь «редко можно было слышать говор на мингрельском языке, все изяснялись на абхазском наречии»⁸³. Иные сведения находим о территории Набакевского и Саберийского участков (между реками Ингур и Эртисцкали): в 1860-е годы здесь преобладал мегрельский язык⁸⁴. В то же время большинство авторов говорят о распространении билингвизма: многие жители Окуми и Бедия, где преобладал абхазский язык, знали и мегрельский; а в Илори 160 дворов «старинных крестьян мингрельского про-

исхождения», постоянно говорившие по-мегрельски, знали и абхазский язык⁸⁵.

Интересные сведения о взаимоотношении языков в Самурзакано собрал лингвист А.Цагарели, изучавший этот вопрос во время своей поездки в 1877 г. Он отмечал, что на территории от Ингура до Галидзги «одинаково господствовали» абхазский и мегрельский языки, причем двуязычие населения достигало значительной степени. Поскольку в этой пограничной области обычно говорили на двух языках – на родном и на «пограничном», то он порой затруднялся «отличить родное от неродного». Абхазский язык знали и многие мужчины из селений по левому берегу Ингура, относившихся к Зугдидскому уезду: Пураши, Этцери, Джвари, Пахулани, Ганарджиашмухури, Кокки, Хетуш-мухури⁸⁶.

В восточной части Самурзакано (от Ингура до Эртисцкали) мегрельский язык преобладал, служил «языком семьи и общества», но мужчины часто знали и абхазский язык. Таким было положение дел в селениях Саберио, Дихазурга, Цхири, Чубурисхинджи, Тагелони, Набакеви, Баргеби, Отобаия, Дихагузубе, Этцери, Барбала, Этцери-Мухури. Примером этого могут служить те, кто помогал А. Цагарели в сборе сведений: князь Кважи Акыртава из с. Чубурисхинджи и князь Бахва Чиковани из с. Джвари одинаково хорошо владели абхазским, мегрельским и грузинским языками⁸⁷.

В селениях, расположенных на территории между реками Эртисцкали и Охури, по данным А.Цагарели, мегрельский также был «языком семьи», но в обществе говорили на обоих языках. Эти сведения относятся к селениям Абжигдара, Кумузи, Атабжа, Абжа, Наджихеви, Сагургулио, Сачина, Река, Сахухубио, Бедия, Эшкети, Чхортоли, Речхи, Окуми, Туарче, Репи, Гали, Мухури, Шешелети, Гудава. В полосе от р. Охури до р. Галидзга полностью – и в семье, и в обществе – господствовал абхазский язык, но мужчины почти все говорили и на мегрельском или по крайней мере понимали его. Женщины и дети мегрельского не знали. Исключение составляло селение Илори, жители которого говорили только по-мегрельски⁸⁸.

Судя по имеющимся сведениям, абхазский язык в некоторых случаях дольше сохранялся в среде высших сословий: по словам А.Цагарели, в 1880-е годы им «щеголяли» князья и дворяне. Д.Кипиани в 1860-е годы назвал абхазский «языком моды» у самурзаканцев. Важные позиции сохранял абхазский язык в культовой практике: даже по данным конца XIX в., многие молитвы (например, при обращении к божеству Жини) полагалось произносить по-абхазски⁸⁹.

В течение всего XIX в. в Самурзакано постепенно утверждалось преобладание мегрельского языка. Процесс этот – переход от абхазо-мегрельского двуязычия к новому одноязычию, т.е. к мегрельскому языку в качестве родного, – шел неравномерно. По данным конца XIX в., например, в окрестностях Окуми больше говорили по-мегрельски, но встречались и знающие абхазский язык. В селениях по Ингуру (Саберии, Дихазурга, Чубурисхинджи) этот переход уже завершился, но старики еще помнили, что «в старину здесь говорили больше по-абхазски»⁹⁰. О совершившемся сравнительно недавно переходе от абхазо-мегрельского двуязычия к мегрельскому языку говорил в начале XX в. языковед И.Кипшидзе, отмечавший, что в Самурзакано еще недавно наряду с мегрельским был распространен и абхазский язык⁹¹.

Тесное взаимодействие в Самурзакано в течение длительного времени абхазского и мегрельского языков отразилось на особенностях речи местного населения. Оба языка в результате совместного развития приобрели определенное своеобразие. Так, фонетические и лексические особенности мегрельской речи Самурзакано, возникшие под влиянием абхазского языка, отмечал уже А.Цагарели. По его словам, самурзаканский мегрельский не считался «хорошим мегрельским языком», так как в нем было немало абхазских слов, а также наблюдалось усиление и учащение некоторых звуков (часто вместо «и» употреблялось «у» и т.п.). И. Кипшидзе выделял в мегрельском языке самурзакано-зугдидский говор, отличавшийся фонетическими особенностями. В XX в. лингвисты также отмечали значительное влияние абхазского на мегрельскую речь населения Гальского района. С другой стороны, «самурзаканское наре-

чие» в абхазском языке выделяли еще Н.Я.Март и Н.Ф.Яковлев. Ш.Д.Инал-ипа также отмечал существование самурзаканского говора абхазов Гальского района (селения Окуми, Чхортоли, а также селения соседнего Очамчирского района – Бедиа, Река)⁹².

Многочисленные данные подтверждают сосуществование и взаимодействие в Самурзакано абхазского и мегрельского языков, причем территория распространения последнего постепенно расширялась. Переход части населения от двуязычия к использованию одного языка, видимо, оказывал решающее воздействие на этническое самосознание. Но смена языка и самосознания, судя по всему, не всегда совпадали по времени. Имеются свидетельства и о том, что решение вопроса этнической идентификации нередко было обусловлено теми или иными конъюнктурными соображениями. Отмечают современники и наличие своего рода «локальной» идентичности самурзаканцев: они не причисляли себя ни к абхазам, ни к мегрелам, но «с гордостью называли себя особым племенем Самурзакань»⁹³. Об особенностях идентичности населения этого района говорит и следующий факт: в 1918 г. меньшевистское правительство Грузии пыталось присоединить Самурзакано к Кутаисской губ., но через два месяца вынуждено было вновь включить его в состав Абхазии, так как местные жители сочли это «территориальное и культурное отторжение от всей Абхазии» чрезвычайно несправедливым⁹⁴.

По данным переписи 1926 г., около 26% жителей Самурзакано считали себя абхазами (12 963 чел.), но родным языком для большинства был уже мегрельский. Только 10,6% населения Гальского уезда (5 295 чел.) объявили родным абхазский язык, в основном в сельсоветах Агу-Бедиа, Река, Бедиа I, Бедиа II, Чхортоли и др.⁹⁵ Видимо, это были в основном представители старшего поколения. Так, в 1925 г. Е.М.Шиллинг отмечал, что в Самурзакано «молодежь уже перестает говорить по-абхазски»⁹⁶.

Что же в большей степени способствовало «конструированию» локальной группы самурзаканцев: ее этнокультурное своеобразие или имперская политика, определившая некото-

рые параметры ее социального развития? Несомненно, объективной предпосылкой этого стали особенности традиционно-бытовой культуры и широкое распространение абхазо-мегрельского билингвизма, сформировавшиеся в условиях абхазо-грузинского пограничья. Рассмотренные материалы свидетельствуют о важнейшей роли языкового фактора в формировании этнического самосознания населения Самурзакано. Но длительное закрепление этого локального наименования было возможным только в результате действий российских властей, которые обусловили административное обособление Самурзакано от остальной Абхазии и определили особый социальный статус ее жителей, предоставлявший им некоторые преимущества.

Необходимо отметить также, что население, обозначаемое в различных источниках XIX в. как *самурзаканцы*, видимо, практически всегда было этнически неоднородным, (хотя вполне можно допустить существование некоей местной идентичности), поскольку в условиях Российской империи это название относили ко всем тем, кто имел (независимо от времени переселения на данную территорию) право на постоянное проживание на этой территории, в отличие от *временно проживающих* недавних переселенцев, не приписанных к какому-то из сельских обществ.

В силу тех или иных причин государству в тот период было удобно (или выгодно?) сохранять этот локальный «этноним», что, возможно, объясняется отчасти традицией употребления этого термина для данной территории, только в 1865 г. окончательно объединенной административно с остальными районами Абхазии. Об этом обстоятельстве следует помнить современным исследователям при решении вопроса, каковы этнические корни самурзаканцев. Как показали события рубежа XX–XXI вв. в Абхазии, этот вопрос не утратил своей актуальности и в настоящее время, причем как для ученых, так и для политиков.

¹ *Цулая Г.В.* Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. Домонгольский период: краткие очерки. М., 1995.

- ² См. об этом: *Джанашиа С.Н.* К генеалогии рода Бараташвили // Этнографическое обозрение. 1999. № 1. С. 125–136.
- ³ *Рыбаков А.Л.* Местные элиты и их роль в российской системе косвенного управления в Западной Грузии (первая половина XIX в.) // Кавказ в российской политике: история и современность. М., 2007. С. 64.
- ⁴ *Джанашиа С.Н.* Георгий Шарвашидзе: культурно-исторический очерк // Эмигрант: общественно-просветительский, литературно-культурный альманах. М., 2000. № 1. С. 125–136.
- ⁵ *Шамба Т.М., Непрошин А.Ю.* Абхазия. Правовые основы государственного суверенитета. М., 2005. С. 9.
- ⁶ *Цвижба Л.И.* Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001. С. 104.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Крылов А.Б.* Проблемы этногенеза и грузино-абхазский конфликт // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2003. С. 31.
- ⁹ *Ачугба Т.А.* О проблемах национального самосознания населения юго-восточной Абхазии. Сухум, 2006. С. 7.
- ¹⁰ *Квашилава И.* Мифологема абхазской историографии относительно Самурзакано // Кавказский этнологический сборник. Тбилиси, 2007. Вып. 10. С. 110. Груз.
- ¹¹ *Ториа М.* Теоретическое обоснование «этнических чисток» // Там же. С. 58. Груз.
- ¹² *Анчабадзе З. В.* Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 67, 65.
- ¹³ *Ламберти А.* Описание материалов Колхиды // Сборник по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 200, 201. Далее: СМОМПК; *Шарден Ж.* Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902. С. 21.
- ¹⁴ *Ламберти А.* Указ. соч. С. 201.
- ¹⁵ *Шарден Ж.* Указ. соч. С. 110, 111.
- ¹⁶ *Анчабадзе З.В.* Очерк этнической истории абхазского народа. С. 67.
- ¹⁷ *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского. Тбилиси, 1976. С. 253.
- ¹⁸ Цит. по: Очерки истории Абхазской АССР. Сухуми, 1960. Ч. 1. С. 122.
- ¹⁹ Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 16, 17. Далее: ССКГ.
- ²⁰ *Антелава И.Г.* Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв. Сухуми, 1951. С. 42.

- ²¹ Краевич П. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 22.
- ²² Там же. С. 6.
- ²³ РГВИА. Ф. 90. Д. 120. Л. 74; *Мачавариани Д., Бартоломей И.* Не-что о Самурзакани // Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Тифлис, 1864. Вып. 6. С. 75. Далее: ЗКОИРГО.
- ²⁴ Центральный государственный архив Абхазии. Ф. 57. Оп. 1. Д. 5. Л. 114об.; Оп. 3. Д. 4. Л. 74. Далее: ЦГАА.
- ²⁵ Абхазия – не Грузия. М., 1908. С. 28.
- ²⁶ Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина. С. 15.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 9. Л. 235; Д. 10. Л. 12.
- ²⁹ Там же. Д. 9. Л. 180.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 90. Д. 120. Л. 74.
- ³¹ *Мачавариани Д., Бартоломей И.* Указ. соч. С. 75.
- ³² *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухуми, 1965. С. 434.
- ³³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19242. Л. 3; Ф. 482. Д. 193. Л. 118, 143.
- ³⁴ Там же. Ф. ВУА. Д. 19256. Л. 6.
- ³⁵ Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17. Л. 24.
- ³⁶ *Дадзиани Н.* История Грузии // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31. С. 91.
- ³⁷ Центральный государственный архив Грузии. Ф. 4. Оп. 8. Д. 80. Л. 5. Далее: ЦГИАГ.
- ³⁸ *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. Т. 1. С. 123; *Берже А.* Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 272.
- ³⁹ ЦГАА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 5.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 482. Д. 57. Л. 7.
- ⁴¹ Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. С. 122.
- ⁴² *Анчабадзе З.В.* Очерк этнической истории абхазского народа. С. 71.
- ⁴³ *Дзидзария Г.А.* Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми, 1940. С. 8.
- ⁴⁴ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1888. Т. 11. С. 409, 487. Далее: АКАК.
- ⁴⁵ Там же. С. 410.
- ⁴⁶ Там же. С. 527.
- ⁴⁷ ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 384. Л. 152–153.
- ⁴⁸ *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 107.
- ⁴⁹ Там же.

- ⁵⁰ *Селезнев М.* Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. Т. 2. С. 135, 136.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8, ч. 1. С. 449.
- ⁵³ РГВИА. Ф. 482. Д. 58. Л. 10.
- ⁵⁴ АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 248, 249.
- ⁵⁵ *Краевич П.* Указ. соч. С. 23.
- ⁵⁶ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 11. Л. 24.
- ⁵⁷ АКАК. Т. 11. С. 327.
- ⁵⁸ *Краевич П.* Указ. соч. С. 25.
- ⁵⁹ *Дзидзария Г.А.* Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960. С. 229.
- ⁶⁰ *Рыбинский Г.А.* Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894. С. 17.
- ⁶¹ *Андриевский А.* Административное устройство и население Черноморского района. Тифлис, 1909. С. 85.
- ⁶² Этнографические параллели. Тбилиси, 1987.
- ⁶³ *Краевич П.* Указ. соч. С. 2.
- ⁶⁴ Там же. С. 15.
- ⁶⁵ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 5. Л. 178об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 128, 135, 137об.; Оп. 3. Д. 11. Л. 34.
- ⁶⁷ *Краевич П.* Указ. соч. С. 14.
- ⁶⁸ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 11. Л. 10.
- ⁶⁹ Там же. Д. 4. Л. 57.
- ⁷⁰ *Гугушвили П.В.* Сельское хозяйство и аграрные отношения. Тбилиси, 1950. Т. 2. С. 549.
- ⁷¹ *Эсадзе С.* Указ. соч. Т. 1. С. 514.
- ⁷² ЦГАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 11. Л. 37–39.
- ⁷³ Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. С. 115, 186.
- ⁷⁴ *Бороздин К.* Крепостное состояние в Мингрелии // ЗКОИРГО. Тифлис, 1866. Вып. 7. С. 60, 61.
- ⁷⁵ ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 652. Л. 7–14.
- ⁷⁶ *Лаврентьев И.А.* Кутаисское генерал-губернаторство // Статистическое описание губерний и областей Российской империи. СПб., 1858. Т. 16, ч. 5. С. 77.
- ⁷⁷ *Рыбинский Г.А.* Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. С. 15.
- ⁷⁸ *Его же.* Скотокрадство в Абхазии и Самурзакани // Новое обозрение. 1892. № 3042.
- ⁷⁹ ЦГИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 269. Л. 71.
- ⁸⁰ См.: *Соловьева Л.Т.* Этнокультурное взаимодействие и религиозные традиции: юго-восточная Абхазия в XIX – начале XX в. // Эт-

- нос и среда обитания: сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И.Козлова. М., 2009. С. 241–258.
- ⁸¹ *Басария С.* Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. Сухум, 1923. С. 101.
- ⁸² РГВИА. Ф. 482. Д. 57. Л. 7.
- ⁸³ *Мачавариани К.* Очерки Абхазии // Черноморский вестник. 1900. № 41.
- ⁸⁴ *Мачавариани Д., Бартоломей И.* Указ. соч. С. 76.
- ⁸⁵ Из путешествия архиепископа имеретинского Гавриила для обозрения абхазских и самурзаканских приходов // Кавказ. 1869. № 13–14; *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 297.
- ⁸⁶ *Цагарели А.* Мингрельские этюды. СПб., 1880. Вып. 1. С. VII, VIII; *Его же.* Из поездки в Закавказский край // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. № 12. С. 209.
- ⁸⁷ *Его же.* Мингрельские этюды. Вып. 1. С. VII.
- ⁸⁸ Там же. С. VIII.
- ⁸⁹ *Альбов Н.* Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. 1893. Вып. 3. С. 305, 324; *Окумели А.* Самурзаканские вести // Квали. 1894. № 27. Груз.; *Мачавариани К.* Религиозное состояние Абхазии // Кутаисские губернские ведомости. 1899. № 14.
- ⁹⁰ *Альбов Н.* Указ. соч. С. 305.
- ⁹¹ *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914. С. XVII.
- ⁹² *Цагарели А.* Мингрельские этюды. Вып. 1. С. IV; *Кипшидзе И.* Указ. соч. С. XVIII; *Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Пг., 1920; *Яковлев Н.Ф.* Языки и народы Кавказа. [Тифлис]: Заккнига, 1930. С. 13; *Инал-ипа Ш.Д.* Указ. соч. С. 51.
- ⁹³ *Альбов Н.* Указ. соч. С. 306.
- ⁹⁴ *Басария С.* Указ. соч. С. 103.
- ⁹⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1926. Т. 14. С. 100, 101.
- ⁹⁶ *Шиллинг Е.М.* В Гудаутской Абхазии // Этнография. 1926. № 1–2. С. 61.

ПРАВО И ВЛАСТЬ В ОСЕТИИ (XIX–XX вв.)

Как представляется, исследование особенностей преломления идеи правового плюрализма в северокавказском регионе является одной из наиболее актуальных проблем современной юридической этнологии, что определяется двумя тенденциями в современном российском обществе: с одной стороны, возрастает интерес к концепции правового плюрализма, которая стала распространяться в России в последнее десятилетие как в научных исследованиях, так и в общественной идеологии. С другой стороны, и республиканские властные структуры, и лидеры общественных национальных движений также пытаются апеллировать к альтернативным правовым (миротворческим) традициям и возможностям их использования на Кавказе.

Анализируя исторические аспекты и современную правовую ситуацию в уникальной для Северного Кавказа Республике Северная Осетия-Алания, я рассмотрю процесс реформирования осетинского права, который принял несвойственные для остальных республик этого региона черты.

Первые шаги судебного реформирования осетинского права, проводившегося российской администрацией, в первой половине XIX в. ничем не отличались от таковых в других северокавказских регионах. На территории Владикавказского округа был введен так называемый *осетинский народный суд*, состоявший из 12 чел. и осуществлявший свою судебную деятельность, на основе норм обычного права¹. Правила судопроизводства были зафиксированы в *Общественном приговоре*, который был разработан Муссой Кундуховым и санкционирован генерал-лейтенантом Евдокимовым, командовавшим войсками левого крыла Кавказской армии. Однако во второй половине XIX в. в этом регионе в отличие от других северокавказских областей, где Россия придерживалась идеи постепенного реформирования местного права (адата и шариата), было

введено российское законодательство во всех областях жизни осетинского общества. Начался процесс вытеснения норм шариата и обычного права осетин. Последнее включало в себя нормы, регулирующие имущественные и некоторые неимущественные отношения, а также семейные отношения, которые принято относить к гражданскому праву, и нормы, регулирующие уголовные правонарушения.

Таким образом, осетинский адат и шариат со второй половины XIX в. переставал признаваться властями. Местные судебные органы – *осетинский народный суд – тархон лаги* или *тархони лагтае*², называемый в русских источниках *посредническим* или *третейским*³, и опиравшийся в своей судебной деятельности на нормы обычного права, и шариатский суд – не были включены в российскую правовую систему как самостоятельные судебные органы. Следует заметить, что традиционная судебная практика частично все же была сохранена на уровне сельской общины. Утвержденное 18 ноября 1870 г. «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении в Кубанской и Терской областях» вводило в осетинской деревне *сельские суды*. Они состояли из 3-х выбиравшихся на 1 год судей, находящихся на содержании общины. Руководствуясь нормами местного адата, они разбирали мелкие споры и тяжбы между членами общины, сумма иска которых не превышала 30 руб. Их юрисдикции подлежали также такие мелкие уголовные преступления, как ссоры, драки, а также кражи и мошенничество, когда цена присвоенного имущества не превышала 10 руб. Суд не мог применять к виновным телесного наказания. Основным видом наказания были типичные для адата штрафы в пользу потерпевшего и в общинную кассу (до 3 руб.), и появившиеся у осетин под влиянием русского уголовного права принудительные работы в пользу общины сроком до 6 дней или арест до 7 дней. Из адатной практики сельские суды унаследовали также право обвиняемого очиститься от подозрения в совершении преступления соприсягой его родственников и односельчан (от 2 до 10 человек).

Осетины стали едва ли не единственным народом на Северном Кавказе, у которого не был введен Горский словесный

суд, использовавший в своей судебной практике нормы обычного права и шариата для урегулирования гражданских и уголовных преступлений⁴. Один из реформаторов осетинского права, юрист Н.М.Агишев отмечал, что «осетины, хотя и входят в состав горского населения, но на основании закона 1871 г. изъяты из подсудности Горского словесного суда и все возникающие у них дела разбираются в общих судебных установлениях»⁵.

Таким образом, в Осетии были созданы российские судебные органы, применявшие исключительно российское законодательство. С 1871 г. по 1918 г. тяжелые уголовные преступления, совершенные в осетинских селениях (ранения, убийства, изнасилования), причинение материального ущерба (кражи) и поземельные тяжбы находились в ведении *мировых судов*. Апелляционной инстанцией для них был *Владикавказский окружной суд*⁶. Дела в суд попадали по рапортам сельских старшин, при рассмотрении которых суд применял российские нормы наказания, в частности, лишение свободы в виде ссылки в Сибирь на каторжные работы. За убийство суд определял 8–12 лет каторги, за ранения – исправительные арестантские роты (3–4 года), ссылки. При рассмотрении дел по кражам суд определял исправительные работы от 1 до 2 лет⁷.

Одной из основных причин того, что судебная реформа в Осетии приняла именно такие формы, явилась принадлежность большинства осетин к православной конфессии. Уже в VI в. с помощью сформировавшейся в это время византийской миссии в Осетии появилось христианство, а в X в. уже существовала аланская епархия. В XVIII–XIX вв. российская администрация приложила значительные усилия по дальнейшей христианизации осетин. Так, в 1740 г. она учредила «Осетинскую духовную комиссию» с целью распространения христианства в регионе. В 1860 г. российская администрация вновь обратилась к идее христианизации осетин и сформировала «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», которое стало проводником российской политики в осетинском обществе. В Осетии были построены православные церкви, богослужение в которых велось на осетинском языке. В то же вре-

мя проникший к осетинам из Кабарды ислам в пореформенное время значительно потерял свои и без того слабые позиции. Проводимое российской администрацией в 1850–1860-е годы выселение горцев коснулось в первую очередь осетин-мусульман, что привело к значительному сокращению их численности⁸. Так, по данным на 1897 г., во Владикавказском округе было 70 317 чел. православных и 19 512 чел. мусульман, а в самом Владикавказе было 31 435 чел. православных и 2 268 чел. мусульман⁹. В этот период многие осетинские селения имели по одной или две мечети – это селения Эльхотово, Чикола, Карджин, Лескен, Хазнидон, Зильги, Заманкул, Беслан, Брут, Ногкау, Комсомольское (Дашково), Раздзог. Были смешанные, православно-мусульманские селения – Дзуарикау, Ламардон и др. Следует отметить, что православных и мусульман объединял сохранявшийся в этот период языческий пласт: поклонение дзуарам (святилищам).

Несмотря на эти реформы осетинский третейский суд продолжал неофициально функционировать для урегулирования конфликтов. В осетинском обществе сложилась своеобразная судебная практика: в некоторых случаях одновременно с судебным процессом в российском суде, а иногда до или после него осетины обращались к третейскому примирению, поскольку наказание, налагавшееся судебными учреждениями, не избавляло «убийцу-туземца от мести со стороны родных убитого»¹⁰. Случалось, что третейское разбирательство вообще заменяло российский суд. Согласно правилам, введенным российской администрацией, сельский старшина обязан был составлять рапорт о происшедших в селении преступлениях и отсылать его в российские судебные органы. Часто сельчане просили старшину этого не делать, обещая уговорить конфликтующие стороны примириться. Старшина шел на это, и осетины улаживали свои конфликты с помощью медиаторов¹¹.

Осетинский суд состоял из медиаторов, которых выбирали конфликтующие стороны из наиболее уважаемых и знающих адат сельчан. Часто ими могли быть члены враждующих семей. Если дело было очень серьезным, то приглашали авторитетных осетин из других селений. Число посредников варьировалось:

от 1 до 5 чел. с каждой стороны. Чем серьезнее было дело – тем больше судей требовалось для его урегулирования. Так, в 1896 г. для примирения кровников в сел. Христианском группа медиаторов состояла из 30 чел. Общее число судей должно было быть неравным, при этом потерпевшая сторона имела право выбрать на одного посредника больше, чем виновная¹².

При *рассмотрении дел, связанных с кражами*, судьи определяли виновному возратить украденное. При *рассмотрении случаев, связанных с ранением или убийством*, суд устанавливал выплату виновной стороной компенсации потерпевшей стороне. Судьи определяли размер компенсации и сроки выплаты. Компенсация выплачивалась частично скотом, частично – оружием или домашней утварью, частично – деньгами. Поскольку размер компенсации мог быть большим, виновной стороне разрешалось платить поэтапно. Размер компенсации за убийство варьировался: от 400 до 1 800 руб. Компенсация за ранение в среднем равнялась половине платы за убийство. При определении «цены крови» за убийство учитывались различные факторы, например, личность убитого, т.е. если потерпевшим был уважаемый в общине человек, плата назначалась более значительная, чем за человека порочного, имевшего плохую репутацию. В первой половине XIX в. в осетинском обществе уже возникла сословная иерархия, поэтому на размер компенсации влияла и сословная принадлежность потерпевшего и виновного, однако в пореформенное время сословный фактор потерял свою значимость. Умысел не имел значения: компенсация за умышленное убийство равнялась таковой за неумышленное¹³.

Процесс примирения включал угощение, устраиваемое виновной стороной (*фынга* или *туджи фынг*), на которое приглашались все лучшие представители конфликтующих семей, а также медиаторы¹⁴. Во время угощения виновная сторона делала какой-либо подарок потерпевшей, например, верховую лошадь со всем снаряжением, часто наряду с этим виновная сторона старалась породниться с потерпевшей посредством брака. Если было необходимо, то медиаторами принималось решение о принудительном выселении виновного и его семьи¹⁵.

При рассмотрении дел, связанных с похищением и изнасилованием девушек, конфликтующие стороны обращались за помощью к посредникам, которые примиряли семьи похитителя и похищенной девушки и устраивали брак между ними. Если же это не удавалось, то судьи могли назначить выплату компенсации за обесчещение девушки в размере 300 руб.¹⁶

На медиаторский процесс отчасти влияла религиозная принадлежность участников конфликта. Так, у мусульман примирение конфликтующих сторон часто осуществлялось во время мусульманских праздников – Малого и Большого Байрама, а в процедуру примирения включался намаз, проводимый муллой¹⁷. В примиренческом процессе у православных осетин участвовал священник, который возглавлял делегацию посредников и посещал кладбище, где проводил панихиду. После примирительного угощения православные осетины дарили икону потерпевшей семье¹⁸.

Подчеркну, что после вынесения медиаторского решения суд определял *поручителей* со стороны виновного и потерпевшего, которые должны были следить за тем, чтобы виновный выплатил компенсацию в срок. В.И.Маргиев указывал, что обычно поручителей выбирала противоположная сторона: родственники потерпевшего назначали поручителя от виновной стороны, и наоборот, родственники виновного назначали поручителя от потерпевшей стороны¹⁹. Другой действенной формой общинных санкций был так называемый бойкот (*хъод*), объявлявшийся либо пострадавшей стороной, либо сельчанами виновному в преступлении и его родственникам, согласно которому никто из односельчан не выдавал девушек замуж за мужчин этих семей и никто не женился на девушках из этих семей; никто не ходил к ним на похороны и свадьбы и никто не пускал их на похороны и свадьбы; никто не пускал их к себе в гости, и никто не ходил в гости к ним; никто с ними не разговаривал. Жизнь семей, на которые были «наложен хъод», становилась невыносимой. Снять хъоды можно было только примирившись со своими кровниками или переселившись в другое отдаленное селение. Эта норма встречалась как у православных, так и у мусульман.

Тем не менее в ряде случаев ни российский суд, ни третейский примирительный процесс не всегда могли защитить виновную сторону от кровной мести. Бывало так, что после того, как прошел судебный процесс в российском суде, была выплачена компенсация согласно традиционному примирению, виновный, отбыв наказание и вернувшись в родное селение, подвергался мести²⁰. В XVII–XIX вв. кровная месть как ответ на исходный конфликт была широко распространена у осетин. Осетинская месть редко заканчивалась одним убийством. Как правило, родственники потерпевшего на второй стадии конфликта также требовали мести и она совершалась. Месть в Осетии была *многостадийной*.

Кровная месть могла быть вызвана и оскорблением, оскорблением дома (например, снятием и выбрасыванием фамильной надочажной цепи), и оскорблением девушки, и причинением ущерба, как физического (ранение или убийство умышленное и неумышленное, в том числе причиненного животным), так и материального (кража скота или потрава)²¹. Осетины старались соблюдать одно из правил адата: месть не должна превышать степень жестокости первого убийства. Так, в одном случае мужчине отрезали ухо, в ответ на это родственники потерпевшего сделали то же самое обидчику. Были в арсенале и более редкие формы мести: так, за убийство был взорван дом и было ранено несколько человек²². Для отмщения осетины могли использовать и некровные формы мести. Если сельчанин был судьей сельского суда, то он мог отомстить своему врагу с помощью принятия судебного решения, которое было не в пользу этого человека. Иногда сельчане становились *«доказщиками»*, т.е. людьми, которые втайне от окружающих давали в суде показания против своих сельчан, с которыми у них были враждебные или кровнические отношения²³.

Особенностью осетинской мести было правило, согласно которому «жертва должна быть равна потере». Поэтому необязательно наказывался виновный, если он был, по выражению осетин, *плохим*, например, хромым, косым, горбатым или дряхлым стариком. В знак мести потерпевшие или их родственники стремились убить не его, а другого более достойного

человека из фамилии виновного²⁴. В XIX в. у осетин отчасти сохранялось правило, согласно которому перед совершением кровниками, как правило, молодыми ребятами, мести они получали разрешение на нее на совете всех старших родственников семьи²⁵. В то же время, как мне представляется, общинная идеология осетин пореформенного времени была направлена скорее на примирение кровников, нежели на реализацию кровной мести. Как свидетельствуют архивные материалы, примирение проходило чаще всего не по инициативе конфликтующих сторон, а по инициативе незаинтересованных лиц, которые при необходимости помогали и выплатить присужденную медиаторами компенсацию²⁶.

Шариатская судебная практика у осетин-мусульман имела незначительную сферу применения и только на сельском уровне. Сельские суды руководствовались в гражданско-наследных исках нормами шариата согласно ханафитскому религиозно-правовому толку мусульманского права (араб. *фикха*)²⁷. Следует отметить, что некоторые обычаи, присущие исламу, бытовали и среди православных осетин, например, двоеженство, причем с одной женой осетин венчался по православному обряду, а с другой – по мусульманскому²⁸. В брачно-семейных правовых нормах наблюдались некоторые различия, связанные с конфессиональной принадлежностью. Так, у осетин-христиан практиковался выкуп по адату, который шел родителям невесты, у осетин-мусульман – выкуп по шариату, который должен был поступать частично самой невесте, на ее обеспечение на случай вдовства, или развода, но в результате взаимодействия обычного и исламского права фактически делился между невестой и ее родней²⁹.

Правовое реформирование, проводимое в первое десятилетие после установления советской власти в Северной Осетии, в отличие от других северокавказских республик, не включало переходные этапы, когда советская администрация шла на уступки, создавая промежуточные, временные судебные органы с элементами местного права (обычного права и шариата), как это имело место, например, в Кабардино-Балкарии³⁰. В целом, установление и укрепление советской власти и советских су-

дебных органов в Горской республике, куда входила Северная Осетия с 1912 по 1924 г.* , проходило тяжело: советские партийные лидеры постоянно сталкивались, как сказано в архивном деле, с «восточным лицемерием и интриганством»³¹. Наиболее трудное положение было в Чечне, где процветал бандитизм, имевший тесные связи как с местными мусульманскими лидерами, так и с агентами из Турции и Афганистана³². В результате к 1922 г. в Чечне сформировалась «сильнейшая группировка мулл, представляющая достаточно серьезную силу в чеченских условиях, пользующаяся авторитетом у большей части населения», не признававшего советскую власть³³. Между тем, как отмечалось в архивных материалах, легче всего процесс «советизации» проходил в Северной Осетии, где уже к началу 1920-х годов среди населения в значительной степени сформировалось уважение к российской власти и российскому закону³⁴. Это явилось причиной того, что только эта область стала полигоном резкой ликвидации адатно-шариатского судопроизводства и активного внедрения советского права и судопроизводства. В 1921 г. в Северной Осетии уже были сформированы советские судебные органы: окружные *народные суды*, рассматривавшие все уголовные и гражданские дела, и курировавший их работу областной *совет народных судей*. Наряду с народными судами действовали революционные трибуналы, которые осуществляли правосудие по наиболее важным уголовным и политическим (выступления против советской власти) делам. В Горской республике был сформирован Главный суд, при котором и функционировал Горский Ревтрибунал³⁵. После распада Горской республики и образования Северо-Осетинской автономной области был сформирован Северо-осетинский областной суд (1924 г.)³⁶.

* В 1921 г. была образована Горская АССР, которая вначале включала в себя 6 административных округов (Кабарду, Балкарию, Карачай, Чечню, Ингушетию, Осетию). Постепенно из состава республики вышли Кабарда, Балкария, Карачай и Чечня. К 1923 г. в Горской республике осталась Осетия (численность осетин 132 241 чел.), Ингушетия и Сунженский округ. В 1924 г. Горская республика была расформирована и образованы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области.

Отношение советской администрации Северной Осетии к обычному праву изначально было резко отрицательным. Как известно, в ранней советской правовой доктрине адат был провозглашен «опасным пережитком прошлого»³⁷. Власти Горской республики, а после ее распада в 1924 г. – НКЮ СНК Северо-Осетинской автономной области, – проводили политику ликвидации полномочий третейских судов. ЦИК Горской республики не раз отказывал сельским советам в их просьбах открыть на местах медиаторские суды, мотивируя это решение тем, что «с точки зрения советского законодательства медиаторский суд не допустим»³⁸. В тех случаях, когда неофициально осетины проводили медиаторское примирение и судьи принимали решение о выплате компенсации, советская администрация, не запрещая это, все же контролировала все этапы данного процесса³⁹.

Как свидетельствуют архивные материалы, в начале 1920-х годов третейское примирение использовалось осетинами для урегулирования конфликтов, связанных с причинением материального и физического ущерба. Иногда это удавалось, иногда – нет⁴⁰. Медиаторы определяли виновной стороне выплатить компенсацию родственникам потерпевшего, подарить им верховую лошадь в полном снаряжении и помочь провести похороны и поминки (тризну), а затем организовать примирительное угощение и пригласить всех тех, кто был на похоронах, и всех членов враждующих сторон (обычно 200–300 чел.). Во время угощения виновная и потерпевшая стороны должны были пожать друг другу руки. И затем виновная сторона должна была поставить памятник потерпевшему⁴¹. Иногда после выплаты компенсации семья виновного добровольно или по решению медиаторов переезжала на жительство в другое селение Осетии, или в другую республику Северного Кавказа, например, в Кабардино-Балкарию⁴².

Между тем 1920-е годы стали временем резкого увеличения обращения осетин к институту кровной мести, а также значительного увеличения числа кровников, которые не смогли примириться с помощью третейского суда⁴³. К убийству в качестве мести прибегали в тех случаях, когда хотели отомстить

за совершенное в исходном конфликте убийство или за политические убеждения. Кровная месть в эти годы превратилась, как сказано в архивном деле, в «классовую месть»⁴⁴. Отмечу, что месть продолжала сохранять многостадийный характер⁴⁵. Сохранялись также отголоски общинных санкций, связанных с совершением кровной мести. С.А.Голунский отмечал, что тот сельчанин, который был обязан осуществить месть (как правило, родной брат или сын) и не делал этого, подвергался целому ряду формальных и неформальных форм воздействия со стороны родственников (*уговаривание, устыжение*). Старшие по возрасту настраивали более молодых отомстить за убитого родственника. Так, в одном архивном деле указывалось, что братьев к убийству склонил 70-летний К.Б., в другом – подстрекателем мести был 70-летний К.⁴⁶ Если и это не помогало, то обязанность мщения принимал себя один из ближайших родственников. В этот период продолжало бытовать общественное мнение о необходимости отмщения за убитого родственника. Так, адвокат одного обвиняемого в совершении убийства на почве кровной мести, чье дело рассматривалось в Ревтрибунале, указывал, что у осетин сохранялся обычай кровной мести, и он не мог поступить иначе, «так как в противном случае его назвали бы трусом»⁴⁷.

И все же осетины по большей части стремились примирить кровников в своих селениях. Во многих архивных делах можно прочесть следующее: «постоянные попытки со стороны общества примирить враждующие семьи и этим самым прекратить между ними кровную месть»⁴⁸. Сельчанам редко удавалось уговорить конфликтующие стороны примириться. Часто для этого требовались годы. Так, в одном случае сельчанам удалось примирить стороны только через 8 лет, в другом – через 19. Однако и после совершения примирения кровная месть могла состояться⁴⁹. Как мне представляется, дореволюционные третейские суды, не поддержанные российско-имперской властью, к 1920-м годам в значительной степени утратили свои регулятивные функции. В результате к этому периоду в Осетии оказалось много фамилий, между которыми годами, а подчас и десятилетиями продолжались кровнические отношения, и тре-

тейский примиренческий процесс уже не был в состоянии ослабить агрессивность между людьми и изменить сложившуюся конфликтную ситуацию.

В этих условиях советская администрация попыталась воссоздать третейские суды в виде *примирительных комиссий*, решения которых контролировались уже не общинами, а советскими судебными и правоохранительными органами власти. Еще в мае – июне 1921 г. в Горской АССР были созданы одна *окружная* (Владикавказская) и подчинявшиеся ей более десяти *сельских примирительных комиссий по кровным делам*. В их функции входило руководство примирением конфликтующих фамилий. Согласно нормам осетинского адата судьи устанавливали «цену крови» – в денежном или натуральном выражении; сроки устройства примирительного угощения кровников; вели переговоры с советскими властями о выдаче убийц и похитителей девушек сельской общине. При этом в полномочия сельских комиссий входило урегулирование конфликтов внутри общины, а окружной – разбор столкновений на почве кровной мести между выходцами из разных сельских общин. После распада 7 июля 1924 г. Горской АССР примирительные комиссии продолжали работать в Северо-Осетинской Автономной области. Согласно новому административному делению края Владикавказская окружная комиссия была заменена двумя новыми – Дигорской и Осетинской⁵⁰.

Хотелось бы отметить существенные отличия советских примирительных комиссий от традиционного осетинского суда медиаторов. Во-первых, примирительные комиссии не были добровольным третейским органом, создаваемым конфликтующими сторонами. Их создание было поручено исполкомам сельских советов. Формально решение об их образовании принималось на сельских сходах, однако, как свидетельствуют архивные материалы, комиссии создавались советской администрацией вопреки желаниям сельчан. Более того, советские органы власти заставляли конфликтующие стороны обращаться в эти комиссии для урегулирования своих споров, угрожая в противном случае высылкой всех кровников в сибирские регионы. Советская администрация настаивала на том, чтобы

осетины рассматривали решения советских примирительных комиссий как *закон*⁵¹.

Во-вторых, советская администрация создавала одну примирительную комиссию для примирения всех имеющихся в селении кровников, тогда как осетинский третейский суд создавался для каждого дела отдельно. В-третьих, в состав комиссии входили представители не двух (конфликтующих) сторон, а трех – потерпевшей (2 чел.), виновной (2 чел.) и властных органов (3 чел.)⁵².

Иногда конфликтующие стороны соглашались на рассмотрение своего дела в советской примирительной комиссии, но впоследствии отказывались подчиниться ее решению. Поэтому советская администрация ввела и другую норму адата, а именно: до начала судебного разбирательства в примирительной комиссии конфликтующие стороны обязаны были подписать документ, названный по аналогии с осетинским третейским документом *медиаторской* подпиской, в которой стороны соглашались подчиниться любому решению примирительной комиссии⁵³. Так, в 1924 г. примирительная комиссия сел. Нокгау рассмотрела одно дело, связанное с убийством, и вынесла решение о выплате компенсации вдове – 600 руб. в течение 6 месяцев. Тем не менее вдова и через год не получила компенсацию и возбудила уголовное дело в областном суде⁵⁴. Наконец, даже в тех случаях, когда, как свидетельствует архивный материал, комиссии удавалось примирить кровников, то через некоторое время кто-либо из фамилии, потерпевшего совершал кровную месть и убивал члена фамилии, виновного в исходном конфликте⁵⁵. Все же отмечу, что отдельные успешные случаи примирения кровников с помощью советских примирительных комиссий имели место в 1920-х годах. Если дело, регулируемое такой комиссией, попадало в советский суд, то суд учитывал решение примирительной комиссии и выносил оправдательный приговор виновному или просто закрывал дело, апеллируя к широко распространенному в 1920-х годах принципу смягчения наказаний лиц, происходящих из «социальных низов»⁵⁶.

Судьба шариата в Северной Осетии была иная. Если борьбу с православием в осетинском обществе советская администрация начала сразу⁵⁷, то к исламу было более мягкое отношение, поскольку большинство северокавказских горцев, в том числе и тех, кто населял Горскую республику, исповедывало ислам. Как свидетельствуют архивные материалы, осетины как часть населения Горской республики рассматривались как мусульманское население⁵⁸. На учредительном съезде Горской АССР, состоявшемся 16–22 апреля 1921 г., было принято специальное постановление «О введении шариатского судопроизводства». На территории республики создавались отдельные *шариатские суды* для местного мусульманского населения республики. Так, в Чеченском округе было создано 16 судов, в Ингушетии – 3, в Кабарде – 4. Тем не менее, как свидетельствует архивный материал, в мусульманских селениях Осетии* шарсуды не были созданы⁵⁹. Лишь к концу 1921 г. таковые появились и у осетин. Шарсудам стали подсудны гражданские и наследные тяжбы между мусульманами. Для направления текущей судебной деятельности шариатских судов и надзора за рассмотрением судебных дел при областном совете народных судей было учреждено *шариатское отделение совета* на правах апелляционной инстанции для всех шариатских судов. Кассации на решения шариатских судов могли подаваться в созданный при Отделе юстиции Терского облисполкома *Шариатский подотдел*. Ему же был поручен общий контроль над деятельностью всех шариатских судов области. При подотделе учреждалось постоянное совещание из представителей горских национальностей. В Горской республике при Наркомюсте был сформирован шариатский отдел⁶⁰. К началу 1922 г., когда в Горскую республику входили только Осетия и Ингушетия, шариатские суды были упразднены. К концу этого года система шарсудов была полностью ликвидирована в Осетии и сохранена в Ингушетии⁶¹. Тех осетин, которые продолжали соблюдать мусульман-

* В 1920-е годы, согласно архивным данным З.Х.Мисрокова, в Осетии было 18 селений, в которых проживали мусульмане.

ские обряды, и вступивших к этому времени в ВКП(б), исключали из партии⁶².

Таким образом, уже в 1922 г. в Северной Осетии советские судебные органы стали единственным правовыми учреждениями, в которые осетины могли обратиться для рассмотрения спорных ситуаций. Они рассматривали все гражданские и уголовные дела осетин. Серьезные уголовные дела, в том числе и убийства на почве кровной мести, в первой половине 1920-х годов рассматривались уголовно-следственным отделом Главного суда и Ревтрибуналом. В первой половине 1920-х годов советская судебная система Осетии характеризовалась, во-первых, вынесением чрезвычайно мягких приговоров, во-вторых, учетом примирения сторон с помощью медиаторов или членов советских примирительных комиссий⁶³. Судьи использовали все возможные виды амнистий, которые они применяли к виновным осетинам. В эти годы амнистии проходили, во-первых, каждую годовщину Октябрьской революции, во-вторых, каждую годовщину образования СССР; в-третьих, осетин амнистировали «как хлеборобов и социально неопасных». В результате виновных в серьезных гражданских или уголовных преступлениях освобождали либо полностью, либо условно⁶⁴. Так, в мусульманском сел. Карджин в 1907 г. между двумя сельчанами произошла ссора, в результате чего один убил другого. В 1920 г. между родственниками конфликтующих сторон состоялось примирение. Однако вскоре родственник потерпевшего убил кровника. Через два года два брата потерпевшего в последнем убийстве убили виновного. Дело рассматривалось в Ревтрибунале. Суд вынес суровый приговор: одному брату – 8 лет лишения свободы, другому – 2 года. Применив к виновным право амнистии в связи 5-й годовщиной Октябрьской революции, сроки наказания были снижены соответственно до 5 лет 8 мес. и 1 года 4 мес.⁶⁵ В 1922–1923 гг. из 16 рассмотренных Главным судом дел по убийствам 5 чел. получили условные сроки лишения свободы (от 1 до 2 лет, в редких случаях – от 3 до 8 лет), 2 чел. были полностью освобождены по амнистии, двум виновным были снижены сроки: с 8 до 2 лет, и лишь 7 чел. получили реальные сроки наказания: 5 чел.

от 5 до 10 лет⁶⁶. Если суд рассматривал дела об убийстве на почве кровной мести, то он учитывал состоявшееся медиаторское урегулирование конфликта или примирение с помощью советской примирительной комиссии⁶⁷.

Обычно суровые наказания, в том числе и высшую меру наказания – смертную казнь, получали лишь те, кто участвовал в грабежах. Такие дела рассматривались Ревтрибуналом. Тем не менее в первой половине 1920-х годов и на эти преступления распространялась амнистия⁶⁸. Опираясь на материалы Главного суда, в 1924 г. за ограбление было осуждено 4 чел., из них 2 чел. получили условные сроки наказания, 2 чел. – реальные сроки – по 5 лет лишения свободы. За кражу было осуждено 23 чел., условные сроки получили 7 чел., реальные сроки получили 18 чел. (от 1 до 3 лет лишения свободы). За грабеж было осуждено 2 чел., одного виновного приговорили к расстрелу, который был заменен 10 годами, другой получил 6 лет 8 мес. За бандитизм 5 чел. были осуждены и получили сроки от 2 до 6 лет лишения свободы⁶⁹.

Во второй половине 1920-х годов судебная система в Северной Осетии была ужесточена. При рассмотрении дел об убийстве, в том числе и на почве кровной мести, назначались сроки лишения свободы от 2 до 8 лет. Часто в суд попадали дела, которые ранее рассматривались примирительными комиссиями и после успешного примирения кровников происходило убийство на почве кровной мести. Виновные в подобных преступлениях получали от 3 до 8 лет. Как показывают материалы по убийствам, совершенным на почве кровной мести, рассмотренные Ревтрибуналом, суд часто выносил суровые наказания без права амнистии. Тем не менее в ряде случаев право амнистии распространялось и на тех, кто был виновен в убийстве, совершенном на почве кровной мести. До введения X главы в УК РСФСР (1928 г.) в советском судебном решении учитывалось и состоявшееся примирение кровников⁷⁰.

Дела, связанные с похищением девушек и их изнасилованием, рассматривались областным судом. В первой половине 1920-х годов виновные получали чаще всего условные сроки лишения свободы⁷¹. В 1924 г. в новом УК появились статьи 228

и 229, которые позволили судам назначать реальные сроки наказания виновным: от одного до трех лет⁷².

В 1930–1950-е годы в Северной Осетии советское судопроизводство значительно укрепило свои позиции, а осетины приспособились к жизни в условиях единой советской судебной системы. С 1940-х годов правоохранные и судебные органы стали все больше требовать ужесточения уголовных статей за преступления, связанные с пережитками «капитализма и феодально-родового быта», в том числе и с кровной мстью⁷³. Тем не менее многие дела, связанные с убийствами на почве кровной мести или похищением девушек, продолжали закрываться без осуждения виновных. По данным обкома КПСС Северной Осетии на 1959 г., «терпимо иногда относятся к таким фактам органы суда, милиции и прокуратуры»⁷⁴. Сельчане скрывали происходившие в их селении конфликты. Отмечу, что в официальных документах количество случаев кровной мести значительно сократилось. Так, в докладе С.Д.Кулова на заседании Пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б) приводились следующие данные: в 1930 г. произошло 3 убийства на почве кровной мести (за эти преступления было осуждено 8 чел.), в 1931 г. – 4 случая (осуждено 5 чел.), в 1940 г. – не было зарегистрированных случаев. В 1940–1950-е годы официально сообщалось лишь о единичных случаях совершения кровной мести⁷⁵. С.Д.Кулов отмечал, что в этот период кровная месть сохранялась, но она приняла новые формы⁷⁶. Так, если представители одной фамилии оказались в руках колхоза, то «эту вражду осуществляли через колхозный аппарат». Враждующие стороны создавали группировки, которые проводили клеветнические кампании друг против друга. Одной из распространенных форм некровной мести стало лжесвидетельство⁷⁷.

Ряд конфликтов сельчане старались урегулировать с помощью третейского посредничества, которое продолжало в незначительной степени неофициально бытовать в 1940–1950-е годы. Так, на одном из собраний парторганизации Северной Осетии говорилось, что «есть случаи, когда отдельные люди пытаются культивировать примирение кровников путем выплаты компенсации и организации большого *хиста*, т.е. поминок»⁷⁸. Бы-

товало примирение и при похищении девушек. Как только случалось похищение, в семью девушки шли, как сказано в архивном деле, *ходатаи*, или по-осетински *минавардтее* (родственники и соседи похитителя), которые начинали вести переговоры с родственникам девушки о браке и размере калыма. Чаще всего девушка и ее родители соглашались на брак. Если ко времени примирения уже было возбуждено уголовное дело, то дело закрывалось⁷⁹.

Такая правовая практика сохранялась в осетинском обществе вплоть до 1990-х годов, когда общественно-политические и социально-экономические условия, сложившиеся в республике к этому времени, привели к появлению новых черт в общественной правовой идеологии и правовой практике в Республике Северная Осетия.

Заключение. Описание эволюции правовой ситуации в Северной Осетии показало, что в результате судебного реформирования, проводимого сначала российско-имперской, а затем советской властью, в этом регионе сформировалось общество с преимущественно российским правосознанием при значительном ослаблении местных правовых традиций. Поэтому с достаточной долей условности современное осетинское общество можно рассматривать как общество, в котором возобладала идея правового монизма. Сложившаяся ситуация четко отражается в современной правовой идеологии, имеющей четкую ориентацию на российское законодательство. На бытовом уровне, особенно среди сельчан, распространена точка зрения о необходимости усиления борьбы с преступностью в республике. Так, в 1998 г. в республике было проведено движение «Верните нам участкового», которые за последние годы стали халатно относиться к своим обязанностям и не контролируют криминогенную ситуацию на вверенных им участках. Сельчане недовольны деятельностью правоохранительных органов, считая, что их сотрудники отпускают виновных в серьезных преступлениях без передачи их в руки правосудия⁸⁰. В республике нет политических споров вокруг формы и степени признания местного права, что, как мне представляется, обусловлено отсутствием стремления как во властных, правоохранительных и

судебных структурах, так и в национальных движениях к правовой свободе и правовой независимости от федерального Центра. Более того, в Северной Осетии сложился своеобразный сплав мощного российского патриотизма и аланской самоидентичности. Даже наиболее консервативная часть североосетинского общества, а именно лидеры Стыр Ныхас, невзирая на все формальные лозунги о возрождении правовых традиций осетин, все же понимают их слабую эффективность в современном осетинском обществе, уповая исключительно на усиление деятельности правоохранительных и судебных органов. Это же понимает и осетинская интеллигенция, которая в связи с катастрофической криминализацией республики, высказывает достаточно жесткие взгляды на будущее правовое поле в Осетии. Так, В.А.Дзуцев предложил за совершение умышленного убийства ввести в республике публичные казни⁸¹.

¹ Мансуров Н.С. Обычный суд у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 133

² Кулов С.Д. О некоторых пережитках феодально-родового быта и капитализма в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1941. С. 9.

³ Дзидзоев М.У. Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.). Орджоникидзе, 1979. С. 45; Баев М. Тагаурское общество в 1830 г. // Терские ведомости. 1869. № 6; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 41; Мансуров Н.С. Обычный суд у осетин. С. 124.

⁴ Подробнее об этом см.: Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999. С. 103–115.

⁵ Агишев Н.М., Бушен В.Д., Рейнке Н.М. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 141, 142.

⁶ Пфаф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1.

⁷ *Неизвестный автор*. Примирение кровников // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 380–382; Дзидзоев М.У. Указ. соч. С. 58; *Неизвестный автор*. Селение Какадур // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 145; К – в. Примирение кровников // Там же. Цхинвал, 1991. Кн. 5. С. 373–375; Месть за кровь // Там же.

- Кн. 1. С. 139; *Неизвестный автор*. Примирение кровников. С. 383–385.
- ⁸ *Чочиев Г.В.* Турецкие осетины: мифы и реальность // Северная Осетия. 2000. № 22.
- ⁹ Полевые материалы автора в Республике Северная Осетия-Алания, экспедиция 1999 г. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 9. Далее: ПМА РСО-А; *Богазов Р.* В поисках истины // Жизнь правобережья. 1998. № 62.
- ¹⁰ *Дзидзоев М.У.* Указ. соч. С. 58; *К – в.* Указ. соч. С. 373–375; *Неизвестный автор*. Примирение кровников. С. 380–382.
- ¹¹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 51. Далее: ЦГА РСО-Алания.
- ¹² *Хетагуров К.* Особа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1987. Т. 3. С. 156–159; *Харитон*. Селение Христиановское. Примирение кровников // Там же. Цхинвал, 1991. Кн. 5. С. 371; *Баев М.* Указ. соч.
- ¹³ *Неизвестный автор*. Примирение кровников. С. 380–382; *Харитон*. Указ. соч. С. 371; *Дзидзоев М.У.* Указ. соч. С. 58; *Неизвестный автор*. Селение Какадур. С. 145; *Хетагуров К.* Указ. соч. С. 156, 157; *Кануков И.* Кровный стол: из осетинских обрядов // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 204–206; *Лавров Д.Я.* Заметки об Осетии и осетинах // Терские ведомости. 1874. № 50.
- ¹⁴ *Кануков И.* Указ. соч. С. 204–206.
- ¹⁵ *Хетагуров К.* Указ. соч. С. 158, 159; *Харитон*. Указ. соч. С. 371; *Мансуров Н.С.* Обычный суд у осетин. С. 124, 130; *Неизвестный автор*. Селение Какадур. С. 145; *К – в.* Указ. соч. С. 373–375.
- ¹⁶ *Дзидзоев М.У.* Указ. соч. С. 58.
- ¹⁷ *К – в.* Указ. соч. С. 373–375.
- ¹⁸ *Неизвестный автор*. Примирение кровников. С. 383–385; *Харитон*. Указ. соч. С. 371.
- ¹⁹ *Маргиев В.И.* История государства и права в Осетии. Майкоп, 1997. С. 196.
- ²⁰ *Неизвестный автор*. Селение Какадур. С. 145; *Бритаев Созырко-бей*. Кровная месть // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвал, 1991. Кн. 5. С. 387; *Дзидзоев М.У.* Указ. соч. С. 58.
- ²¹ *Дзидзоев М.У.* Указ. соч. С. 57; Месть за кровь. С. 139; Новое обозрение // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 139; *Неизвестный автор*. Селение Какадур. С. 145; *Хетагуров К.* Указ. соч. С. 156, 157; *Кулов С.Д.* Указ. соч. С. 8; *Мансуров Н.С.* Обычный суд у осетин. С. 125; *Бритаев Созырко-бей*. Указ. соч. С. 387, 388.
- ²² *Хетагуров К.* Указ. соч. С. 156, 157; Новое обозрение. С. 139; *Мансуров Н.С.* Из корреспонденции для Нового обозрения // Периоди-

- ческая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 140, 141.
- ²³ *Лавров Д.Я.* Указ. соч.; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). С. 55, 56.
- ²⁴ *Дзидзоев М.У.* Указ. соч. С. 57.
- ²⁵ *Хетагуров К.* Указ. соч. С. 158.
- ²⁶ *Мансуров Н.С.* Корреспонденция из Владикавказа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 140.
- ²⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 224, 233, 256, 262, 291, – из: *Бабич И. Л., Бобровников В.О.* Традиционные конфликты и обычное право в колхозной деревне Северной Осетии (по архивным материалам Л.К.Гостиевой) // Научный отчет для Института «Открытое общество» (1998 г.).
- ²⁸ *Бирюлькин А.* Двоеженство в Осетии // Терские ведомости. 1899. № 55; *С.Б.* Двоеженство в Осетии // Там же. 1911. № 158.
- ²⁹ *Дзуцев Х.В., Смирнова Я.С.* Семейные обряды осетин. Владикавказ, 1990. С. 15, 16.
- ³⁰ Подробнее о ситуации в Кабардино-Балкарии см.: *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе. М., 2000. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 131); Фонд партии. ЦГА РСО-Алания. Ф. 240. Оп. 1. Д. 53. Л. 19. Далее: ФП. ЦГА РСО-Алания; ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 34.
- ³¹ ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 240. Оп. 1. Д. 54. Л. 132.
- ³² Там же. Д. 54. Л. 133; Д. 55. Л. 14.
- ³³ Там же. Д. 54. Л. 118, 132.
- ³⁴ Там же. Д. 56. Л. 40–41.
- ³⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 60. Л. 62; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 23. Л. 311.
- ³⁶ Там же. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 60. Л. 62.
- ³⁷ А МВД РСО-А. Ф. 4. СО. Д. 69, – из: *Бабич И.Л., Бобровников В.О.* Указ. соч.
- ³⁸ См., например, Постановление Президиума ЦИК Горской АССР об отмене решения Заманкульского сельского совета об открытии в селении медиаторского суда от 22 июля 1922 г.: ЦГА РСО-Алания. Ф. 161. Оп. 1. Д. 16, – из: *Бабич И.Л., Бобровников В.О.* Указ. соч.
- ³⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 39.
- ⁴⁰ Там же. Д. 33. Л. 4, 348об.; Д. 75. Л. 51. Д. 37. Л. 74.
- ⁴¹ Там же. Д. 74. Л. 39; Д. 75. Л. 44об., 46; *Кулов С.Д.* Указ. соч. С. 9.
- ⁴² ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 96.
- ⁴³ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 37; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 96.
- ⁴⁴ ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 1. Оп. 3. Д. 520. Л. 51; ЦГА РСО-Алания. Ф. 166. Оп. 1. Д. 6.
- ⁴⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 51.

- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83об., 111, 112, 147об.; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.
- ⁴⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 151.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83об., 111, 112, 147об.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Бабиц И.Л., Бобровников В.О.* Указ. соч.
- ⁵¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 6, 56.
- ⁵² Там же. Д. 6.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Д. 14. Л. 3, 6, 56.
- ⁵⁵ Там же. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 44об., 46.
- ⁵⁶ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 11, 20; Оп. 2. Д. 2; Д. 24. Л. 71, 85, 92; Ф. 160. Оп. 1. Д. 11.
- ⁵⁷ ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 240. Оп. 1. Д. 77. Л. 47.
- ⁵⁸ Там же. Д. 53. Л. 22.
- ⁵⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 112, Л. 13, – из: *Мисроков З.Х.* Исчезновение шариата в автономиях Северного Кавказа. М., 1979. С. 117–119.
- ⁶⁰ ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 240. Оп. 1. Д. 53. Л. 22.
- ⁶¹ *Мисроков З.Х.* Указ. соч.
- ⁶² ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 240. Оп. 1. Д. 51. Л. 27; Д. 77. Л. 113; ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83об., 111, 112.
- ⁶³ ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 39.
- ⁶⁴ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 18; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 55. Л. 7.
- ⁶⁵ Там же. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 96.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–150.
- ⁶⁷ Там же. Д. 1. Л. 115; Д. 22. Л. 19, 28, 33, 102об.
- ⁶⁸ Там же. Д. 20. Л. 337–345; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 72. Л. 39.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–150.
- ⁷⁰ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 6, 25, 28, 37, 38; Д. 8. Л. 70об.; Д. 24. Л. 71, 85, 92; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 1, 50.
- ⁷¹ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2.
- ⁷² Там же. Д. 10, 14, 17, 22, 30, 31.
- ⁷³ ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 1. Оп. 3. Д. 520. Л. 7.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 1. Д. 25. Л. 22; Д. 586. Л. 27, 30–31; Оп. 13. Д. 814. Л. 118.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 1. Д. 586. Л. 77; Оп. 3. Д. 520. Л. 66.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 3. Д. 520. Л. 62; *Кулов С.Д.* Указ. соч. С. 8, 9.
- ⁷⁷ ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 1. Оп. 3. Д. 520. Л. 65–66.
- ⁷⁸ Там же. Оп. 1. Д. 586. Л. 77.
- ⁷⁹ Там же. Оп. 1. Д. 586. Л. 27, 30–31, 35–37; Оп. 13. Д. 814. Л. 118.
- ⁸⁰ *Батагов Х.Х.* У нас с вами одна цель – борьба с преступностью // Жизнь правобережья. 1998. № 51; Жизнь правобережья. 1998. № 63.
- ⁸¹ *Дзуцев В.А.* Антикризис // Стыр *Ныхас*. 1997. № 13 (29).

ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Ускоренная индустриализация кавказского региона, приведшая к численному росту новых социальных групп и перераспределению экономических ролей, усугубила несовпадение отдельных позиций внутри совокупного статуса различных групп населения. Именно эти причины, как представляется, вызвали колоссальную вспышку насилия на Северном Кавказе, где все социальные процессы имели еще более запутанный характер, чем в других регионах империи. По мнению Н.Ю.Силаева, платой за прогресс на Кавказе стал кризис традиционной экономики, нарушение баланса экономического развития горных и равнинных районов и фактическое выдавливание жителей гор из системы географического разделения труда в регионе. Объективно это способствовало консервации наиболее архаичных черт северокавказских обществ, возникновению экономического, социального, политического и культурного раскола внутри них и, в конечном счете, повышению конфликтности самого процесса интеграции Северного Кавказа в состав России¹.

К началу первой русской революции на Северном Кавказе сложилась весьма пестрая этническая структура. Русское население составляло уже едва ли не самый многочисленный этнический компонент. Преобладающая часть населения была занята в сельском хозяйстве и торговле. Она относилась к непривилегированному крестьянскому сословию. Лишь небольшая доля населения числилась знатью, за годы российского административного управления постепенно утеревшей свои экономические и социальные позиции. Представителей горских народов почти не было в мещанском сословии: их доля среди городских мещан оставалась крайне ничтожной.

До тех пор пока революционные бури обходили стороной сельские общины Северного Кавказа, их жители не выказыва-

ли никаких импульсов к политической борьбе, предпочитая решать сиюминутные проблемы локального масштаба. Этим они мало отличались от остальной крестьянской массы, в том числе и в схожих с Кавказом регионах полиэтнического типа (к примеру, в Поволжье). Долгое совместное проживание, знакомство с культурой и традициями друг друга, наряду с деревенской замкнутостью, оторванностью от общественной жизни страны в Казанской губернии, по утверждению Д.Люкшина, имело следствием индифферентность в отношении этнонациональных вопросов. Это не означало, что конфликты этнического типа в крестьянской среде совсем не происходили. Они, конечно, вспыхивали, однако среди крестьян такая категория, как «национальность», не работала, поскольку не играла приоритетной роли в определении статуса человека. Для общинника любой, не являющийся его соседом, был чужаком².

В конце XIX – начале XX в. всю Россию охватил процесс бурной политизации общественных сил. Вопиющее неравенство различных социальных групп внутри империи (прежде всего, по объему социальных благ, а также статусных прав) постепенно привело к их взаимному отчуждению, чувству недоверия и даже ненависти. Многие общественные группы проявили готовность к политической активности. Одна за другой стали появляться политические партии, которые, при всех их издержках и – несмотря на отсутствие широкой социальной базы, стали влиять на общественную атмосферу.

Бурные революционные события в Закавказье в декабре 1904 г. вовлекли в свой водоворот кавказских отходников. Многие из них приняли участие в декабрьской забастовке рабочих грозненских нефтяных промыслов. Дагестанцы-отходники участвовали и в забастовочном движении бакинского пролетариата. Волею обстоятельств отходники превращались в наиболее динамичную группу населения Северного Кавказа. Они быстро политизировались под влиянием революционных событий. Участие отходников в стачечном и забастовочном движении оказывало революционизирующее воздействие на аграрное движение на самом Кавказе.

В июле 1905 г. забастовали служащие Владикавказской железной дороги. Стачка железнодорожников стала толчком для аграрного движения. Летом самовольные захваты помещичьих земель и казенных лесов приобрели большой размах. Росла политическая активность населения. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. и начала работы кабинета министров под председательством С.Ю.Витте основной задачей правительства стало ослабление революционного накала на окраинах империи. И хотя волнения, происходившие на Северном Кавказе, имели, в основном, социальную, а не политическую подоплеку, воздействие закавказских событий грозило оказать революционизирующее влияние и на Северный Кавказ. Программу мер, направленных на умиротворение Кавказа, Витте поручил подготовить предводителю Тифлисского дворянского собрания князю Д. З. Меликову.

Сохранявшаяся на Северном Кавказе отсталость (экономическая, социальная, культурная) не способствовала быстрой кристаллизации этнического самосознания местных народов. К факторам, влиявшим, хотя и в опосредованном виде, на этот процесс, можно отнести политическую ссылку. Кавказ в Российской империи играл роль традиционного места политической ссылки. Сосланные на Кавказ декабристы, мятежные поляки, позднее революционеры-социалисты, – все эти люди, годами и десятилетиями проживавшие в кавказской среде (к примеру, А.Бестужев-Марлинский провел на Кавказе 20 лет!), несомненно, воздействовали на состояние местных умов. В пореформенные годы в Дагестане пребывали многие участники политических кружков. В начале XX столетия в одном только Дербенте проживали 87 политических ссыльных из Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону, Баку и других городов³.

Слабой и немногочисленной на Кавказе практически до начала XX в. была интеллектуальная прослойка. На рубеже веков именно вследствие ее численного роста и активизации в регионе началось национальное оживление.

Несмотря на трудности коммуникации и нехватку соответствующих инфраструктур, начало XX в. ознаменовалось заметным сдвигом в сфере, которую условно можно назвать об-

щественной или публичной. Благодаря развитию просвещения (начальные и средние школы, высшие учебные заведения), строительству дорог и развитию транспорта множились и усложнялись т.н. горизонтальные связи между жителями разных районов края, что стимулировало этноидентификационные процессы. Прежде жители Северного Кавказа жили в сегментированном обществе, в составе малых групп – клановых, локальных, сословных. С развитием рыночной системы отношений люди лишались прежних традиционных связей и опор – родовых, конфессиональных, сословных. Общество структурировалось по-новому. Человек эмансипировался, и в новых условиях ему было трудно найти новые внутренние и внешние опоры. Национальные связи становились именно такими опорами. Язык и культура приобретали особое, объединяющее значение⁴. В условиях нового, лишенного внутренних перегородок социального пространства преодолевалась локальность прежних интеграторов, утрачивавших свою главенствующую роль. Одновременно вырабатывались общие для всех говорящих на одном языке лингвистические нормы, создавались сборники фольклора, хранилища памятников народного искусства и т.п.⁵

Применительно к современности В.Шнирельман выделяет следующие компоненты этнической идентичности, тесно связанные с политическим статусом на данной территории: а) автохтонность; б) языковая преемственность; в) культурная преемственность; г) военная слава древних предков; д) участие далеких предков в создании древних государств; е) культуртрегерская или цивилизаторская миссия древних предков; ж) биологическая преемственность.

В идеальном варианте все эти компоненты, по мнению ученого, выступают в едином комплексе, но в случае возникновения внутренних противоречий, большую ценность приобретают те из них, которые способны лучше обосновать идею автохтонности⁶. Мысль об автохтонности еще на рубеже XIX–XX вв. цепко завладела умами кавказских интеллектуалов, принявшихся конструировать (фактически творить) свою этническую историю. По мысли Э.Смита, для этнического самосоз-

нения необходимо внешнее признание ассоциации данного народа с его территорией, даже если такое признание не влечет за собой немедленных политических последствий. Однако, как верно замечает А.Н.Смирнов, получив территориальное выражение, этническая идентичность впоследствии подвергается неизбежной политизации⁷.

Революция 1905–1907 гг. пробудила национальные силы на Кавказе. Под ее воздействием в умах интеллектуальной элиты и чиновничьей прослойки зарождались национальные идеи. Этот процесс проявлялся по-разному в разных кругах. Представители местной власти увязывали национальные идеи с государственностью. В 1903 г. городской голова Владикавказа Г.Баев опубликовал в прессе очерк «Осетинский дивизион. Историческая справка» с рассказом о боевом пути дивизиона в турецкой кампании 1877–1878 гг. Очерк не только освещал «героическую» страницу из жизни осетинского народа, но, что самое любопытное, – подавал ее вписанной в общеимперский контекст. Баев ратовал за просвещение кавказских народов. С 1902 г. он возглавлял «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области». Баев неоднократно ставил перед властями вопрос о создании высшего учебного заведения для местных уроженцев⁸.

Летом 1905 г. группа осетинских либералов составила «Петицию осетин». В документе говорилось о необходимости реформы школьного образования, местного самоуправления, созыва собраний народных представителей на основе прямого, равного и тайного голосования. На начальном этапе это были чрезвычайно слабые импульсы, с весьма ограниченным диапазоном влияния. Внутри групп не просматривалось никаких сепаратистских устремлений и установок. Будучи выразителями различных социальных слоев, все они выдвигали весьма умеренные программы, пропагандировавшие те или иные формы культурно-национальной автономии. К тому же в начале XX в. градус внутренних противоречий и антагонизмов на Кавказе был значительно выше внешнего противостояния имперскому центру⁹.

Революция 1905–1907 гг. стимулировала также процесс политизации мусульманского движения в империи. Этот процесс, правда, весьма слабо затронул Северный Кавказ, хотя в какой-то степени все же повлиял на идеологию местного мусульманства. Известный публицист и общественный деятель А.Цаликов был одним из активнейших сторонников объединения российских мусульман, выступая против тех, кто в основу единения клал «голос крови». В разгар революции в Дагестане и Кабарде оживились панисламистские и пантюркистские идеи. В Дагестане наиболее активным их пропагандистом был депутат Государственной думы И.Гайдаров. К мусульманскому движению примыкали, в основном, представители высших сословий, часть интеллигенции и, конечно, мусульманское духовенство.

После революции на Северном Кавказе стали появляться новые газеты и журналы, вокруг которых объединялись многие представители интеллигенции («Вперед», «Правда», «Горец», «Терская жизнь», «Казбек», «Терек», «Терские ведомости», «Северный Кавказ», «Владикавказский листок», «Владикавказские епархиальные ведомости» и т.д.). В 1907 г. в Порт-Петровске короткое время выходили газеты «Дагестан» и в Дербенте – «Дагестанский вестник». 23 июля 1906 г. вышел первый номер «Осетинской газеты» («Ирон газет»), название которой говорило само за себя. Газета подняла весьма актуальную тему об этническом единстве осетин: она осуждала любые попытки разделения «по диалектам и ущельям». Поскольку газета во главе с главным редактором А.Бутаевым придерживалась социал-демократической ориентации и публиковала весьма радикальные материалы, она просуществовала недолго: на девятом номере газету, по распоряжению властей, закрыли, а А.Бутаева подвергли тюремному заключению и затем высылке из Терской области¹⁰. В газете «Правда» появилась статья ингушского общественного деятеля В.-Г.Джабагиева «Ингуши и грамотность», в которой обсуждалась идея издания первой книги на ингушском языке и анализировался вопрос об арабской графической основе для ингушского языка, как «психологически совместимой с мусульманским религиозным сознани-

ем»¹¹. Вместо закрывшихся осетинских газет «Ирон газет» и «Хабар» в 1907 г. стала издаваться газета «Ног цард». В Чечне появились газеты «Терец» (редактор Д.Шерипов) и «Терская жизнь» под началом И.Саракаева¹². В Петербурге С.И.Габиев стал издавать газету «Заря Дагестана» (1912–1913). Издатель и авторы «Зари Дагестана» публиковали смелые и откровенные статьи о положении дел на Кавказе, где, по их словам, «и администрация, и суд, и народное образование, и экономическая политика – все оставалось в самом архаическом состоянии»¹³. Серьезной критике они подвергали действующую в Дагестане систему «военно-народного управления», которую считали сугубо карательной. Они выступали против сохранения судебных и исполнительных функций в руках административно-полицейских чинов. Выступая за реформы судопроизводства, введение местного самоуправления, развитие просвещения, авторы издания во многом способствовали росту национального самосознания жителей Дагестана.

Газета обзавелась широким кругом корреспондентов на местах. Вскоре ее читатели стали и сами писать в редакцию, сообщая об открытии школ, строительстве дорог и мостов. В газете приветствовалось каждое подобное письмо. В ней также помещалась информация о дагестанцах, получавших образование в русских высших учебных заведениях. Многие из них впоследствии становились сотрудниками газеты. В 1912 г. газета имела уже свыше 500 подписчиков¹⁴.

В 1908 г. осетинский писатель и общественный деятель А.Б.Коцоев создал Осетинское издательско-культурно-просветительное общество для издания книг на осетинском языке («Ир»). Одной из первых инициатив Общества стало ходатайство об издании газеты на осетинском языке. 16 декабря 1906 г. разрешение на выпуск газеты «Осетинская речь» («Ирон ныхас») было получено, однако администрация Терской области сразу же аннулировала его. Любопытно, что первым издательским проектом Общества стало издание тиражом в 1 тысячу экземпляров замечательного цикла стихов К.Хетагурова «Осетинская лира».

После поражения революции администрация Терской области отклонила 38 прошений об открытии различных куль-

турных обществ, кружков и клубов¹⁵. В 1909–1910 гг. А.Кочев издал общественно-литературный журнал «Афсир» («Колос»). В журнале публиковались не только статьи, рассказывающие о важных событиях политической и культурной жизни России и Осетии, но и материалы, направленные на искоренение многочисленных пережитков, в частности, обычая кровной мести, адатов и т.д.

Источником пополнения интеллектуального слоя на Северном Кавказе всегда оставалась знаменитая Ставропольская гимназия, в которой учились дети из всех местностей края. За полвека с лишним гимназия выпустила множество молодых людей, ставших впоследствии учеными, преподавателями, общественными и политическими деятелями. Некоторые из них получили широкую известность не только на Кавказе, но и в России.

Можно утверждать, что в первое десятилетие XX в. публицистика на Кавказе стала не только средством массового тиражирования определенных этнонациональных стереотипов (прежде действовавших в основном на уровне индивидуального и группового сознания), но и способствовала созданию новых стереотипов и их закреплению. Вскоре появились первые опыты конструирования целостной национальной истории. Еще в конце XIX в. был завершен труд Гасана Алкадари «Асани Дагестан», в котором автор дал описание новейшей истории своего края. В 1906 г. увидело свет исследование С.И.Габиева «Лаки, их прошлое и быт». Появились этнографические и фольклорные исследования Б.Далгата¹⁶, посвященные даргинцам, чеченцам и ингушам. В.Н.Кудашев издал в Киеве обобщающий труд «Исторические сведения о кабардинском народе» (1913). В 1913 г. была издана «История Осетии» В.Темирханова, в которой автор попытался собрать воедино известные ему исторические и мифологические сведения о древней истории осетин созданием целостной картины. Некоторые исследователи считают, что каким бы не было культурное, политическое, социально-экономическое, статусное состояние общества, доминирующей формой идентификации является его соотнесение со значительными культурно-историческими конгломератами,

великими народами, древними цивилизациями¹⁷. Поскольку национальное – неизбежно отличительное (Ю.Бялый), перед каждым народом возникла необходимость прояснить и зафиксировать дифференцирующие маркеры.

Идеи национальной консолидации развивали и первые театральные постановки. Этот процесс охватил самые разные сферы. В 1908 г. живущие в Екатеринодаре адыги организовали большое представление под названием «Черкесская программа». На сцене показывались картинки из истории адыгов-черкесов. В основу представления легли исторические сюжеты из прошлого адыгского народа. Любопытно, что жившие среди адыгов армяне (именовавшиеся черкесгаями) поставили в Армавире спектакль «Аршин-мал-Алан» на адыгском языке¹⁸. В 1909 г. во Владикавказе с успехом прошел спектакль любительского драматического коллектива под руководством Б.Тотрова «Калым» по пьесе А.Арисханова и Каболова. По информации газеты «Терек», спектакль «привлек в зрительный зал много публики из осетин»¹⁹. В 1912 г. на сцене Владикавказского театра была поставлена первая национальная пьеса «Дети гор» драматурга Д.Кусова. В том же году на сцене парка в Грозном впервые был сыгран спектакль «На вечеринке» на чеченском языке, в котором участвовали чеченские артисты (автор пьесы Н.Шерипов). В 1914 г. на сцене Екатеринодарского театра черкесские артисты представили публике постановку живых картин по мотивам народных преданий «Набег Кунчука на Азов». Повсюду открывались драматические кружки, кружки художественной самодеятельности²⁰.

Значительное влияние на формирование мировоззренческих позиций в среде северокавказской интеллигенции оказывали социал-демократические идеи. Многие писатели и общественные деятели подпали под влияние взглядов, пропагандируемых революционерами – членами ленинской РСДРП (У.Буйнакский, М.Дадахаев, Х.Уруймагов и др.). Среди чеченцев и ингушей к социал-демократам были близки Т.Эльдарханов, А.Мутушев, И.Саракаев, Д.Шерипов и другие (не случайно в 1918 г. они приняли сторону большевиков и после установления советской власти на Северном Кавказе пере-

шли на службу коммунистическому режиму). В 1904 г. Кавказский краевой комитет РСДРП выпустил воззвание «К осетинам и ко всем горцам Кавказа», в котором призывал местные народы примкнуть к революционному движению и к борьбе против царизма. Любопытно, что во время революции кавказские социал-демократы выпускали листовки на местных языках. Так, в начале 1906 г. в Дагестане появились листовки на аварском и кумыкском языках²¹.

В 1912–1914 гг. С.Габиев издавал в Дагестане «Мусульманскую газету». Вокруг нее группировались сторонники объединения российских мусульман. Авторы газеты объявляли всех последователей ислама «братьями по вере». В эти годы в среде мусульманского населения Северного Кавказа заметно усилилась самоидентификация на конфессиональной основе. Во Владикавказе выходила газета «Христианская жизнь» на осетинском языке.

В городах Северного Кавказа росло число библиотек. В Порт-Петровске с 1900 г. действовала публичная библиотека имени А.С.Пушкина. Богатыми фондами отличались библиотеки Владикавказа, Майкопа, Темир-Хан-Шуры и других региональных центров.

В постреволюционные годы происходили бурные процессы идейно-политического размежевания внутри немногочисленных северокавказских интеллектуалов. Среди появившихся новых партий одной из наиболее заметных и влиятельных стала созданная в Осетии накануне октябрьской революции партия революционно-демократического типа «Кермен» (ее основатели – Г.А.Цаголов и другие).

Обеспокоенность самодержавия в связи с самыми первыми, мирными и ограниченными по целям проявлениями национального самосознания народов России была, по мнению некоторых исследователей, обоснованной, ибо эти проявления потенциально угрожали сохранению империи²².

¹ *Силаев Н.Ю.* «Кавказа не станет...»: Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов // Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2004. № 1 (33).С. 125.

- ² Люшкин Д.И. Межнациональные отношения в «общинной революции» начала XX века («вариант» Казанской губернии) // Феномен народофобии. XX век: материалы науч. конф. Казань: Казанский ун-т, 1994. С. 52.
- ³ Гаджиев А.Г. Приобщение трудящихся Дагестана к революционной борьбе пролетариата России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века): (материалы Всерос. науч. конф., 2–3 октября 1979 г., г. Грозный). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982. С. 351.
- ⁴ Оболенская С. Метаморфозы и судьбы некоторых национальных идей в XIX столетии // Россия XXI. М., 2003. № 2. С. 84.
- ⁵ Вишневатский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: О.Г.И., 1998. С. 311.
- ⁶ Шницерльман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. С. 514.
- ⁷ Смирнов А.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М.: ИМЭМО, 2001.
- ⁸ История Северной Осетии. XX век. М.: Наука, 2003. С. 50.
- ⁹ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917). М.: РОССПЭН, 2004. С. 11.
- ¹⁰ История Северной Осетии. XX век. С. 79–80.
- ¹¹ Долгиева М.Б. Общественная жизнь Ингушетии второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2002. С. 12.
- ¹² Магоматов М. Проблема когерентности в общественно-политических ситуациях Чечни начала и конца XX века: (опыт сравнительно-типологического анализа) // Чечня: от конфликта к стабильности. М.: Рос. Акад. наук, 2001. С. 106.
- ¹³ Заря Дагестана. 1912. № 1.
- ¹⁴ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 375.
- ¹⁵ История Северной Осетии. XX век. С. 44, 80, 81.
- ¹⁶ Далгат Б.К. Двенадцать цудахарских песен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14; *Его же*. Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса: ингушско-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков ингушей в 1892 году. М., 1901. Отт. из журн. «Этнографическое обозрение»; кн. 48, с. 35–85; *Его же*. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3, кн. 2. См. также: *Его же*. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004; *Его же*. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы, 1892–1894 гг. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2008.

- ¹⁷ *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб.: Европейский дом, 1996. С. 141.
- ¹⁸ *Меретуков М. А.* Влияние русской экономики и культуры на адыгов (вторая половина XIX – начало XX века) // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века): (материалы Всерос. науч. конф., 2–3 октября 1979 г., г. Грозный). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982. С. 337.
- ¹⁹ История Северной Осетии. XX век. С. 76.
- ²⁰ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 501, 502, 516.
- ²¹ Подробнее о социал-демократическом движении на Северном Кавказе см.: Там же. С. 406–426, 461.
- ²² *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? СПб.: Лисс, 2002. С. 90.

СЪЕЗДЫ ГОРСКИХ НАРОДОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кавказская солидарность, или, говоря иначе, содружество народов Кавказа, в данном случае, горских, в ключевые моменты истории обретала осязаемые (очевидные) черты и формы. При этом предопределяющим фактором, императивом горской народной дипломатии, являлось, как нам представляется, то, что наши предки, в отличие от определенной части современников, очень отчетливо осознавали свою фатальную обреченность жить на одной кавказской земле. Поэтому они умели договариваться, достигать компромиссных решений. Их добрососедство являлось не только гарантом внутренней региональной стабильности, но и серьезным ресурсом для обеспечения внешней безопасности. По большому счету взаимоотношения горцев между собой во все времена были мирными и доброжелательными. И этот феномен горской истории заслуживает серьезного самостоятельного изучения. Безусловно, картина не была идиллической. И это, как нам представляется, вполне естественно и закономерно, т.к. процессы этногенеза обуславливались конкретными объективными и субъективными условиями, факторами, как внутренними, так и внешними. Однако главное состояло в том, что эпизоды недопонимания, а также местами возникавшие коллизии, в большинстве случаев спровоцированные на почве обыденных житейских проблем, как правило, не носили масштабный и неразрешимый характер, и поэтому в этнической памяти не отложились как рецидивы межнациональной вражды. Поэтому сегодня нет бесспорных оснований утверждать, что современные северокавказские проблемы, как регионального, так и местного, локального характера, имеют вековые исторические корни.

В данном случае мы ставим перед собой задачу на основе анализа отдельных эпизодов истории, в частности общеизвестных, в постановочном плане попытаться экстраполировать их

матрицу на ситуацию текущего момента. представляется, что такой подход, особенно в свете того серьезного внимания, которое уделено Северному Кавказу в Послании Президента РФ Д.А.Медведева Федеральному собранию, сегодня не просто актуален, а злободневен и необходим.

У горских народов, как и у всех народов многонациональной России, коренные переломы в этническом развитии, происшедшие в XX столетии, связаны, во-первых, с революциями (февральской и октябрьской) 1917 года, и, во-вторых, с крушением могучего Союза Советских Социалистических Республик.

Как известно, скачкообразные переходы общества от одного качественного состояния к другому сопровождаются радикальными ломками всего старого, в том числе и устоявшегося в веках. В многонациональных и поликонфессиональных регионах, где в течение длительного времени формировался тугой узел различных проблем, ход и характер этих перемен во многом зависит от способности региональной политической элиты, включая и неформальных лидеров, консолидироваться и сформулировать взаимоприемлемую адекватную платформу, объединяющую основную массу населения. И очевидно, что исход этих же процессов в решающей степени увязан с тем, насколько последовательно и необратимо они, эти лидеры, действуют, оправдывая ожидания своих народов.

Обратимся к фактам. После февральской революции 1917 г. в Терской области царили хаос и произвол. Их масштабы были угрожающими. Естественно, требовались продуманные действия. Город Владикавказ – центр Терской области, – и не только административный, но и политический – традиционно был местом всевозможных рандеву горского истеблишмента. Кстати, следует подчеркнуть, что в то время между представителями элиты различных горских народов не было особо принципиальных споров, способных породить какой-либо далеко идущий недружелюбный инцидент. Обращаем внимание на это, т.к. убеждены в том, что такие толерантные взаимоотношения были и остаются важными влияющими факторами во все времена, как в прошлом, так и настоящем. В той конкретной (ре-

волюционной) ситуации очень важно было, в чьих руках окажется инициатива. Горское население, в массе своей – маргиналы, находилось на обочине политической жизни. Поэтому созданный в начале марта 1917 г. Временный Центральный Комитет объединенных горцев¹ в качестве первоочередной наметил задачу разъяснения нюансов текущей ситуации. В ходе этой многогранной работы формировалась повестка текущего момента, рождалась концепция дальнейших практических действий.

Ключевые идеи, сформулированные национально-патриотическими («национально-революционными») силами в ходе этих широких дискуссий, легли в основу программных документов, принятых на I съезде горских народов, который состоялся в первой декаде мая 1917 г. в г. Владикавказ. Приветствуя делегатов, известный адвокат, балкарец Басият Шаханов сказал: «И вот мы на нашем горском съезде, единственном в истории наших народов, съезде, объединяющем все горские племена от Черного до Каспийского морей, свободно организуемся в союз для закрепления нашей свободы и устройства нашей жизни на разумных широко демократических началах». При этом оратор не без пафоса подчеркнул значение единения, как горцев между собой, так и с теми, кто освободил их «от гнета царизма – пролетариатом, революционной армией и русской организованной общественностью»². Была выражена также надежда, что в новом государстве – республике – всем народностям, входящим в его (ее) состав, будет дана возможность «устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии»³.

Участники форума сразу же заявили о своей безоговорочной поддержке идеи федеративного устройства России. В телеграммах, направленных членам Временного правительства М.В.Родзянко, Г.Е.Львову и Н.С.Чхеидзе, подчеркивалось, что «свободные сыны Кавказа будут всеми силами отстаивать завоеванную свободу, в уверенности, что Учредительное собрание претворит эту свободу в жизнь путем водворения в России демократической республики на принципе федерации»⁴. Эта позиция, соответствовавшая духу времени, нашла отражение в

резолуции, политической платформе и программе, принятым на данном форуме. И самое главное, в Конституции Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, утвержденной делегатами 7 (20) мая 1917 г., «в видах обеспечения мирного сожительства всех народов Кавказа и России», приверженность идее федеративного устройства была закреплена законодательно⁵.

Некоторыми современными исследователями эти известные исторические факты, несмотря на то, что документальные источники тех лет в настоящее время общедоступны, искажаются, а говоря откровенно, фальсифицируются. Так, например, А.Ляховский, автор так называемого нового исторического расследования, анализируя решения первого горского съезда, приходит к совершенно несостоятельному выводу. Он утверждает: «Основная идея деятельности съезда сводилась к отторжению Северного Кавказа от России и образованию независимой Горской Республики». Несостоятельно и заключение этого парадоксального вердикта. «В этом устремлении, – продолжает автор, – руководство горцев, несмотря на бывшие острые противоречия, временно объединилось с казачеством»⁶.

Таким образом, если согласиться с изложенным, получается, что весной 1917 г. горцы и казаки были охвачены одним общим недугом – сепаратизмом. А ведь известно, что на I горском съезде присутствовал депутат Государственной Думы, комиссар Временного правительства, войсковой атаман Терского казачьего войска М.А.Караулов, который, кстати, в своей приветственной речи выразил надежду, что казаки и горцы в Учредительном собрании будут вместе. При этом он многозначительно заключил: «Просматривая программу вашего съезда, я видел, что она мне не чужда»⁷. Горскую республику основатели «Союза объединенных горцев» на самом деле провозгласили после октябрьского переворота, когда стало понятно, что инициатива, как в центре страны, так и на местах, постепенно переходит в руки тех, кто намерен установить в стране диктатуру большевиков. Но и тогда горские лидеры А.-М.(Т.)Чермоев, П.Коцев и др., сохраняя надежды на позитивные перемены

ны, не торопились декларировать государственный суверенитет.

Более того, как раз в эти исторические октябрьские дни (в ночь с 20 на 21) был создан Юго-Восточный Союз Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей. В преамбуле Союзного договора, подписанного по этому поводу, достаточно определенно констатировалось, для чего этот альянс создан: «с целью способствовать установлению наилучшего государственного строя, внешней безопасности и порядка в Государстве Российском...»⁸. Причем в «Декларации Объединенного Правительства», принятой после соответствующих взаимных согласований, демократическая федеративная республика всеми членами (субъектами) нового Союза очередной раз признавалась «наилучшей формой государственного устройства России». При этом в будущей федерации себя они рассматривали не более чем в качестве равноправных самостоятельных штатов⁹. Но, как известно, события развивались молниеносно и абсолютно не по сценарию сторонников созыва Учредительного Собрания. Большевики решительно брали власть в свои руки. Изданные ими Декреты о мире, о земле и другие государственно-правовые акты, провозглашенные в первые же дни пролетарской революции, сыграли свою роль, в т.ч. и агитационно-пропагандистскую.

Вести о событиях в столице государства и других его крупных мегаполисах в скором времени дошли и до жителей кавказских регионов, прежде всего промышленных центров (Грозный, Владикавказ и др.), где имелись немногочисленные, но достаточно организованные и дееспособные звенья общероссийских политических структур, в частности РСДРП(б). Естественно, как только стало известно о событиях в Петрограде, местные силы активизировались. Как и по всей стране, и в горском обществе произошел политический раскол, по характеру – антагонистический, по масштабу – внутринациональный, в целом – прежде небывалый. Эта поляризация почти мгновенно обрела форму открытой вражды, т.к. начались провокации, направленные не только на эскалацию общественно-политической напряженности, но и разжигание столкновений

как внутри отдельных горских народов, так и горцами между собой, а также между ними и казачеством. Трудно определенно сказать, кому конкретно в этих коварных действиях принадлежала пальма первенства. Активность, в т.ч. и политическую, проявляли и религиозные деятели (Гоцинский, Узун-Хаджи и др.).

Как известно, у революции своя логика: она втягивает в круговорот разрушительных процессов всех и вся. Сценарий – всегда драматический. Именно в этом жанре разворачивалась ситуация и на Северном Кавказе, где социально-политические проблемы, как следствие предшествующих неоднозначных исторических процессов, имели особенно явно выраженную остроту. В конце 1917 г. – начале 1918 г. здесь угроза широкомасштабной войны, в частности между горцами с одной стороны и казачеством – с другой, была почти неотвратимой. Взрывоопасная реальность, естественно, диктовала необходимость принятия неординарных мер, способных предотвратить нависшую катастрофу. Эгоцентризм и стремление вне всякой логики очевидных обстоятельств достичь чисто партийные или сословные цели могли привести к тяжелым последствиям. Более того, в обстановке «триумфального шествия Советской власти», в чем большевики несколько не сомневались, сиюминутное достижение односторонне выгодных результатов было делом проблематичным.

Монопольная власть большевиков в центре страны обеспечивала своим последователям на местах значительные преференции, особенно в борьбе за влияние масс маргинальных. Это свое политическое преимущество осознавали С.М.Киров, С.Г.(Ной)Буачидзе, Г.К.Орджоникидзе, на которых была возложена миссия координации деятельности горских большевиков, их сторонников и союзников.

Активно действовала, защищая свои интересы, не в последнюю очередь, политические, значительная часть казачьих верхов (офицеров), обескураженных и деморализованных успехом большевиков в Петрограде. Их отчаянное состояние являлось серьезной угрозой, т.к. любой неосторожный шаг с той или иной стороны мог привести (и приводил) к тяжелым кон-

фликтам. В местах своего компактного проживания казаки, в частности агрессивны настроенные круги, не как альтернативу, а как противовес совдеповским органам власти, создавали так называемые «военно-революционные советы». Эти стихийно формировавшиеся структуры явочным порядком присваивали себя властные функции и нередко действовали скоропалительно, все настойчивее пытаясь консолидировать и укрепить силы, готовые и способные противостоять «расползанию» пролетарской революции.

Этой цели, как нам представляется, был изначально подчинен и замысел казачьих верхов, кулуарно выдвинувших идею созыва терского областного съезда, под предлогом сформировать «свободную, демократическую твердую власть»¹⁰. На самом деле, как свидетельствуют опубликованные исторические источники, преследовалась цель развязать широкомасштабный межнациональный конфликт и втянуть в него все горские народы¹¹. В завуалированной форме эта задача была заложена в Программе Организационного бюро по созыву всеобщего Терского областного съезда в пункте первом, который гласил: «Участвует в съезде все население Терской области: казаки, крестьяне, воинские части, рабочие и все трудовые народы, кроме племен, восставших против мирных граждан, нагло попирающих человеческие права и законы и не желающих жить дружно с прочими жителями»¹².

В подобной ситуации силам, представлявшим партию-гегемон (в данном случае большевиков), естественно, надлежало действовать на опережение, принимая продуманные превентивные меры. Ради объективности следует признать, что лидеры большевиков Терской области, взвесив и оценив свои реальные возможности, не заняли позицию стороннего наблюдателя, а приняли решение не отвергать инициативу созыва съезда, активно участвовать в его работе для того, чтобы не допустить развитие событий в Терской области по худшему сценарию. При этом они не могли не учитывать, что в горской среде активизировали свои действия и центробежные силы, сепаратистские ориентиры которых обретали все более выраженные очертания. Их проекты национально-государственного

обустройства горских народов, естественно, не совпадали со стратегическими планами советских вождей. Бесспорно, подерживая право на самоопределение как естественное право, идеологи сепаратизма отрицали его большевистско-ленинскую интерпретацию, априори увязанную с интересами классовой борьбы. Поэтому каждая сторона действовала в соответствии со своими политическими задачами, не брезгуя банальной установкой: «Цель оправдывает средства!»

В таких сложных условиях 25 января 1918 г. в г. Моздок открылся первый съезд народов Терека. В его работе приняли участие «представители всех народов Терской области, за исключением чеченцев и ингушей, не приглашенных по настоянию казачьего офицерства»¹³. 26 января в связи с обстоятельствами чрезвычайной важности состоялось закрытое заседание, на котором было заслушано «заявление полковника Рымаря о том, что совет (Моздокский военно-революционный. – А.Б.) мобилизовал и подготовил к наступлению значительные военные силы и уже дан приказ о вторжении в Чечню и Ингушетию»¹⁴. Иную позицию заняли представители социалистического блока, объединения демократических сил области (большевики, эсеры, меньшевики и др.), созданного еще накануне открытия съезда по инициативе С.М.Кирова, поддержанной осетинской общественной организацией «Кермен»¹⁵.

Исключительно важную роль сыграла и «Декларация делегатов Осетии»¹⁶, обнародованная на съезде 26 января. В этом содержательном, политически взвешенном документе дипломатично тонко выражалась искренняя «благодарность инициаторам созыва первого съезда трудовых элементов народностей Терской области» и выражалась уверенность, что он «явится первым и решительным ударом по гражданской войне» в регионе. При этом от имени своих избирателей посланцы Осетии заявили о своей неуклонной решимости со всеми заинтересованными сторонами поддерживать гражданский мир и братство народностей области»¹⁷. «Осетины, – отмечалось в “Декларации”, – никогда не поддавались чувству национального шовинизма и всегда стремились уважать права других народностей и в полном контакте с ними старались добиваться своих

прав. Они полагали и полагают, что если все народности станут на эту точку зрения, то всем сторонникам гражданской войны будет пресечена всякая возможность провоцировать столкновения между отдельными народностями»¹⁸. Следует, на наш взгляд, обратить внимание на очень интересный и исключительно важный нюанс.

Как известно, часть осетинского населения традиционно исповедует ислам. Но этот религиозный дуализм ни в коей мере не является помехой для этнического единства осетин. И в той сложной ситуации, о которой идет речь, этот особенный фактор, как нам представляется, сыграл свою позитивную роль в изначальной разрядке напряженности. Благодаря этому началу и согласованным мерам, принятым в последующем, нависшую угрозу удалось предотвратить. Позже в этой связи Асланбек Шерипов – молодой лидер чеченского народа – говорил: «...когда прибыли первые вестники от Моздокского съезда, то в народе произошел окончательный переворот в настроении – от войны к миру. И всей терской демократии и Моздокскому съезду чеченский и ингушский народы обязаны тем, что по всей линии соприкосновения этих народов с другими не льются потоки человеческой крови»¹⁹.

В 1918 г. состоялось пять съездов народов Терека: первый в Моздоке (25–31 января), второй – в Пятигорске и во Владикавказе (16 февраля – 15 марта), третий – в Грозном (22–29 мая), четвертый (23 июля – 21 августа) и пятый (28 ноября – 9 декабря) – во Владикавказе. Их значение состояло в том, что они с самого начала превратились, во-первых, в трибуну для публичного, откровенного, острого обсуждения текущих проблем, обмена мнениями, оценками, прогнозами, во-вторых, в «площадку» сближения и согласования точек зрения, порою непримиримых, в-третьих, в механизм реализации обозначенных мер.

Решения съездов, особенно провозглашение Терской Республики, в тот момент имели историческое значение для удержания ситуации под контролем, пусть даже относительным, неустойчивым, недолговременным. Они были перечеркнуты деникинской оккупацией Терской области и развернувшейся

на ее территории гражданской войной, но не межнациональной. В последующем И.Сталин при решении вопросов национально-государственного устройства горских народов попытался использовать уже имевшийся, если так можно выразиться, «вечевой» опыт. Но потерпел неудачу, т.к. «сверху» навязал единолично разработанные проекты (Горская АССР), в том числе и по острейшему земельному вопросу²⁰, которые никак не вписывались в контекст новых условий.

«Северный Кавказ – это регион, в котором исторически проживают люди многих национальностей. И сегодня особенно важна планомерная работа в семье и школе, на местном и региональном уровне по формированию добрых межнациональных отношений и зрелого гражданского общества»²¹. Так говорил в своем недавнем Послании Президент РФ Д.А.Медведев. Горские съезды в исключительно сложных условиях способствовали, на наш взгляд, формированию политических ориентиров, в целом отражавших местные и региональные реалии, в частности, общественные настроения, которые в то время, как известно, находились во власти революционной стихии. Безусловно, мы далеки от использования гипербола для оценки этого исторического опыта. Однако убеждены, что он и сегодня заслуживает внимания, и не только академической общественности, но и в целях практического использования.

Сегодня, видимо, можно говорить, что наше общество вышло из революционной ситуации, созданной развалом СССР. Вместе с тем задачи эволюционного обновления (модернизации) молодой современной российской демократии, уровень либерализма которой зависит не только от степени развитости сегментов рынка, но и от взвешенной направленности вектора межнационального взаимодействия, требуют корректного учета исторического опыта и не менее тактичного преодоления нерешенных проблем. Не всегда узко национальных, сколь государственных.

¹ См.: *Такоев Симон*. К истории революционного движения на Терек // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1926. Вып. 2; *Тахо-Годи А.* Революция и

- Контрреволюция в Дагестане / Дагест. науч.-исслед. ин-т. Изд. 2-е. Махачкала. 1927; *Его же*. На путях к независимости: (опыт «строительства» республики Союза Горцев Кавказа). Махачкала: Даггосиздат, 1930; *Дзидзоев В.Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.): монография / Сев.-Осет. Гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003; *Музаев Т.М.* Союз Горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М.: Патрия, 2007.
- ² Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.): документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 27.
- ³ Там же. С. 29.
- ⁴ Там же. С.33.
- ⁵ Там же. С. 45–53.
- ⁶ *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. М.: Детектив-Пресс, 2006. С. 119.
- ⁷ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.). С. 32.
- ⁸ Там же. С. 73.
- ⁹ Там же. С. 74.
- ¹⁰ Съезды народов Терека, 1918 г.: сборник документов и материалов: в 2 т. Орджоникидзе, 1977. Т. 1. С. 28.
- ¹¹ Там же. С. 341.
- ¹² Там же. С. 29.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Съезды народов Терека, 1918 г. Т. 1. С. 4; *Коренев Д.З.* Революция на Тереке, 1917–1918 гг. [Орджоникидзе, 1967]. С. 104; *Музаев Т.М.* Указ. соч. С. 351–354.
- ¹⁵ См.: *Коренев Д.З.* Указ. соч. С. 101.
- ¹⁶ Съезды народов Терека, 1918. Т. 1. С. 33.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Шерипов А.Д.* Статьи и речи. Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный, 1972. С. 42.
- ²⁰ См.: *Сталин И.В.* Выступления на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. // Соч. Т. 4. С. 399–407.
- ²¹ Послание Президента Российской Федерации Д.А.Медведева Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В СТРУКТУРЕ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАВКАЗА
(исторический аспект)

История осетинского населения южнее Большого Кавказского хребта насчитывает несколько столетий. Территория проживания осетин с XIX в. в географических описаниях и затем в официальных документах получает разграничение на Северную и Южную Осетию. Однако эти названия обозначали не административные подразделения, а регионы расселения двух частей единого осетинского народа.

Южная ветвь осетин образовалась в основном в результате миграций. Значительный поток переселенцев устремился на территорию современной Южной Осетии после распада Аланского царства и монгольского завоевания региона в XIII в. Особенно интенсивными миграции были в XVII–XVIII вв. Переселения происходили не только стихийно. Высоко ценя общеизвестные боевое искусство и отвагу осетин, грузинские правители порой специально приглашали их на постоянное жительство. Грузинские и осетинские отряды вместе сражались против внешних врагов. Например, в середине XVIII в. царь Картли Теймураз II с помощью осетин отбил натиск аварского хана, а царь Кахети Ираклий II призвал в свои владения осетинских воинов с семьями и предложил им основать селения в надежде на их помощь против разорительных набегов из Дагестана. Со временем в Закавказье образовалось значительное осетинское население; в различных местностях насчитывалось от нескольких сотен до нескольких тысяч осетинских семей.

Постепенно в умах грузинских (картлинских, кахетинских, имеретинских) правителей и чиновников складывалось убеждение в том, что осетины являются подданными соответствующих закавказских царств. Периодически предпринимались

попытки обложить осетинское население податями и повинностями. Эти меры наталкивались на возмущение и сопротивление осетин. Кроме того, аппетиты грузинских монархов, случалось, распространялись и на осетинские области к северу от Большого Кавказского хребта. В истории известны неоднократные военные акции царских отрядов против осетинского народа. Опустошительные нашествия иногда приводили южных осетин к временному повиновению. Но вырастали новые поколения, и вновь правители Картли, Кахети и Имерети сталкивались с проблемой непокорных осетин. В начале XVII в. придворный историограф персидского шаха писал о них как о «считающихся подданными [картлинского] царя, но не подчиняющихся даже царю».

Внимание персидского двора к Закавказью объяснялось тем, что с начала XVI в. царства Картли и Кахети оказались под властью Сефевидского Ирана (Имерети в тот же период угодила в зависимость от Османской империи). Восточно-грузинская государственность стала постепенно заимствовать персидские образцы, а шах отныне считался верховным сюзереном восточно-грузинских царей. Однако осетины не желали подчиняться и шаху. Это вызывало в Исфахане (столице Сефевидов) раздражение, и в начале XVII в. дело дошло до открытого столкновения, когда армия шаха Аббаса I разорила южные предгорья Кавказа.

Приведенные примеры отражают главную линию развития взаимоотношений грузинских властей и южных осетин: первые расценивали вторых как своих законных подданных, их край – как часть грузинской территории, а те не желали признавать зависимость от кого бы то ни было и отстаивали свою самостоятельность. В 1746 г. чиновник российской Коллегии иностранных дел докладывал в Сенат о фактическом состоянии дел: «...Оный осетинский народ... в приграничности к Грузии живущий, вольный есть и ни у кого в подданстве не состоящий»; так же и при разделении грузинских земель между Персией и Турцией «осетинский народ в своей вольности остался».

Грузинские правители считали область расселения южных осетин территорией Картлинского царства – провинцией Шида

(т.е. Внутренняя) Картли. Тем не менее и они признавали условность этого статуса. В 1791 г. царь Ираклий II вынужден был заметить, что с жителей Южной Осетии «нельзя брать ни саупросо, ни сауплискуло» (налогов), т.к. они считают себя свободными.

Южная Осетия включает горную и равнинную части. В горах власть грузинского правительства никогда не была сколько-нибудь прочной и заметной. Осетины-горцы наиболее упорно и успешно противостояли притязаниям своих соседей на господство над ними. Равнинное же население находилось в большей досягаемости для таких притязаний. Именно на равнине появились владения грузинских князей, борьбу с которыми южные осетины тоже вели на протяжении нескольких столетий.

Не будучи в силах совладать с осетинами, картлинские и кахетинские цари предоставляли их земли во владение княжеским фамилиям. Иногда такие пожалования исходили от верховного распорядителя грузинских уделов – шахского наместника, «вали Гурджистана» (т.е. страны грузин). Самыми известными и долговременными претендентами на Южную Осетию были аристократические семьи Мачабели и Ксанских эристави*, которые принимались захватывать и покупать здешние угодья. Но и они были не в силах самостоятельно управиться с непокорным населением, поэтому, в свою очередь, призывали на помощь царские войска. В начале XVIII в. объединенные силы названных кланов и картлинского Вахтанга VI огнем и мечом прошли по Южной Осетии, уничтожив многие деревни, разрушив 80 боевых башен, уведя многочисленный полон.

В грузинской административной терминологии XVIII–XIX вв. регион часто обозначался как Самачабло – «владение (страна) Мачабели». Это отражало формальную наследственную принадлежность его княжеской семье. Данная семья давно сошла с исторической арены. Но в постсоветской Грузии о «Самачабло» вспомнили, и оно стало едва ли не самым распро-

* Этот титул у ксанских князей впоследствии, в период российского правления, превратился в фамилию Эристави, Эриставовых.

страненным названием Южной Осетии (наряду с Шида Картли и «Цхинвальским регионом»). Подобное наименование носит явно демонстративный характер по отношению к южным осетинам, поскольку никому в Грузии не пришло в голову возродить столь же архаичные и беспочвенные в наше время старые названия провинций Сацициано («владения [князей] Цициани») или Сацеретло («владения Церетели»).

Кроме того, множество южных осетин сохраняло личную свободу и не имело каких-либо обязательств перед Мачабели. Поэтому термин «Самачабло» не может распространяться на всю территорию республики.

Не случайно Мачабели уповали на помощь государства. Никак не получалось у них превратить южных осетин в своих покорных крепостных. Если под напором угроз и репрессий крестьян удавалось заставить несколько лет отрабатывать повинности и платить подати, то проходило время, и княжеские полномочия вновь отвергались местным населением. Его «умиротворение» приходилось начинать заново. Мачабели пытались покупать и переселять на пустующие земли крепостных из Северной Осетии, но на общую обстановку это не влияло.

Воздействовала и внутривполитическая ситуация в грузинских царствах, междоусобная борьба и интриги аристократических фамилий. Например, в 1772 г. правитель Картли отобрал южноосетинские владения у семьи Мачабели (правда, впоследствии вернул). А через пять лет не только лишил Ксанских эристави их имений в Южной Осетии, передав их своим сыновьям, но и проклял тех своих будущих потомков, которые посмеют восстановить здесь власть ксанских князей.

Частые переходы номинального господства над Южной Осетией от одного владельца к другому свидетельствовали о непрочности господства грузинской знати в этом крае.

Административный центр Южной Осетии Цхинвал впервые упоминается в грузинских источниках под 1398 г. как картлинское село Цхинвали. Историки выяснили, что на его месте еще в III в. н.э. царь Иверии (Восточной Грузии) Аспагур I основал крепость. В XVIII в. Цхинвал представлял собой небольшой «царский город» (таков был его статус), населен-

ный в основном монастырскими крестьянами – по большей части грузинами. Его осетинское население стало расти со второй половины XVIII в., когда Ираклий II стал выделять в Цхинвале земли лояльным осетинским старшинам.

Северные осетины традиционно считались зависимыми от кабардинских князей. Поэтому когда по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Турция признала Кабарду состоящей в российском подданстве, это подданство было распространено и на осетин. Однако в том же году, в ходе переговоров между астраханским губернатором и представителями двух крупнейших северо-осетинских «уездов» (обществ, территориальных объединений) – Алагирского и Куртатинского, было достигнуто особое соглашение о покровительстве Российской империи над Северной Осетией.

Если северные осетины обращались к России в надежде пресечь притязания кабардинских князей на господство над ними, то южные связывали с Россией надежды на избавление от притеснений и давления со стороны грузинской знати. Поэтому в осетинском посольстве, начавшем в 1749 г. в Петербурге долгие переговоры о переходе в российское подданство, были и представители южных обществ.

Великие державы, которые во второй половине XVIII в. вели большую политическую игру вокруг Кавказа, считали территорию Южной Осетии находящейся в формальной юрисдикции объединенного (с 1762 г.) царства Картли – Кахети. Поэтому южные осетины не выступали в качестве отдельных объектов международной дипломатии. При заключении Георгиевского трактата 1783 г. о протекторате России над Картли – Кахетией покровительство империи распространилось и на них. Вместе с Восточной Грузией в начале XIX в. Южная Осетия была окончательно включена в состав Российской империи.

* * *

В манифесте Александра I от 18 января 1801 г. говорилось: «Мы, вступая на всероссийский престол, обрели царство Грузинское, присоединенное к России...». Прежнее географиче-

ское понятие «Грузия» обрело в тексте документа некое политико-государственное звучание. Территория, составленная из фрагментарных феодальных образований, населенных различным этническим конгломератом, получила название «царства Грузинского».

Манифест декларировал благожелательное отношение верховной власти к «разным частям народа грузинского». Под «народом грузинским» имелись в виду не только группы населения картвельского происхождения, входившего в состав Картли-Кахетинского царства, Сванетии или Имеретии (т.е. собственно грузины), но и этнические сообщества, издревле укоренившиеся в горных и равнинных местностях восточной и западной частей Грузии, в частности, армяне, абхазы, «татары» (азербайджанцы в тогдашнем обозначении), курды, персы, евреи, греки, осетины. Поскольку множественность этнических идентификаций среди населявших Грузию народов затрудняла процесс выработки моделей управления ими, верховная власть стремилась к максимальному упрощению сложной этнической панорамы региона, предпочитая рассматривать все это этническое многообразие как нечто единое.

Грузия была поделена на две губернии – Тифлискую и Кутаисскую под управлением генерал-майора Кнорринга. Юго-осетинские земли вместе с населявшим их крестьянством оказались в составе Тифлиской губернии. Тифлис (Тбилиси) получил статус центрального города Кавказского края. Было сформировано Верховное грузинское правительство, в состав которого вошли представители царской семьи и аристократов-тавадов пророссийской ориентации. Этому органу было передано право разрешения вопросов о земле, крестьянах и повинностях.

Верховное грузинское правительство способствовало восстановлению в некоторых селениях Южной Осетии владельческих прав князей Эристави и Мачабели, что вызвало волнения в среде осетинского населения. В 1802 г. в Южную Осетию был направлен отряд российских войск под командованием подполковника Симоновича, которому удалось мирным способом стабилизировать обстановку. В следующем году решением

Верховного грузинского правительства большая часть Южной Осетии (порядка 50 поселений) была передана во владение Эристави, а меньшая, равнинная часть – закреплялась за родом Мачабели.

Назначенный в 1802 г. главнокомандующим на Кавказе генерал П.Д.Цицианов всячески поощрял практику наделения знатных грузинских владетелей земельными участками в Южной Осетии. Осетины же в массовом порядке отказывались нести повинности в их пользу, что приводило к постоянным вооруженным стычкам и нередко заканчивалось убийствами сборщиков податей.

При главнокомандующем графе И.В.Гудовиче управление Южной Осетией осуществлял полковник Ахвердов (в ранге «правителя Грузии»), опорой которого были расквартированные на территории края отряды казаков. Местное население было обязано содержать воинские подразделения, что накаляло и без того взрывоопасную обстановку. Напряженность, вызванная непрекращающимся произволом грузинских владетелей и особенно усиливавшаяся с 1808 г., достигла своего апогея к 1810 г., когда на территории Южной Осетии вспыхнуло массовое восстание. Возглавляемый Ахвердовым отряд подавил его, арестовав зачинщиков и предав их суду.

Непроясненность правовой принадлежности югоосетинских земель и неопределенный их статус порождали борьбу группировок внутри грузинского дворянства за господство над ними. Мелкопоместные дворяне-азнаури сумели доказать неправомочность притязаний князей Эристави на владения в Южной Осетии. Об этом новый главнокомандующий на Кавказе генерал А.П.Тормасов писал главе внешнеполитического ведомства Куракину. Князя Эристави «не были настоящими владельцами» в Осетии, «а были только начальниками или правителями», утверждал Тормасов, усматривая в этом причины непрекращающихся крестьянских волнений в Южной Осетии. В то же время фрондирующие царевичи ликвидированного грузинского царского дома Александр, Юлон и Парнаоз, добивавшиеся отторжения Грузии от Российской империи, неоднократно пытались поднять повстанческое движение в юж-

ной и восточной частях Осетии, пользуясь недовольством крестьян своим социальным положением.

Сложная обстановка вынудила Александра I вплотную заняться проблемой Южной Осетии. После многочисленных консультаций с высшими сановниками император предписал в рескрипте очередному главнокомандующему генералу Н.Ф.Ртищеву от 31 августа 1814 г. лишить князей Эристави владельческих прав в Южной Осетии и передать все имения и населенные пункты в государственную собственность. Одновременно были отклонены притязания на югоосетинские земли со стороны дворян-азнаури. Однако исполнение воли императора и решение проблемы было отложено и возобновилось спустя два года уже в новых обстоятельствах и при новом главнокомандующем генерале А.П.Ермолове. Ермолов, опасавшийся недовольства грузинской знати и нарастания антироссийских настроений в ее среде, сумел склонить Александра I к отказу от прежнего решения.

Российские власти пытались регламентировать порядок взимания повинностей с осетинских крестьян, однако этому препятствовало предоставление грузинским тавадам слишком широких полномочий в этой сфере. В 1826 г., в условиях начавшейся русско-иранской войны, Ермолов отдал распоряжение окружным начальникам не вмешиваться в хозяйственные дела грузинских помещиков, что лишь усилило давление на югоосетинское крестьянство. Отказы от уплаты податей и случаи неповиновения властям в югоосетинских селениях обрачивались посылкой воинских отрядов.

Сменивший Ермолова И.Ф.Паскевич дал предписание тифлисскому военному губернатору С.С.Стрекалову готовить вооруженную экспедицию в Южную Осетию для прекращения «хищничества и шалостей» и приведения народа в повиновение. Экспедиции предшествовало подробное «Описание» региона, осуществленное военными специалистами. Авторы «Описания» отмечали постоянную готовность жителей Южной Осетии к отражению нападения, вследствие чего они были надежно вооружены. «Над осетинами, живущими по Большой Лиахве и Паца, присваивают себе власть князя Мачабеловы, а над

живущими по Малой Лиахве и Ксане – князя Эристовы, но они им мало повинуются», – отмечалось в «Описании».

Грузинские тавады настаивали на введении в Южной Осетии института моуравства (модели административного устройства, некогда заимствованной из Персии). В июне 1830 г. в Южную Осетию вступил батальон солдат и 200 казаков под командованием генерала Ренненкампа, а также части картлинской милиции во главе с грузинскими князьями. Приведение в повиновение местного населения сопровождалось сожжением и разрушением домов, уничтожением посевов и массовыми телесными наказаниями.

По окончании похода Паскевич признал целесообразным ввести в Южной Осетии институт приставства (вместо моуравства), ассоциировавшийся у местного населения с российской, а не грузинской властью. На территории региона учреждались четыре приставства. В роли приставов планировалось использовать отставных чиновников российской армии. В каждом населенном пункте вводились также должности старшин, наделавшихся судебными функциями для рассмотрения гражданских споров. В административном отношении одна часть Южной Осетии причислялась к Горийскому уезду, а другая передавалась в управление майора Чилиева.

Столкнувшись с упорным сопротивлением грузинских тавадов этим административным преобразованиям, Паскевич обратился 12 декабря 1830 г. в Генеральный штаб с запросом относительно правомочности притязаний грузинских князей на югоосетинских крестьян. В июне 1831 г. военные эксперты представили записку, гласившую, что Мачабели и Эристави являлись не владельцами, а всего лишь эриставами, т.е. управителями, некогда назначавшимися грузинским царем (в качестве примера приводилось лишение ксанских князей царем Ираклием II прав на владение югоосетинскими землями в XVIII в., о чем говорилось выше).

Новый командующий на Кавказе барон Г.В.Розен начал усовершенствовать систему управления югоосетинскими обществами. Он планировал ввести для трех приставств, входивших в Горийский уезд, должность главного пристава из рос-

сийских офицеров для установления общего контроля над деятельностью приставов. Розен подчеркивал важное военно-стратегическое и коммуникационное значение Осетии для России. «Один взгляд на карту удостоверяет, что земля сия во многих отношениях заслуживает особенного внимания правительства», – писал главнокомандующий. Он впервые выдвинул идею административного объединения всех осетинских территорий.

Однако в 1835 г. Сенат подтвердил права князей Мачабели и Эривани на югоосетинские владения. Основанием для этого спорного решения послужил расчет на то, что при существующей российской административной системе грузинские тавады будут ограничены в своих действиях и не смогут прибегать к злоупотреблениям. Однако вскоре в адрес российских властей посыпались многочисленные жалобы. Нельзя не заметить, что любые проявления социального недовольства со стороны осетин преподносились тавадами как проявление непокорности российскому правительству, как отражение антироссийской ориентации и т.д.

Согласно «Положению» о Закавказском крае от 10 апреля 1840 г. Осетия вошла в состав Горийского уезда Грузино-Имеретинской губернии и стала именоваться Осетинским участком.

Вскоре после учреждения Кавказского наместничества (1844 г.) новоназначенный наместник М.С.Воронцов добился издания закона, запрещавшего крестьянам бороться за свою свободу. Воронцов рассчитывал на снижение социального накала в Южной Осетии, однако его надежды не оправдались. Закон возымел обратный эффект. Ситуацию усугубило и то, что помимо князей Мачабели и Эривани, многие другие грузинские помещики добились права на приобретение владений в Осетии. В результате к середине XIX столетия крестьянские волнения в Южной Осетии приняли особенно ожесточенный и массовый характер. По распоряжению Воронцова летом 1850 г. в Южную Осетию направился крупный отряд, возглавляемый полковником Казбеком для подавления крестьянских выступлений.

В самый разгар карательных действий из Петербурга прозвучало заявление императора Николая I о полной независимости Южной Осетии от князей Мачабели. К тому времени после тщательного расследования в январе 1851 г. Правительствующий Сенат признал независимость южных районов Осетии от грузинских тавадов. В сентябре 1852 г. Сенат подтвердил это решение, отказав Мачабели в их притязаниях на югоосетинских крестьян.

Осенью 1864 г. последовал указ об отмене крепостного права в Тифлисской губернии. Крестьяне-хизаны (лично свободные, но жившие на земле частного владельца), как и крестьяне, жившие в имениях Мачабели, оказались вне действия реформы. Хизанам предписывалось в течение двух лет нести повинности и лишь после этого они переходили в разряд свободных общинников.

В пореформенный период грузинские тавады стали прибегать к самым изощренным способам притеснения крестьян. В частности, они стали заключать договоры, по которым крестьяне вновь оказывались в зависимости на кабальных условиях. Социальное положение югоосетинского крестьянства продолжало ухудшаться, что приводило к волнениям и стычкам.

В начале XX столетия крестьянство Южной Осетии влилось в общероссийское аграрное движение. События первой русской революции отозвались в крае поджогами имений грузинских князей, прекращением уплаты податей, массовым неповиновением.

В разгар революционных выступлений наместник И.И.Воронцов-Дашков произвел административные преобразования: Южная Осетия получила название Цхинвальского участка. Последний делился на собственно Цхинвальский и Горно-Осетинский участки. В декабре 1905 г. в Цхинвальском участке произошло массовое народное выступление и была свергнута официальная власть.

После революции 1905–1907 гг. все те немногие завоевания югоосетинского крестьянства, которых оно добилось в предшествующие десятилетия, были утрачены, и население Южной Осетии вновь оказалось под жестким гнетом грузинских владе-

телей. Любые бунты жестко пресекались, что, в свою очередь, усиливало социальную неудовлетворенность в крестьянских сообществах. Лишь под влиянием событий Февральской революции 1917 г. начался процесс политического пробуждения народа Южной Осетии, связанный прежде всего с идеологией социал-демократии. Осетины, ориентированные главным образом на социальную эмансипацию, близко восприняли идеи большевиков, сулившие им освобождение от длительного экономического и социального прессинга со стороны грузинских тавадов, поэтому весьма активно включились в революционную борьбу.

Попытки Грузии расчленив Осетию, включить ее южную часть в свой состав всегда и во все времена вызывали решительный протест населения Южной Осетии.

Так было в середине XIX в., в 1918–1920 гг. и в последующие периоды.

После распада Российской империи южные осетины впервые оказались перед угрозой разделения между новой Россией и самопровозглашенной в 1918 г. Демократической Республикой Грузия. Перед южными осетинами встал вопрос национально-государственного самоопределения.

Прав Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин, утверждая, что Грузия никогда не имела и не имеет каких-либо правовых или иных оснований считать Южную Осетию своей территорией. Это так. Никогда Осетия не была частью Грузии за исключением советского периода истории, с 1921 по 1990 г., когда южная ее часть насильственным образом была включена в советскую Грузию. Однако это можно объяснить исключительно существованием единого государства – Союза ССР. Но и в этих условиях южные осетины выступали против такого положения. Такие выступления осетинской интеллигенции, остального населения Южной Осетии были зафиксированы в 1926, 1934, 1944, 1949, 1958, 1974 гг. Одним словом, имела место длительная, порой ожесточенная борьба южных осетин против своих поработителей, против посягательств на их родину. Однако любое недовольство осетин не-

изменно сопровождалось расправами со стороны грузин и в первую очередь этническими чистками.

Осенью 1917 г. осетины в противовес меньшевикам создали Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Власть меньшевиков, разогнавших совет в Корнисе, потерпела крах. В том же году состоялся первый Съезд народа Южной и Северной Осетии. Обсуждали вопросы о политико-административном и культурно-образовательном объединении двух частей Осетии.

Осетия была едина, оставаясь в составе Российского государства.

Осетинские «интернационалисты», считавшие себя «социал-демократами», в конце января 1918 г. создали в Тифлисе «осетинскую партию большевиков “Чермен”». Она образовалась по примеру североосетинской крестьянской партии «Чермен». Ее основной целью являлась «организация деревенской бедноты Северной и Южной Осетии».

Грузинские реакционные националистические круги придерживались единой точки зрения – непризнание Южной Осетии.

26 мая 1918 г. был принят акт о независимости Грузии. Тифлисская и Кутаисская губернии вместе с осетинскими территориями объявлялись территорией Демократической Республики Грузия. Подразделения грузинской гвардии и союзных в тот момент грузинскому правительству германских войск вошли в Цхинвал.

В конце мая 1918 г. в Джаве состоялся съезд представителей Южной Осетии. Он проходил под председательством главы Осетинского национального совета. На нем в подавляющем большинстве были представители крестьянского Союза, которые в противовес грузинским «меньшевикам» называли себя «большевиками».

1918 год в Южной Осетии завершился VI съездом осетинского народа. Ключевым в его решениях был тезис об установлении «интернациональной демократии» и «защите интересов осетинского трудового народа».

До 1917 г. Грузии как единого государства не существовало. Однако после распада Российской империи самопровоз-

глашенная Демократическая Республика Грузия стала претендовать на территорию южной части Осетии и в 1918–1920 гг. подвергла ее вооруженной агрессии, учинив геноцид. В результате проводимых акций погибло до 30% осетинского населения, а десятки тысяч жителей вынуждены были искать убежище на севере Осетии.

В январе 1919 г. газета «Народная власть» сообщала о формировании «Горского революционного отряда». Он создавался из осетин Северной и Южной Осетии.

В начале 1919 г. грузинская агрессия в качестве приоритетной ставила задачу дальнейшего порабощения осетинского народа, лишения его прав. Эти действия базировались на существовавшей установке меньшевиков, согласно которой нет «никакой Южной Осетии», а есть только Грузия. Лидер меньшевиков Н.Жордания выдвинул требование «немедленно же сделать твердый шаг и теперь же приостановить проведение Рокского пути» (строительство дороги, соединяющей северную и южную части Осетии), чтобы предотвратить объединение Южной и Северной Осетии.

4 мая 1919 г. по распоряжению грузинского правительства Н.Жордания начальник цхинвальского воинского отряда генерал Каралов приступил к подготовке похода в Южную Осетию. Поводом для этого послужило создание в Южной Осетии Национального Совета, бравшего на себя неформальное руководство осетинским крестьянством.

12 и 13 мая 1919 г. грузинские войска вошли в Южную Осетию, оккупировав ее территорию. Задолго до развернутой кампании по обсуждению вопроса о геноциде осетин со стороны Грузии, Национальный Совет обратился к местному населению с призывом не вступать в вооруженные конфликты с Грузией. Преследовалась цель не дать повода властям Жордания начать военные действия.

Расположившись в осетинских обществах, войска Грузии учинили грабежи среди мирного населения, насильовали, разбойничали на территории всей Южной Осетии.

С провозглашением Советской власти в Южной Осетии, естественно, возник вопрос об отношениях двух частей Осе-

тии – Южной и Северной. Вопрос «Об объединении Южной и Северной Осетии» рассматривался во Владикавказе в конце апреля 1919 г. Речь, естественно, шла о всестороннем объединении двух частей Осетии в единое целое. Обе стороны – представители Южной и Северной Осетии – признали, что в тех условиях, когда из-за сложности коммуникаций крайне затруднено было сообщение между двумя частями Осетии, не было возможности решить этот вопрос.

Весной 1920 г. Красная Армия захватила Северный Кавказ. Грузия направила в горную Осетию войска, чтобы закрыть перевалы и отрезать Южную Осетию от России. Грузия с целью очистить от осетинского населения закавказскую Осетию применила в 1920 г. несколько методик. По мнению грузинских стратегов, самой эффективной оставалась в этих случаях – «тактика выжженной земли». Ее использовали в горной зоне и в основных центрах крестьянского движения. Ставя цель истребить всех жителей, грузинские войска сжигали селения. Вторая методика сводилась к применению «тактики устрашения»: избирательное истребление участников Сопrotивления в расчете на то, что их родственники и односельчане обратятся в бегство. Это подход планировался для применения в районах со смешанным населением. Третья методика – «этническая чистка» – депортация осетин из мирных населенных пунктов. На их места в плановом порядке перемещали грузинское население.

Итогом проведенных военных операций стали более 5 тыс. убитых и погибших при отступлении, более 25 тысяч беженцев, учтенных на территории Северной Осетии. Всего было согнано с насиженных мест до 50 тысяч человек.

В марте 1920 г., провозгласив Советскую власть в противовес грузинской феодально-меньшевистской, руководители политических движений Южной Осетии не проявили необходимой активности к ее истинному и немедленному установлению.

Между тем к исходу мая 1920 г. грузинские правительственные войска участвовали в военных действиях на всей территории Южной Осетии. Становилось очевидным, что грузинское пра-

вительство Жордания приступило к последовательному устранению осетинского населения.

В чрезвычайной обстановке военного времени был назначен революционный комитет Юго-Осетии, который 8 июня 1920 г. принял официальное решение – издать «Приказ об объявлении Советской власти».

В 1921 г. в южной части Осетии установилась советская власть. В 1922 г., вопреки воле осетинского народа, Осетия была включена в состав Грузинской ССР в статусе Юго-Осетинской Автономной области. Северная Осетия оставалась в составе Российской Федерации. По существу это было политико-административное и территориальное разделение единой Осетии. Национальный совет Южной Осетии разработал в 1921 г. проект Конституции, который состоял из 5 глав и 47 статей.

Официальное руководство Южной Осетии, учитывая предложения осетинского населения, направленные на необходимость сохранения единства Осетии, поставило вопрос о присоединении Южной Осетии к России: «...повторяем и подтверждаем непреклонную волю народа Южной Осетии, высказанную и в 1917 г.: 1. Южная Осетия как историческая реальность неотъемлемая часть России».

Вопрос о вхождении Южной Осетии в территориальное пространство России был поставлен на рассмотрение Ревкома Закавказской Республики в мае 1921 г. Присутствовавший на заседании ревкома А.Микоян, под давлением С.Орджоникидзе, заявил от имени И.Сталина, что вопрос не может быть рассмотрен, так как «пока, временно Южная Осетия должна в общеполитических интересах остаться в составе Грузии».

На том же заседании была принята Декларация о независимости Абхазской ССР, а Южной Осетии была предложена автономия в форме автономной области с правами республики (в связи с тем, «что три республики в маленькой Грузии, слишком много»).

Такое решение принудило 6–8 сентября 1921 г. объединенный ревком Южной Осетии тем не менее принять решение о создании Юго-Осетинской Советской Социалистической Республики.

Были разработаны Конституция Южной Осетии и проекты о границах республики. Однако эти проекты в юридически усеченном виде приказом из Москвы было поручено оформить в 1922 г. в законодательном порядке в рамках первой Конституции Грузии.

Конституция Грузии закрепляла автономию Южной Осетии и устанавливала, что «Юго-Осетинской АО предоставлены такие же права, как и Абхазской и Аджарской автономным республикам».

Советское правительство Грузии с самого начала остро поставило вопросы присоединения к Грузии новых территорий. С повестки дня общественной жизни не сходили темы, прежде всего о Южной Осетии и Абхазии.

Но даже в сложных условиях политических разногласий вплоть до начала сентября 1921 г. руководство Южной Осетии требовало предоставления статуса автономной республики в составе Российской Федерации.

Советская Грузия оказалась достойной наследницей княжеской олигархии и меньшевистской национал-демократии. Грузинские коммунисты заново прошли все этапы решения «осетинского вопроса». Их первые успехи – разделение Осетии на две автономии, передача Южной Осетии в состав Грузинской Республики и аннексия Юго-Восточной Осетии, отторгнутой в состав Казбегского района (это 2 из 11 обществ горной Осетии). В середине 1920-х годов Грузия, используя борьбу осетин за единую автономию, предприняла попытку захватить всю Осетию.

Воспользовавшись решением Наркомнаца, грузинские большевики энергично принялись довершать «дело», начатое еще правительством Н.Жордания, а именно по ликвидации Южной Осетии «как историко-национальной и культурной части Осетии».

Именно с этой единственной целью сама разработка «Положения о политико-административном управлении Южной Осетии» поручалась Комиссариату внутренних дел Грузии. От этого ведомства ожидалось, что Южная Осетия будет расчленена на две административные единицы и тем самым будет

нанесен удар по «слишком» очевидной этнокультурной целостности.

Подобный проект был представлен на рассмотрение ЦК КП(б) Грузии. Опасаясь худшего – того, что собственно замышлялось, ликвидации Южной Осетии, ревком и партком Юго-Осетии приняли свое особое решение, упреждавшее проект Комиссариата внутренних дел Грузии. Два его пункта являлись главными:

«а) признать необходимым образование Автономной области Юго-Осетии с центром в Цхинвале;

б) Юго-Осетия добровольно вступает в федеративную связь с Социалистической Советской Республикой Грузии».

Юго-Осетинский проект с пакетом документов был передан высшим партийно-советским органам Грузии и Кавказскому Бюро РКП(б), во главе которого был С.Орджоникидзе.

31 октября 1921 г. состоялось решение ЦК КП(б) Грузии по Южной Осетии. В нем югоосетинский проект был подвергнут существенной редакции; в итоге чего, Юго-Осетия становилась субъектом Грузинской Республики, для которого грузинские власти предоставляли автономию.

Однако движение среди осетин за объединение Южной и Северной Осетии не затухало, и оно еще более обострилось после раздела Горской Республики (1924 г.). Однако решение этого вопроса всякий раз откладывалось «по мотивам преждевременности»¹.

8 июня 1925 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) (край создан был в феврале 1924 г.) А.Микоян направил на личный запрос И.Сталина ответ в ЦК РКП(б). Одним словом, выход Осетии из состава Российской Федерации А.Микоян рассматривал как образование, по его замечанию, «бреши» в Северо-Кавказском крае. Он давал понять, что присоединение к Грузии всей Осетии, занимающей обе стороны Центрального Кавказа, серьезно ослабит стратегические позиции Российской Федерации на юге. Свое мнение Микоян резюмировал: «...включение объединенной Осетии в состав РСФСР, а не Грузии считаем политически целесообразным»².

В июле 1925 г. И.Сталин, понимая сложность ситуации в национальной политике на Юге страны, в письме в Политбюро ЦК об объединении Северной и Южной Осетии предлагал: «Не санкционировать предварительного решения президиума Северо-Кавказского исполкома о выходе Северной Осетии из состава РСФСР и объединении ее с Южной Осетией в составе Грузии...»³.

Ходатайства осетин о единстве были окончательно отвергнуты в 1926 г. Однако и грузинский план полного подчинения не удался: Осетия осталась разделенной на две автономные области – Юго-Осетинскую, созданную в 1922 г. и оставленную в составе Грузинской ССР, и Северо-Осетинскую, образованную в 1924 г. в составе Российской Федерации.

В 1937 г. вопросы автономных образований передавались в компетенцию высших органов государственной власти Союза ССР в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. Однако закрепление правового статуса автономных областей в Конституции изменило правовой статус Южной Осетии, с одной стороны, она непосредственно подчинялась центру, с другой, ее статус был понижен.

Следует отметить, что Грузия постоянно получала от И.Сталина и наркома внутренних дел Союза ССР Л.Берия в качестве «подарков» – огромные земельные территории Северного Кавказа. Кстати, так было и в первой половине 1940-х годов, когда по приказу тех же И.Сталина и Л.Берия были депортированы многие народы Северного Кавказа, Грузия получила в свое пользование часть территории от бывшей Чечено-Ингушской АССР и Карачаевской автономной области – Клухорский район. Очевидно, не случайно в Грузии муссировался вопрос уже в начале XXI в. о праве владения Клухорским районом Карачаевской автономной области.

Группа грузинских политиков обратилась к Совету национальной безопасности Грузии и Высшему Совету по объединению Грузии с требованием предъявить претензии к России о возвращении бывшего Клухорского района Грузии. Данная территория, которая ныне является частью Карачаево-Черкесской Республики, входила в состав Грузинской ССР с

1944 по 1956 г. Однако после реабилитации этих народов и возвращения их из ссылки, земли эти были возвращены России.

Авторы обращения гарантируют автономный статус народов экс-грузинской территории в составе Грузии. В Клухорском районе к 1956 г. в колхозах трудились 4,1 тыс. человек – 771 грузинская семья (сваны и рачинцы, население Грузинской ССР). По последним сообщениям, в некоторых районах Грузии был начат сбор подписей в пользу «возвращения исконно грузинских земель». В обращении заявлены претензии и на район г. Сочи – Красная Поляна – Адлер. Напомним, что еще в октябре 2006 г. президент М.Саакашвили в ходе интернет-конференции в Тбилиси убеждал журналистов: «Мы не претендуем на Сочи и примыкающий к этому городу регион, входивший в состав независимой и даже советской Грузии. Хотя Сочи – это “высокая сосна” по-грузински», – отметил он⁴.

Одним словом, многократные обращения осетинской стороны о повышении правового статуса Юго-Осетинской автономной области не привели к успеху. Этот вопрос не был решен и в период принятия Конституции СССР 1977 г. и Конституцией Грузии 1978 г.

На практике нациестроительства в Южной Осетии с 1988 г. началась практически тотальная замена кадров в правоохранительных органах Южной Осетии по этническому признаку, освобождались от занимаемых должностей лица негрузинской национальности и в срочном порядке назначались лица грузинской национальности из других регионов Грузии. Полностью игнорировался принцип профессиональной принадлежности.

С победой нового режима в Грузии политическая элита и население связывали новые надежды на оздоровление национальной политики, однако по-прежнему все оставалось без изменения – ориентированность на этносоциальные ценности, жесткие этнические установки и этногосударственное самосознание с опорой на иждивенчество со стороны Центра.

С ноября 1989 по июнь 1990 г. Верховный Совет Грузинской ССР принял антиконституционные решения, отменявшие законодательные акты советского периода. В их числе значи-

лись Договор 1922 г. об образовании Союза ССР и Декрет об образовании Юго-Осетинской автономной области. Эти решения фактически упразднили Юго-Осетинскую автономную область. Однако тем самым автономная область была выведена из правового пространства Грузии.

В соответствии с установленной в Союзе ССР процедурой, чрезвычайная сессия народных депутатов Юго-Осетинской автономной области 10 ноября 1989 г. приняла решение о преобразовании автономной области в автономную республику с собственной Конституцией в составе Грузинской ССР.

Решение было направлено для рассмотрения на сессии Верховного Совета ГССР, но Президиум Верховного Совета отверг его, не вынося на сессию. Это вызвало напряженную обстановку в Грузии.

23 ноября 1989 г. на Южную Осетию двинулась 40-тысячная вооруженная толпа во главе с руководителями национального движения и компартии Грузии. Не допущенные в Цхинвал, боевики-неформалы и части грузинской милиции полгода осаждали город и бесчинствовали в сельских районах республики.

Многочисленные обращения к руководству и высшим государственным органам СССР и ГССР – с просьбой если не остановить, то хотя бы дать оценку такому развитию событий – оставались без внимания.

Положение заметно усугубилось осенью 1990 г. с приходом к власти грузинских крайних националистов и провозглашением независимости Грузии: к вооруженным провокациям прибавилась экономическая, транспортная, информационная блокада и прямое разрушение социальной инфраструктуры.

Южная Осетия вновь, как в начале века, стояла перед лицом смертельной опасности. Для спасения жизни и имущества граждан, сохранения правопорядка и системы государственного управления народ Южной Осетии воспользовался своим правом на самоопределение.

Основываясь на принципах международного права и действовавшем законодательстве СССР, сессия Областного Совета с участием народных депутатов всех уровней 20 сентября 1990 г. преобразовала автономную область в Юго-Осетинскую Совет-

скую Демократическую Республику в составе СССР. Выборы в Верховный Совет республики состоялись 9 декабря 1990 г.

11 декабря 1990 г. Верховный Совет Грузии принял специальное решение об упразднении Юго-Осетинской автономной области, которая за предшествующий год была уже неоднократно ликвидирована. Подлинной целью нового решения было политическое обоснование военной оккупации, к которой Грузия приступила на Рождество 1991 г. Но и правовые последствия принятого Грузией одностороннего решения оказались значительными. Оно было отменено 7 января 1991 г. Указом Президента СССР вместе с решением Южной Осетии о создании республики. Грузия отказалась подчиняться указу, а Южная Осетия приняла его к исполнению. 31 марта 1991 г. Грузия провела референдум о независимости. Участие в референдуме Южная Осетия не принимала.

Указ Президента СССР и два референдума завершили правовое оформление статуса Южной Осетии как административно-территориальной единицы, находящейся вне Грузии и остающейся в составе СССР. Тем временем продолжалась оккупация Южной Осетии, начатая 6 января 1991 г. захватом г. Цхинвали. Внутренними войсками МВД Союза ССР город был сдан шеститысячной группировке грузинской милиции и боевиков.

Заняв все объекты жизнеобеспечения, блокировав дороги, отключив электроэнергию и взорвав водопровод, войска МВД Грузии приступили к физическому уничтожению осетин. Однако, встретив отпор сил самообороны города, они покинули Цхинвали, заняв господствующие высоты. В упор расстреливались жилые кварталы из орудий и ракетных установок. Террор, учиненный в районах Южной Осетии, ознаменовался массовой расправой над мирным населением, грабежом и сожжением осетинских селений. История борьбы осетин за свою независимость от Грузии повторялась в очередной раз.

9 апреля 1991 г. на основе результатов состоявшегося 31 марта референдума Верховный Совет Грузии принял акт о восстановлении государственной независимости Грузии, кото-

рым Грузия провозглашалась правопреемницей Демократической Республики Грузия 1918–1921 гг.

Как уже отмечалось, Южная Осетия не признала себя частью независимой Грузии. Таким образом, возникли два государства, юридически более не связанные друг с другом: Республика Южная Осетия и Грузия, заявившая о своей независимости и выходе из Союза ССР.

После прекращения существования Союза ССР, в правовом поле которого находилась Южная Осетия, 21 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Южная Осетия принял Декларацию о независимости Республики Южная Осетия.

19 января 1992 г. в Южной Осетии был проведен референдум, в ходе которого 99,9% граждан, принимавших участие в голосовании, высказались за независимость Республики Южная Осетия и воссоединение с Россией как с правопреемницей Союза ССР.

29 мая 1992 г. Верховный Совет Республики Южная Осетия принял Акт о государственной независимости Республики Южная Осетия. Становление и правовое оформление Республики Южная Осетия произошло до международного признания нынешнего грузинского государства, принятия его в состав ООН в июле 1992 г. и вступления в СНГ в 1993 г.

Таким образом, Южная Осетия не нарушала и не нарушает территориальной целостности Грузии. В 1989–1992 гг. Южная Осетия подверглась открытой военной агрессии и очередному геноциду со стороны Грузии. Уничтожению и массовому изгнанию подверглись осетины и в Грузии. Грузия стала на путь открытой политики выдавливания по отношению к осетинам. Только благодаря решительной позиции Российской Федерации в июле 1992 г. кровопролитие на земле Южной Осетии было остановлено

Война против Южной Осетии продолжалась до 14 июля 1992 г., когда в Южную Осетию вошли миротворческие силы – в соответствии с четырехсторонним (Россия, Грузия, Северная и Южная Осетия) Соглашением о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта. В общее число жертв геноцида и военной экспансии против Республики Южная Осетия

входит более 2 000 чел. убитых, более 3 500 – раненых, более 120 человек пропавших без вести. Число сожженных селений – 117.

К лету 1992 г. политический раскол, ранее наметившийся между Верховным Советом и Президентом России, еще более углубился. Было видно, сколь амбициозные и далеко идущие планы возникали у Председателя Верховного Совета, нередко бравшего в политических интригах верх над Президентом России. Вполне закономерно, что благодаря жесткому противостоянию двух главных ветвей власти у Р.И.Хасбулатова и Б.Н.Ельцина обнаружили разные подходы к проблеме Южной Осетии.

15 июня 1992 г. Р. Хасбулатов в связи с событиями в Южной Осетии выступил с официальным «Заявлением». Обращаясь к гражданам Российской Федерации, Председатель Верховного Совета впервые, пожалуй, официально ставил в известность, что Грузия взяла политический «курс на вытеснение южных осетин с их исторической Родины», что «южноосетинские села, деревни, город Цхинвали непрерывно обстреливаются всеми видами оружия, включая артиллерию. Применяется ракетная техника».

В «Заявлении» также содержалась объективная оценка происходивших в Южной Осетии событий. «...Эти действия, – читаем в Заявлении, – необходимо квалифицировать как геноцид и массовое изгнание южноосетинского этноса со своей исторической родины».

Важным было также заявление о том, что продолжение агрессии в отношении Южной Осетии может поставить Верховный Совет Российской Федерации «в такие условия, когда он вынужден будет рассмотреть немедленно вопрос согласно волеизъявлению народа», т.е. присоединить Южную Осетию к Российской Федерации.

24 июня 1992 г. по итогам встречи Б.Ельцина и Э.Шеварднадзе было опубликовано Коммюнике, согласно которому в г. Сочи обсуждались «российско-грузинские отношения». В рамках этих отношений Президент России, добываясь от Грузии прекращения войны в Южной Осетии, декларировал

целый ряд выгодных для грузинской стороны условий. В их число входили признание суверенитета, независимости и территориальной целостности Грузии. При этом Б.Ельцин поддержал намерение Грузии стать членом ООН и обещал, что Россия в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН будет содействовать вступлению Грузии в эту организацию.

Главное достижение Соглашения в г. Сочи заключалось в прекращении войны и создании смешанной Контрольной Комиссии и смешанных сил «по установлению мира и поддержанию правопорядка». Несомненно, имели значение и другие статьи «Соглашения», в частности – демилитаризация Зоны конфликта.

На протяжении 15 лет после подписания Сочинских договоренностей и достижения перемирия в Южной Осетии, несмотря на определенные сложности, сохранялась относительная стабильность. Постепенно налаживались разрушенные войной отношения между народами, переговорный процесс в рамках смешанной комиссии давал надежду на укрепление этой тенденции.

Управление грузино-осетинским конфликтом решалось сторонами при посредничестве Российской Федерации с участием Республики Северная Осетия-Алания и ОБСЕ. Этому способствует подписанный 16 мая 1996 г. Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте, который является не только правовым, но и особо важным политическим актом, фиксирующим политические намерения сторон стремиться к «политическому урегулированию» грузино-осетинского конфликта.

Тем не менее мира не наблюдалось. В июне 2005 г. Управление администрации Президента России по межрелигиозным культурным связям с зарубежными странами констатировало: «Сегодня необходимо признать реальность существования непризнанных государств – Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья»⁵.

В это время в Грузии получила распространение идея, что признания существования Южной Осетии «вообще нет». Куль-

тивировался образ Южной Осетии как рассадника терроризма, отмечалась постоянная угроза возобновления боевых действий со стороны Грузии против осетин, практиковалось смещение осетин с постов, занимаемых на службе, учреждался канал «Алания» на телевидении Грузии, что было направлено на ослабление национально-государственной воли осетин. Трехэтапная схема урегулирования отношения Грузия – Южная Осетия, озвученная М.Саакашвили на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, не получила дальнейшей поддержки и в последующем была заменена «трехлетним переходным периодом», по вине грузинской стороны нарушались сроки проведения заседаний Смешанной контрольной комиссии (СКК) по урегулированию конфликта, участились случаи избиения граждан осетинской национальности, активизировалась работа Ю.Дзицойты (содиректор филиала грузинского отделения Фонда Сороса) против президента Республики Южная Осетия Э.Кокойты⁶. Одним словом, проводился цикл мер, направленных на ликвидацию Южной Осетии не только как государственного образования, но и как этнотерриториальной основы южной части единой Осетии. Но и в этих жестких условиях главной стратегической целью Южной Осетии оставалось объединение с Северной Осетией.

13 июня 2006 г. В.В.Путин на встрече с М.Саакашвили заявил о необходимости учета волеизъявления народов Южной Осетии и Абхазии. Однако Грузия усиленно следовала по пути милитаризации государства, вела разностороннюю работу по подготовке силового решения проблемы «территориальной целостности» страны. Ее меньше всего интересовали волеизъявления осетин и абхазов.

Однако события на территории Южной Осетии в августе 2008 г., связанные с учиненной Президентом Грузии М.Саакашвили очередной агрессией, опрокинули окончательно надежды на мирное решение этой проблемы.

Для России в этой ситуации была бы самым правильным решением содействовать воссоединению Северной и Южной Осетии, окончательному решению этой проблемы, преследуя прежде всего свои геостратегические интересы.

-
- ¹ См.: ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1: 1918–1933 гг. / сост. Л.С.Гатагова и др. С. 548–550.
- ² См.: Там же. С. 286, 287.
- ³ Там же. С. 297, 298.
- ⁴ См.: **Грузинские политики выступили с требованием предъявить претензии к России** // Сегодня. ру: информ.-аналит. сетевое издание. 2007. 12 марта.
- ⁵ *Дзугаев К.* Южная Осетия: «агрессивное миролюбие» Грузии // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. Июль – август, № 62. С. 85–87.
- ⁶ См.: *Его же.* Приближаются выборы президента РЮО и референдум о независимости // Там же. 2006. Сентябрь – октябрь, № 69. С. 96–99.

ФАКТОР СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ
В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ
КЕМАЛИСТСКОЙ ТУРЦИИ
В 1919–1923 гг.

Одним из государств, стремящихся играть важную, а нередко и определяющую роль в кавказском регионе, на протяжении столетий является Турция. Значимым фактором и потенциальным инструментом кавказской политики Турции начиная со второй половины XIX в. после окончания Кавказской войны становится сформировавшаяся на ее территории многочисленная северокавказская диаспора. Вследствие вынужденного, в значительной степени депортационного характера миграции северокавказцев в Османскую империю для их умонастроений изначально не были чужды выраженные этнореваншистские устремления, суть которых сводилась к идее «освобождения» при благоприятных условиях исторической родины и восстановления нарушенной «национальной целостности». Этим обстоятельством было обусловлено и неизменно заинтересованное отношение диаспоры к происходившим на Кавказе процессам с очевидным стремлением оставаться по мере возможности их действующим субъектом. Если в первые десятилетия после миграции стихийный этнореваншизм традиционной феодально-патриархальной элиты и рядовых северокавказцев проявлялся прежде всего в их активном участии в имевших антироссийскую направленность военных предприятиях османских властей, то с начала XX в. представителями достаточно влиятельной диаспорной гражданской и военной интеллигенции и бюрократии стали разрабатываться политические проекты решения «кавказского вопроса» путем использования особенностей международной конъюнктуры и в первую очередь турецко-российских противоречий.

С началом Первой мировой войны эти устремления диаспорных лидеров получили открытую поддержку младотурец-

кого режима, заинтересованного в экспансии в северном направлении для реализации собственных пантюркистских планов. Сформированными в эти годы в Стамбуле северокавказскими обществами и комитетами была выдвинута идея создания де-юре независимого конфедеративного государства в пределах «Большого Кавказа» под протекторатом Турции, верховным главой которого предполагалось сделать одного из османских принцев. С целью пропаганды этой идеи и ее продвижения в международную повестку дня в Германию, Австро-Венгрию и другие союзные Порте, а также нейтральные европейские государства неоднократно направлялись делегации и миссии от имени упомянутых организаций (обычно совместно с представителями эмигрантских объединений азербайджанцев и грузин). После же революций 1917 г. в России диаспорные политики выступили в роли посредников между младотурецким руководством и той частью горской национально-демократической интеллигенции, которая инициировала сначала создание Союза объединенных горцев Кавказа, а затем – независимой Северо-Кавказской Республики («Республики Союза Горцев Кавказа»). Не в последнюю очередь усилиями диаспорной военно-политической элиты было обеспечено дипломатическое признание официальным Стамбулом этого формирования и направление для его поддержки летом – осенью 1918 г. османских вооруженных подразделений в Дагестан и Абхазию¹.

Однако крах в конце 1918 г. младотурецкого режима, капитуляция османского государства и оккупация значительной части его территории войсками Антанты поставили элиту северокавказской диаспоры перед необходимостью выработки новой стратегии и нахождения новых покровителей и партнеров для воплощения в жизнь своих этнополитических установок. Ниже мы остановимся на некоторых фактах и обстоятельствах, характеризующих направленные на решение этой задачи шаги кавказских активистов в Турции, а также общеполитические реалии, в которых они предпринимались.

Примерно с середины 1919 г. основным фокусом притяжения для диаспорных лидеров стало развернувшееся во внут-

ренных областях Анатолии движение сопротивления иностранной оккупации во главе с Мустафой Кемаль-пашой с центром в Анкаре, с которым подавляющее большинство деятелей старых северокавказских организаций связывало надежды на сохранение в той или иной форме преемственности кавказской политике прежнего режима и согласованное осуществление шагов, направленных на оказание влияния на политические процессы на исторической родине. Отчасти именно этим обстоятельством объясняется факт непропорционально большого представительства этнических северокавказцев, в том числе из числа близкой в прошлом к младотуркам военной и гражданской бюрократии, в руководящих политических и военных структурах кемалистского движения на начальной стадии его существования. При этом нельзя не обратить внимание на то, что некоторые из поддержавших это движение видных кавказцев – в частности вице-спикер национального парламента Хусейин Рауф-бей², министр иностранных дел в первом анкарском правительстве Бекир Сами-бей³ и другие представители так называемого «западнического» крыла кемалистов – с самого начала не исключали возможности достижения компромисса между Турцией и странами Антанты по вопросу создания в рамках послевоенного урегулирования на Ближнем Востоке независимой от России «Кавказской конфедерации», включающей в себя Южный и Северный Кавказ⁴.

Данные взгляды, однако, противоречили прагматичной геостратегической концепции Мустафы Кемаль-паши, в которой кавказский регион выступал отнюдь не в качестве возможного объекта торга с державами Антанты или тем более ступени на пути к реализации пантюркистских идеалов, но прежде всего как связующее звено между боровшейся с иностранной интервенцией Анатолией и ее единственным на тот момент потенциальным внешним союзником – Советской Россией. Уже в начале 1920 г. Мустафа Кемаль представил членам анатолийского военно-политического руководства составленный им аналитический документ, где прямо указывалось на губительность для турецкого национально-освободительного движения планов Антанты по превращению провозгласивших самостоятель-

ность кавказских республик в барьер между Россией и Турцией и даже допускалось в качестве крайней меры проведение совместной с большевиками военной операции на Кавказе с целью срыва подобного сценария⁵.

Вместе с тем для получения достоверной информации об обстановке и общественных процессах в кавказском регионе кемалисты нередко привлекали ресурсы диаспорных активистов. Каналом такого рода стала, в частности, военно-политическая миссия, отправленная в феврале 1920 г. созданным еще во время войны в Стамбуле «Обществом Северного Кавказа» на историческую родину по просьбе базировавшегося в Тифлисе «Горского правительства в изгнании», причем эта отправка произошла с санкции и при организационной поддержке ряда руководителей анатолийского движения, включая, вероятно, и самого Мустафу Кемалю. В делегацию вошли ранее активно участвовавшие в направленных на достижение кавказской независимости мероприятиях лица – подполковник Исмаил Хаккы-бей⁶ (в 1918 г. начальник штаба османского экспедиционного корпуса в Дагестане), публицист, общественный деятель и ученый-аграрник Азиз-бей⁷ (неизменный участник «кавказских» делегаций в Европу в период войны) и преподаватель элитного Галатасарайского лицея Мустафа Шахин-бей⁸, а также несколько военных инструкторов для подготовки на месте «национальных» вооруженных подразделений. Целями миссии ее участниками назывались «обеспечение независимости Северного Кавказа и приведение этой независимости в соответствие с интересами османского государства»⁹. В течение трех с лишним месяцев члены группы пробыли в еще не контролируемых советской властью высокогорных районах Дагестана, Чечни и Ингушетии, предпринимая здесь на свой страх и риск усилия по консолидации разнородных сил, выступавших за реанимацию независимой Северо-Кавказской Республики. Непосредственным практическим результатом этой деятельности стал созыв 6 мая 1920 г. близ селения Ведено «Национального меджлиса Северного Кавказа» с участием преимущественно представителей Чечни, который принял декларацию о решимо-

сти горцев всеми мерами отстаивать свою самостоятельность от посягательств большевиков.

«Национальный меджлис», который, по замыслу его организаторов, должен был стать «легитимным ядром» возрождаемой горской государственности, обратился также к проживавшему в Медине сыну имама Шамиля Мухаммеду Кямиль-паше с просьбой возглавить движение горцев за независимость. В ответ на это паша согласился направить на Кавказ своего сына Мехмеда Саида (иначе – Саида Шамиля) вместе с еще несколькими представителями чеченской и адыгской диаспоры, кандидатуры которых были одобрены «Обществом Северного Кавказа» в Стамбуле. Данная группа добралась через Грузию до Северного Кавказа в октябре 1920 г. и, судя по всему, играла определенную роль в военном и идейном руководстве силами антибольшевистских повстанцев в горных Чечне и Дагестане вплоть до весны 1921 г. После окончательного подавления восстания большинству членов группы удалось вернуться на родину¹⁰.

Что касается миссии Исмаила Хаккы-бея и Азиз-бея, то, несмотря на достигнутый ею относительный успех, ее члены, располагая реальной опорой главным образом среди местных клерикальных и феодальных кругов и не будучи в состоянии оправдать ожиданий своих сторонников по привлечению более существенной военной и политической помощи из Турции, предпочли воздержаться от личного вовлечения в назревавшее в Чечне локальное вооруженное выступление против большевиков и в начале июня 1920 г. перебрались в меньшевистскую Грузию, где тщетно пытались добиться от официальных представителей Антанты признания «Национального меджлиса» и оказания ему финансовой и военно-технической поддержки¹¹. Вернувшиеся в Анатолию в конце июля 1920 г. Исмаил Хаккы-бей и Азиз-бей¹² в представленном Мустафе Кемалю отчете в целом объективно описали сложную общественно-политическую ситуацию на исторической родине. Вместе с тем, не ставя прямо под сомнение обоснованность курса на заключение стратегического союза между Анкарой и Москвой, они попытались несколько преувеличить то влияние, которое могла

оказывать на эти отношения позиция народов Северного Кавказа. В частности, в отчете утверждалось, что «в случае неудовлетворения национальных устремлений кавказцев» в регионе неминуемо произойдет вооруженное восстание против большевиков, которое станет препятствием для поступления в Анатолию помощи из России, в то время как наличие дружественных Турции независимых северокавказского и азербайджанского государств, напротив, облегчило бы транспортное сообщение между кемалистами и большевиками и вдобавок способствовало бы укреплению международного положения Турции. Исходя из этого, предлагалось безотлагательно направить в Москву специальную миссию, «представляющую интересы народов Северного Кавказа», с тем, чтобы она на месте «отслеживала северокавказские дела» и соответствующим образом инструктировала кемалистскую правительственную делегацию под руководством министра иностранных дел Бекира Сами-бея, которая незадолго до этого отбыла в Россию для налаживания дипломатических отношений с советским правительством¹³.

Хотя эти предложения не получили поддержки в анкарском руководстве, нельзя не заметить, что фактически именно на их воплощение в жизнь были нацелены и некоторые шаги главы упомянутой кемалистской делегации Бекира Сами, что, как правило, не вполне вписывалось в рамки данных ему парламентом полномочий. Так, в период проходивших в августе 1920 г. советско-турецких переговоров Бекир Сами регулярно без свидетелей общался с северокавказцами, проживавшими в Москве либо специально прибывшими с Кавказа, а в ходе состоявшейся по его инициативе в последних числах августа конфиденциальной встречи с наркомом иностранных дел Г.Чичериным попытался поднять вопрос о предоставлении политической независимости Северному Кавказу и создании «Кавказской конфедерации», что, естественно, было отвергнуто главой советской дипломатии. Правда, следует учесть, что это предложение было выдвинуто Бекиром Сами после требования Чичерина об уступке Турцией нескольких своих восточных провинций в пользу находившейся на пороге советизации Армении¹⁴.

В начале сентября, сразу после парафирования проекта советско-турецкого договора о дружбе и взаимопомощи, Бекир Сами не возвратился вместе со своей делегацией в Анатолию, а отправился вместо этого в частный вояж на Северный Кавказ (под предлогом свидания с проживавшими там родственниками) с разрешения, хотя и явно вопреки желанию советских властей. Помимо своей исторической родины – Осетии – Бекир Сами-бей осенью 1920 г. побывал также в Ингушетии и Чечне, где был замечен большевистскими инстанциями в контактах с представителями горского повстанческого движения и ведении антисоветской агитации¹⁵. По завершении этой поездки Бекир Сами направил Чичерину письмо, в котором на правах союзника счел возможным поделиться своими нелицеприятными впечатлениями об увиденном и услышанном на Кавказе. В частности, в письме говорилось, что с момента установления в регионе советской власти там воцарилась атмосфера террора, «никто не уверен в безопасности жизни и имущества», по малейшему доносу людей арестовывают и расстреливают, а их дома подвергают разграблению. По оценке Бекира Сами, «...существующая на Кавказе система устрашения рождает лишь недовольство народа и его недоверие к советской власти, превращая горцев в ее заклятых врагов». Далее в письме утверждалось, что горцы стремятся к политической независимости, и у большевиков нет другого выбора, кроме ее предоставления им, ибо в противном случае кавказскую контрреволюцию использует в интересах своей антироссийской политики Антанта. Вместе с тем турецкий министр допускал, что при условии введения большевиками системы свободного народного представительства «Кавказская советская республика» могла бы сохранять тесные военные и экономические отношения с Советской Россией, оставаясь частью «большой советской федерации»¹⁶.

Только в конце января 1921 г. Бекир Сами-бей вернулся в Анкару, но перед этим он тайно встретился в Тифлисе с министром иностранных дел «Горского правительства в изгнании» Г.Бамматовым, пообещав добиться всесторонней помощи горцам со стороны кемалистов, а затем провел переговоры с пред-

ставителями государств Антанты в Грузии, предложив в обмен на смягчение их политики по отношению к кемалистам и признание независимой «Кавказской конфедерации» обеспечить присоединение Турции к формировавшейся в этот период под эгидой Франции антисоветской коалиции ряда восточноевропейских стран – так называемой Малой Антанте; при этом он обещал способствовать максимально широкому подключению к действиям против большевиков горской контрреволюции¹⁷.

В марте 1921 г. на Лондонской конференции по Ближнему Востоку Бекир Сами вновь затронул данную тему уже в неофициальных беседах с Д.Ллойд-Джорджем, настойчиво убеждая британского премьера в выгоде для Запада создания в пределах Северного и Южного Кавказа конфедеративного государства под контролем Турции, которое выполняло бы роль барьера на пути распространения большевизма, а при необходимости – военного плацдарма против Советской России¹⁸. Однако в условиях, когда лидеры Антанты отнюдь не были склонны к принципиальному компромиссу с кемалистами, подобные проекты не могли иметь практического смысла. В итоге закулисные маневры Бекира Сами-бея, шедшие вразрез с внешнеполитическим курсом Мустафы Кемаль-паши и вызвавшие резкие протесты советской стороны, стали одной из причин его отставки с поста министра иностранных дел в мае того же года¹⁹.

Противоречивые действия Бекира Сами, приведшие в конечном счете к его конфликту с кемалистским парламентом, могут иметь различные объяснения. Однако очевидно, что он с самого начала своего нахождения во главе кемалистской дипломатии пытался совмещать выполнение своих прямых служебных обязанностей с параллельной миссией, связанной с решением кавказских проблем в русле известных политических установок диаспорной элиты данного периода, причем эти шаги скорее всего согласовывались и координировались в указанных кругах, а возможно – негласно в какой-то степени и с Мустафой Кемалем.

Примечателен в этом контексте и тот факт, что в состав прибывшего в Москву в феврале 1921 г. первого кемалистского

посольства было включено довольно заметное число этнических северокавказцев, чему немало содействовали их влиятельные соотечественники в анкарском правительстве и парламенте и сам глава данной миссии генерал Али Фуад-паша (Джебесой), также имевший северокавказские корни. Так, на должность первого секретаря посольства был назначен упомянутый Азиз-бей, второго секретаря – Зеки-бей²⁰, главного казначея – Тахсин Рюшдю-бей²¹, генерального консула в Москве, а затем в Казани – Мехмед Фуад-бей²². По имеющимся свидетельствам, в период своей службы в России они проявляли повышенный интерес к ситуации на исторической родине, поддерживали контакты с представителями кавказской старорежимной интеллигенции и явно стремились нащупать возможности для политической актуализации вопроса кавказской независимости в международном плане²³. Все это вызывало недовольство не только у советских властей, но и в анкарском руководстве, и дало повод занявшему в конце 1922 г. пост министра иностранных дел Турции крайнему туркисту Рызе Нуру обвинить их в «превращении турецкого посольства в черкесский комитет». В течение 1923–1924 гг., в условиях ликвидации последних очагов сепаратизма на Северном Кавказе и укрепления прагматичного советско-турецкого сотрудничества, почти все упомянутые лица были отозваны из России²⁴.

Таким образом, предпринимавшиеся в этот период отдельными диаспорными политиками усилия по стимулированию более активного и интервенционистского подхода официальной Анкары к кавказским (особенно северокавказским) проблемам с целью способствования их разрешению в русле выработанных в основном в военные годы представлений о путях национально-государственного развития народов региона не принесли реального успеха и не смогли предотвратить достижения итогового урегулирования на Кавказе прежде всего в соответствии с потребностями и договоренностями двух крупных заинтересованных держав – Советской России и кемалистской Турции.

- ¹ Подробнее о деятельности диаспорных организаций и активистов до 1919 г. см.: *Чочиев Г.В.* Кавказскоориентированная политическая деятельность представителей северокавказской диаспоры в Турции в период I мировой войны // Бюллетень Владикавказского института управления. 2005. № 15.
- ² Хусейин Рауф-бей (1881–1964) – абхазец, из рода Ашхарува.
- ³ Бекир Сами-бей (1865–1933) – осетин, сын генерала Мусы Кундухова, инициатора переселения более 5 тыс. семейств чеченцев, кабардинцев и осетин в Османскую империю в 1865 г.
- ⁴ *Avcıoğlu D.* Milli Kurtuluş Tarihi. İstanbul, 1998. [С.] I. S. 230–232.
- ⁵ Atatürk'ün Tamim, Telgraf ve Beyannameleri. Haz.: N.Arsan. Ankara, 1991. S. 192–196; *Selek S.* Anadolu İhtilali. İstanbul, 1968. S. 319–322.
- ⁶ Исмаил Хаккы-бей (1890–1954) – адыг, из рода Беркук.
- ⁷ Азиз-бей (1877–1941) – абазинец, из рода Мекер.
- ⁸ Мустафа Шахин-бей (ум. 1946) – абхазец, из рода Бутба.
- ⁹ *Karabekir K.* İstiklal Harbimiz. İstanbul, 1969. S. 776; *Butbay M.* Kafkasya Hatıraları. Ankara, 1990. S. 1, 7, 8.
- ¹⁰ *Sultan Murad.* The Jihad of Said Shamil and Sultan Murad for the Liberation of the Caucasus // Central Asian Survey. 1991. No 1–2. P. 184–187; *Hızal A.H.* Kuzey Kafkasya: Hürriyet ve İstiklal Davası. Ankara, 1961. S. 81; *Saydam A.* Kafkasya'da Bağımsızlık Mücadeleleri ve Türkiye. Trabzon, 1993. S. 100–102.
- ¹¹ *Butbay M.* Op. cit. S. 83–87; *Yerasimos S.* Kurtuluş Savaşında Türk-Sovyet İlişkileri (1917–1923). İstanbul, 2000. S. 162, 168.
- ¹² Мустафа Шахин-бей прежде, чем вернуться в Турцию, совершил по собственной инициативе поездку на свою историческую родину, в Абхазию, где встречался с представителями местной общности, в том числе с членами «Комитета по делам абхазцев-мухаджиров» (*Butbay M.* Op. cit. S. 104–121; *Инал-ипа Ш.Д.* Зарубежные абхазы. Сухуми, 1990. С. 8–11).
- ¹³ *Karabekir K.* Op. cit. S. 775–779.
- ¹⁴ *Cebesoy A.F.* Moskova Hatıraları. İstanbul, 1955. S. 70–72, 83–86; *Avcıoğlu D.* Op. cit. [С.] I. S. 233–234.
- ¹⁵ *Yerasimos S.* Op. cit. S. 162, 176; *Kuran A.B.* Osmanlı İmparatorluğu'nda İnkılap Hareketleri ve Milli Mücadele. İstanbul, 1956. S. 660–661.
- ¹⁶ *Avagyan A.* Osmanlı İmparatorluğu ve Kemalist Türkiye'nin Devlet-İktidar Sisteminde Çerkesler. İstanbul, 2004. S. 235.
- ¹⁷ *Öztoprak İ.* Dışişleri Bakanı Bekir Sami Bey'in İstifası Meselesi // X. Türk Tarih Kongresi (22–26 Eylül 1986). Kongreye Sunulan Bildiriler.

- Ankara, 1994. VI. S. 2774–2775; *Avcıoğlu D.* Op. cit. [C.] I. S. 233–234.
- ¹⁸ Documents on British Foreign Policy (1919–1939). First Series. London, 1967. XV. S. 271–274.
- ¹⁹ *Öztoprak İ.* Op. cit. S. 2781; *Yavuz B.* Bekir Sami Bey’in Haziran 1921 Avrupa Seyahatine İlişkin Fransız ve İngiliz Belgeleri // XII. Türk Tarih Kongresi (12–16 Eylül 1994). Kongreye Sunulan Bildiriler. Ankara, 1999. IV. S. 1323–1327.
- ²⁰ Персональных сведений о данном лице не обнаружено.
- ²¹ Тахсин Рюшдю-бей – адыг, из рода Баж.
- ²² Мехмед Фуад-бей (1892–1972) – адыг, из рода Джарим.
- ²³ *Berzeg S.E.* Türkiye Kurtuluş Savaşında Çerkes Göçmenleri. İstanbul, 1990. II. S. 20, 33–34, 82; *Ünal M.* Kurtuluş Savaşında Çerkeslerin Rolü. İstanbul, 1996. S. 129–131.
- ²⁴ Dr. Rıza Nur’un Moskova – Sakarya Hatıraları. İstanbul, 1993. S. 254–261, 267, 273–274.

ЛАТИНИЗАЦИЯ ГРАФИКИ
ЯЗЫКОВ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА
В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
1920-Х ГОДОВ

С созданием национальных автономий на Северном Кавказе концепция модернизации наполнялась идеологией единой трудовой школы. Становление школ на родном языке зависело от вооружения их современными инструментами обучения, каковой не стала арабица. Реальные попытки создать письменность для мусульманских этносов Северного Кавказа шли в борьбе между русским и арабо-мусульманским влиянием. П.К.Услар писал: «Теперь языки арабский и русский сошлись лицом к лицу. Которому из них суждено владеть Дагестаном? Оба – пришельцы в крае, оба – языки завоевателей»¹. Первую попытку создать чеченский алфавит с помощью русских букв Услар предпринял в 1862 г. Для осетин А.Шегрен создал в 1844 г. алфавит на кириллице. К XX в. предпринято 10 попыток создать адыгский алфавит, взяв за основу попеременно арабскую и русскую графику². Для кабардинцев Услар пытался создать письменность на русской основе, используя грузинские и латинские буквы. В Закавказье М.Ф.Ахундов обратил внимание на сложность применения арабицы к персидскому языку. Он пропагандировал замену ее латиницей. Идея имела сторонников среди турецких джадидов.

Население говорило на родных языках. Хотя арабица и набирала потенциал на родных языках, но оставалась книжной культурой. Имелось немало сторонников ее реформирования, приспособления к родным языкам. Авторитет языка Корана сохранялся. А.Гасанов отметил: «В настоящее время у населения, говорящего на азербайджанском языке, письма и книги пишутся на том же языке, но у остальных дагестанских групп все письма и книги ведутся по-арабски. Хотя на джагатайском

тюркском языке письменно изложить мысль легко, но до сих пор это не вошло в обыкновение»³. Тюркоязычные этнические элиты с начала XX в. продвигали его на роль языка межнационального общения. Как инвариант проекта И.Гаспринского, он негативно воспринимался советской властью под маркировкой «пантюркизма» и «панисламизма»⁴. Оставались и его сторонники, например, в Дагестане, политические споры продолжались.

Большевики стремились снять русификаторский аспект, тем более что идея латинизации получала поддержку там, где уже функционировала кириллица (у карелов, белорусский букварь с латинским шрифтом⁵, якутов). Успех отдельных опытов зависел от многих факторов: степени религиозности, особенностей языка народа, уровня конфликтности в регионе, численности населения. Кроме технических удобств письма, для власти, форсирующей развитие светской культуры, радикальную культурную реформацию общественной жизни, в 1920-е годы был важен разрыв общества с традиционной культурой. Арабица была ее символом. Обеспечение родных языков современными ресурсами письма напрямую зависело от возроставшей на них функциональной нагрузки в автономиях. Документы рисуют диахронический процесс, находящийся в тесной связи с текущими общественно-политическими процессами.

В 1918 г. нарком финансов Г.Сокольников обращал внимание А.Луначарского на то, что «книгопечатание, которое до сих пор в противовес всем прочим индустриям, технически обезличенным, сохраняло свой “национально-технический характер”, потеряет его и впервые превратится в индустрию, которая, подобно ткацкой и угольной промышленности, будет в любой стране работать теми же материалами и орудиями труда». Это установит «единообразие, нормализацию, универсализацию оборота»⁶. Содержание письма Сокольникова выявляет мотивацию центра. Научный отдел Наркомпроса в 1919 г. высказался «о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики». Но только в 1930 г. Луначарский «припомнил», что о латинизации русской письменности ему говорил и Ленин: «Я не сомнева-

юсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно»⁷. Оценки тиражировали многие печатные издания, что с иронией отмечали кавказские эмигранты⁸.

Наркомпрос РСФСР занялся анализом лингвистического контекста. В начале 1918 г. при научном отделе сформирована историко-филологическая секция. В ее задачи входило изучение национального состава России. В 1920 г. начала работу комиссия по выработке единого для всех народов РСФСР шрифта на основе латинской графики⁹. Крупнейший тюрколог Е.Д.Поливанов указывал: «Революция политическая и определенный вид графической реформы связываются между собой органически общностью политических своих лозунгов». Поворот к идее латинизации он считал «крупным идеологическим поворотом», означающим «систему, рассчитанную, во-первых, на взаимное сближение национальных культур внутри Союза, и, во-вторых, на сближение приемов графического общения в международном масштабе»¹⁰.

Обращаясь к свидетельству председателя Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита С.Агамалы-оглы, что Ленин ему якобы сказал, что «это великая революция на Востоке», отметим, что в его воспоминаниях о встрече с Лениным эта фраза отсутствует. Нет ее и в биографической хронике Ленина¹¹. Свидетельство относится к маю 1929 г. (выступление Агамалы-оглы на V съезде Советов СССР): «Когда я докладывал Ленину о том, что у нас существует движение в пользу нового алфавита, он сказал: “Это великая революция на Востоке”»¹². Справедливости ради отметим, что первое упоминание им формулы относится к 1928 г., когда отмечалась шестилетняя годовщина латинского алфавита в Азербайджане. Но в 1928 г. в Баку Агамалы-оглы привел ленинскую фразу в иной редакции: «Латинский алфавит — первый шаг, которым вы начинаете культурную революцию среди тюрков»¹³. Не акцентируя внимания на явном разночтении ленинских оценок в приводимых Агамалы-оглы фразах, заметим, что именно в редакции 1929 г. ее использовал известный политический публицист И.Хансуваров в своей книге в 1932 г., когда процессы ла-

тинизации достигли апогея. В этой трактовке она легла в основу закрепившихся в *советской историографии* оценок данного решения¹⁴.

Указанные разночтения важны. Если введение латиницы первоначально связывалось с заменой графики только тюркских народов, то к концу 1920-х годов оно распространилось и на другие языки. В 1930 г. Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита реорганизован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита. Председателем его, естественно, стал бывший председатель ВЦКНТА Агамалы-оглы¹⁵. Нетрудно связать разночтения с изменением статуса комитета и его председателя. То, что Агамалы-оглы связывал ленинские слова то с культурной революцией среди тюрков, то с «великой революцией на Востоке», лучшее тому доказательство. Расширенное толкование приписываемой Ленину фразы порождает сомнения в авторстве. Скорее, она принадлежит мемуаристу. Неслучайно на I Тюркологическом съезде (1926 г.), где присутствовали политические деятели, встречавшиеся с Лениным, Агамалы-оглы не приводил ленинского высказывания¹⁶. Между тем на нем остро столкнулись две точки зрения на будущее арабского алфавита. Ленинская оценка могла стать решающим аргументом в остром споре. И все же, Агамалы-оглы в 1926 г. почему-то не использовал этот весомый аргумент.

Попытки опираться на сомнительные цитаты и пропагандистские клише свидетельствуют о сложности политической борьбы. Ленинский «авторитет» «понадобился» в 1928–1929 гг. Тогда в ЦК ВКП(б) 82 деятеля культуры, науки и партийных работника Татарской АССР направили письмо с «просьбой признать арабский алфавит официальным алфавитом Татарии»¹⁷. Ленинская оценка, вводимая Агамалы-оглы, служила их осуждением, утверждением политических решений сталинского руководства.

Опора на архивные документы дает возможность установить процесс подготовки и принятия политических решений. В первой половине 1920-х годов идея перехода на латиницу не была монополизирована центральной властью. Она выдвигает

лась по личной инициативе различных реформаторов из республик, из Азербайджана, в первую очередь. Считалось, что она больше подходит для тюркских языков, чем арабица, содержащая мало гласных букв и ряд специфических согласных, которые тюрками не используются. Звучали доводы, что переход на легче усваиваемую латиницу поможет избавиться от неграмотности и преодолеть вековую отсталость. Симпатизировал идее латинизации У.Алиев на Северном Кавказе. Составленный им в 1920 г. на ней карачаевский алфавит введен в практику в 1924 г. В 1921–1923 гг. заведующий отделом народного образования КБАО М.Энеев при участии Н.Ф.Яковлева составил на латинице кабардинский алфавит¹⁸.

Первое решение центральной власти о латинском алфавите датируется 25 сентября 1922 г., когда Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу И.Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» признало желательным поддержать «начинания Азербайджанского ЦИК по введению латинского шрифта в мусульманской письменности». Оно больше свидетельствует о «дипломатической» поддержке кемалистской Турции, в которой эти проблемы активно обсуждались¹⁹. В мае 1922 г. Азербайджанский ЦИК создал постоянный Комитет нового тюркского алфавита. По поручению правительства ученые Азербайджана разработали латинизированный алфавит, внедрение его в республике началось в 1922 г. В 1923 г. ЦИК Азербайджана повысил его статус, объявив равноправным с арабским алфавитом. Муллам категорически запрещалось обучать латинским буквам.

Поддержка Оргбюро ЦК РКП(б) инициативы Азербайджанского ЦИК совпала с острыми дискуссиями о принципах национально-государственного устройства СССР. Вынесение вопроса о латинском шрифте суверенной советской республики на заседание президиума Всероссийского ЦИК и принятие 2 октября 1922 г. специального постановления по данному вопросу²⁰ можно и должно рассматривать как одно из проявлений линии на автономизацию Сталина. Оно отражает сталинское понимание компетенции ВЦИК в новом многонациональ-

ном государстве. Можно это рассматривать и как проявление тенденции к унификации сферы культурных средств.

5 декабря 1922 г. председатель АзЦИК и Комитета нового тюркского алфавита при нем С.Агамалы-оглы²¹ обратился к наркомпросам российских автономий с предложением определить свое отношение к замене арабского алфавита латинизированным алфавитом²².

Наркомнац к середине декабря 1922 г. разработал «проект образования комиссии по реформе арабского алфавита»²³. 25 января 1923 г. коллегия Наркомнаца по докладу замнаркома Г.И.Бройдо утвердила ее состав. Северный Кавказ представлял У.Алиев, Г.Джабиев – Закавказье²⁴. Комиссия работала в феврале – марте 1923 г., собирая информацию о применении арабского алфавита в регионах. Об опасности проводить латинизацию путем декретирования предупреждал М.Султангалиев. Решено провести «пробную кампанию в пользу нормального введения»²⁵. Однако У.Алиев заявил, что «Свет латинского алфавита с Востока может служить лучшим способом приобщения так называемых “диких” народов к общечеловеческой культуре»²⁶. Не принадлежит ли метафора, приписываемая Ленину, на самом деле У.Алиеву? Так или иначе, комиссия не предполагала декретивно вводить латиницу, предусматривала необходимую осторожность и осмотрительность. Высказывались опасения, что введение ее разорвет связь со странами мусульманского Востока, мусульманской культурой. Грамотные на арабице станут неграмотными на латинице. Политические преимущества перехода на новую графику понимались как «акт против религии».

В 1923 г. исследование языков северокавказских и тюркских этносов начала специальная комиссия по проблемам письменности Совнацмена РСФСР. Она сотрудничала с Комитетом по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа, а также с комиссией по изучению восточных культур юга России, Крыма и Кавказа. В их состав входили крупные филологи и лингвисты Л.И.Жирков, Н.Ф.Яковлев, И.Н.Бороздин и другие. Активную работу вел Центральный институт

живых восточных языков, Комиссия РАН по изучению племенного состава России, Всероссийская ассоциация востоковедения. В 1922 г. работала Комиссия по изучению языков и этнических культур тюрко-татарских народностей при Главнауке. Под руководством Н.Ф.Яковлева ею установлено в 1923 г., что из 16 млн «тюрко-татарского населения» 11,5 млн относятся к этносам бесписьменным или с неустановившейся письменностью²⁷. Объединив исследования, ученые в 1921–1925 гг. организовали работу местных научных комиссий автономий Северного Кавказа²⁸. В 1926 г. они объединены на базе самого крупного – азербайджанского. Ученые накапливали необходимый материал для ответа на вопрос: возможен ли перевод графики на латинскую основу и ее унификация без ущерба для развития культур народов.

Продолжалось создание учебников и на основе арабской графики. В 1921 г. вышел чеченский букварь К.Тучаева и Т.Эльдарханова. В 1923 г. Ш.Сугаипов изменил и дополнил чеченский алфавит и выпустил новый букварь, книгу для чтения для 2-го года обучения, задачник и географию²⁹.

К середине 1920-х годов началась публикация результатов исследований³⁰. Л.И.Жирков в 1925 г. писал: «В конце концов, выбор той или иной графической фигуры есть дело второстепенное. Максимум изобретательской энергии должен быть направлен не сюда». Отмечая значение латинского алфавита в развитии процессов интернационализации, он подчеркивал: «При безусловно высоком градусе интернациональности, при многих графических достоинствах латинского алфавита один важный, основной недостаток – малочисленность букв. Этот недостаток так серьезен, что, по крайней мере, с двух сторон латинский алфавит встречает сильную конкуренцию, когда заходит вопрос о применении его для выражения звуков какого-либо из языков кавказских... Эти два сильных конкурента — алфавиты русский и арабский». Ученый считал: лучше «взять существующий алфавит, со знаками которого уже связаны известные ассоциации произносительных типов и, конечно, такие связи надо упорядочить и привести в правильный, регулярный

вид ... Рациональная орфография может и должна дать наибольшую возможную экономичность начертаний, наиболее ясное выражение отношений речи устной и письменной, наиболее выгодное принятие в расчет исторической этимологии». С недостатками арабского алфавита «приходится мириться». Плодотворнее направить усилия «на реформу не шрифта, а орфографии, с которой везде дело обстоит очень плохо». Бесписьменным народам с технической точки зрения предлагать несовершенную латиницу «это все равно, что снабдить этот народ каменными топорами и оставить его жить среди соседей, обладающих железными орудиями»³¹.

Сходную позицию в 1925 г. занимал и Н.Ф.Яковлев, имевший опыт разработки алфавитов на базе латинской и русской графики для кавказских языков. Он отмечал: «Применение каждой из трех график к любому языку технически одинаково возможно». Он подчеркивал, что «вопрос о выборе для всех народов СССР какой-либо одной графики, как технически наиболее совершенной, в настоящее время не может получить такого абсолютного разрешения». Как и Жирков, он понимал: вопрос замены графики «имеет столько же технический, сколько и общественно-политический характер»³². По отношению к каждому этносу он должен решаться «с учетом всех классовых, культурных и языковых особенностей». Позиция ученых свелась к важности научного контроля экспериментов и принятию решения об общем их направлении.

Многие партийные и государственные работники Северного Кавказа считали препятствием к введению нового алфавита лишь арабскую традицию, отмечая, что «ранее бесписьменные северокавказские народности оказываются счастливее тех, которые издавна имели письменность». Латинизации отводилось важная роль в разрыве с нею: переходом «делаются большие и верные шаги»³³. С ними были согласны и практики, отвечающие за конкретные участки «культурного фронта». А.Курская (ВЧКлб) отмечала возникшие проблемы: невозможно применить эффективные методы обучения неграмотных, обеспечить работу необходимыми пособиями. «Языки построены на разных основах (часть на латинской, часть на арабской): процесс

установления основ для различных языков еще не закончен». Это тормозит «создание пособий», говорила она на Общекавказской краевой методической конференции по ликвидации неграмотности во Владикавказе в 1923 г.³⁴

В 1923 г. Е.Д.Поливанов в брошюре «Проблема латинского шрифта в турецких письменностях» призвал созвать съезд или конференцию работников просвещения тюркских народов, «чтобы предупредить готовящееся “вавилонское столпотворение” от выполнения реформы вразброд». Анализируя первые результаты, он в 1924 г. писал: «...на все реформы письменностей у народов СССР, начиная с русской орфографической реформы, следует смотреть как на процессы революционного происхождения и характера. Это часть революции, протекающая в узкой области духовной культуры; в области технических средств культурного общения. И связь этих “графических революций” с политическими лозунгами революции – несомненна». В 1924 г. при Научном обществе востоковедения в Москве создана Ассоциация латинского шрифта для тюркских народностей (АСЛАТ), она начала подготовку к общетюркскому съезду.

В автономиях Северного Кавказа проходили собрания и конференции. Отстаивалось три точки зрения: 1) сохранение арабицы; 2) ее реформирование и адаптация к тюркским языкам; 3) отказ от нее и переход на латинский алфавит. «Латинисты» ссылались на опыт Турции. Они обвиняли оппонентов в реакционности, пособничестве духовенству, а те «латинистов» – в миссионерстве. В Москве опасались конкуренции Турции, проводившей подобные реформы: создавалось единое информационное пространство. Центром его становилась не Москва, а Турция, так как турецкий язык и языки российских тюрков родственны.

Площадкой для подготовки I Тюркологического съезда стали Северный Кавказ и Азербайджан. На первом совещании в Пятигорске в июне 1923 г. шла активная дискуссия о замене арабского шрифта латиницей³⁵. Совещание констатировало: «...право выбора ... графики для национальной письменности всецело принадлежит данной национальности. Всякое воздей-

стве свыше в данном вопросе является совершенно недопустимым»³⁶. Но ситуация, складывающаяся в школьном образовании, понуждала переходить к современному образовательному процессу с адекватными учебными пособиями. К помощи центра в 1923 г. воззвали руководители Дагестана Н. Самурский и Д. Коркмасов: «Необходимо поднять ... народы быстрым рывком до общего культурного уровня СССР»³⁷. В 1924 г. председатель окружного исполкома Ингушетии писал в Наркомпрос РСФСР: «...школьный вопрос принял уже политический характер. От того, как он разрешится, зависит судьба арабской школы, являющейся наиболее реакционным фактором ингушской общественности»³⁸.

У. Алиев понимал глубину проблемы, но верил в возможность ее разрешения. Замена оторвет население, утверждал он в июне 1925 г. на II Северокавказской краевой конференции в Ростове, от «средневековой арабской культуры»³⁹. Муллы «арабскую графику отождествляют ... с религией и переход ... к латинской толкуют как отречение от мусульманской религии». По мнению Алиева, она «калечила человеческую душу». Но он отмечал изменение отношения религиозных деятелей к обучению на родном языке: «Когда в Чечне [я] говорил, что вместо арабского надо писать по-чеченски», «ни один мулла не возражал... Если бы я сказал, что арабский язык мы не хотим, а русский нужен, то он нашел бы что сказать». У. Алиев утверждал, что «задача подлинной советской власти требует, чтобы был собственный язык, понятный массам». Он указывал, что тот, кто «выйдет из Осетии работать в другом месте, тот должен будет знать по-русски, потому что даже в Кабарде и Ингушетии его никто не поймет». Но альтернативу обеспечить взаимопонимание обучением на русском языке Алиев отклонил: «Мы никогда не сможем все народные массы в течение 15–20 лет сделать грамотными по-русски. Нужно несколько лет учиться. Годы пройдут, уничтожится ли родной язык, я не скажу». Родной язык Алиев называл «домашним, внутринародным» языком. Издание на нем книг, развитие разных видов творчества, делопроизводства считал полезным: «тем скорее мы поднимем нацию»⁴⁰.

С докладом «Современное положение и перспективы языковых культур кавказских народов» выступил председатель Комитета по изучению этнических культур и языков народностей Северного Кавказа Н.Ф.Яковлев. Он представил картину культурно-религиозной чересполосицы, «диалектической раздробленности, существования резко обособленных наречий одного и того же языка». Яковлев считал: «проблема... для каждого отдельного народа Кавказа должна ставиться и *решаться совершенно однородно*, независимо от территориальной и административной, а также и культурно-религиозной его раздробленности». Как и Поливанов, Яковлев опасался «вавилонского столпотворения», непрофессионализма в создании графики. «Проблемы языковых культур народов близкородственных по языкам, по возможности, должны решаться согласованно». «При неизбежной для большинства кавказских бесписьменных народов необходимости переходить на известной ступени школы и литературы к языку культурно господствующей национальности ... следует, по возможности, согласовать решение проблемы языковой культуры этих народов с формами языковой культуры (напр[имер], в отношении алфавита) соответствующих господствующих национальностей. Такое положение занимает по отношению к народам Северного Кавказа (в административном значении термина) русская школа и литература, однако полное согласование с ней хотя бы в вопросах алфавита затруднено тенденциями отчужденности большинства северокавказских национальностей от русских»⁴¹.

Эта оценка перспектив развития школ на родных языках вызвала острую реакцию кавказских эмигрантов. Позже Б.Билатти⁴² писал: «Научные исследования кавказских языков, имеющиеся... традиции почти двух столетий, давно уже выявили близкие связи и родство, существующие между этими языками вообще, а между языками Северного Кавказа, в особенности. Родство доказано не только в отношении группы языков, названной Марром “яфетической”, но и в отношении других кавказских языков, принадлежащих формально к иным языковым группам: к группе языков тюркских и иранских... Несмотря на кажущееся языковое многообразие, в отношении

генетической общности своих народов ... Кавказ является одной из наиболее сконсолидированных частей мира. На Северном Кавказе чувство языковой и генетической общности усиливается еще и чувством общности национальной, которая объединяет населяющие племена в один народ, с одними и теми же национальными аспирациями и стремлениями.

Факт существования на Северном Кавказе нескольких языков при одновременном осознании его населением взаимной общности, давно уже поставил в порядок дня проблему общего языка – языка взаимных сношений и связи. Перед завоеванием Северного Кавказа Россией, проблема эта была разрешена таким образом, что роль общего языка исполнял, с одной стороны, арабский язык, а с другой – местные тюркские языки-наречья: карачаево-балкарский и кумыкский».

Билатти напомнил, что «после революции на I общенациональном съезде в Терк-Кала (Владикавказе) в мае 1917 г. определены отправные пункты, которые обозначили пути будущего развития языков Северного Кавказа. Съезд единогласно постановил, что языком обучения в начальных органах должен быть материнский язык – т.е. ... язык каждого из северокавказских племен в отдельности. В средней школе должно было быть введено преподавание кумыкского языка, одного из местных языков тюркского корня, который предназначался к занятию в будущем места общепонятного языка. Съезд рассмотрел также проблему алфавита. В соответствующей резолюции постановлено было, что “для всех горцев Кавказа за основной должен быть принят арабский алфавит, с прибавлением лишь тех букв для звуков, которых нет в арабском алфавите, но с непременным условием, чтобы одинаковые звуки в языках горцев обозначались бы одинаковыми начертаниями”... Принцип этот лег в основу языковой политики, которую проводило правительство Республики Северного Кавказа в период нашей недавней независимости... Советская языковая политика на Северном Кавказе была начата парцелляцией языков, которой предшествовала парцелляция административная, разделившая территорию страны на ряд т.н. автономных областей»⁴³.

Эмигранты напоминали об идее Гаспринского. Отличие состояло в том, что на роль общетюркского языка северокавказские эмигранты выдвигали не «оттоманский», и не язык казанских татар, а язык кумыкский, использовавшийся имперской администрацией. В 1829 г. специальным указом Николай I повелел начать обучение кумыкскому языку в Новочеркасской, Ставропольской гимназиях, в Моздокском, Георгиевском, Кизлярском уездных учебных заведениях. Изучение его находилось под постоянным вниманием властей, что явствует из доклада 10 октября 1840 г. министра народного просвещения: «Государь Император предписывает обучение кумыкскому языку всех учеников, даже взамен латыни»⁴⁴. Более серьезного внимания заслуживало указание на «парцелляцию» языков, чем были обеспокоены и российские ученые. Яковлев вскрыл ее дореволюционные истоки и усмотрел влияние на них «системы письма и графики». Он наметил «следующие типы проблем на Кавказе:

А) Языки бесписьменные, с попытками установить систему письма с половины XIX века: (н[ижне]-черкесский с 1840 г., кабардинский с 1860 г., ингушский с 1917 г., чеченский с 1860 г., карачаевский, балкарский, даргинский и кюринский в Дагестане с 1860 гг.)... Характерным для этой группы является постоянная борьба и смена проектов алфавитов, не закончившаяся до сих пор (на кабардинском с 1860 г. сменилось пять алфавитов, из коих два на русской основе, один на арабской, два на латинской; на н[ижне]-черкесском – два (русский и арабский) и намечен переход на третий (латинский); у черкесов в Турции – арабский и латинский алфавиты. На ингушском на смену мнемоническому письму русскими буквами с 1917 по 1922 г. боролись три типа проектов – русский, арабский, латинский, из которых победил последний. На чеченском русский алфавит сменился арабским, выдвигается латинский. Из тюрков Северного Кавказа (карачаевцев) арабский алфавит с ... г. (так в документе. – *Т.К.*) выдвигается латинский; у балкарцев выдвигался русский, теперь латинский; наконец, из дагестанцев у даргинцев вслед за русским – арабский алфавит, у

кюринцев – только первые попытки установить систему письма и алфавита.

В) Языки с недавней, но более установившейся письменностью (осетины с конца XVIII в., отчасти – абхазцы с ... (так в документе. – Т.К.), смена алфавитов характерна и для них: у осетин – церковно-славянский русский и теперь, с 1920 г., – латинский алфавит, у осетин-мусульман – попытки писать с помощью арабского алфавита; у абхазов – русский и намечен латинский, у абхазов-мусульман – стремление к арабскому.

С) Языки с древней традицией мусульманской письменности и некоторой неустойчивостью письменности на родном языке (аварский – вероятно, с XVII века. Прежний арабский алфавит сменился реформированным арабским. В 1860 г. были попытки ввести русский алфавит. Лакский – арабская письменность, во всяком случае, со времени эпохи независимости Дагестана арабский алфавит, попытки ввести русский с 1860 г.; кумыкский – арабский алфавит, письменность с ... (так в документе. – Т.К.); азербайджано-тюркский в Ю[го]-В[осточном] Дагестане – алфавит арабский, с недавнего времени проводится латинский)».

Яковлев обратил внимание на то, что «борьба и разработка алфавитов на Кавказе далеко еще не закончены, в этом явлении следует различать две стороны: а) общественно-политическую и б) техническую». Он выделил «общественно-культурные группировки» поддержки арабского алфавита: мусульманское духовенство и близкие к нему круги и «европейские», «выдвигаемые передовой европеизированной интеллигенцией». В ней он видел два течения: сторонников «теснейшего сближения с русской культурой (*обычно, меньшинство*)». Они поддерживают русский алфавит. Приверженцы «более самостоятельного национального строительства, учитывающие также большую нейтральность латинского алфавита по отношению к национальному чувству широких масс (*обычно, большинство*)» продвигали латиницу.

Подводя итоги, Яковлев считал, что вопрос «должен решаться по отношению к каждой народности отдельно на основе внимательнейшего учета объективных условий обществен-

но-политического и культурно-экономического характера». Главной целью «должно быть установление графики как простейшего средства, с помощью которого, не вызывая противодействия национальной массы и опираясь на наиболее действенные и прогрессивные культурно-общественные группировки, легче всего насадить массовую грамотность на данном языке». В основу следует положить следующий подход: «Народы со сравнительно слабой мусульманской культурой, в массе бесписьменные, у которых знание арабской грамоты носит узко кастовый характер... имеют как будто больше шансов развить массовую грамотность с помощью европейской графики. Особенно в том случае, если образование повышенного типа для них следует строить на русском языке».

Что же касается народов «с более устойчивой мусульманской культурой, развитой арабской образованностью и более или менее установившейся массовой грамотностью на арабской основе (что обычно сопровождается большей силой национального предубеждения против языка и культуры иноверцев-русских), легче воспримут грамотность в уже привычной для них арабизированной форме». «Попытки перейти к алфавиту иного типа должны совершаться в этом случае с особой осторожностью, путем постепенного, рассчитанного на долгие годы параллельного введения нового письма».

Для первой группы он считал возможным «ставить вопрос о введении европейской системы письма»: «фактически» он «уже поставлен жизнью. Таковы принятые латинские алфавиты у ингушей, кабардинцев и намеченный к введению у н[ижних] черкесов. Что у н[ижних] черкесов вопрос о латинском шрифте актуален, доказывается тем фактом, что еще раньше ... турецкие черкесы по собственной инициативе печатали издания латинским шрифтом. Для бесписьменных тюрков Северного Кавказа (карачаевцев, балкарцев, ногайцев) вопрос о типе алфавита связан с решением вопроса о языке господствующей культуры. Если последним намечен будет один из тюркских, вопрос об алфавите необходимо будет согласовать с последним. В отношении кюринского и др[угих] бесписьменных народов Ю[го]-В[осточного] Дагестана, для которых воз-

можен уже в I ступени переход к преподаванию на азербайджано-тюркском языке, вопрос об алфавите для родного языка необходимо согласовать с Азербайджаном». Для осетин и абхазцев, «безусловно, необходим алфавит европейского типа».

Для второй группы, «по крайней мере, на многие годы вперед наиболее приемлемым остается письмо на арабской основе (народы нагорного Дагестана – аварцы, лаки, даргинцы и также плоскостные кумыки)».

Яковлев выделил чеченцев, занимающих «промежуточное место», «приближаясь в отношении культурно-религиозной мусульманской ориентации к Дагестану, но по характеру кастовой грамотности, бесписьменности масс и связи с русской языковой культурой – к Северному Кавказу. Вопрос о типе алфавита для чеченского языка требует ... внимательнейшего анализа».

Он пришел к следующим выводам: «Задача ... решается в большинстве случаев каждую народностью отдельно. В этом отношении опыт одних национальностей не учитывается другими. Даже родственные по языку народы идут разными путями... Согласование латинских алфавитов на конференции 1923 г. не пошло дальше чисто внешних приемов, притом иногда применяемых с ущербом для рационализации письма... Наиболее рациональное применение того или иного алфавита к данному языку обычно намечается ощупью и проявляется в непрерывном видоизменении алфавитов, процесс, не закончившийся и в настоящее время... Совершаемое ощупью приспособление алфавитов к языкам Кавказа следовало бы рационализировать, подводя под него фундамент научного анализа... Необходимо было бы создать постоянную научную консультацию по вопросам выработки рациональных систем письма на языках народов Кавказа, с привлечением ... педагогов-практиков с мест и представителей научных учреждений. ... Выработка вполне совершенных систем письма на языках большинства горных народов, пока есть дело будущего... Следует поддержать дальнейшее коллективное и индивидуальное творчество... устраивая конкурсы, диспуты и т.п., с участием компетентных специалистов»⁴⁵.

Заведующий Адыгейским отделом народного образования С.Сиюхов, критикуя «калейдоскопическую смену шрифтов», увязал ее с тем, что «современная национальная школа на Северном Кавказе характеризуется отсутствием точно зафиксированного в ней места для родного языка, а также для русского языка, отсутствием в ней не только ГУСовской, но и всякой другой программы»⁴⁶.

Задачи смены графики конференция трактовала как достаточно глубокие. Перевод на другую систему письма должен решить не только срочные тактические задачи (повысить образовательный уровень), но обеспечить базу для решения задач политической стратегии. «Переход на латинскую графику ... разбивает стену между европейской и мусульманской культурой», подчеркнул руководитель Северокавказского крайкома А.И.Микоян⁴⁷. У.Алиев от имени Северокавказского крайоно формулировал следующую установку: «... пусть решают сами работники своего же народа... исходя из положения своего же народа»⁴⁸.

После краевой конференции в Ростове, 20–24 июля 1925 г. в Кисловодске состоялось заседание адыгейско-кабардинской комиссии по принятию единого для всех черкесов алфавита на латинской основе. Присутствовали: от Адыгейской АО – заведующий облоно С.Сиюхов, Д.Ашхамаф, Ш.Кубов; от Кабардинской АО – председатель рабпроса Т.Борукаев, народный учитель Т. Кашежев, от Карачаево-Черкесской АО – кабардинцы член облисполкома А.Шовгенов, инспектор облоно А.Алту-доков. От Комитета по изучению этнических культур и языков народностей Северного Кавказа присутствовал председатель Н.Ф.Яковлев, от Северокавказского крайоно – У.Алиев. Заслушав доклад С.Сиюхова о едином для черкесов алфавите, комиссия признала, что он «является результатом коллективного труда адыгейско-кабардинской комиссии, почему и должен называться “адыгейско-кабардинский алфавит, составленный адыгейско-кабардинской комиссией”». Но представители Кабардинской АО заявили, что «имеют наказ от существующего в Кабарде алфавита не отступать, изменений в нем не допускать, и ввиду того, что совещание с этим наказом не согласилось, они остаются на засе-

дании с совещательным голосом». Комиссия решила: «Просить телеграммой Кабардинский ЦИК снабдить своих представителей полномочиями для решения вопроса об обще-адыгейском алфавите по существу и во всей полноте»⁴⁹.

Очевидно проявление интересов этнических элит. Первая конференция в Пятигорске в июне 1923 г. утвердила кабардинский алфавит на латинице заведующего облоно КБАО Хуранова. Случайно оказавшимся под рукой латинским шрифтом местная типография набрала единственную листовку. Ее издание пропагандисты сочли достаточным, чтобы, в их представлении, противники латиницы «стали пасовать, считая себя бессильными бороться против здорового течения за латинизацию». Утверждалось, что дети стали быстрее обучаться грамоте. «Подкрепление» опыта рассылкой бесплатных газет приводило к оценкам, что «начавшееся колебание среди учителей, детей в школах, взрослых на ликпунктах ликвидировано». В 1925–1926 гг. началось издание букваря Хуранова. Утверждалось: «балкарцы, чеченцы, карачаевцы, адыгейцы, которые еще сомневались в возможности осуществления латинского шрифта, перешли на латинский алфавит» Но признавалось: взрослые «стали относиться к изучению кабардинского языка с некоторой небрежностью»⁵⁰.

К Тюркологическому съезду в Баку приурочена публикация работ сторонников латинизации. Статьи были хлесткими, были в них и явные переборы⁵¹. Касаясь разрыва с миром арабской культуры, с соплеменниками, эмигрировавшими в значительном количестве после Кавказской войны, У.Алиев считал, что опыт Советской России должен стать примером для них. Латинская графика послужит каналом связи и примером для подражания. Весьма легковесно он представлял себе и проблему переиздания имеющейся литературы. В Турции-де подсчитали, что стоимость ее «не составляет стоимости забракованного (одного из старых) крейсера или парохода» и даже в Японии существует общество по латинизации. Возражения оппонентов, что смену алфавита «следует делать не путем революции, а путем культурной эволюции» он отклонял смыслом революционных изменений в целом: «Говорить о постепенной

реформе путем эволюции равносильно осуществлению социализма путем эволюции»⁵².

В феврале 1926 г. в Баку открылся I Всесоюзный тюркологический съезд. 131 делегат представляли большинство тюркских народов: татар, казахов, узбеков, чувашей, тюрков Северного Кавказа, Сибири, Якутии. Самой многочисленной (16) была татарская группа, 9 из них представляли делегацию Татарской АССР. Прибыли ученые из АН СССР, АН УССР, Всероссийской и Закавказской научных ассоциаций востоковедения. Участвовали В.В.Бартольд, С.Ф.Ольденбург, А.Е.Крымский, Н.И.Ашмарин, С.Е.Малов, А.Н.Самойлович, Б.В.Томашевский, А.Ф.Миллер, Н.Ф.Яковлев, Л.И.Жирков и др. Научные центры Турции, Германии, Австрии, Венгрии, Ирана представляли Ю.Мессарош, Т.Менцель, П.Виттек, Гусейн-Заде, Радебольд, Кепрюлю-заде и др.

Основной обсуждаемый вопрос – переход российских тюрков на латинизированный алфавит. Выступления Н.Ф.Яковлева и Л.И.Жиркова носили академический характер⁵³. Яковлев анализировал проблему применительно социокультурной обстановке, в которой придется проводить реформу. По сути, он повторял доводы, приводимые на конференции в Ростове в 1925 г.: «Легкость проведения латинского алфавита обратно пропорциональна наличному развитию национальной письменности». Введение его Азербайджаном докладчик объяснял тем, что, «во-первых, до революции здесь национальная письменность находилась на очень низком уровне, от 1 до 1,5% и, во-вторых, в Азербайджане имеется более высокая городская культура... крупный национальный пролетариат». «Культурная история письменности, – говорил он далее, – показывает, что письменность, в частности шрифт и наука подчинены религии лишь в эпоху типичного средневековья. Переходя к национальному культурному строительству и техническому усвоению европейской литературы, все народы неизбежно проходили через реформу отмежевания письменности и науки от религии и через приспособление шрифта к европейской технике воспроизведения. На этой стадии находятся сейчас боль-

шинство тюркских народов». Касаясь русского алфавита, Яковлев остановился на стороне, которая делала его неприемлемым: он «исторически связан с русификаторской и миссионерской политикой при царизме. Это обстоятельство дало ему такой привкус, что большинство народов СССР, при создании своей письменности, не принимает его и, даже приняв его, отказывается от него потом».

Л.И.Жирков, рассматривая технические особенности конструируемых алфавитов – латинского, русского и арабского, предпочел первый. Он считал, что и латинская, и русская графики «имеют много общих достоинств... 1. Выдерживают ровную строку... тогда как арабский алфавит по самому своему характеру противоречит этому принципу; 2. Обладают большой различимостью букв... 3. Буквы ... не имеют вычурности и 4. Легко поддаются обработке в разных графических стилях (универсальность стиля)».

К достоинствам арабского алфавита он отнес: «1) графическую красоту и 2) большую степень стенографичности. Его недостатки: 1) малая различимость букв; 2) обилие диакритических знаков и 3) он не выдерживает ровной строки». Что особенно важно, «его курсивный характер противоречит типографскому набору и технике пишущей машины, и, наконец, имеет исторически объяснимое недостаточное выражение гласных в письме. Попытки реформы ... благодаря своей половинчатости и принципиальной несмелости, приводят к тому, что алфавит теряет все достоинства».

Основные возражения выдвинула татарская делегация. Татарская АССР добилась увеличения числа делегатов на съезд. Состав был отобран секретариатом обкома. Делегацию возглавил известный писатель Г.Ибрагимов. Секретариат обкома партии наказал делегации: «По вопросу перехода к латинскому шрифту делегации есть задание: принципиально не возражать, практически в отношении Татарской республики считать невозможным перейти на новый алфавит»⁵⁴.

Обсуждение вышло за пределы проблем графики. Казахский делегат Омаров напомнил об опыте Гаспринского: «...о возможности создания общего языка... Раньше стремление к

объединению тюркских языков ... происходило со стороны более культурных языков... Я думаю, что объединение вполне возможно на том основании, что идея объединения исходит не от верхов, а именно от низов. В настоящее время тенденцию к объединению имеют ... культурно-отсталые тюрки... Первым шагом к объединению тюркских языков является уничтожение арабских и персидских слов и создание общих терминов. Нас разделяют только термины»⁵⁵. Выступление А.Н.Самойловича подкрепило эту позицию с научной стороны: «Если мы условимся называть язык, на котором говорят турецкие народы, обще-турецким языком, то, прежде всего, мы должны признать, что этот язык распадается на несколько диалектов... Если не считать этих двух (чувашского и якутского. – Т.К.) языков... все остальные представляют ... только диалекты и говоры... Мы видим, что ... процесс сближения не только литературного языка, но даже и разговорного и диалектов фактически уже происходит»⁵⁶.

Г.Ибрагимов, поддерживая необходимость согласования значения новых терминов, призвал создать «федерацию» тюркских языков: «Я немного осторожно употребляю этот принцип культурно-литературной федерации тюркских языков. Мы не можем создать единого тюркского языка, это не позволяет ни фонетика, ни морфология, и главным образом, социально-экономическое положение, но мы, тюркские народы, не можем изолироваться... Я настаиваю: неотторванность будет заключаться в ... федерации тюркских языков, что каждый язык будет автономен в своем строении, но у всех тюркских языков есть общие основы, общие законы, общие черты, которые должны быть приняты во внимание. Это понятие федерации неточно, но, я думаю, злоупотреблять этим словом не будут»⁵⁷. Собственный аспект имела эта проблема в Дагестанской АССР. В ее границах проживали тюрко-язычные кумыки, ногайцы и азербайджанцы. 29 июня 1923 г. постановление Даггобкома ВКП(б) объявило «тюркско-кумыкский язык» государственным языком ДАССР. Решение базировалось на том, что «большая часть населения коренного Дагестана говорит и понимает тюркско-кумыкский язык... Опыт, проделанный по

преподаванию тюркского языка в школах Нагорного Дагестана, дал блестящие результаты⁵⁸. Руководство Дагестана уже в 1923 г. не возражало против латинизации, отмечая: «...тюркско-кумыкский язык является единственным языком общения граждан коренного Дагестана». Активно продвигал решение Н. Самурский⁵⁹.

Соседние автономии также искали выход в «ориентировке» на более «богатый, имеющий литературные достижения» язык. Кабардинская АО предполагала «провести ориентировку черкесских народностей с карачаевцами и кабардинцами. Однако ориентировка на один общий язык не исключает необходимости ликвидации неграмотности на языке, родном каждой национальности»⁶⁰. В итоге неясно направление «ориентировки». Языки народов региона из разных и далеко не родственных языковых не только групп, но и семей. Заметим, что и северокавказские эмигранты, обсуждая идею «единого государственного языка» как средства «объединения в одно культурно-национальное целое» народов Северного Кавказа, реально оценивали языковые ресурсы. Они видели, что их уровень не позволяет «выйти дальше рамок современной (5–6 классов) низшей школы»⁶¹.

Дискуссия, фокусируясь на оценке перспектив использования языков в школе, учитывала невозможность ставки на единый язык в силу их разного происхождения и устройства. Указывалось, что в тюркских языках (например, в карачаевском) не существовало обозначения рода. Эмигрантские лингвисты считали это «слабостью» и следствием упрощенной грамматики, относили на счет «неразвитости, отсталости языка». Правда, оценивали как фактор, способствующий легкости его усвоения. В дагестанских же языках был не только мужской и женский, но и «девичий» род. Понятно, сколь разная картина мира в сознании людей подлежала капитальной трансформации.

На съезде было много сторонников «нового учения о языке» Н.Я. Марра (Яковлев, Томашевский, Самойлович). Идеи Ибрагимова, его аргументы были созвучны их исследованиям. Учение Марра до сих пор вызывает к себе интерес у историков

идей⁶². Многие концепции всемогущего тогда академика были фантастическими и «магическими». Однако учение Марра отражало полигенетическую концепцию развития языков, отброшенную лингвистикой XX века. Согласно ней, современные языки образовались путем сложных скрещений изначально чуждых друг другу элементов. Возглавляемая им школа скомпрометировала себя агрессивным политиканством. История языка получала не каузальную, а телеологическую обусловленность, но осужденное позднее в СССР за «идеализм» учение Марра было созвучно евразийской лингвистике Н.С.Трубецкого и работам Р.О.Якобсона⁶³.

Решительным противником латинизации выступил представитель Татарии Г.Шараф, заявивший, что опыт Азербайджана неубедителен и не заслуживает распространения среди турков. Руководствуясь указаниями Татобкома, татарская делегация и часть делегации Казахстана высказались за реформирование арабицы.

В дискуссии технические аргументы (удобство того или иного алфавита для чтения, обучения, печати) перекрывали национально-политические (унификация письменности родственных народов для того, чтобы свободнее общаясь, переживать свое «генеалогическое родство и солидарность»). Идея Ибрагимова о «федерации тюркских языков» названа пантюркизмом. А.Р.Зифельд считал, что «нет времени ждать развития языка, науки и литературы “естественным” путем, т.е. стихийно, а необходимо это развитие регулировать сознательной силой, Государственными Терминологическими Комиссиями и другими научными органами». Попытки реформы «старого крайне несовершенного и до отказа засоренного арабскими и персидскими терминами тюркского литературного языка», считал он, «идут по четырем направлениям:

- 1) панисламысты стремятся сохранить максимально большое количество арабско-персидских терминов;
- 2) европеизаторы – максимум европейских слов;
- 3) пантюркисты стараются навязать или константинопольский литературный язык или носятся с утопическим планом

создания единого литературного языка для всего тюркоязычного мира;

4) «народники» — предлагают восстановить в литературе народный язык». Он считал «правильным последнее течение»: «обращаться к народному рабоче-крестьянскому языку»⁶⁴.

Председательствуя на съезде, С.Агамалы-оглы переход на латинский алфавит рассматривал как расширение и углубление пролетарской революции, как борьбу с панисламизмом. Он заявил: «Я считаю, что в тюрко-татарском мире Востока произошли две крупные революции. Первая революция в Турции, где был сброшен халифат, то есть исламистическое самодержавие, а вторая революция – введение латинского алфавита в Азербайджане... Мы явемся славными бойцами за освобождение угнетенных всего мира»⁶⁵. В книге, вышедшей после съезда, критикуя идею Г.Ибрагимова о культурно-литературной федерации тюркских народов, Агамалы-оглы писал: «Позвоительно спросить у товарища марксиста (товарищ Ибрагимов-коммунист), что это за культурно-литературная федерация? (Не пахнет ли здесь пантюркизмом вроде пангерманизма?)». С.Агамалы-оглы считал, что «развитие культуры и литературы как надстроек экономической структуры, находится в прямой зависимости от развития общественных отношений. Если это верно... то федерирование культуры должно произойти не только между тюркскими народами в пределах СССР, но и всеми советскими народами, потому что единообразие экономического и политического строя, именно, клонит к этой федерации. По-видимому, товарищ Ибрагимов подразумевает здесь вопрос о развитии языковой общности и алфавитную унию, иначе выходит так, что телом (экономический и политический строй) с советскими странами, а душой (идеология и литература) со всеми тюркскими странами. Это уже не марксизм, а идеализм худшего типа. Тем более что из этого ничего не выйдет. Обычно бывает так, что куда тело, туда и душа»⁶⁶.

Примиряя диспутантов, Яковлев возвращал их к основной цели съезда: к необходимости «применять самый шрифт к требованиям новейшей европейской техники, к требованиям печати... Мне думается, что в этом факте мы должны видеть указа-

ние на путь, по которому может пойти дальнейшее развитие письменности среди тюркских народов... Как же все-таки быть с теми, у кого вопрос введения латинского шрифта сильно осложняется, в частности вопрос о Казахстане и о Татарской республике? Мне думается, товарищи, что тут, просто следует начать несколько с другого конца... Я думаю, что и те товарищи, которые здесь выступали горячими сторонниками арабского шрифта, сами решат у себя этот вопрос по-новому»⁶⁷.

Председатель СНК Дагестанской АССР Д.Коркмасов от делегаций Азербайджана, Узбекистана, Киргизской, Дагестанской, Туркестанской, Якутской, Башкирской республик и автономных областей Северного Кавказа внес резолюцию: «1. Констатируя преимущество и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита по сравнению с арабским... съезд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях *делом каждой республики и каждого народа*. 2. ...Съезд констатирует факт огромного положительного значения, заключающееся во введении Азербайджаном, областями и республиками СССР (Якутией, Ингушетией, Карачай-Черкесской, Кабардинской, Балкарской и Осетией) нового тюркского алфавита. 3. ...Съезд *рекомендует* всем тюрко-татарским народам изучить опыт и метод Азербайджана и других областей и республик СССР для возможного проведения этого у себя». Резолюция принята большинством в 101 голос, против 7, при 6 воздержавшихся⁶⁸. Воздержались ученые, считая «себя не компетентными принимать участие при вынесении окончательного решения по этому вопросу, являющимся делом самих тюрко-татарских народов»⁶⁹.

28 февраля 1927 г. заместитель заведующего отдела агитации, пропаганды и печати (АППО) ЦК ВКП(б) С.М.Диманштейн докладной запиской в ЦК напомнил: «Во время Тюркологического съезда в Баку коммунистической фракции съезда была дана ЦК ВКП(б) директива, чтобы съезд *не выбирал* постоянно действующего всесоюзного органа по проведению ла-

тинского шрифта, считая более целесообразным предоставление самим национальным республикам решить, в какой мере и в какой форме они могут ввести у себя латинский алфавит»⁷⁰. Съезд выполнил директиву, подтверждает Диманштейн. Но в Азербайджанский комитет включено несколько представителей национальных республик, которым «Азербайджан помогал ввести у себя латинский алфавит, получив для этой цели субсидию из резервного фонда Совнаркома».

I Всесоюзный тюркологический съезд избрал *общественный* Центральный комитет нового тюркского алфавита (ЦК НТА). На этом основании Азербайджанский комитет, подчеркивает Диманштейн, «возбудил ходатайство перед ЦИК СССР, чтоб его (с дополнением нескольких человек) объявили всесоюзным, *считать существующим при ЦИК СССР*»⁷¹. ЦК считал, что «нет основания» менять статус комитета, но для окончательного решения предложено созвать совещание.

Совещание состоялось осенью 1926 г. в ходе XV Всесоюзной партконференции. Присутствовали представители «почти всех» заинтересованных республик. Относительно ходатайства Азербайджана мнения разделились. Против организации комитета при ЦИК СССР «категорически высказались» представители Туркмении, Татарии, Крыма, Киргизской (Казакской) АССР. «За организацию комитета был Азербайджан, выставляя главным мотивом вопрос финансирования». Представитель Дагестана, Д.Коркмасов считал лучшим, чтобы «комитет носил общественный характер, чем государственный». В целом же, итожил Диманштейн, совещание высказалось за «необходимость централизации *научного* руководства по переходу к латинскому алфавиту», считая, что «единство может быть внесено только существованием руководящего центра».

28 февраля 1927 г. Оргбюро ЦК приняло постановление о Всесоюзном комитете по введению ново-тюркского алфавита с нахождением его в Баку и представительством в Москве. В состав президиума комитета вошли С.Агамалы-оглы (председатель), Ф.Ходжаев (заместитель), В.Н.Айтаков, К.Кульбешеров, С.М.Диманштейн, С.Асфендиаров⁷². В работе ВЦКНА участвовали ученые Б.М.Гранде, Л.И.Жирков, В.И.Лыткин,

Н.Я.Марр, Е.Д.Поливанов, А.А.Реформатский, А.Н.Самойлович, А.М.Сухотин, Б.В.Чобан-заде, Г.Шараф, Р.О.Шор, Н.Ф.Яковлев и др. В республиках в течение года созданы собственные комитеты. Их названия исключали слово «тюркский» или «ново-тюркский». Комитеты создавались как дагестанский, татарский, узбекский, казахский и др.

Однако в июне 1927 г. в Баку Учредительный пленум ВЦКНТА выдвинул лозунг унификации, т.е. межнационального графического и фонетического объединения отдельных национальных алфавитов⁷³. Лозунг и последующая за ним практика оценивались как антитеза европейскому опыту, сохранившему «национально-буржуазные алфавиты и орфографии на единой латинской основе», доминированию «национально-буржуазного шовинизма»⁷⁴. Пленум принял проект унифицированного нового тюркского алфавита из 34 букв с вводимыми по мере надобности добавочными знаками для отдельных языков⁷⁵. При создании национальных алфавитов требовалось использовать общие принципы: делать письменность убористой (экономить бумагу, краску, труд печатников), способствовать быстрому слитному письму.

Инициаторы унифицированного алфавита понимали его политические и «полиграфические» перспективы как «творчество и продукт Советской власти», как освобождение от «арабских допотопных иероглифов»⁷⁶. Правда, руководитель Крайнацсовета У.Алиев признавал, что одни и те же издания все еще «приходится параллельно издавать ... в Адыгее, Карачае», а также «в Дагестане на латинской и на арабской основе. В Дагестане грамотных на арабской основе 30–35%»⁷⁷.

С публикацией проекта унифицированного нового тюркского алфавита начался организованный переход на латинизацию письменности тюркских народов. Солидные ученые понимали смену алфавитов как политическую задачу. Соотнося научные рекомендации с содержанием политической линии, А.М.Сухотин жестко формулировал необходимость «алфавитной унии», которая осуществится «рано или поздно». В автономии спускались «руководящие принципы»: «недопустимо создание новых алфавитов в местном масштабе без учета ал-

фавитной работы в Союзе в целом, а также путем индивидуального изобретательства», «недопустимо» их создание «не на латинской основе», «алфавитным стандартом... считать НТА», утвержденный I пленумом ВЦКНТА⁷⁸. «Руководящими принципами» обязаны руководствоваться все, кто занимался «проблемами унификации принципов орфографии и терминологии во всех языках СССР»⁷⁹.

В ноябре 1927 г. IX партийная конференция Дагестанского обкома постановила, «что арабский алфавит является огромнейшим препятствием в деле развития нашей национальной печати». Февральский 1928 г. пленум обкома решил «немедленно приступить к развертыванию подготовительных мероприятий для перехода национальной печати на латинский алфавит». Органы власти разъясняли населению преимущества нового алфавита как выход из «арабского плена»⁸⁰. Работой руководил ЦК нового дагестанского алфавита, созданный при СНК Дагестанской АССР. Он начал работу в марте 1928 г. В июле на Первой Вседагестанской конференции нового дагестанского алфавита (НДА) обсуждались проекты алфавитов на латинице для аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, лакцев, азербайджанцев, татов. Они подвергались анализу с лингвистической, психологической, педагогической и графической точки зрения. Учитывая фонетические особенности дагестанских языков, при переходе на новый алфавит стремились максимально приблизить письмо к устной речи⁸¹. В результате обсуждения проекты новых алфавитов в основном одобрены. После рассмотрения и утверждения их научным советом ВЦКНТА, новые алфавиты приняты в следующем виде: лакский язык использовал 27 букв унифицированного алфавита и 11 знаков дополнительно; аварский – 26 букв и 12 знаков; даргинский – 29 букв и 14 знаков; лезгинский – 30 букв и 9 знаков; татский – 30 букв и 3 знака. Для кумыкского и ногайского языков полностью применен унифицированный азербайджанский алфавит как для лингвистически родственных народностей. ЦКНДА напечатал и разослал на места таблицы алфавитов, проводил доклады, лекции на собраниях ячеек ВКП(б) и

ВЛКСМ, на общих собраниях рабочих, крестьян и служащих. Выносились решения, обязывающие вести переписку только на новом алфавите. В 1928 г. издан 21 учебник (87 тыс. экземпляров) и 22 тыс. разрезных азбук на языках народов республики⁸².

Но успехи были разными, особенно применительно к северокавказской группе языков. Е.Д.Поливанов в 1923 г. горячо приветствовавший латинизацию, в 1928 г. обратил внимание на то, что «индивидуально-национальные», как он их характеризовал, реформы по рационализации арабского письма «могут иметь не меньшую значимость, чем латинизация». Ему же принадлежит и тонкая оценка выбора автономиями латиницы: «Выбор между русской и латинской основой в пользу латинской оказывается... признаком относительной территориальной цельности и культурной независимости данной национальности»⁸³. Конференции, посвященные проблемам унификации (адыгейско-кабардинская в Краснодаре и краевая в Ростове), состоялись в марте 1928 г. Они «не разрешили вопросов... лишь потому», считал редактор журнала «Революция и горец» А.Тлюняев, что «не была мобилизована широкая советская общественность горских областей, и на конференции был представлен чрезвычайно узкий круг людей и притом подчас не облеченных доверием»⁸⁴. В представлении автора, работу можно завершить «в течение марта и первой половины апреля» 1928 г. в соответствии с «единым унифицированным всесоюзным алфавитом». Он «в известной мере облегчает сближение разных языков». В июле 1928 г. во Владикавказе прошла конференция чеченцев и ингушей, обсудившей проблемы латинизации⁸⁵.

Созданием письменности на Северном Кавказе наряду с местными учеными – З.К.Мальсаговым, У.Алиевым, Х.Д.Ошаевым, Г.Д.Сердюченко, Т.З.Табуловым, А.Джанибековым, Ф.Абджадиловым, занимались крупнейшие лингвисты Н.Ф.Яковлев, Н.В.Беляев, А.А.Фрейман, И.Ю.Крачковский, С.Ф.Ольденбург.

Существенно интенсифицировал переход на латиницу III пленум ВЦКНТА, состоявшийся 18–20 декабря 1928 г.⁸⁶ Отводя аргументы сомневающихся, С.Агамалы-оглы публично начал игнорировать опасения ученых, особенно их замечания относительно проблем орфографии и терминологии. В его выступлениях появляются призывы к ужесточению форм борьбы: к «вышибанию старого алфавита новым на латинской основе», что, по его убеждению, является «актуальным, первоочередным, жизненно необходимым». Настаивая на таких средствах, Агамалы-оглы писал: «Каков бы ни был алфавит, построенный на латинской основе, он есть истина перед арабским». Относительно предостережений ученых, призывавших не торопиться, он подчеркивал: «Беда ... в том, что ...некоторые застряли в области теоретических рассуждений»⁸⁷. Осуждением «теоретических рассуждений» явилось и заявление У.Алиева о недопустимости «пробности» алфавитов горских народов: «...территориально и количественно слишком невелики эти народы, чтобы их культурное развитие шло самодовлеюще»⁸⁸.

Местом проведения III пленума ВЦКНТА выбрана Казань, участвовали более 40 представителей от союзных и автономных республик. Главная цель пленума – усилить темпы перехода на унифицированный алфавит, что прозвучало в выступлении С. Агамалы-оглы. «Сейчас нужно встать на рельсы ускорения и установить один и тот же метод. Метод должен быть таков: повсеместно для каждой республики устанавливается срок, в который все газеты и издательства полностью переходят на новый алфавит. Республики: Крымская, Северного Кавказа, Татарстан, Узбекистан могут закончить в течение одного года. Остальные в течение 2-х лет», – заключал Агамалы-оглы. Представители республик возражали против установления конкретных сроков, аргументируя тем, что это «принуждение». Но пленум установил сроки перехода от 1 до 2 лет всем республикам⁸⁹.

7 августа 1929 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР» переходу на латиницу придан официальный статус. Это был ключевой документ, в котором признавалось

его «особое культурно-экономическое значение», все государственные учреждения и предприятия общесоюзного значения обязывались, применяя тюркские языки, пользоваться латиницей⁹⁰. Издания на арабице прекращались. В 1930 г. все народы Дагестана перешли на новый алфавит. 6 ноября 1931 г. коллегия Наркомпроса РСФСР констатировала: в Кабардино-Балкарской АО «создана национальная письменность на основе унифицированного латинского алфавита, на котором и изданы национальные учебники и пособия»⁹¹.

С 1930 г. ВЦКНТА переименован во Всесоюзный центральный комитет нового латинизированного алфавита (ВЦКНА) при президиуме ЦИК СССР. В сферу латинизации включаются графики не только тюркских народов. Комитет переведен в Москву, после чего процесс латинизации вышел за пределы республик Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, Средней Азии.

Лингвисты были удовлетворены сделанной в 1920-х годах работой. В 1923 г. Н.Ф.Яковлев опубликовал работу «Математическая формула построения алфавита», ставшую этапной в развитии теоретической фонологии. Как руководитель Технографической комиссии ВЦКНА, возглавивший ее работу, в 1936 г. он подвел итоги. По количеству знаков алфавиты языков народов Кавказа распределились следующим образом: 27 знаков – осетинский – дигорский; 29 знаков – иранский (персидский), осетинский – иронский; 30 знаков – ассирийский, белуджский, горско-еврейский (татско-еврейский), лазский; 31 знак – ингушский, калмыцкий; 32 знака – карачаево-балкарский; 33 знака – кумыкский, чеченский; 34 знака – азербайджанский; 35 знаков – ногойский; 38 знаков – лезгинский; 39 знаков – аварский, даргинский, лакский; 40 знаков – табасаранский; 44 знака – курдский – кавказский, удинский; 45 знаков – цахурский; 46 знаков – кабардинский; 50 знаков – абазинский, адыгейский; 51 знак – абхазский. Будучи удовлетворен работой применительно к тюркским языкам, Яковлев считал, что работа над северокавказской группой языков не за-

вершена. Дальнейшее проведение унификации «позволит еще больше сократить сумму знаков НА»⁹². Современные лингвисты высоко оценивают его идеи теоретической фонологии как «поворот в фонологии от “психофонетики”, главным понятием которой у Бодуэна де Куртенэ и таких его учеников, как Поливанов и Щерба, было “звукопредставление” (фонема в психологическом истолковании типа сэпировского), к собственно структурно-лингвистическому пониманию звуковой системы»⁹³. Таблицы кабардино-черкесских фонем Яковлева использовали Н.С.Трубецкой, Р.Якобсон, другие фонологи-эмигранты, группировавшиеся вокруг Пражского Лингвистического Кружка, продолжив традиции Московского. Н.Ф.Яковлев стал основателем Московской фонологической школы.

Латиница вытесняла не только арабскую, но и старомонгольскую графику и кириллицу⁹⁴. К концу 1930-х годов большинство северокавказских языков переведено на латинскую основу.

В научной среде не прекращались дискуссии. 4 февраля 1929 г. на лингвистической секции Коммунистической академии, руководимой Н.Я.Марром, состоялся доклад Е.Д.Поливанова «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория». Он призвал использовать «новые лингвистические дисциплины на фундаменте бесспорных положений и фактов науки». Поливанов упрекал тех, кто строил «единственно марксистское», «самое материалистическое» «новое учение о языке» в непримиримой борьбе с традиционным «буржуазным», «расистским», «идеалистическим» языкознанием: «Когда вы любое положение марксизма, любое положение диалектического материализма выводите из фактов, вот тогда я скажу, что это будет марксистская лингвистика... А если у вас будут просто сказаны такие истины, что язык, дескать, развивается не независимо от изменений в жизни общества... то для этого не нужно быть лингвистом, а для этого достаточно прочесть классиков марксизма»⁹⁵. Дискуссия длилась три дня, выступило более 30 человек. Официальные ораторы называли его «кулацким волком в профессорской шкуре». Лишь профессор МГУ Г.А.Ильинский единственный поддержал Поливанова⁹⁶.

В 1931 г. Поливанов вновь обратил внимание на конфликтность перехода с арабского письма на латинскую графику в ряде республик страны. Латинизация графики, по его мнению, отнюдь не была вызвана внутренними потребностями: «Без толчка извне, без примера и призыва со стороны других национальностей (и, прежде всего, Азербайджана) в Казакстане не было бы достаточного импульса для замены своего письма латинским. А отсюда понятно и то обстоятельство, что даже после постановления Туркологического съезда в 1926 г. в Казакстане (и Киргизстане) обнаруживается сильная оппозиция против латинизации, и ее возглавляют именно активные деятели предыдущих реформ (мусульманской графики). ... Прodelать в таких условиях переход к латинице — это, разумеется, совсем не то, что совершить очередную замену одного этапа графической эволюции другим — в Чечне, Ингушетии, Кабарде и т.д., где о богатстве говорить не приходится». Основательно Поливанов прошелся и по Н.Я.Марру: «Весь марксизм к яфетидологии только скверно приклеен, и основан, вероятно, на том, что Марр, как это он высказал с глазу на глаз одному иностранному ученому, принужден “с волками жить, по-волчьи выть”»⁹⁷. Поливанов привлекал внимание политиков к необходимости считаться с научной констатацией. Но ученым противостояла группа молодых партийцев, занимавших ответственные посты, которым хотелось выглядеть современными руководителями, вполне компетентными (и даже более компетентными) и в этой области. У.Алиев, к этому времени ставший основным научным рецензентом в Москве, выступил с серией дискуссионных статей, в которых хотя и оперировал научными аргументами, однако их глубина до аргументов профессиональных лингвистов не дотягивала. Жесткий отпор Поливанов получил и от эсперантистов, еще не подозревавших об общей своей судьбе с репрессированным в 1938 г. Поливановым⁹⁸.

Большевистскую нетерпеливость – главную проблему 1920-х годов – усугубил «великий перелом», отдавший приоритет «классовому подходу», перекрыв профессиональные поиски лингвистов. Уже поигрывала мускулами «партийная»

наука. Дифференциация этнических элит выдавливала из себя тех, кто разделял опасения ученых. В статье, посвященной 10-летию нового алфавита, У.Алиев счел важным оспорить лавры первенства северокавказских автономий у Азербайджана. Алиев «вскрывал» «классовость буржуазных реформаторских попыток», утверждал, что для них важно выдать «форму – попытки заменить графические начертания ... за содержание нового алфавита, выхолащивая, таким образом, революционную душу нового алфавита, как классового орудия победившего пролетариата».

Несмотря на ряд предупреждений ученых, V пленум ВЦКНА в 1931 г. встал на точку зрения общих партийных решений. С этого пленума процесс латинизации пошел «в полном соответствии, – как писал У.Алиев, – с темпами социалистического строительства, как составная часть осуществления лозунга *социалистического наступления по всему фронту* (курсив мой. –Т.К.)». Он особо отметил: «Слова вождя партии, т. Сталина – “по-новому работать, по-новому руководить”, – становятся с этого пленума боевым лозунгом на всех участках фронта латинизации письменности народов СССР». Директива V пленума ВЦКНА гласила: «В период социалистического наступления по всему фронту, в период, являющийся в то же время периодом ожесточенной классовой борьбы, – усилить борьбу за правильное проведение генеральной линии партии в работе по латинизации алфавита, за осуществление ленинской национальной политики, против уклонов – великодержавного шовинизма и местного национализма; форсировать темпы латинизации как одного из важнейших орудий культурной революции». Пленум поставил научному совету ВЦКНА «задачу скорейшей перестройки всей своей научной работы в смысле коллективной проработки всех вопросов и *строжайшего соблюдения партийности в науке* (курсив мой. – Т.К.)»⁹⁹.

Идеи К.Маркса начали «пристраивать» к важнейшей после графики разработке орфографии, созданию терминологических словарей. Аспирант Института национальных и этнических культур Д.А.Ашхамаф считал, что из-за «отсутствия четкой

методологической установки в большинстве случаев в написанием мы сталкиваемся с протаскиванием голых формально фонетических или морфологических принципов без учета диалектического единства (лексико-морфологического) и фонематического принципа». Он призывал к «решительной борьбе с проявлениями великодержавного шовинизма и с местным национализмом», видя их корни в «реакционных положениях индоевропеистики в области теории и практики языкового строительства»¹⁰⁰.

Началось создание фразеологических штампов, их монополизация. В отличие от народной многовековой чеканки слов и выражений, наметилась тенденция соответствовать пресловутой «генеральной линии». Дискредитировались решения Тюркологического съезда, в работе которого участвовали крупнейшие лингвисты, в том числе и Б.В.Чобан-заде. Он считал, что работа по составлению терминологических словарей должна строиться средствами, которыми располагает сам язык. Эта позиция осуждена как узко-националистическая. В разработанной терминологической комиссией Горского краевого института инструкции по составлению словарей обнаружили «вредительские», «нацдемовские» ориентации в понятиях, наиболее близких массам. Осуждался выбор «некоторой средней линии» между «выговором наиболее отсталых и менее образованных слоев общества» и «звуковыми навыками образованных лиц». Такой выбор квалифицировался как «равнение на какие-то без классово дифференциации» «народные массы», стремление «отгородиться» от «интернациональной советской терминологии». Осуждались попытки заимствовать «из родственного соседнего языка», игнорировались исторически сложившиеся языковые процессы. В силу тесного проживания многие жители на том же Северном Кавказе с детства билингвы. Конечно, они не владели в полной мере языком соседей, но объясниться вполне могли. Сохранялись и языковые заимствования (арабизмы, персизмы, русизмы). На рубеже 1920–1930-х годов их сохранение оценивалось как «обычная позиция буржуазных националистов», как «уход от социалистической современности», «аполитичность терминологии». Обвинения

сводились к намеренному содействию «буржуазно-реставраторской политике контрреволюционных элементов в Советском Союзе»¹⁰¹. Ученый секретарь Северокавказского краевого комитета нового алфавита и главный редактор журнала «Языки Северного Кавказа и Дагестана» Г.П.Сердюченко с гневом восклицал: «Что это должно значить в условиях Северного Кавказа?». Он громил вышедшую во Владикавказе в 1930 г. книгу «Культура и письменность горских народов Северного Кавказа» с результатами исследований крупных знатоков северокавказских языков Н.Яковлева, М.Беляева, А.Хаджиева.

Н.Ф.Яковлев считал, что «процесс языковой трансформации в сторону унификации человеческих языков запаздывает по сравнению с развитием той основы, под воздействием которой он развивается». Ученый утверждал, что этот процесс «медлителен», объединение языков «дело еще настолько отдаленного будущего, что строить какие-либо практические выводы на основе этого нашего общего предположения в смысле искусственного вытеснения или объединения их представляется в настоящую эпоху развития общества и языка *преждевременным*». Сердюченко отметл доводы наличием «руководящей политической и методологической линии», ссылаясь на Сталинскую формулу «социалистической по содержанию и национальной по форме» культуры: ученому следует строить «практические выводы», руководствуясь ею. Ибо политика «вытеснения и объединения» имеет «классовые корни», ее характеристика «прекрасно была дана т. Сталиным на XVI партийном съезде». Позиция же Яковлева – «узко-деляческая», «политически невыдержанная, методологически эклектичная».

Но Н.Ф.Яковлев и позже обращал внимание на то, что легче шла работа с тюркскими языками, приспособлять латиницу к кабардинскому и абхазскому языкам труднее. Он подчеркивал, что изобретательские возможности, направленные на точность передачи звука не безграничны. Изобретение новых форм букв, их перечеркивание, перевертывание, использование различных «сиделей» вело «к чрезмерному увеличению» количества типографских знаков. Графика, воспринимаемая как

«только средство», на самом деле – «ключ к грамотности, к культуре»¹⁰². Но трудности в работе списывались на отсутствие классовой бдительности, недостаточную «марксистско-ленинскую вооруженность», «враждебные маневры классового врага, требовавшего многобуквенность алфавитов»¹⁰³.

Досталось от Сердюченко и профессору М.Беляеву за ссылки на авторитет крупнейшего лингвиста Ф. де-Соссюра, на социолога Э.Дюркгейма. Они, по мнению критика, привели Беляева к «неверным, механистическим и идеалистическим установкам» и к «собственному теоретизированию» о том, что «слова и формы языка, его система в целом и в частях являются традиционно установившейся и вновь устанавливающейся системой сознания, грамматические формы его – формы социального сознания»¹⁰⁴. Где же, восклицает критик, «мировоззрение общественного человека, классовая борьба»? Не нужно «быть слепым, чтобы не видеть ... проповеди индоевропейской лингвистики», «некритическое рекламирование психологизма идеалиста Вундта», «чистейший механицизм», отсутствие «материалистической системы языкознания» и «языковедного наследства Маркса – Энгельса – Ленина»¹⁰⁵. То, что ни первый, ни второй, ни третий никогда не претендовал на роль профессионального лингвиста, Сердюченко не принимал в расчет.

Через год разгромной критике Сердюченко подверг грамматику Т.М.Борукаева из-за трудностей подогнать написание слов на латинице. Особенно раздражало критика объяснение в терминологических словарях понятий «революция», «буржуазия», «пролетариат», «коммунист». Введение их в неизменном виде вызывали нарекания и с орфографической точки зрения. Например, в кабардинской орфографии «буржуазия» – «biziáz», в адыгейской – «революция» – «rivoluc», «пролетариат» – «prelitar» и т.д. Сердюченко отвергал и попытки Н.Яковлева искать синонимы в родных языках, назвав их чем-то «необычайно затхлым, старым»¹⁰⁶.

Необходимость вести работу в темпах, диктуемых партийными органами, приводила к тому, что даже имеющиеся в родном языке слова стали заменять русскими, но написанными латиницей. Например, вряд ли в черкесском языке не было

слова «отпор», или «северный», или «рынок». Но эти слова, «простые и легко заменимые», заимствовались из русского языка и вводились в словарь «механически-произвольно», записывались латиницей, не меняя грамматических окончаний. Это обедняло родной язык, затрудняло взаимопонимание и обидало его носителей. В карачаевском языке многие имеющиеся простые слова, такие как «центр», «задача», «в одном случае пишется без перевода, в другом – с переводом, но в большинстве случаев – неверным». Так, слово «реализация», которому легко подобрать синоним, перевели словом, «означающим буквально «расстилать». «Центр» – как «промежуточное расстояние»¹⁰⁷. На адыгейский язык слово «ударник» переведено как «бурно живущий»¹⁰⁸.

Для населения смысл перевода общественно-политических терминов оказывался не только неточным, но и двусмысленным. Неточность переводов постановлений ЦК ВКП(б), Совнаркомов СССР и РСФСР, инструкций местных органов о том, например, как должны заводские магазины отоваривать заборные книжки, осуществлять снабжение, население не могла не волновать. Горцы лишь начинали осваивать город, работать на промышленных предприятиях, получать зарплату. Повседневные заботы интересовали людей гораздо больше, чем то, что переводчик не справился с точной передачей термина «финансовый капитал»¹⁰⁹. Затруднялось повседневное общение населения с властью, с работодателями. Власть отмечала нестыковки: телеграфные сообщения (ими изобиловала связь центра с местами) невозможно точно и передать, и прочитать из-за постоянных экспериментов по унификации букв, их сокращению, изменению начертания букв. В результате «искажение политического смысла ... и большая путаница», отмечал председатель СНК Дагестанской АССР Д.Коркмасов¹¹⁰.

Ширились призывы «искоренить окончательно все буржуазно-националистические теории и нацуклоны». Попутно начали громить и «русский великодержавный шовинизм». Его проявления видели в том, что русский язык стал источником, из которого в языки горцев стала внедряться советская терминология. А.Тлюняев возмущался, что созданные словари «ско-

рее русско-национальные, нежели общественно-политические, терминологические»¹¹¹. Он был за перенос только «международной терминологии». Критика переноса «в национальный язык русских слов в неизменном виде в отношении падежных, родовых окончаний, а международных терминов в форме русского произношения вне приспособления их к грамматическим особенностям данного национального языка» была справедливой. Однако это лишь слабый отклик на «терминологический натиск», начиная «от финских хладных скал до пламенной Колхиды»¹¹² на все языки. И хотя Тлюняев, критикуя, советовал продолжать работать со словарями творчески, понимая и сложность, и ошибки, неизбежные для начального этапа, с начала 30-х годов из-за неудовлетворенности их политической и идеологической «основательностью» словари начинали изымать из обращения. К рубежу 1920–1930-х годов национальные издательства Северного Кавказа издали 1 537 названий плакатов, листовок, журналов, учебников, различных сборников выступлений и речей местных руководителей общим объемом 4 701 п. л. и 3 616 тыс. экз. На адыгейском языке – 227 названий, 643 п. л., 508 тыс. экз. На кабардино-черкесском – 319 названий, 832 п. л., 675 тыс. экз. На карачаево-балкарском – 177 названий, 520 п. л., 334 тыс. экз. В Карачае в 1930 г. количество партийной литературы превысило количество учебной (27 названий против 20), уступив ей в тираже (55 тыс. против 87 тыс.). Но Адыгейский обком 3 июня 1929 г. констатировал, что издания «прошлого и позапрошлого годов лежат на складе не реализованными ... на 70–90%»¹¹³.

Серьезные возражения против примитивного понимания замены арабского алфавита латинским выдвигались даже на страницах органа Агитпропа ЦК ВКП(б). В статье Ахмеда «О борьбе за новый тюркский алфавит» отмечалось: «Ошибочно строить большие иллюзии относительно этой реформы, как орудия антирелигиозной пропаганды против ислама. Одно ясно, что латинский алфавит если и ослабит влияние старой литературы на новое поколение, то не ликвидирует ислам как определенное мировоззрение». Автор утверждал, что «метод объ-

явления арабского алфавита контрреволюционным, коранским алфавитом следует считать абсолютно недопустимым и вредным с точки зрения хотя бы интересов этой же реформы». Такие явления, продолжал он, «с навыками и традициями людей могут лишь изживаться. Мы же можем и обязаны по возможности ускорять этот процесс изживания посредством неустанной борьбы, неустанных разъяснительных работ и организации культурной работы в направлении победы»¹¹⁴.

В этот ряд становятся и данные социологического опроса об отношении к религии 400 черкесских школьников. Он проводился накануне Всесоюзного партийного совещания по народному образованию 1930 г. Удалось выяснить, что безверие детей «неглубокое, беспочвенное, построенное на том, что ребенку сказали, что этого делать нельзя». Вера в Бога у школьников «повышается с переходом из группы в группу». Во II группе из 136 опрошенных детей верили в Бога 38, «неизвестно» (очевидно, дети не смогли ответить, а сами опрашивающие признают: дети «не хотели сказать, что верят») – 65, и не верили 28 детей. В IV же группе из 110 опрошенных верили 22, верили с сомнением 8, «неизвестно» (т.е. «не хотели сказать, что верят») – 65, не верили только 2 школьника¹¹⁵. Руководители автономий предпочитали отдавать детей в русскоязычные школы¹¹⁶. Многие уезжали или отзывались в Москву на учебу в университеты или в аспирантуру (У.Алиев, Д.Ашхамаф).

В конце 1920-х годов идет смена не только политической линии. Конечно, были и ошибки, и спешка энтузиастов, неизбежные в любой работе, и амбиции национальных элит, непосредственных создателей алфавитов и авторов букварей, увлечение их изобретением литер, «сиделей» для более точной передачи звукового ряда языка. Но возникли явления, которые таили в себе более серьезную опасность.

«Научными методами» начинают вноситься насильственные изменения в органическую структуру языков. Н.Я.Март – чрезвычайно сложная и неоднозначная фигура в российской науке. Конечно, следовало бороться с преувеличенной оценкой языков племенных, часто диалектов, не имевших перспективы

национального и литературного роста. Но Марра в мировых тенденциях «скрещивания языков» интересовало, строго говоря, отражение усложняющейся картины мира. С этой точки зрения Марра хорошо воспринимали тюркологи, археологи, этнографы, психологи (Л.С.Выготский)¹¹⁷. Некоторые лингвисты (Н.Ф.Яковлев) даже после разгрома учения Сталиным в 1950 г. остались «тайными марристами».

У Марра были важные направления поиска. Концепция происхождения и поэтапного развития общечеловеческого языка и мышления, выдвинутая им, воспринималась многими учеными, политиками и деятелями культуры того времени как новое слово молодой советской науки. Энтузиазм Н.Я.Марра и сторонников его яфетической теории играл на руку интернационалистическим идеям большевиков. К тому же Марр напористо противопоставлял ее фундаментальным положениям мировой «буржуазной» лингвистики, сосредоточившейся на фонетических языках, как языках метрополий. Такие языки мало интересовали Марра. Происхождение языковых семей Марр считал явлением относительно поздним. Фонетика в концепции Марра была вторична, и даже – третична. Его интерес сосредоточивался на языках кинетических, которые благодаря своей удивительной общепонятности, быстро догоняли, а временами и опережали в своем развитии и международной распространенности языки фонетические. В гипотезах Марра языки кишели культурными сокровищами, пережитками процессов, протекавших тысячи лет назад. Отчасти это подтверждалось в изучении богатейшего северокавказского эпоса «Нарты». Живой интерес Марра к отражению в бесписьменных языках идей и умственных навыков отдаленнейшего прошлого был до крайности политизирован. Сам Н.Я.Марр не избежал соблазна, заняв ключевые позиции в научных структурах, пользовался поддержкой ЦК ВКП(б)¹¹⁸. Опаснее были неумные ученики (тот же Г.Сердюченко).

В 1920–1930-е годы власть стремилась найти практическое применение теории Марра. Задачи, ею преследуемые, не располагали к глубокому ее освоению. Власть больше волновали реалии дня. Но неправильность построения предложений,

неточность перевода и передачи смысла общественно-политических и научно-технических терминов, грубейшие опечатки в изданиях делали с трудом создаваемые учебники не пригодными к употреблению. Учебник «Ленинская учеба» на адыгейском языке из-за аналогичных недостатков заменили в школах учебником на русском языке¹¹⁹. Таких примеров можно привести десятки.

Латинизация преследовала несколько задач: ликвидировать неграмотность, добиться атеизации населения, оторвать его от мусульманских книг, дистанцируя от духовенства снижением необходимости общения. Обучаться грамоте стало возможно вне стен мечетей. Результаты кампании позволили властям строить новое общество с населением, более активно выполняющим указания власти¹²⁰. Но один из посетивших СССР иностранцев, Э.Й.Диллон в 1929 г. подметил: «Иногда я думаю, что большевики, сами того не замечая, продолжают находиться во враждебно настроенной к ним стране. Они симулируют существование некоторых желаемых вещей, действуя так, как будто их предположение соответствует действительности»¹²¹. Довольно пессимистически и весьма убедительно высказался Е.Поливанов: «Вообще мне представляется довольно сомнительной борьба с каким-либо языковым (в коллективной языковой психике существующим, разумеется) явлением, имеющим внеязыковую причину, если борьба эта не обращена вместе с тем на искоренение этой причины данного явления»¹²². Сама власть чувствовала это. Пафос «великого перелома» утверждал, что «громоздкий Октябрь раздвинул каменные челюсти гор, дал людям просторный путь, и по этому пути отныне движется советская культура»¹²³. В сфере образования обогащение лексики казалось отображением подлинных сдвигов, развития и охвата ими широких масс населения. Конечно, и на них была печать политизации и сугубой утилитарности. На головы горцев обрушивались непонятные сокращения слов, их неологизмы: Наркомпрос; Работпрос, ОНО, педперсонал, ликбез, ликбезник, всевобуч, юннат; трудшкола, профшкола, ФЗУ, фабзавуч, рабфаковец, техникум, вуз, втуз, учком, школьком, школькоп, школькор, Пролетстуд, по-

литбой, политчас, Пролеткульт, передвижка; живгазета, стенгазета и др.

Насаждение того, что власть воспринимала как современные формы культуры: модернизация средств письма, исключительная установка на латинский алфавит как его обязательную базу, новая система образования, отчуждало людей от картины мира, создаваемой языками. При всех достижениях латинизации письменности отметим чисто лингвистические, а не только политические искривления. Заведующий отделом науки ЦК ВКП(б) К.Бауман 15 мая 1936 г. сигнализировал членам Политбюро ЦК А.Андрееву и Н.Ежову: «Новые алфавиты только называются латинизированными, как, например, абазинский и кабардинский алфавиты. В действительности это – мешанина латинских, русских и вновь созданных графических знаков, напоминающая по своей сложности и запутанности прежнюю арабскую письменность... Латинский алфавит имеет всего 24 знака, между тем в кабардинском языке насчитывается 65; а в абазинском – 68 фонем (звуков). ... Долголетний опыт показал, что кабардинские и абазинские дети с трудом овладевают своими азбуками только на пятом году обучения, а бегло читать эту “латинизированную” письменность еще никто до сих пор не научился». Д.Коркмасова и С.Диманштейна К.Бауман обвинил в «грубых извращениях национальной политики ВКП(б) и притуплении политической бдительности», руководство президиума ВЦКНА в «явно недостаточном» руководстве местными комитетами. «Наличие самотека в языковом строительстве» привело к тому, что «отдельные национальные республики и области по собственному усмотрению принимали, отменяли и изменяли алфавиты, орфографию и терминологию», а ВЦКНА беспомощно «наблюдал» и «фиксировал»¹²⁴.

В целом, для модернизации 1920-х годов характерен недостаточный учет роли социолингвистических проблем, хотя понималось, что коммуникативная функция языка производна от его познавательной функции. Такая рефлексия нацелена на модернизацию не только знаков письма, но и самих языков. Конечно, это очень странная семиотика, если соотносить ее с современным стандартом этой науки. Но в те годы верилось в

возможность вывести все истины из одного умозрительного источника, перестроить человеческую мысль исходя из рационального принципа. Но идеология не превращается в лингвистику или математическую логику, хотя много раз кажется, что это вот-вот произойдет. Вскрыть системную корреляцию языковой структуры и структуры социальной и обнаружить каузальные связи в том или ином направлении науке еще предстояло. Власть, считавшая, что для формирования современного языка большое значение имеет политическая идея, сумела навязать науке скептическое, в лучшем случае, снисходительное отношение к социологическим аспектам языка, позволяя несколько расширенное понимание соответствующих проблем. Такое отношение позволяло экстраполировать решение реформы письма на языковую ситуацию Северного Кавказа, на ход модернизации в целом. Каким бы значимым ни был культурный потенциал арабского письменного наследия, его социальная функциональность и продуктивность жестко ограничивалась социальным порядком традиционного общества. Это наследие было достоянием узкого круга образованной элиты. Ее энтузиазма было недостаточно для элементарного просвещения массы простых людей, не говоря уже о более сложных ресурсоемких проектах их жизнеобеспечения. Все решало внедрение советской власти в традиционную жизнь, мобилизация ею массы специалистов и других ресурсов для скорейшего решения остро стоящих жизненных вопросов. Советская власть и национальные элиты «делали свое дело», учитывая интересы господствующей идеологии. Социальная инженерия понималась как деятельность, отвечающая тенденциям этнических процессов. Но вероятно, большевики испытали бы большое удивление, наблюдая в наши дни возвращение религиозных школ, растущий интерес к арабскому языку. Феномен модернизации все еще является полем столкновения и противостояния культур и народов. Очевидно, что идеологизация подхода к латинизации письменности языков Северного Кавказа не исчерпывает содержания модернизации и не адекватна ее сложности.

- ¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1887. [Ч.] 1: Абхазский язык. Приложение «О распространении грамотности». С. 7.
- ² Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 год. Краснодар, 1996. С. 545.
- ³ *Алкадари Гасан-эфенди*. Асари-Дагестан: исторические сведения о Дагестане, 1891 г. / перевод на правах рукописи и предисловие к переводу Али Гасанова (Ал-кадари), 1927 // Рукоп. фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагест. науч. центра РАН. Ф. 31. Оп. 1. Д. 5. Д. 1158. Л. 19. См. также: *Ярлыкапов А.А.* Исламское образование в Дагестане: эволюция содержания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnonet.ru/ru/print/pub/01-04-01.html>
- ⁴ См.: *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 142.
- ⁵ *Анттикоски Э.* Проблема карельского языка в деятельности карельского национального движения в Финляндии (1905–1945 гг.) // История и филология: проблемы образовательной и научной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 167; *Бабин В.Г.* О языке преподавания католического Закона Божьего в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: [http://e-lib.gasu.ru /konf/makarhiv/2006/21.doc](http://e-lib.gasu.ru/konf/makarhiv/2006/21.doc)
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2306. Оп. 19. Д. 125. Л. 8об. Далее: ГАРФ.
- ⁷ *Луначарский А.* Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. № 6. С. 20.
- ⁸ Сталин – «местный шовинист» // Северный Кавказ. 1937. Сентябрь, № 41. С. 39.
- ⁹ *Красовицкая Т.Ю.* Организация научной базы национально-культурной политики в РСФСР (1917–1927 гг.) // Великий Октябрь и опыт культурного строительства в СССР: сб. ст. М., 1987. С. 47.
- ¹⁰ *Поливанов Е.Д.* Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. 1928. № 23–24. С. 315, 316.
- ¹¹ См.: Воспоминания коммунистов Закавказья о В.И.Ленине. Ереван, 1970. С. 270–279; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1982. Т. 12. С. 362.
- ¹² ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 5. Д. 45. Л. 61.
- ¹³ *Хансуваров И.* Латинизация — орудие ленинской национальной политики. М., 1932. С. 22.
- ¹⁴ См., например: *Сулейменов Р.Б.* Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 256; *Базиев А.Т., Исаев М.И.* Язык и нация. М., 1971. С. 112.

- ¹⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2526. Л. 13.
- ¹⁶ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–63.
- ¹⁷ Хансуваров И. Указ. соч. С. 13–20.
- ¹⁸ Государственные языки Российской Федерации. М., 1995. С. 75, 91.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 67. Л. 29.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1543. Л. 7–9.
- ²¹ С.Агамалы-оглы окончил Владикавказскую военную прогимназию, получил специальность землемера.
- ²² Вестник архивов АзССР. 1963. № 2. С. 161, 162.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 67. Л. 28.
- ²⁴ Там же. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1543. Л. 6, 7–9.
- ²⁵ Там же. Д. 1544. Л. 7. Г.Джабиев бывший председатель АзЦИК.
- ²⁶ Там же. Д. 1548. Л. 10.
- ²⁷ Там же. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 73. Л. 22–23; Оп. 2. Д. 58. Л. 116–121.
- ²⁸ См., например: Программа по собиранию лингвистических (языковых) материалов, необходимых для составления словаря балкарско (малкарско)-тюркских говоров Балкарского округа Каб.-Балк. авт. обл. Б.м., 1925. 8 с.; *Одабаш А., Кая И.С.* Руководство для обучения крымско-татарскому языку / Акад. советом Крымнаркомпроса допущ. к употреблению в школах. Симферополь: Крымиздат, 1924. 108 с.; и др.
- ²⁹ *Хамидова З.* Проблемы становления и развития чеченского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chechen.org/content.php?catID=432&conte...>
- ³⁰ См.: *Самойлович А. Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922. 15 с.; *Богородицкий В.А.* Введение в тюрко-татарское языкознание. Казань: Татгосиздат, 1922. Ч. 1 (общая): О природе языка. Физиология и психология речи. Типы языков. 58 с.; *Поливанов Е.Д.* Краткая грамматика узбекского языка. Ташкент; Москва: Туркпечать, 1926. Ч. 1–2; *Архангельский Г.В.* Грамматика казахского языка / под ред. Кеменгерова. Ташкент, 1927. 63 с. (Среднеазиатские курсы востоковедения РККА); и др.
- ³¹ *Жирков Л.* К реформе алфавитов восточных народностей: (опыт графического анализа алфавитов) // Новый Восток. 1925. № 10–11. С. 226–233.
- ³² *Яковлев Н.* Проблемы национальной письменности восточных народов СССР // Там же. С. 241.
- ³³ *Хаджиев А., Яковлев Н.Ф., Беляев М.В.* Культура и письменность горских народов Северного Кавказа: сб. ст. Владикавказ, 1930. С. 9, 15.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. А-2314. Оп. 8. Д. 99. Л. 190б.

- ³⁵ См.: Адыге. Опыт проведения латинского алфавита в кабардинских школах // Вопросы просвещения. 1926. № 3–4. С. 172. Далее: Адыге. Опыт проведения ...
- ³⁶ Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 29. Л. 20–27. Далее: НАРА.
- ³⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 112. Д. 568. Л. 10–11. Далее: РГАСПИ.
- ³⁸ Там же. Д. 566. Л. 85–86.
- ³⁹ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 201. Л. 9. Далее: ЦДНИРО.
- ⁴⁰ Там же. Л. 10–11.
- ⁴¹ НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 75. Л. 50–54.
- ⁴² Билатти Бало после гражданской войны эмигрировал в Турцию, затем в Восточную Европу. Редактор журнала «Призыв» на русском и турецком языках.
- ⁴³ *Билатти Б.* Борьба за язык на Северном Кавказе // Северный Кавказ. 1936. № 27. С. 8–10.
- ⁴⁴ *Краснов М.В.* Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913. С. 21.
- ⁴⁵ НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 75. Л. 50–54.
- ⁴⁶ Там же. Д. 29. Л. 65–73об.; Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 120. Л. 420–426. Далее: ГАРО.
- ⁴⁷ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.
- ⁴⁸ Там же. Л. 11.
- ⁴⁹ НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 75. Л. 7–8об.
- ⁵⁰ Адыге. Опыт проведения ... С. 172–174.
- ⁵¹ См.: *Агамалы-оглы С.* Неотложные нужды тюркско-татарских народов. Баку: Ком-т нового тюрк. алфавита, 1925. 88 с. Приложения: *Бартольд В.В.* К вопросу о старом и новом алфавите, с. 73–74; *Жузе П.К.* К истории арабского шрифта, с. 75–80; *Чобан-Заде.* О новом тюркском алфавите, с. 81; *Ашмарин Н.И.* О старом и новом алфавите, с. 82–86; В борьбе за новый тюркский алфавит: сб. ст. / С.Агамалы-оглы, Г.Бройдо, Л.Жирков, З.Навширванов, М.Павлович, Н.Тюрякулов, Н.Яковлев; под общ. ред. М.Павловича. М.: Науч. ассоц. востоковедения при ЦИК СССР, 1926. 70 с.; и др.
- ⁵² *Алиев У.* К созданию национальной письменности у горских народов // Вопросы просвещения. 1926. № 3–4. С. 169.
- ⁵³ *Агамалы-оглы С.* В защиту нового тюркского алфавита. [Баку]: Азгиз, 1927. С. 125; Т.Менцель дал подробный отчет о съезде в зарубежной прессе: *Menzel T.* Das heutige Russland und die Orientalistik // *Der Islam.* 1928. Bd. 17, Hf. 1. S. 59–96.
- ⁵⁴ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 2. Д. 19. Л. 177.

- ⁵⁵ Первый Всесоюзный тюркологический съезд (26 февраля – 6 марта 1926 года). Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 333, 334. Далее: Первый Всесоюзный тюркологический съезд.
- ⁵⁶ Там же. С. 328, 329.
- ⁵⁷ Там же. С. 164, 165.
- ⁵⁸ Протокол совещания, созванного Дагестанским обкомом ВКП(б) по вопросу о языке и новом алфавите [г. Махачкала, 29 июня 1923 г.] // Вестник Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2000. № 1. С. 18.
- ⁵⁹ См. об этом подробнее: *Агаев А.* Нажмутдин Самурский. Махачкала, 1990. С. 295.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. А-2314. Оп. 8. Д. 99. Л. 50.
- ⁶¹ *А.К.* Еще о едином языке горцев // Северный Кавказ. 1935. № 10. С. 19.
- ⁶² См. об этом: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука, 1991; *Его же.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. (Studia philologica).
- ⁶³ *Серю П.* Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе, 1920–30-е гг. / пер. с фр. Н.С.Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 360.
- ⁶⁴ *Агамалы-оглы С.* В защиту нового тюркского алфавита. С. 186.
- ⁶⁵ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. С. 396, 397.
- ⁶⁶ *Агамалы-оглы С.* В защиту нового тюркского алфавита. С. 64, 65.
- ⁶⁷ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. С. 216–227.
- ⁶⁸ Научное сообщество татароведения. 1926. № 6. С. 10.
- ⁶⁹ *Барахов И.* Итоги 1-го Всесоюзного Тюркологического съезда // Хозяйство Якутии. 1926. № 5. С. 37–50.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 269. Л. 19–21.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Д. 268. Л. 4–5.
- ⁷³ Стенографический отчет Первого пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку от 3-го до 7-го июня 1927 года. М., 1927. С. 170–174.
- ⁷⁴ *Яковлев Н.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. 1930. Кн. 6. С. 27–43.
- ⁷⁵ URL: <http://feb-web.ru/feben/litenc/encyclop/le8/le8-1392.htm> – 14.02.2008 г.
- ⁷⁶ *Алиев У.* Организация издательского дела на национальных языках Северокавказского края // Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1926. № 6–7. С. 91.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Сухотин А.* К вопросам алфавитной политики // Просвещение национальностей. 1930. № 4–5. С. 98, 99.

- ⁷⁹ Там же. С. 99.
- ⁸⁰ *Нухова З.К.* Национально-языковое строительство в Дагестане в 20–90-е годы XX века: история, опыт, перспективы: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2006. С. 107–109.
- ⁸¹ *Вандрис Ж.* Язык. М., 1937. С. 308.
- ⁸² *Нухова З.К.* Указ. соч. С. 111.
- ⁸³ *Поливанов Е.Д.* Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР. С. 314, 318.
- ⁸⁴ См.: *Тлюняев А.* Унификация алфавитов – одна из важнейших задач культурной революции в нацобластях // Революция и горец. 1931. № 3. С. 37–41.
- ⁸⁵ Правда. 1928. 17 июля.
- ⁸⁶ Известия ЦИК. 1928. 20, 22 декабря.
- ⁸⁷ Культура и письменность Востока. 1928. Кн. 1. С. 7–9.
- ⁸⁸ *Алиев У.* Латинизация письменности, борьба за новый алфавит и наши успехи // Революция и горец. 1928. № 1. С. 34.
- ⁸⁹ Правда. 1928. 22, 25 декабря.
- ⁹⁰ 75 лет назад башкирская письменность была переведена на латинизированный алфавит [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bashinform.ru/index.php?id=31148-10.02.2008>.
- ⁹¹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2116. Л. 83.
- ⁹² *Яковлев Н.Ф.* О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 25–38.
- ⁹³ *Его же.* Математическая формула построения алфавита. Б.м. 1923. См.: *Иванов Вяч.Вс.* Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Первая треть двадцатого века в русской культуре. Мудрость, разум, искусство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ivanov3.htm>.
- ⁹⁴ Всего в период с 1923 по 1939 г. на латиницу переведено более 50 языков (к 1939 г. в СССР письменность имели 72 народа).
- ⁹⁵ Цит. по: *Поливанов Е.Д.* Лекции по введению в языковедение и общей фонетике. Изд. 2. М., 2004. 112 с. (Лингвистическое наследие XX века).
- ⁹⁶ Г.А.Ильинский окончил историко-филологический факультет СПбУ (1898, золотая медаль). Преподавал там же, затем в университетах Харькова, Юрьева, Саратова, Казани, Москвы. Профессор с 1909 г., доктор филологии с 1911 г., чл.-корр. РАН с 1921 г., академик Болгарской (с 1929 г.) и Польской (с 1930 г.) АН. В 1934 г. арестован, в 1936 г. освобожден. В 1937 г. арестован повторно и расстрелян (*Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917—начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004).
- ⁹⁷ См.: *Поливанов Е.* За марксистское языковедение. М.: Федерация, 1931. С. 106, 107.

- ⁹⁸ *Е. С – ч.* Кулацкий волк в шкуре советского профессора: о книжке Е.Поливанова «Марксистское языкознание» // Международный язык. 1931. № 8–9. С. 357, 358.
- ⁹⁹ *Алиев У.* Знаменательная дата в истории культурной революции: (к десятилетию нового алфавита) // Революция и письменность. 1930. № 4–5. С. 21; *Его же.* По-новому работать, по-новому руководить: к итогам V Пленума ВЦКНА // Революция и национальности. 1931. № 9. С. 84.
- ¹⁰⁰ *Аишмаф Д.* К вопросу о языковом строительстве // Революция и горец. 1932. № 2–3. С. 134.
- ¹⁰¹ О словарно-терминологической работе // Революция и горец. 1932. № 6–7; *Сердюченко Г.П.* Решительно разгромить нацдемовскую контрреволюцию в языковом строительстве // Там же. 1933. № 6–7. С. 55–65.
- ¹⁰² *Яковлев Н.* О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов. С. 27–31.
- ¹⁰³ *Коркмасов Д.* Всесоюзный комитет нового алфавита на новом этапе // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 17.
- ¹⁰⁴ Культура и письменность горских народов Северного Кавказа: сб. ст. Владикавказ, 1930. С. 62.
- ¹⁰⁵ *Сердюченко Г.* Больше внимания вопросам языкового строительства в национальных областях // Просвещение национальностей. 1932. № 1. С. 56–60.
- ¹⁰⁶ *Его же.* Решительно разгромить нацдемовскую контрреволюцию в языковом строительстве. С. 63, 64.
- ¹⁰⁷ *См.: Тахтамышев К.* Латинизация на Северном Кавказе // Революция и письменность. 1930. № 4–5. С. 80–96; *Сердюченко Г.* Больше внимания вопросам языкового строительства в национальных областях. С. 60.
- ¹⁰⁸ *Аишмаф Д.* Указ. соч. С. 134.
- ¹⁰⁹ *Булгучев С.М.* Недопустимая безответственность в переводе партийных документов на нацязыки // Революция и горец. 1933. № 1–2. С. 109, 110.
- ¹¹⁰ *Коркмасов Д.* Указ. соч. С. 17. *Н.Яковлев* признавал «невозможность передавать телеграммы на новом тюркском алфавите», считая это «следствие алфавитной неразберихи и чересполосицы» (см.: *Яковлев Н.* За латинизацию русского алфавита. С. 43).
- ¹¹¹ *Глюняев А.* Унификация алфавитов – одна из важнейших задач культурной революции в нацобластях. С. 37–41.
- ¹¹² *Его же.* Создание национальной терминологии – важнейший участок культурной революции в нацобластях // Революция и горец. 1931. № 8. С. 120.
- ¹¹³ Хранилище документации новейшей истории НАРА. П. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 187–188; *Глюняев А.* Новые задачи издательского дела в

- связи с постановлением ЦК о реорганизации национального книгоиздания // Революция и горец. 1931. № 9. С. 39; Состояние национального просвещения на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1932. С. 22; Итоги хозяйственного и культурного строительства Карачаевской автономной области. Кисловодск, 1935. С. 200.
- ¹¹⁴ *Ахмед*. О борьбе за новотюркский алфавит // Коммунистическая революция. 1928. № 11–12. С. 46, 47.
- ¹¹⁵ *Пиастопуло П.* Культурное строительство среди националов и нацменьшинств края // За соцкультуру. 1930. № 8. С. 58.
- ¹¹⁶ *Тишков В.А.* Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетей, 2008. С. 43. См. беседу с С.И.Бруком.
- ¹¹⁷ Ср.: *Выготский Л.С.* Мышление и речь: психологические исследования. М., Л.: Соцэкгиз, 1934; *Март Н.Я.* Язык и мышление. М., Л.: Соцэкгиз, 1931.
- ¹¹⁸ *Алатов В. М.* Языковая политика в СССР в 20–30-е годы: утопии и реальность // Восток. 1993. № 5. С. 113–120. *Его же.* История одного мифа. Март и марризм; *Илизаров Б. С.* Почетный академик И.В.Сталин против академика Н.Я.Марра: к истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 102–122; № 4. С. 112–140; № 5. С. 162–190.
- ¹¹⁹ *Аишмаф Д.* Указ. соч. С. 133.
- ¹²⁰ См.: *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. С. 41; *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество: опыт ист.-социол. исследования. М.: Наука, 1978. С. 163.
- ¹²¹ Цит. по: *Плаггенборг Ш.* Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журн. «Нева»: Летний Сад, 2000. С. 39.
- ¹²² *Поливанов Е.* За марксистское языкознание. С. 164.
- ¹²³ *Перебийнос Ф.* Победенная тропа // Революция и горец. 1931. № 9. С. 46.
- ¹²⁴ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 114–121.

РОЛЬ И МЕСТО ПРОГНОСТИЧЕСКОГО
ПРИНЦИПА В ХОДЕ НАЦИОНАЛЬНО-
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАН КAVKAZA
(на примере республик Северная Осетия-Алания,
Южная Осетия)*

Обращение к Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.), рассчитанной на современный период, показывает, что главной задачей идеологической сферы, поддерживаемой практикой федеративного строительства в России, остается необходимость обеспечения единства и целостности российской государственности¹.

Для новых исторических условий развития российской государственности важны согласование общегосударственных интересов и интересов всех населяющих Россию этнических общностей, налаживание их всестороннего сотрудничества, совершенствование национальных языков и культур, сохранение самобытности.

На мой взгляд, эти критерии вполне применимы и характеризуют состояние ставших самостоятельными государствами бывших союзных республик, в том числе и республик Закавказья.

Правда, реалии таковы, что одни предпочитают решать эти задачи разными путями, в том числе и военным способом, устроительством всевозможных закулисных интриг и т.д., а другие – в основном опираются на демократические принципы. Как показало развитие событий в Закавказье в 1990-е годы, да и на Северном Кавказе, и особенно после распада Союза ССР, регионы Закавказья не явились исключением из правил.

* Научный проект выполнен при помощи гранта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие». Направление № 4. «Становление гражданского общества в России».

Трансформация национальных регионов России, включая и республики Северного Кавказа, в частности, Северную Осетию-Аланию, совершенствование правовой основы государственности осетинского народа, федеративного обустройства, а также нациестроительства, сопровождавшихся сложными социальными явлениями в обществе, в том числе в секторе экономики, межнациональных отношениях, социальными и межнациональными конфликтами в условиях повышенной этнической мобильности в 1990-е годы – начале XXI в., требуют пересмотра многих подходов, существующих «моделей» отображения событий в первую очередь в обществоведческих науках, преодоления сложившихся стереотипов, в частности, в истории, политологии, философии и других гуманитарных науках. Надо заметить, что эта задача осуществляется не только в научных центрах федерального значения (в большей мере), но и на местах.

Однозначно, изменение положения в российском государстве, а также в его составляющих, переход к новым социальным системам управления, как и регулирование межнациональными процессами, требуют от исследователей адекватной реакции, отхода от сложившихся стереотипов в оценке общественных явлений, использования существовавших «моделей» реформирования политической и экономической системы как в масштабе всего государства, так и в субъектах Федерации.

Это требование в условиях формирования совершенно иного самосознания и национального сознания граждан республики приобретает, в том числе и в Республике Северная Осетия-Алания, особую актуальность. Именно здесь выражено и самосознание индивидуума, принадлежащего к той или иной этнической общности, и этнической общности в целом.

Экономика – приоритетна, но она без сложившегося отношения в обществе к самому государству, его символам, к своей этнической общности, ее роли, без сформированного высоконравственного сообщества, духовно богатого, малопродуктивна.

В условиях современности необходимы новые подходы с целью выработки ответа на вызовы времени, накопление положительных практик самой государственности, Федерации,

межнациональных отношений, что требует, конечно, всеобъемлющего учета и изменений в способе производства, т.е. экономическом развитии общества, и в совершенствовании строительства федеративного государства, и в этнокультурном развитии общностей.

Одним словом, историография рассматриваемой проблемы как самой тонкой, деликатной и чувствительной сферы общества – национальных отношений – должна наполняться новым содержанием. Это в полной мере относится как к бывшим российским автономным национальным республикам, так и возникшим в качестве самостоятельных, суверенных республик – Южной Осетии и Абхазии в Закавказье.

На мой взгляд, в ходе совершенствования национально-государственного строительства было бы не лишним рассматривать наряду с принципами нациестроительства, формирование государственности, роль этнических общностей в преобразовании государственности, в качестве одного из составных элементов федеративного строительства и место и роль прогностического принципа в многонациональном государстве. При этом сделать его одним из обязательных компонентов определения будущего развития государства.

От правильности определения критериев прогноза, его составных частей, получения ответа на сложные вопросы и возможность (предположение) их развития во многом зависит уровень будущей консолидированности многонационального сообщества, каковым, например, в современных условиях, в век глобализации является Россия.

Уже в связи с этим проблема приобретает особую актуальность. Верными ли остаются выбранные и выбираемые обществом пути для решения многих задач? Адекватны ли реалиям применяемые социальные системы управления обществом как в социально-экономическом, научно-технологическом (имеется в виду разработка и применение новых технологий, базирующихся главным образом на новых достижениях науки), так и гуманитарном плане? Содействуют ли они продвижению общества в целом, улучшению его положения? Это, несомненно, важно для развития государства, того или иного его региона.

Геополитические и психологические последствия распада Союза ССР, социально-экономические и политические трудности переходного периода (1990-е годы – начало XXI в.) обусловили ряд кризисных ситуаций и сложных проблем в области международных отношений. Это не могло не усугубить положение на территориях с напряженной социально-экономической, экологической и криминогенной обстановкой, и особенно в местностях, где ощущается нехватка ресурсов жизнеобеспечения. Именно в регионах Закавказья и Северного Кавказа, включая и Республику Северная Осетия-Алания, как и другие национальные республики, располагающие избыточными трудовыми ресурсами, правовой неурегулированностью земельных и других отношений, наличие территориальных споров, проявление этнократических устремлений (события в Грузии в августе 2008 г. как раз и характеризуют эти факторы) содействовали развалу экономического сектора.

Поэтому для будущего развития экономики при разработке ее направлений, на мой взгляд, особенно важно четкое следование прогностическому принципу: насколько та или иная мера будет содействовать тому, чтобы сам сектор экономики государства был конкурентоспособным, отвечал потребностям дня, удовлетворял интересы сообщества.

В крайне сложных условиях, фактически в экстремальной кризисной обстановке в многонациональном сообществе предпринималась попытка к регулированию этими процессами с учетом прогностического принципа. Однозначно, путем присоединения каких бы то ни было территорий, того или иного административного района к той или другой республике, вопросы экономики своей государственности, т.е. применительно к Северному Кавказу каждой государственности в отдельности, не решишь, тем более в одном многонациональном государстве, как не решить и многих социальных проблем. Такой подход малоэффективен. Должны сочетаться интересы всех.

В условиях современности идет поиск таких путей, например, в сфере перераспределения трудовых ресурсов в масштабе российской государственности, обращение к положительному опыту прошлого, создание предприятий мелкой переработки.

Забота о состоянии сферы экономики – это не только забота Центра, но и всех регионов. Именно это положение подтвердили в очередной раз события конца 1980-х годов на территории Северо-Осетинской АССР, связанные с конфликтом между осетинами и ингушской частью населения, проживавшего в республике.

По моему мнению, обстановка была усугублена и принятием Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.). Почти в течение 10 лет многие структуры государственной власти, в том числе и наука, занимались принятием и реализацией Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г.

Кстати, это пример того, как не получил на практике применение и апробацию именно принцип прогнозирования, так необходимый в этом случае. Он выпал из числа обязательных компонентов, которые должно учитывать при разработке любого государственного нормативно-правового акта. В основу подобного документа должны быть положены такие составляющие, как историчность, философское толкование, экономическое обоснование, помимо прогнозирования.

Поэтому не случайно и появление таких оценок в российской историографии, что названный закон РСФСР не должен был иметь место. Подобные оценки имеют все основания для их рассмотрения. Эффект принятия закона имел в своей основе много отрицательных моментов, и особенно в плане реализации практических мер по территориальной реабилитации.

Строгое следование прогностическому принципу – это и своеобразный механизм для предупреждения возникновения негативных процессов в ходе развития нациестроительства в многонациональном государстве, имевшего ощутимые отступления от демократического развития государственности в прошлом.

И это в то время, когда общество располагало информационным обеспечением основных направлений государственной национальной политики, в том числе и о депортации народов, особенно о состоявшейся их реабилитации во второй половине 1950-х – 1960-е годы.

Главной задачей прогнозирования остается обеспечение исследовательской и прогнозной деятельности информацией². Общество располагало всеми доступными возможностями анализа событий прошлого, в частности, событий, связанных с депортацией в 1930–1940-е годы, складывавшихся реалий в начале 1990-х годов. Именно этими источниками разработчики закона и не воспользовались. Никто не проявил заботу о подготовке своеобразных национальных прогнозов, которые помогли бы дать ответ на вопрос: по какому пути пойдет та или иная государственность в случае принятия подобного нормативно-правового акта. Одним словом, обострения межнациональных противоречий, закончившихся вооруженным конфликтом, можно было избежать.

В том, что Россия как государственность развивалась в 1990-е годы исключительно спонтанно, сомнений нет. На волне демократизационных преобразований начала 1990-х годов и последующего времени в сфере ломки самосознания и национального сознания проявлялось судорожное «хватание» за различные модели формирования многонационального государства. О прогнозе его дальнейшего развития, возможности изменения тех или иных принятых решений, их выверенности практикой, конечно же, не было и речи.

Государственные органы исполнительной и законодательной власти, призванные к решению этих сложных задач, действовали в основном по уже накатанной формуле: «давай-давай». Итоги же в случае анализа накопленного опыта как в масштабе всей страны, так и отдельных частей замкнутого географического пространства не кажутся такими радужными.

Для всего рассматриваемого периода характерно топтание на месте, стремление к бесконечной доказательности, конструированию всяческих аргументов правильности принятых решений. Однако, отметить положительные особенности, характеризующие многонациональное общество как консолидированное, строящееся на уважении этнических общностей, его населяющих, имеющее стратегические цели в своем развитии, становится сложной задачей.

Только отдельные, конечно, жизненно важные вопросы принимали дискуссионный характер. В то же время так и не

было достигнуто логического завершения по многим принимаемым установкам развития государственности. Отсутствует формулировка и констатация полученных выводов, рекомендаций, определение их роли и места для развивающейся демократии в государстве.

На мой взгляд, об этом красноречиво свидетельствует решение проблемы внедрения в практику договорного принципа разграничения полномочий между центром и периферией в едином государстве, когда обрелся опыт становления и стратегии партнерства.

Чем закончилась вся эта процедура? Оказывается, ее применение необходимо было лишь для того, чтобы стабилизировать положение перед нависшей угрозой целостности государства. Но где же оценка и признание того, что это противоречит самой сущности фактора единства государства, четкому выстраиванию вертикали власти и т.д. Об этом история умалчивает, как умалчивают и те, кто стоял у истоков появления этих социальных проектов. Наверное, необходимо подобные послышки рассматривать в качестве промежуточного тактического приема. Прогнозировалось ли развитие процессов вокруг этого направления? Вероятно, нет.

Ценное значение, конечно же, приобретает и прогнозирование такого направления, как развитие и предотвращение межэтнических конфликтов в условиях современного состояния России. Этот вопрос особенно актуален. В.Мукомель, И.Кузнецов, С.Чарный в своем изданном научном проекте «Предотвращение региональных конфликтов в Российской Федерации. Методические рекомендации» (М.: Академия. Московское бюро по правам человека, 2008), очевидно, всерьез полагают, что именно по предложенному ими сценарию и могут быть предотвращены конфликты, исходя из того, что каждой службе ими предписана реализация мер в этом направлении.

Тем не менее, авторы акцентируют внимание на том, что в решении этих задач приоритетным остаются «не лозунги и речевки, а профессиональные знания технологий эскалации напряженности и/или насилия». И, касаясь основных целей предотвращения конфликтов, в первую очередь уделяют внимание

обеспечению социально-экономической стабильности, что, несомненно, важно как для России в целом, так и применительно к ее конкретным регионам. В этом случае республики Северного Кавказа не являются исключением.

Создание условий для полноправного социального, политического, экономического и этнокультурного развития остается по-прежнему той основой, на которой возможно решение всех других вытекающих задач.

И самым важным в рекомендациях авторов проекта, которые по своему содержанию означают прогноз будущего в предотвращении межэтнических конфликтов, являются предложенные восемь направлений возможных итогов реализуемых мер. Правда, авторами сделан несколько уклон в сторону соблюдения прав и свобод человека и гражданина (это штампы). История межэтнических конфликтов на территории Советской Республики, Союза ССР, России свидетельствует о том, что они вершились и в условиях объявленной свободы и демократии, и в другой, противоположной ситуации.

Импонирует следующее – понимание и значение принципа интернационализма и прогнозирование усиления его роли особенно применительно общеобразовательных учреждений и высших учебных заведений России. Можно сделать вывод, что ученые пришли к этому заключению на основе проработанного и изученного объемного материала, накопленного в 1990-е годы – начале XXI в.

Вторым компонентом в данном случае названа культура мира, провозглашение лозунгов которой в 1990-е годы наделало много шума, но затем произошел процесс реверберации (затухания), когда даже представителями истеблишмента России было заявлено о слабой эффективности этой системы на территории России, а то и ее неприемлемости вообще. В частности, Ю.М.Лужков по этому поводу осторожно замечал: «Конечно, по своей масштабности культура мира – это мегаидея. Признавая ее консолидирующее воздействие на многие аспекты развития человеческого общества, мы в то же время выступаем сторонниками определения более узкого круга первоочередных задач, порожденных потребностями и условиями сегодняшней действительности»³.

Нельзя не выразить согласия по остальным составляющим представленного прогноза итогов заведомого предотвращения межэтнических конфликтов. Правда, некоторый вопрос вызывает провозглашенное «повышение уровня объективного информирования общественности»⁴. На мой взгляд, в государственном масштабе оно должно быть взвешенным и продуманным, учитывать реальное состояние дел, в той же сфере межнациональных отношений как в масштабе страны, так и применительно к отдельным ее регионам.

Это особенно важно в сфере межнациональных отношений и межконфессионального диалога, учитывая при этом – что ценно для представителей одной этнической общности, то вызывает внутренний протест, зачастую открытое недовольство, проявляемое в разных формах, у представителей другой этнической общности. Здесь не следует использовать ни приемы «продавливания», ни нагнетания страстей, что, несомненно, встречается на практике, и нередко.

Необходимо все-таки руководствоваться формулой – «мы (общество) живем в другой сфере, в новом мире взаимоотношений, в период глобализации». Соответственно и интеграция в современный мир протекает с проявлением определенного паралича «идентичности», отсутствия национальной идеи, деструкции государства, в условиях наличия размывания социальной неопределенности в отношении к той или иной категории граждан.

На мой взгляд, российское общество пережило этот своеобразный «паралич идентичности». В многоэтничной и поликультурной России формирование национальной идентичности, означающее становление единой нации, болезненный и противоречивый процесс, требующий сближения и трансформации различных этнических общностей и культур.

Вполне разделяю мнение по этому поводу Х.Г.Тхагапсоева – доктора философских наук, профессора Кабардино-Балкарского университета им. Х.М.Бербекова, что в 1990-е годы произошла приостановка культурного диалога едва ли не на всем пространстве российской цивилизации⁵. В качестве причин названы демонтаж прежних форм и механизмов взаимо-

действия российских культур, отсутствие новых. Усилия последних десятилетий были направлены главным образом на взаимное отчуждение культурных сообществ, на поиски и всяческое подчеркивание культурных различий.

Каков в данном случае возможен прогноз, носящий социальную направленность? Это прежде всего восстановленный диалог культур как системы сложных отношений, включающих взаимное признание и проникновение, отталкивание и противодействие. В данном случае речь идет о диалоге русской и кавказских культур. Одним словом, 1990-е годы прошли под влиянием развивавшегося сепаратизма политического и в сфере культуры.

Вывод очевиден: в условиях, когда Россия преодолевает советский уклад жизни, не отвергая, конечно, положительный накопленный опыт, переживает не всегда удачно протекающие реформы экономического и социально-культурного бытия, «постсоветский кризис диалога российских культур может быть преодолен в контексте успешного развития Российского государства в целом».

В историографии начала XXI в. применительно к Северо-Кавказскому региону, в частности, к республикам Южная Осетия и Северная Осетия-Алания, появляется впервые научный труд, в котором большое внимание уделено месту прогностического принципа при рассмотрении вопроса современного состояния одного из субъектов Северного Кавказа – Республики Северная Осетия-Алания, ее государственному обустройству в новых условиях, своеобразного процесса обновления⁶.

Исследователь Х.Г. Дзанайты рассматривает многие составные элементы федеративного строительства, в числе которых и нациестроительство, государственность, роль и место осетинского народа (именуемого автором аланами). Все это, конечно, позволяет сделать вывод, что исследование носит в целом дискуссионный характер, что свидетельствует и об определенном интересе к каждому из разделов труда. Конечно, надо учитывать, что за автором остается право подавать материал в своем изложении в задуманной им форме.

За долгие годы впервые появляется работа, в которой наблюдается отход от бесконечно муссировавшегося осетинингушского конфликта, от тех противоречивых отношений, которые установились и между народами, и республиками.

В связи с этим любопытна попытка автора спрогнозировать развитие государственности осетинского народа на примере возможного, предполагаемого объединения Республики Северная Осетия-Алания и Южной Осетии как следствие развязанной Грузией войны, вторжения на территорию Южной Осетии и проводимой Грузией экстремистской по своей направленности и действиям политики по отношению к южным осетинам.

Конечно, составление прогноза, основанного на базе исторического прошлого осетинского народа, его этногенеза, событий после 1917 г., в условиях функционирования Советского Союза и в 1990-е годы, задача, однозначно, неблагодарная, и далеко непростая.

Однако политология как наука должна постоянно иметь в виду и эту составляющую. И то, что Х.Г.Дзанаиты проводит это применительно к будущей Республике Алании, – это своеобразное новаторство, обусловленное реалиями развития социальных процессов на территории двух республик, а в будущем, возможно, на территории одной объединенной государственности в составе Российской Федерации. Впервые эта компонента автором строго выдержана, его нельзя упрекать в том, что он разделяет будущую Республику Аланию и Российскую Федерацию, как раз, наоборот, все подается в исследовании органично.

На основе имеющихся материалов и выводов своих предшественников, изученной литературы, полевого материала Х.Г.Дзанаиты представил обоснование необходимости оформления национальной доктрины Республики Алания, которая, конечно же, должна базироваться на системе взглядов, на раскрытии роли и значения составляющих понятия нация (конкретно осетинская) в обеспечении полноценного развития общности осетин, социально-политического развития общности, ее государственности. В этом ряду выступают и принци-

пы, определяющие механизм политического и экономического регулирования жизнедеятельностью образуемого общностью субъекта государственных федеративных отношений на современном этапе их исторического развития.

Верным будет или нет, однако, предлагаемую национальную доктрину Республики Алания можно было бы вписать в рамки принятой в Российской Федерации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.).

Анализ сравнения свидетельствует о совпадении многих составляющих того, как отмечает диссертант, что Республика Алания – органична с Российской Федерацией, то вместо доктрины это могли бы быть и «Основные направления развития государственности Республики Алания». Конечно, все это рассчитано на новые условия, когда будет устранен фактор раздробленности, разделенности единой этнической общности, достигнуто объединение географического пространства, решение территориальной проблемы государственности.

Вызывают вопрос отдельные аспекты этой концепции. Так, вряд ли необходимо заострять внимание в доктрине на проблеме этнокультурного возрождения осетинской этнической общности, возводить ее в качестве отдельного этнокомпонента, так как осетины (аланы) – этническая общность с древней культурой, своим народным эпосом «Нарты», сохранившимся родным языком, самобытной культурой, почитаемыми традициями, трудолюбием, верованиями.

Конечно, осетинам как этнической общности пришлось немало претерпеть на разных срезах истории, ее социальных изломах. Сказывалась изолированность в горах Центрального Кавказа, но благодаря мудрости, непрерывного взаимодействия с народами Кавказа осетинский народ выстоял и занимает достойное место в содружестве народов Кавказа. Все эти факторы не могли не оказать влияние на формирование самосознания и национального сознания народа.

Особо следует обратить внимание на понятие нация, в чисто теоретическом плане. Постановка вопроса актуальна. От-

дельные ученые придерживаются того мнения, что нация должна иметь свой собственный характер, отличаться от всех других (похожих или идентичных наций не бывает). Исследователь сторонник того, что нация должна быть аутентичной (соответствующей самой себе) и индивидуальной в национальном смысле. В данном случае я полностью солидарен также и с В.А.Тишковым, его точкой зрения, что нация еще и «должна быть “свободной”, т.е. действующей автономно на основе “внутренних законов” именно этой абстрактной общности и без каких-либо внешних ограничений»⁷.

До сих пор ученые не дают ответ на вопрос: нуждается ли Россия в институте президентства в ее национальных республиках. Какие же существуют точки зрения и по этому поводу? Х.Г.Дзанайты придерживается того мнения, что этот институт государственной власти в республиках излишний, выступая с предложением о создании парламентской республики. В этом вопросе можно проявить полную солидарность. Правда, автор в данном случае не первооткрыватель. Этот сюжет затрагивался ранее учеными Кабардино-Балкарской Республики (Х.Думанов, В.Кажаров и др.), вопрос прозвучал и на проходившейся в Нальчике в ноябре 2008 г. Всероссийской научно-практической конференции по проблемам федеративных отношений в Российской Федерации. Более того, учеными северокавказских республик было высказано мнение не только о ликвидации института президентства в республиках, но и самих республик, как объектов порождения противоречий, межнациональных конфликтов, идей борьбы за самостоятельное существование и т.д.

Руководствуясь обязательным наличием прогностического принципа и необходимостью его применения, на наш взгляд, важно подходить с учетом его при анализе событий, в которых немалую роль играет ситуация, связанная с геополитическим аспектом, его влиянием на развитие государственности осетинского народа, и особенно в условиях глобализации.

Используя имеющиеся источники, в том числе и данные, опубликованные в странах Западной Европы, США по этому вопросу, упоминавшийся Х.Г.Дзанайты уделяет особое внима-

ние раскрытию состояния экономики в Кавказском регионе, военного дела, роли и места Осетии в развивающихся процессах на Кавказе. Им же вскрыта изнутри сущность нового союза Грузии с США, действующей по формуле «кто богат – тот наш союзник». Привлекает предложенный автором сценарий развития событий в случае дальнейшего укрепления позиций Грузии в НАТО.

Приведенные обобщенные данные по разным направлениям военно-политического состояния на Северном Кавказе позволяют делать выводы по вопросу дальнейшего укрепления позиций России. Укрепление мощи России, стабилизация внутреннего положения, установление гражданского мира – это залог ее успехов в консолидации этнических общностей не только на Северном Кавказе, но и во всем Кавказском регионе.

На мой взгляд, в самой политологии как науке имеются все возможности, в отличие от истории и других социальных и гуманитарных дисциплин, занимаясь изучением прошлого и настоящего, устремляться главным образом в будущее, и она, конечно, имеет все возможности для решения вопросов прогнозирования развития общественных явлений.

Хотя это не исключает и роли исторической науки, которая, благодаря усилиям ученых, их обобщениям, выводам, возможности глубокого анализа исторических событий, позволяет сделать реальным прогнозирование дальнейшего развития того или иного общественного явления.

Несомненно, всестороннее использование прогностического принципа предполагает глубокое знание роли этнокультурного и социо-исторического факторов в этнических конфликтах, протекавших и имеющих место на территории, образовавшейся после распада Союза ССР, в том числе и территории Закавказья. Важны знания этнокультурных и социо-исторических аспектов зарождения, исторической динамики грузино-осетинского и абхазского конфликтов. По нашему мнению, события августа 2008 г. содействовали необходимости принятия Россией кардинальных мер по стабилизации ситуации в Кавказском регионе в целом.

Однозначно, был сделан верный прогноз развития последующей ситуации: через признание Абхазии и Южной Осетии конфликты удалось ввести в новое геополитическое измерение. Был исторически обоснован предпринимавшийся шаг, что свидетельствует и о значимости исторической науки, накопленного ею опыта. Хотя это еще и не понято до конца как в определенных международных кругах, так и в экспертных сообществах. Не случайно «Москва» многими политологами, особенно Запада, рассматривается как «провокационная действующая сила».

Научные проекты по истории, если они не преследуют прогнозирования будущего развития событий, по моему мнению, вряд ли могут быть востребованными. Поэтому в конкретном случае сразу просматривается фактор взаимодополняемости наук, достижения главного условия интегральной компетентности, так необходимой при составлении подобных прогнозов.

Одним словом, задача ученых – политологов, историков, обществоведов – уделить внимание рассматриваемой проблеме, выработать необходимые рекомендации для практиков сферы экономики, культуры, регулирования социальными процессами, включая и межнациональные отношения, где в таких рекомендациях ощущается особая потребность. И учеными республик Северного Кавказа, включая ученых Республики Северная Осетия-Алания, делаются в этом плане первые успешные шаги.

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Реабилитация народов России: сб. док. М.: Инсан, 2000, С. 7–21.

² Заикина Г.А. Главная задача – обеспечение исследовательской и прогнозной деятельности информацией: обсуждение научного сообщения // Вестник Российской академии наук. 2009. Август. Т. 79, № 8. С. 694, 695.

³ Комплексная городская программа «Москва на пути к культуре мира». Обращение мэра Москвы Ю.М.Лужкова к читателям. М.: МДН, 2000. С. 1.

⁴ Предотвращение региональных этнических конфликтов в Российской Федерации: методические рекомендации. 2-е издание. М.: Академия: Моск. бюро по правам человека, 2008. С. 7.

- ⁵ См. подробнее: *Тхагансоев Х.Г.* Пушкинский фактор в диалоге русской и кавказских культур // Вестник Российской Академии наук. 2009. Июль. Т. 79, № 7. С. 617–623.
- ⁶ *Дзанайты Х.Г.* Тенденции развития осетинского народа: историко-политологический анализ и прогноз: автореф. дис. ... д-ра политол. наук. М., 2008.
- ⁷ *Тишков В.А., Шнирельман В.А.* Введение // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 15.

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ ПОСЛЕ 8 АВГУСТА 2008 г.

Ситуация в Южной Осетии после событий 8 августа 2008 г. имеет свою специфику. В республике ожидают от Москвы не только материальной помощи (хотя и ее тоже), но главным образом – содействия в формировании институтов местной государственности, помощи как в дальнейшем ее оформлении, так и институционализации. Кадровый вопрос является в этом отношении едва ли не ключевым.

Однако столь привычные, и при этом не лучшие, мягко говоря, методы хозяйствования (с их «откатами», «распилами» и повсеместным насаждением в структурах государственного управления бизнес-моделей, ориентированных исключительно на извлечение прибыли), уже в недалеком будущем способны создать России на кавказском направлении трудноразрешимые (если вообще ли разрешимые) проблемы, обесценив при этом полностью августовский успех, а он дался ценой немалых издержек.

Ситуацию, при которой грузинские беженцы из анклавов под Цхинвалом и Ахалгори были обеспечены за счет Евросоюза всем необходимым (называть их вполне благоустроенные дома «курятниками» не совсем уместно), в то время как многие пострадавшие от войны жители Южной Осетии до последнего времени в буквальном смысле слова выживали (в армейских палатках или в тесноте у родственников), трудно оценить в качестве приемлемой. Она представляет собой лишь один частный пример, и ожидать в этой ситуации, что представители западных структур не будут «на пальцах» разъяснять гражданам как Южной, так и Северной Осетии все «прелести» их «самостоятельного» существования вне Российской Федерации, было бы верхом наивности.

Конечно, господин Саакашвили и его «доблестные» вояки сделали все для того, чтобы свести количество таких граждан к минимуму. Люди не переносят свое недовольство на Россию,

однако вряд ли это дает повод почивать на лаврах, и создание привлекательной модели российско-югоосетинского взаимодействия имеет ключевое значение не только для Кавказа, но и для всего постсоветского пространства.

В октябре 2009 г. внутривнутриполитическая ситуация в Южной Осетии вновь попала в фокус общественного внимания, и здесь можно увидеть некую долгосрочную тенденцию и умело разыгрываемую стратегию. И связано это было не столько с происходящим в самом Цхинвале, сколько с инициированным рядом оппонентов действующего югоосетинского президента Эдуарда Кокойты форумом в Москве 9 октября 2009 г. Данное мероприятие, обозначенное его организаторами как первый российско-югоосетинский форум общественных и политических организаций и посвященное преимущественно критике действующего президента, предсказуемо оказалось в центре скандала с взаимными обвинениями и упреками в предательстве национальных интересов. При этом слово «российский» звучит в контексте происходящего весьма двусмысленно, особенно на фоне утечек информации о том, что значительные средства на организацию мероприятия были получены из Лондона. Речь идет о том, что некоторые действия организаторов Форума, имеющие к тому же постоянную прописку во Владикавказе, Москве или еще дальше, а вовсе не в Цхинвале, отнюдь не свидетельствуют об их стремлении решать возникающие проблемы конституционными методами. В частности, Альберт Джусоев заявляет: «Люди доведены до отчаяния, при огромных объемах российской помощи республике они брошены на произвол судьбы. Надо учитывать, что в Квайсе почти у всех на руках оружие. Одна искра – и начнется кровопролитие. Не исключаю, что именно этого и добиваются действующие власти РЮО, чтобы потом свалить всю вину на своих оппонентов»¹. На этом фоне отказ от приглашения на «форум» представителей законодательной власти Южной Осетии выглядит едва ли не верхом толерантности и либерализма...

Прозвучавшие в Москве требования немедленной отставки Эдуарда Кокойты также вряд ли выглядят обоснованными. Как известно, в любом государстве есть возможность сменить ли-

дера путем всенародных выборов, в Южной Осетии они состоятся через два года. С другой стороны, обострение подобного рода критики представляется весьма симптоматичным именно сегодня – на фоне улучшения отношения югоосетинского населения к своим властям и растущего осознания того факта, что в разворовывании средств на восстановление республики виноват отнюдь не один только господин Кокойты.

Да, просчетов у действующего руководства Южной Осетии немало, но констатировать о том, что оппозиция пользуется массовой поддержкой среди населения республики, было бы, мягко говоря, сильным преувеличением. Только один факт: на выборах 31 мая 2009 г. оппозиционная партия «Фыдыбаста» не преодолела 7-процентный барьер. Развернувшаяся в республике общественная дискуссия о путях ее развития выявила наличие весьма разнообразного спектра мнений по данному вопросу. Большая часть общества рассматривает признание как этап, который рано или поздно должен закончиться воссоединением севера и юга Осетии в составе России.

В республике существует также значительная группа представителей общественности, полагающей, что главная цель достигнута, и теперь южным осетинам следует сосредоточить свои усилия на строительстве осетинского национального государства по примеру соседних Грузии, Армении и Азербайджана, а также других государств постсоветского пространства. При этом наиболее радикальные представители последней точки зрения настаивают на немедленной диверсификации югоосетинской внешней политики, выходе из-под российской опеки и включения западных акторов, в той или иной форме, в формирование югоосетинской политической реальности.

Несмотря на то, что пророссийская ориентация югоосетинского общества пока остается главной константой политического процесса вообще, в обществе постепенно усиливаются позиции прозападно настроенных радикал-националистов. Есть все основания полагать, что в 2010–2011 гг. данная группа консолидируется в политическую партию и попытается выставить на выборах своего кандидата в Президенты Южной Осетии. При этом имеющиеся уже сейчас у этих людей контакты,

как с Брюсселем, так и с Тбилиси, не исключают получения ими для реализации своих задач существенной поддержки, как моральной, так и материальной.

Третья, самая малочисленная группа, полагает, что Южная Осетия, руководствуясь уникальными основаниями своей политической культуры, а также почти 20-летним опытом строительства политических институтов, может сформировать свой собственный политический проект, найти своего рода «третий путь», который избавит нас от слепого копирования, как индустриального, так и постиндустриального пути развития современного Запада².

Собрание югоосетинской оппозиции в октябре 2009 г. в Москве имело широкий резонанс (получило широкий пиар), а также доброжелательные отклики со стороны либеральных московских СМИ и части экспертов, выразивших в который раз свое неудовольствие действующим лидером Южной Осетии. Причем создается впечатление, что информационное сопровождение данной акции строилось по принципу «чем хуже – тем лучше». Иными словами: чем больший разлад удастся внести в среду и без того не слишком многочисленных южных осетин – тем в большей степени цели организаторов форума можно считать успешно реализованными. «Противостояние между действующей администрацией Южной Осетии и ее оппонентами достигло... невиданного до сих пор накала», – намеренно драматизировали ситуацию некоторые издания, стремясь убедить почтенную публику, что югоосетинская оппозиция – не миф.

Любопытное совпадение: ровно те же представители медийного и экспертного сообщества в свое время резко выступали сперва против вооруженного противодействия грузинской агрессии со стороны российской армии, а потом – и против признания Москвой независимости Южной Осетии. Подобная позиция вполне понятна и объяснима, как и высказывания грузинских политиков, всячески пытающихся связать оппонентов Эдуарда Кокойты с действующей российской властью. Так, вице-спикер парламента Грузии Михаил Мачавариани полагает, что «Кокойты – преступник, и он очень не нравится лично Путину...». Еще более прямо высказался «госминистр

Грузии по вопросам реинтеграции» Темури Якобашвили: «Сейчас в ФСБ думают, какими методами убраться Кокойты».

Осведомленность известного тбилисского ястреба о планах ФСБ, конечно, впечатляет. Однако не приходится сомневаться: дискредитация руководства Южной Осетии в московских коридорах власти имеет целенаправленный и хорошо скоординированный характер. Можно предположить, что после августовских событий 2008 г. усилия Вашингтона и Тбилиси сосредоточены на Москве и цель этих усилий очевидна: после смещения «тоталитарного» и не устраивающего грузинское руководство Эдуарда Кокойты попытаться протащить к власти в Цхинвале политиков, ориентированных на ведение «конструктивного диалога» с официальным Тбилиси. То, что существует грузино-лоббистская группа из числа проживающих в столице России осетин, известно. Люди эти действуют под вполне официальными вывесками.

Раньше, как известно, грузинским руководством основная ставка делалась на Дмитрия Санакоева, но как уже не раз высказывалась грузинская непарламентская оппозиция: «Проект Дмитрия Санакоева» – ошибка грузинских властей, в которой они никогда не признаются. Информация газеты «Ахали таоба» была еще более прямолинейной. Так, по словам конфликтолога, члена Республиканской партии Пааты Закареишвили, никакой пользы от временной администрации Южной Осетии во главе с Санакоевым нет. Однако упразднить ее президент Грузии не будет, поскольку в отношении урегулирования конфликта это уже ничего не даст, и, в то же время, все, в том числе и россияне, заявят, что Саакашвили, мол, признал свою ошибку. Кроме того, все, кто отошел от нынешнего режима, сейчас делают изобличающие руководство страны заявления. И для Михаила Саакашвили, а также для главы МВД Вано Мерабишвили, в чьи интересы входила реализация проекта, лучше тратить на Санакоева деньги и дальше, и так обеспечивать его молчание. «После ухода нынешнего руководства Санакоева будет жалко. Тогда он должен будет либо заявить, что, мол, вот, братья-осетины, Саакашвили и Мерабишвили вынудили меня быть их заложником, и так сдать осетинам, либо рас-

сказать какие-либо “страшные вещи” и остаться в Грузии. Другого выхода у него нет. Санакоев еще молодой мужчина, однако, уже испортил себе жизнь», – заявил Паата Закареишвили.

Поддержка югоосетинской оппозиции со стороны внешних сил, пытающихся весьма изошренно действовать через Москву (а точнее – через элитные группы, изначально выступавшие против признания независимости Сухума и Цхинвала), выглядит все более заметно. Интернет-издание «Осинформ» резонно обращает внимание на то, что «кто-то в последнее время обеспечил югоосетинским оппозиционерам уровень координации, превосходящий качественно организаторские способности каждого из них в отдельности»³. И проведение в Москве весьма помпезного форума под охраной многочисленных сотрудников милиции, все эти многозначительные намеки на влиятельных покровителей и выходы в «высокие кабинеты» заставляют задуматься, как минимум.

Какая участь ждет Южную (а вслед за ней и Северную) Осетию в том случае, если планы по смещению ее нынешнего руководства получают дополнительный импульс? Рискнем предположить: несмотря на пафосные заявления, ничего хорошего не произойдет. Утверждение Инала Плиева о том, что «югоосетинская оппозиция льет воду на мельницу США»⁴, может оказаться не очень далеким от истины. И при формировании долгосрочной российской стратегии на Кавказе на это следует обратить особое внимание.

В случае успеха грузинской операции в Южной Осетии (а вероятность этого была, как нам представляется, достаточно высокой) Россию неминуемо ждала бы череда кровавых конфликтов на Северном Кавказе и острейший внутривосточный кризис.

Нападение Грузии на Южную Осетию имело своей целью спровоцировать распад России, полагает, например, советник председателя Конституционного суда Российской Федерации Владимир Овчинский. По его мнению, опасность распада России не ликвидирована. «Нападение Грузии на Южную Осетию имело своей целью запустить центробежные процессы, которые действовали при развале Советского Союза. Если бы гру-

зинские танки с натовскими инструкторами стояли бы на российских границах, весь негатив, скопившийся на Северном Кавказе, вылился бы внутрь России и обернулся сепаратизмом. Сейчас многие говорят о том, что, признав Абхазию и Южную Осетию, Россия стимулирует сепаратизм на собственной территории. На самом деле, все наоборот – признав эти республики, мы остановили сепаратизм. Если бы Москва не ответила на агрессию Тбилиси, начался бы распад России, в чем и состояла основная идея нападения», – утверждал Овчинский⁵.

В ходе заседания клуба «Валдай», собравшего ведущих представителей западного аналитического сообщества, премьер-министр России В.Путин прямо заявил: если бы Россия не защитила Южную Осетию, то получила бы «второй удар» по своему Северному Кавказу. По словам В.В.Путина, некоторые неправительственные организации в России готовили отделение ряда республик, если бы Россия не защитила Южную Осетию. «Мы зафиксировали даже создание неправительственных организаций в некоторых республиках Северного Кавказа, которые под предлогом не защиты Южной Осетии ставили вопрос об отделении из состава Российской Федерации», – рассказал премьер, подчеркнув, что если бы Россия не защитила Южную Осетию, то получила бы «второй удар» и «пошла бы раскачка Северного Кавказа»⁶.

В.Путин подчеркнул, что это США подтолкнули Грузию к агрессии против Южной Осетии. «Американские партнеры постоянно занимались подготовкой грузинских вооруженных сил, вкладывали немалые деньги, посылали туда огромное количество инструкторов, которые мобилизовывали армию, – заявил российский премьер. – Они просто одну из сторон конфликта – грузинскую сторону – подтолкнули к агрессивным действиям»⁷.

После смены американской администрации в Москве получила некоторое распространение точка зрения о том, что между президентом США Бараком Обамой и его ближайшим окружением существуют якобы определенные разногласия в политике по вопросу Украины и Грузии на фоне американо-российской «перезагрузки» отношений. Приходится даже слы-

шать утверждения, что «с приходом в Белый дом новой администрации во главе с президентом Бараком Обамой в отношениях Соединенных Штатов и России произошел перелом. Обама удалось достаточно быстро покончить с политикой Джорджа Буша-младшего⁸. В результате жесткий отпор позиции США приходится давать уже президенту РФ Дмитрию Медведеву. В частности, в одном из телеинтервью в рамках программы «Беседы с президентом», глава российского государства заявил, что отношения между Россией и Грузией, а также Украиной будут восстановлены на новой основе с учетом реалий, сложившихся за последнее время. Применительно к Грузии реалии таковы, что решение РФ о признании независимости Южной Осетии и Абхазии должно быть некоей константой, которая будет в будущем определять российско-грузинские отношения.

«В Москве... не поняли того, что у Обамы и его замов нет расхождений по поводу ситуации вокруг Грузии. Теперь нам приходится отыгрывать назад и более ясно заявлять о своем видении ситуации в регионе... Что делать? Более последовательно проводить политику поддержки Южной Осетии и Абхазии», – считает российский эксперт по Кавказу, сотрудник Института стран СНГ М.Александров⁹. Тем временем грузинские власти этой страны постарались выжать из состоявшегося летом 2009 г. визита Дж.Байдена в Тбилиси массу дивидендов для себя, используя прежний набор инструментов в политическом противостоянии с Москвой – в частности, шпионские скандалы, обозначившие с 2006 г. начало масштабного конфликта между Москвой и Тбилиси. Сходящим до неприличия придыханием цитируются заявления вице-президента США, снова и снова клянущегося отстаивать «территориальную целостность Грузии»¹⁰. Подразделения грузинской армии отправляются воевать в Афганистан. К миротворческой миссии в этой стране будут подготовлены вторая и третья бригады министерства обороны Грузии, заявил 14 августа заместитель министра обороны Г.Бердзенишвили¹¹. Разъяснения американской стороны о том, что грузинские военнослужащие будут готовиться к войне исключительно с «талибами», а не с Росси-

ей, убеждают не слишком. Как известно, воинские навыки могут применяться где угодно...

Стратегия США – усмирить Путина и Медведева при помощи уступок (sic) – рискованна, считает Financial Times Deutschland, комментируя ход переговоров Обамы в Москве. Остается только непонятным, где уважаемая газета видит эти самые уступки? Еще до отъезда американского лидера в Москву его советник М.Макфолл прямо заявил о том, что США «не собираются убеждать русских или торговаться с ними».

Запомним откровенность советника Президента США и рискуем предположить, что некие «уступки» все же могут быть для вида предъявлены. Некоторое сдерживание антироссийской риторики официальным Киевом может быть частью согласованной с Вашингтоном игры, направленной на то, чтобы не раздражать российское руководство накануне консультаций, важных с точки зрения реализации «афганской» стратегии США. Как известно, в ходе визита Президента США в Москву было подписано соглашение об использовании воздушного пространства России для доставки американских военных грузов в Афганистан. Обама не скрывал удовлетворения и заявил, что подписанное соглашение позволит США «сократить время и ресурсы», необходимые для доставки грузов в Афганистан. Ранее некоторые отечественные СМИ сообщили о деталях подписанного документа. Так, каждый день через Россию в Афганистан будут летать до 12 американских военно-транспортных самолетов.

Промежуточные итоги визита Президента США в Москву свидетельствуют: американцы тщательно разыгрывают гротескную партию, цель которой остается неизменной – окончательное дробление и подчинение своей воле евразийского пространства. При этом никаких подвижек по ПРО и другим волнующим Москву вопросам нет и не предвидится, риторика Обамы в этом вопросе практически не отличается от риторики его предшественника. Набившие оскомину ссылки на иранскую ядерную программу представляются, мягко говоря, не совсем убедительными, и на эту тему неоднократно высказывались представители высшего российского руководства.

Вопрос о том, должна ли Москва иметь свою самостоятельную стратегию на афганском (а также на черноморско-кавказском и центрально-азиатском) направлении, или же ее функции будут ограничиваться военно-техническим содействием партнерам по «антитеррористической коалиции», реализующим в «сердце Евразии» собственные геополитические интересы, остается открытым. Организация перебросок военных грузов в Афганистан может означать использование ресурсов России, включая ее воздушное пространство, в интересах американской политики, направленной на сдерживание Пекина. Всплеск масштабных уйгурских волнений на северо-западе Китая, приведших уже к сотням погибших и раненых, представляется в этом контексте вовсе не случайным.

Очевидно, что вся эта история способна крайне негативным образом сказаться на взаимодействии в формате Шанхайской Организации Сотрудничества. В качестве своеобразной «компенсации» российской стороне как раз и может быть предложена вышеупомянутая «джентельменская договоренность» относительно снижения конфронтации на «украинском» и «грузинском» направлениях. Впрочем, можно не сомневаться, что после того, как США с помощью России решат свои задачи в Центральной Азии, новый виток напряженности в отношениях, в частности, с официальным Тбилиси, неизбежен. Как относятся к такого рода неформальным «разменам» американцы, общество уже имело неоднократно возможность убедиться. Например, содействие со стороны России афганским операциям альянса нисколько не повлияло на темпы ремилитаризации Грузии, армия которой, по некоторым данным, в значительной мере восстановила и усилила боеготовность.

Когда в апреле 2009 г. президент Грузии Михаил Саакашвили заметил, что президент США Барак Обама готов оказать Тбилиси большее содействие, нежели его воинствующий предшественник, пребывающие в эйфории вследствие эффекта «перезагрузки» российские политики и эксперты, скорее всего, не обратили на это существенного внимания. Или списали на стремление грузинского лидера выдать желаемое за действительное. Ироничные нотки в оценках и заявлениях, касающихся

ся текущей ситуации на Кавказе, неоднократно звучали и в последующие месяцы. Некоторые вполне официальные комментаторы и по сей день успокаивают почтеннейшую публику прогнозами о том, что в Вашингтоне при лауреате Нобелевской премии мира Обаме уже не придают Киеву и Тбилиси былого значения.

Между тем, подобного рода благостные оценки могут оказаться, мягко говоря, слишком преждевременными. Совершенно очевидно, что военное сотрудничество США с Грузией вступает в качественно новый этап. И намерения грузинского руководства направить до тысячи солдат и офицеров в афганские горы с целью оказания помощи «друзьям» из НАТО может оказаться лишь вершиной айсберга¹².

Бывший премьер-министр Грузии Зураб Ногаидели много говорит о мирных переговорах с Россией, а также с Абхазией и Осетией. Однако стоит заметить, что лидер партии «За справедливую Грузию» не является верховным главнокомандующим Вооруженными силами этой страны – таковым остается действующий президент. 4 декабря, выступая на открытии нового места дислокации артиллерийского батальона на военной базе Вазиани близ Тбилиси, Саакашвили сделал ряд характерных заявлений. Грузия должна быть готова, по его утверждению, к отражению новых нападений и новых атак со стороны врага, который, по мнению грузинского лидера, «постоянно думает о новых происках, провокациях, о новых нападениях, и, конечно, нашей конечной целью является не только недопущение этих происков и провокаций, но, в конечном итоге, освобождение наших территорий от оккупантов и объединение Грузии». А поэтому «все действия – политические и дипломатические, – направлены на достижение этой цели мирными политическими методами». Однако тут же, комментируя предстоящее участие грузинских военнослужащих в афганских боях, Саакашвили сказал: «...нам не нужна армия, которая будет выходить только на парадах, нам нужна армия, которая сможет вести серьезную войну»¹³.

Предшествующие годы показали, что в Тбилиси слов на ветер не бросают. Что касается политико-дипломатических ме-

ханизмов давления, то можно не сомневаться, что с этим все в порядке. 4 декабря с министром иностранных дел Грузии Григолом Вашадзе встретилась его американская коллега Хилари Клинтон, поблагодарившая Грузию за участие в миротворческой операции в Афганистане. Также, по словам госпожи Клинтон, тема Грузии займет значительное место в ходе ее встречи с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым. Подтекст данного сообщения очевиден, однако одними только переговорами и увещеваниями дело явно не ограничивается.

По словам министра обороны Грузии Бачо Ахалая, новая база Вооруженных сил Грузии является подтверждением того, что инфраструктура армии полностью восстановлена после войны в августе 2008 г.¹⁴ Кроме того, Тбилиси намерен обратиться к США и НАТО с призывом направить в территориальные воды Грузии военные корабли. С соответствующим призывом выступил вице-спикер грузинского парламента Пата Давитая, сообщивший, что «под угрозой находится порт Поты, который, не исключено, может оказаться заблокированным. ...поэтому мы должны обратиться к нашим западным партнерам, чтобы они проконтролировали акваторию Черного моря». Грузинский политик ссылается на факт дислокации в Очамчире российских сторожевых катеров, которые якобы имеют техническую возможность остановить большие движущиеся суда¹⁵. Разумеется, упоминание о российских катерах в Абхазии – это не более чем предлог для возможного в будущем усиления военного присутствия США и НАТО в акватории Черного моря.

Насколько можно судить, не менее успешно развивается сотрудничество между военными ведомствами США и Грузии в деле развертывания инфраструктуры военно-воздушных сил. В начале декабря состоялся визит в Тбилиси Командующего ВВС США в Европе генерала Роджера Брейди. В ходе его встречи с министром обороны Грузии Бачо Ахалая были рассмотрены приоритеты сотрудничества между США и Грузией на 2010–2011 годы. Шел разговор и о помощи США в деле развития ВВС Грузии.

В ходе совместной пресс-конференции американский генерал выразил удовлетворение встречей с министром и подчеркнул необходимость углубления сотрудничества между странами. По его заявлению, Грузия для США является одним из самых верных партнеров, о чем говорит активное участие грузинских военнослужащих в миротворческих миссиях в Ираке и Афганистане. А господин Ахалая заявил, что для его страны имеет особое значение техническая помощь Воздушных сил США¹⁶.

Вывод авторов исследования «Танки августа» (2009) заключается в том, что в настоящее время продолжается осуществление программ (в том числе по получению вооружения и боевой техники), запущенных еще до пятидневной войны. Действия грузинского руководства имеют все более антироссийскую направленность, обозначилась ориентация не столько на возвращение вооруженным путем Абхазии и Южной Осетии, сколько на противостояние военному потенциалу России¹⁷.

Политолог Вячеслав Целуйко, анализируя трансформации грузинской армии в послевоенный период, отмечает, что к лету 2008 г. грузинская армия насчитывала 32 тыс. человек, в том числе почти 22 тыс. в составе сухопутных войск. Они включали пять пехотных, артиллерийскую бригаду, инженерную бригаду (находилась в процессе формирования), группу специальных операций, семь отдельных батальонов (смешанный танковый, легкий пехотный, медицинский, военной полиции, связи, радиотехнической разведки, материально-технического обеспечения), а также зенитный дивизион. При этом 5-я пехотная бригада находилась в состоянии формирования (так, ее 53-й легкий пехотный батальон закончил 12-недельное базовое обучение только 3 октября 2008 г.), а основная часть (2 тыс. военнослужащих) наиболее хорошо обученной 1-й пехотной бригады находилась в Ираке.

На лето 2009 г., согласно бюджетным данным Министерства обороны Грузии, численность вооруженных сил Грузии составила 37,8 тыс. человек. По другим данным, на 2009 г. численность составляла 36,6 тыс. человек, включая 36,2 тыс. воен-

нослужащих. В составе сухопутных войск Грузии насчитывается 23 тыс. военнослужащих (на данный момент официальная численность сухопутных войск Грузии заявлена на уровне 20,5 тыс. военнослужащих, однако не учтены некоторые новые формирования, созданные в последнее время, – например, отдельный противотанковый батальон).

В отличие от августа 2008 г. практически все грузинские военнослужащие находятся на территории страны и, не считая планов по размещению небольшого контингента в Афганистане, покидать ее не собираются. Кроме того, относительно «молодые» 4-я и 5-я пехотные бригады повысили свой уровень боеспособности благодаря обучению их личного состава в послевоенный период.

На базе Хонийской артиллерийской группы Горийской артиллерийской бригады начала формироваться самостоятельная артиллерийская бригада под номером 2. К совместным учениям с другими подразделениями личный состав нового подразделения приступил уже в ноябре 2008 г. В Западной Грузии находятся на стадии формирования также 5-я пехотная бригада, что значительно усиливает позиции Вооруженных Сил Грузии на абхазском направлении. Кардинально совершенствуется обучение личного состава, а также мобилизационная система и подготовка резерва, показавшего в августе 2008 г. свою полную небоеспособность.

По сравнению с августом 2008 г. наземная компонента грузинской армии выросла в целом на одну регулярную пехотную (а с учетом двух формирующихся бригад резерва армейского типа увеличится в обозримом будущем до трех) и артиллерийскую бригады. Это позволяет сделать вывод о росте резерва примерно в полтора – два раза (с учетом боеспособного резерва)¹⁸. Вопрос о снабжении соединений вооружением, в условиях отсутствия эмбарго на поставку вооружения в Грузию, с учетом выполнения заключенных ранее контрактов, не составляет для официального Тбилиси особого труда.

Кроме количественного роста грузинской наземной группировки, можно отметить ее качественный рост, связан, преж-

де всего, с изменением акцентов в подготовке грузинских военнослужащих. Если до войны приоритетным было обучение действиям в конфликтах малой интенсивности, в том числе в составе коалиционных сил, то сейчас больше внимания уделяется ведению общевойскового боя, о чем свидетельствуют учения грузинской армии. Причем в упомянутых учениях грузинские военнослужащие и резервисты отрабатывали оборонительные действия против бронетехники противника, что может служить свидетельством о приоритете обороны над наступлением для нынешней грузинской армии. Объяснением этого является необходимость обеспечить завершение реформы грузинской армии, для чего требуется время, а активная подготовка к обороне должна служить элементом давления на российское руководство, способное принять решение о превентивной войне, до того как грузинская армия будет представлять серьезную угрозу российской политике на Кавказе. Масштабность грузинских оборонительных приготовлений иллюстрирует случай с конфликтом между рядовыми 5-й бригады и их офицером по поводу строительства оборонительных позиций, чем военнослужащие уже были заняты в течение трех месяцев.

С другой стороны, на завершившихся 30 июля 2009 г. месячных учениях «Щит-2009» на полигоне Орполо с привлечением подразделений различных родов войск отрабатывались наступательные действия батальонной тактической группы при поддержке ствольной и реактивной артиллерии, танков, авиации, ПВО и подразделений СпН¹⁹. Анализируются и данные спутниковой разведки. Недавно МИД Грузии заявил, что страна уже получает данные со спутников стран ЕС о ситуации на территории Абхазии и Южной Осетии. Решение о сателлитном контроле Абхазии и Южной Осетии было принято после посещения Грузии 27 послами ЕС, заявившими, что в регионе нет гарантий безопасности, и есть необходимость распространения мониторинга наблюдателей на территории Абхазии и Южной Осетии. Но поскольку Москва, Сухум и Цхинвал категорически отказались впускать наблюдателей в конфликтные регионы, передвижение тяжелой военной техники и строительство баз будут отслеживаться посредством спутников²⁰.

Согласно озвученным рядом экспертов США оценкам, Украина и Израиль поставили в Грузию суперсовременное оружие. Численность грузинской армии удалось довести до 34 тыс. человек²¹. Минобороны Грузии и Информационный центр НАТО начали очередной совместный проект, в рамках которого в Крцанисском национальном учебном центре сотрудники центра НАТО предоставят обучающимся полную информацию о своей (возможно и прошлогодней) профессиональной деятельности. А ведь незадолго до начала грузинской агрессии (август 2008 г.) на базе регионального канала «Триа-лети» города Гори также был открыт аналогичный информ-центр²².

В настоящее время из США в Грузию поступает цемент и строительные материалы для создания многофункциональной магистрали между Тбилиси и Кутаиси, она вполне пригодна для использования ее американскими «Боингами» в качестве взлетно-посадочной полосы, которая должна быть сдана в эксплуатацию к 2011 г.²³ Ранее источники в российских спецслужбах сообщали, что в ответ на просьбу официального Тбилиси об оказании военной помощи корпорация «Баррингтон Эллайнс Инк» направила Грузии предложение о поставке комплексов ПВО, противотанковых ракетных комплексов, автоматического стрелкового оружия и боеприпасов к ним. «Предлагаемая номенклатура вооружений включает ЗРК «Пэтриот-3», а также ПЗРК «Стингер» и «Игла-3» в носимом и возимом вариантах, ПТРК «Джавелин» и «Хелфайр-2», – рассказал он. – Количество боеприпасов, в том числе патронов для стрелкового оружия, исчисляется десятками миллионов штук»²⁴.

Данную информацию опроверг посол США в России Дж.Байерли, однако, в таком случае ему придется опровергать также и министра иностранных дел России. Отвечая на вопросы, после заседания Совета Россия – НАТО в Брюсселе 4 декабря 2009 г., министр иностранных дел России С.Лавров назвал поставки вооружений в Грузию «серьезнейшей проблемой». «Вооружения продолжают поступать, причем, по некоторым оценкам, довоенный потенциал грузинских вооруженных сил восстановлен. Вооружения поступают во многом на-

ступательного характера. Надеюсь, все понимают, для чего это нужно и как рискованно вооружать этот режим. Также надеюсь, что будут сделаны необходимые выводы. Сегодня мы подробно об этом говорили с нашими партнерами по Совету Россия – НАТО»²⁵. Данные оценки созвучны мнению военных экспертов, полагающих, что за прошедшее с окончания боевых действий время грузинская армия не только восстановила свою мощь, но и значительно увеличила ее по сравнению с августом 2008 г. Однако для успешного завершения послевоенного восстановления Вооруженных сил страны необходимо время для окончания реформирования резерва, переподготовки регулярной армии с антипартизанских действий на общевойсковые и освоения личным составом новой техники. Потому к активным действиям по восстановлению «территориальной целостности» Грузия может перейти (при адекватности политики ее руководства) не раньше 2010 или даже 2011 гг. В настоящее время она заинтересована в недопущении возобновления масштабных боевых действий и концентрирует внимание на обороне.

В том случае, если грузинское руководство будет уверено в прочности своих позиций и достаточности сил для отражения российского наступления силами СКВО с привлечением сил других округов, то может быть принято решение о разворачивании малой войны на территории Южной Осетии и Абхазии. Это коснется в первую очередь районов, где положение российских войск непрочное, — в Кодори, Гале, Ленингоре. Что в свою очередь может служить прологом к дальнейшей эскалации конфликта²⁶.

Как представляется, реакцию на все это со стороны главного из упомянутых Сергеем Лавровым «партнеров» предсказать несложно: она будет весьма типичной для эпохи «перезагрузки». В этой ситуации необходимо надеяться на разум. Основной мыслью должно быть прекращение всякой милитаризации региона, решение всех спорных проблем на консенсусной основе. Если верить последним заверениям со стороны Грузии, то, возможно, такое время и наступит.

- ¹ Власти Южной Осетии отрицают информацию о беспорядках в городе Квайсе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/159331>
- ² Некоторые размышления на тему «Итоги года» [Электронный ресурс]. URL: <http://cominf.org/node/1166482054>
- ³ *Корнилов А.* «Революция шашлыков?». США готовят новые «цветные» революции на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <http://new.osinform.ru/17092-revoljucija-shashlykov.html>
- ⁴ Югоосетинская оппозиция льет воду на мельницу США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/10/12/679538.html>
- ⁵ Советник председателя Конституционного суда РФ: «Нападение на Южную Осетию имело целью спровоцировать распад России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1060300.html>
- ⁶ *Путин В.* «Защитив Южную Осетию, мы сохранили российский Северный Кавказ» [Электронный ресурс]. URL: <http://skavkaz.rfn.ru/rnews.html?id=150359>
- ⁷ Россия блокировала второй удар на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dni.ru/polit/2008/9/11/148916.html>
- ⁸ *Лавров А.* «Перезагрузка» сработала. Обама удалось открыть новую главу в отношениях между Россией и США [Электронный ресурс]. URL: <http://novopol.ru/text79709.html>
- ⁹ США не готовы поступиться Грузией ради «перезагрузки» отношений с Российской Федерацией. В Москве наконец-то это поняли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prime-tass.ru/news/articles/-201/%7B90337D4A-3C3D-4908-9118-E495BC478F8%7D.uif>
- ¹⁰ При этом начисто игнорируется существование другого, более реалистичного подхода среди американских элит. Можно вспомнить состоявшийся в 1991 г. разговор между бывшим президентом США Ричардом Никсоном и первым президентом Грузии Звиадом Гамсахурдиа. Никсон приехал в Тбилиси поддержать отделение Грузии от СССР. Однако он встревожился, когда грузинский лидер заявил, что распадается не только Советский Союз, но и сама Россия слаба, и, возможно, настал подходящий момент для того, чтобы нанести сокрушительный удар. «Господин президент, – сказал Никсон, – в Вашингтоне вы встретите людей двух типов: тех, которые скажут вам то, что вы хотите услышать, и тех, которые скажут вам то, что вам нужно услышать. А нужно вам услышать – чтобы ни говорили ваши друзья и поклонники в Соединенных Штатах – что Америка не будет воевать с Россией из-за Грузии». См.:

- Пономарева Е.* Россия, Грузия и «мировая закулиса» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1639>
- ¹¹ К Афганистану будут подготовлены вторая и третья бригады Министерства обороны Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsny.ge/2009/mil/1250311220.php>
- ¹² См.: Саакашвили снова наточит зубы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.segodnia.ru/index.php?pgid=2&partid=11&newsid=9374>
- ¹³ *Саакашвили* Михаил: Грузия должна быть готова отразить новые нападения врага [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/162769/>
- ¹⁴ *Батиани С.* Тбилиси опять вооружен и очень опасен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.georgiatimes.info/articles/27030-2.html>
- ¹⁵ Катера ФСБ РФ не прибыли в Абхазию вовремя. А Тбилиси успел попросить защиты у США и НАТО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/world/07dec2009/ochamchir.html>
- ¹⁶ Ахалая и Брейди рассмотрели приоритеты американо-грузинского сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsny.ge/2009/mil/1260246663.php>
- ¹⁷ *Поросков Н.* Уроки принуждения // Время Новостей. 2009. 3 декабря.
- ¹⁸ *Целуйко В.* Настоящее и будущее грузино-российского конфликта. Военный аспект // *Барбанов М., Лавров А., Целуйко В.* Танки августа: сб. ст. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009.
- ¹⁹ *Его же.* Указ. соч. С. 89.
- ²⁰ Грузии нужен разведывательный совет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/12/25/700506.html>
- ²¹ Грузия и Россия на пороге новой войны? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baltinfo.ru/stories/Gruziya-i-Rossiya-na-poroge-novoi-voiny--98110>
- ²² Информационные войны вокруг Южной Осетии [Электронный ресурс]. URL: <http://osinform.ru/15405-informacionnye-vojnny-vokrug-juzhnoj-osetii.html>
- ²³ *Захаров В.* США может устроить «маленькую победоносную войну» на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document127673.phtml>
- ²⁴ Посол США в РФ отвергает возможность поставок оружия Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.georgiatimes.info/?area=newsItem&id=26115>
- ²⁵ Заседание Совета Россия – НАТО в Брюсселе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parlcom.ru/index.php?p=MC83&id=30993>
- ²⁶ *Целуйко В.* Указ. соч.

ЮГООСЕТИНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ОШИБКИ И ДОСТИЖЕНИЯ

Южные рубежи России¹ с очевидностью являются наиболее проблемным направлением деятельности государства по обеспечению безопасности и решению стратегических задач устойчивого развития. Одним из ключевых регионов здесь является Южный Кавказ, и в этом контексте – югоосетинское направление российской политики, получившее особый резонанс после 8 августа 2008 г.

Имея в виду геноцидную агрессию грузинского национал-экстремизма 8–9 августа 2008 г., на наш взгляд, было бы целесообразным рассмотреть важнейший инфраструктурный объект, имеющий жизненно важное значение не только для существования южных осетин и созданного ими государства, но и для проведения политики России по реализации своих интересов в отношении Грузии и Южного Кавказа в целом: **Рукский тоннель** Транскавказской автомагистрали.

Первая просьба южных осетин к российскому государству о строительстве перевальной дороги, соединяющей Южную Осетию с Северной, датируется серединой XIX в. Перипетии борьбы вокруг дороги через перевал изучены основательно. Опубликован ряд документов, показывающих торможение проекта грузинским руководством как в период царской России, так и (особенно упорное) в СССР².

Лишь после того, как осетинским руководителям удалось привлечь к решению этой задачи Министерство обороны СССР (решение о строительстве было принято и в 1982 г.) началось автотранспортное движение через Рукский тоннель. Ныне, в ретроспективном анализе, мы можем констатировать, что создание этого инфраструктурного объекта явилось крупным достижением российской политики.

Именно по Рукскому тоннелю пришли в Южную Осетию российские войска в августе 2008 г., спасшие южную ветвь осетинского народа от истребления и наказавшие агрессора. Нельзя отказать в известном предвидении первому президенту современной независимой Грузии З.Гамсахурдиа, ставившему цель «закрыть и упразднить» Рукский тоннель после того, как через него «диких, необразованных» осетин «вымели бы из Грузии, как мусор».

Августовская война 2008 г. в этой ретроспекции явилась окончательностью довольно длительного исторического процесса давления грузинских национально-государственных структур на осетинские сообщества горной и предгорной зон на южных склонах Главного Кавказского хребта с целью их подчинения своему безоговорочному господству.

После вхождения Грузии под российское покровительство и установления российской администрации для борьбы с непокорными осетинами грузинская элита начала привлекать российские войска, используя в свою пользу фактор классовой солидарности.

Первая карательная экспедиция царских войск в Южную Осетию состоялась в 1802 г.; затем на протяжении 50 лет практически непрерывно южным осетинам пришлось вести вооруженную борьбу за свободу³, пока наконец в 1852 г. югоосетинские крестьяне не были переведены в разряд казенных и тем самым освобождены от притязаний грузинских феодалов-тавадов, а в 1859 г. главнокомандующий и наместник Кавказа А.И.Барятинский административно консолидировал Южную Осетию для удобства управления (за исключением небольшой части этнической территории на юго-западе, вошедшей в Рачинский уезд), тем самым впервые явив прообраз сегодняшней Республики Южная Осетия. Делая вывод по данному периоду, мы отмечаем, что борьба с южными осетинами в первой половине XIX в. шла вразрез с национально-государственными интересами России, т. к. осетины присягнули на верность России гораздо раньше Грузии и сохраняли верность присяге; однако она соответствовала классовым интересам русско-грузинских феодально-капиталистических элит, являясь продуктом их сго-

вора – и грузинская элита в данном случае выступала успешным ее инициатором в ущерб имперским интересам. Однако во второй половине XIX в. высшие государственные интересы пробили себе дорогу, и ошибочная политика в отношении южных осетин была исправлена.

Следующий событийный узел, ярко иллюстрирующий сильные и слабые стороны югоосетинской политики России, – период 1917–1922 гг., т.е. Южная Осетия в перипетиях Российской революции. Предав Россию, переживавшую трагичный период своей истории⁴, грузинские национал-меньшеvistские власти в 1920 г. приступили к «окончательному решению» «осетинского вопроса»: в Южную Осетию, заявившую о своей верности России (теперь уже коммунистической)⁵, были направлены карательные войска. Г.Орджоникидзе, спровоцировавший восстание в Южной Осетии, опираясь на чрезвычайно влиятельную группу грузинских коммунистов в руководстве РКП(б), подставил Южную Осетию под уничтожающий удар своих соплеменников-меньшевиков. Более того, используя осложнение ситуации на польском фронте, на переговорах большевистского руководства с делегацией независимой Грузии, проходивших в дни геноцида южных осетин карателями, грузинские политики добились решения об уступке Южной Осетии Грузии, о чем в своем дневнике с нескрываемым восторгом писал палач южных осетин, командующий карательными войсками В.Джугели: «Московские большевики (...) отказываются от претензии на Батумскую область, признают нашей границей Мехады и отдают нам Двалети! (грузинское наименование Южной Осетии. – Д.К.)»⁶.

Итогом этой преступной политической игры стало уничтожение Южной Осетии: гибель многих тысяч ее жителей от рук карателей, бегство населения через перевалы на Север с массовыми жертвами, переселение остатков населения в другие (пограничные) районы Грузии, насильственная ассимиляция и т.д. И в данном случае, как и в описанном предыдущем, исправление этой ошибочной политики началось лишь после усиления нового российского централизма, победы линии И.В.Сталина построение мощного авангардного социалистического госу-

дарства. Распространение московского коммунистического контроля («советизация») на Грузию и Закавказье в целом поставило перед большевистским руководством государственническую задачу привязки Грузии к создаваемому колоссальному Союзу ССР.

Зная о ненадежности грузинской элиты, о ее зараженности национал-сепаратизмом, архитекторы нового государства, в числе прочих мер, сочли обязательным «заякорить» Грузию в составе СССР созданием на ее территории анклавов устойчиво пророссийской ориентации: именно поэтому была принята и реализована стратегия восстановления Южной Осетии и введения ее в качестве автономии в состав Грузинской ССР. При этом первоначальный проект предполагал автономную республику для Южной Осетии (по аналогии с Аджаристаном и Абхазией), но и здесь после ряда интриг грузинским властям удалось понизить статус Южной Осетии до автономной области, что и было закреплено в 1922 г. Тем не менее, создание Юго-Осетинской автономной области властями коммунистической России (в форме СССР) знаменовало собой второй шаг, вторую веху на пути национально-государственного восхождения южных осетин⁷.

Новейшую историю южных осетин, отсчитываемую с 23 ноября 1989 г.⁸, следует признать надежным показателем состояния российской государственности, ее ошибок и удач, провалов и триумфов. Грузино-осетинский конфликт начинался для южных осетин в крайне тяжелых для них политических условиях. Ослабление московского контроля и последующий распад СССР проявился в Южной Осетии почти губительными для нее решениями, принимавшимися высшим руководством СССР и РФ. Так было в ночь на Рождество (6 января) 1991 г., когда по приказу М.С.Горбачева внутренние войска союзного подчинения, находящиеся в Цхинвале, пропустили в город около 3,5 тысяч грузинских милиционеров вкуче с подразделениями национал-экстремистов, что привело к оккупации центра Цхинвала и началу фазы открытого вооруженного противостояния сторон: после двадцатидневных боев, понеся потери, грузинские формирования были вытеснены из Цхинвала. Так

было и в ночь на 24 апреля 1992 г., когда по сговору Э.А.Шеварднадзе и Б.Н.Ельцина российский контингент внутренних войск был внезапно и скрытно выведен в Грузию, и осетинские отряды самообороны остались один на один с многократно превосходящим врагом. В ходе последовавшей эскалации боевых действий, под ракетно-артиллерийскими обстрелами ежедневно погибали и калечились десятки людей. Кровавое пролитие было остановлено 14 июля 1992 г. вводом в Южную Осетию трехсторонних миротворческих сил по Дагомьскому российско-грузинскому решению с участием югоосетинских представителей. Потери югоосетинской стороны составили около тысячи человек убитыми и около 2,5 тысяч ранеными⁹; около 30 тысяч осетин покинули Южную Осетию, став беженцами. Мы неоднократно подчеркивали в наших экспертных публикациях, что Цхинвал выстоял вопреки всем прогнозам лиц и организаций, планировавших такой сценарий завершения конфликта¹⁰.

Тем не менее начало миротворческой операции является началом перелома к позитиву российской политики на югоосетинском направлении, очередному исправлению допущенных тяжелых ошибок. Мы вновь указываем на то, что смертельно опасные для Южной Осетии и противоречащие интересам России военно-политические решения принимались, исходя из политических интересов политических групп и отдельных лиц, преследующих ситуативные цели; понадобилась многолетняя тяжелая борьба за изменение самой природы политического процесса в России, чтобы на первый план вышли общегосударственные интересы, и в этой борьбе южные осетины, по сути вещей, были народом-гарнизонам, нестигаемо стоящим у южных рубежей России, на самом, пожалуй, опасном для государства российского направлении.

Грузино-югоосетинские переговоры, проходящие под патронажем России и при гарантии невозобновления боевых действий миротворческими силами, позволили стабилизировать ситуацию и вести действенную тактику постепенного урегулирования конфликта. Доказательством эффективности подобной политики является уникальная успешность самой миротворче-

ской операции в Южной Осетии, во-первых, и во-вторых – подписание в мае 1996 г. в Кремле не имеющего аналогов в других «горячих точках» документа урегулирования – Меморандума о мерах по безопасности и сотрудничеству между сторонами в конфликте.

На уровне публичного обсуждения и в проработке в экспертных группах находились варианты государственно-правовой конструкции окончательного урегулирования, имевшие целью компромисс с учетом коренных жизненных интересов сторон. По нашему мнению, при продуманной и эффективной системе гарантий интересов сторон урегулирование грузино-осетинского конфликта на взаимоприемлемых принципах могло бы состояться.

Но эта возможность была устранена «розовой революцией» в Тбилиси, в результате которой к власти был приведен прямой ставленник антироссийского крыла американского политического истеблишмента М.Н.Саакашвили, возобновивший радикальную политику З. Гамсахурдиа и в отношении южных осетин, и в отношении России. Первая проба сил состоялась в августе 2004 г.¹¹, когда вооруженный натиск грузинских подразделений был отбит югоосетинскими войсками. Затем режим Саакашвили подготовил и осуществил полномасштабное вооруженное нападение на Южную Осетию, сосредоточив на южных рубежах Республики армию вторжения, имевшую 8–10-кратное превосходство над югоосетинскими силовыми структурами.

Сейчас очевидно, что для российской политики 8 августа 2008 г. наступил момент истины. И не только в конкретике российско-югоосетинских отношений, но прежде всего в плане рубежного завершения процесса обретения новой политической идентичности, действенного осознания своей роли (видимо, более уместен термин – миссии) в глобализирующемся многополярном мире.

Что касается осетинских подразделений, вступивших в неравную схватку с врагом, то мы можем лично свидетельствовать исключительно высокую мотивацию бойцов, ясно понимавших происходящее и обнаруживших способность к эффек-

тивному противодействию агрессору¹². По предыдущему опыту они знали, что враг пришел уничтожить их сограждан всех без разбору («ныццагъддысты сæ» – «истребят их»); они доверяли выдвинутому ими лидеру – Президенту Э.Д.Кокойты («Нæ ныууæй кæндзæн Джабелич» – «Джабелич не сдаст»); они верили в Россию («Уырыс æрбацаудзæн!» – «Россия придет!»). Именно вера в то, что помощь придет, в конечном счете, предопределила исход ожесточенной вооруженной борьбы на улицах Цхинвала 8 августа, когда к вечеру агрессор был выбит из города, и затем 9 августа отразить повторный штурм Цхинвала в упорных боях на южных окраинах столицы¹³.

И помощь пришла: Россия перешла свой Рубикон, т.е. Рукский тоннель. Нам приходилось читать весьма различные оценки российских действий; по нашему мнению, российские планировщики переиграли своих противников в Грузии и их американских инструкторов и покровителей. Об общеполитических итогах войны высказался Президент Д.Медведев: «Прежний миропорядок рухнул. Россия будет твердо отстаивать свои интересы». Итоги войны для южных осетин были подведены 28 августа 2008 г. актом признания Республики Южная Осетия Российской Федерацией. Тем самым был завершен кардинальный этап новейшей истории южных осетин, начавшийся с провозглашения Республики 20 сентября 1990 г.¹⁴, и начался этап следующий – целью которого является воссоединение с Северной Осетией в составе России. Длительность этого этапа, впрочем, труднопрогнозируема.

Позитивно оценивая нынешнюю российскую политику на югоосетинском направлении, мы обязаны указать на угрозы российским и югоосетинским интересам в кратко- и среднесрочной перспективе.

Одна из них очевидна: опасность новой агрессии. Нынче считается, что вероятность новой грузинской авантюры исчезающе мала; мы не можем согласиться с этим утверждением в силу следующих причин. Во-первых, несмотря на декларируемую «перезагрузку» в отношениях США и РФ, на Западе сохраняется мощная политико-идеологическая установка на тотальное подавление России, и это не только инерция «холод-

ной войны», но и проявление обостряющейся борьбы за природные ресурсы; поэтому акцентированно антироссийский режим в Грузии будет поддерживаться, чему доказательством служит милитаризация Грузии, ее усиленное перевооружение. Во-вторых, в самом грузинском обществе, и прежде всего в его верхах, безраздельно господствует националистическое мировоззрение, в существующих условиях радикализируемое грузинскими политиками и идеологами до национал-экстремистских, нацистских форм¹⁵, и порождающее ярый реваншизм (при всей наглядной самоубийственности такой политики для грузинской государственности).

Другая угроза банальна, но не менее опасна: коррупция. Первые проявления этой угрозы отчетливо обозначились в виде борьбы за контроль над средствами, выделяемыми Россией для восстановительных работ в Южной Осетии и финансирования программ развития. Это привело к длительной задержке начала восстановления, из-за чего в югоосетинском обществе нарастало напряжение. Освоение поступающих в эти месяцы восстановительных денег также, по мнению цхинвальских наблюдателей, не обходится без коррупционных поползновений. Кроме прочего, это чревато появлением антироссийских настроений, чего ранее на уровне публичной политики не было. Сама возможность подобной перекодировки югоосетинского менталитета должна устраняться, что называется, на дальних подступах.

Наконец, было бы целесообразным привлечь внимание к еще одному ключевому инфраструктурному объекту, представляющему потенциально страшную опасность: Зарамагская ГЭС. Стройка начиналась в советские времена; в прошлом году было объявлено о том, что ГЭС дала первый ток (пока для собственных нужд). Все эти годы вокруг объекта велась затяжная борьба между его сторонниками и противниками.

Первый аргумент противников ГЭС – сейсмическая опасность: объект создан в зоне тектонического разлома с высокой сейсмической активностью. Южные осетины в апреле 1992 г. уже столкнулись с этим: землетрясение магнитудой 6–7 уничтожило райцентр Дзау и повредило сотни домов в Цхинвале.

Землетрясение в Амбролаурском районе региона Рача-Лечхуми (т.е. в относительной близости от ЗаГЭС) в Грузии силой 8 баллов 8 сентября 2009 г. стало одним из доказательств приводимого аргумента. На исторической памяти осетин Центральной Осетии есть и землетрясения силой более 8 баллов.

Второй аргумент – опасность технологической аварии. По сообщениям экспертов, озвученным на VII внеочередном съезде всеосетинской организации «Стыр Ныхас» в июне 2009 г., под плотиной ЗаГЭС наблюдается протечка, которую пытаются заделать; кроме того, по неизвестным причинам был забетонирован, т.е. ликвидирован, тоннель аварийного сброса воды. По мнению выступающих, имеют место и другие нарушения проектной документации, повышающие серьезно риск техногенной катастрофы объекта. 17 августа 2009 г. катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС стала одним из доказательств и этого аргумента.

Третий аргумент – террористическая угроза (либо ракетный удар по плотине в случае новой грузино-российской войны). По оценкам специалистов-подрывников, взрывное разрушение плотины с целью прорыва воды из огромного (около четырех объемов ледника Колка) возможно. В связи с этим внимание общественности Северной Осетии привлечено к тому обстоятельству, что вплоть до августа 2008 г. ЗаГЭС строили грузины (!), и лишь после войны стройку передали другому подрядчику.

Непосредственными последствиями прорыва воды станет ударное затопление территорий с населенными пунктами общей численностью жителей около 60 000, без шансов на спасение. Специалистами такие потери признаются невозполнимыми для генофонда осетин. Кроме того, невозвратимо уничтожаются десятки километров Транскавказской автомагистрали, что отрезает Республику Южная Осетия от России и создает более чем реальную угрозу немедленной агрессии против нее со стороны Грузии. Наконец, катастрофа такого рода резко дестабилизирует ситуацию внутри и вокруг Северной Осетии, а следовательно, на Северном Кавказе в целом, и ставит Россию в крайне невыгодное геостратегическое положение по отношению к Грузии и Южному Кавказу.

Ситуация с Зарамагской ГЭС является индикатором способности административно-управленческого аппарата государства российского к распознаванию, анализу и предупреждению существенных, значимых угроз интересам России, т.е. способности «вертикали власти» к упреждающему реагированию (а не рефлексивной политике судорожного дерганья вслед совершившимся событиям). Уже ближайшее время покажет, какие решения будут приняты по ЗаГЭС: исходящие из корпоративно-клановых интересов или учитывающие общегосударственные приоритеты.

Что касается самой Республики Южная Осетия, то сейчас перед ней стоит задача создания нового уклада жизни, на базе современных информационных, коммунальных, производственных технологий – по сути, нового общества. Сразу приходит на ум, что эта же задача – задача модернизационного рывка – стоит перед Россией. Да, суть та же. Разница в том, что в Южной Осетии Россия имеет возможность с нуля построить, апробировать модель модернизационного развития, обкатать необходимые для этого организационно-управленческие приемы. Сделать, если угодно, Южную Осетию «витриной» и образом собственного будущего. Это не только возможно, но и необходимо, и народ небольшой Республики, добившейся свободы в тяжелой кровопролитной борьбе, готов и желает работать во имя процветания своей малой родины и родины большой – России.

¹ Под Россией мы понимаем историческую Россию, с течением столетий предстающую в различных государственно-территориальных формах.

² См.: *Кортиев Л.И.* Транскам. Владикавказ, 2000.

³ Хронология исторических событий // История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг.) / сост. И.Н.Цховребов. Сталинир, 1960. Т. 2. Восстания фиксированы в 1804, 1807–1808, 1809, 1810, 1812–1813, 1817, 1820–1821, 1830, 1836, 1838, 1839–1840, 1841–1842, 1848, 1850 гг., причем в документах отмечается, что осетинские отряды успешно воевали с грузинскими войсками, но по мере возможности избегали столкновений с русскими войсками – не из страха поражения («поражения», докладывавшиеся в

- рапортах начальству, как правило, бывали отступлениями с поля боя с целью достижения очередного перемирия), но из нежелания конфронтации с русскими как таковыми, никогда не рассматривавшимися в качестве врагов.
- 4 О парадигме государственно-исторического поведения Грузии см.: *Епифанцев А.* Была ли Грузия союзником России?: политическая модель выживания грузинского государства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/>.
 - 5 «В состав меньшевистской Грузии Южная Осетия никогда не входила и не входит, считая себя неотъемлемой частью Советской России» (Борьба трудящихся Южной Осетии за советскую власть. 1917–1921 гг.: документы и материалы. Сталинир, 1960. С. 113, 114).
 - 6 *Джугели В.* Тяжелый крест: (записки Народногвардейца) / предисл. Е.П.Гегечкори. Тифлис, 1920. С. 209, 210. Запись сделана 4 мая 1920 г.
 - 7 По указанным вопросам см.: *Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г.* Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал, 2007. Это пионерное исследование грузино-осетинских отношений в их конфликтной составляющей, чего ранее по понятным причинам не делалось.
 - 8 23 ноября 1989 г., в день св. Георгия, колонна активистов грузинского национального движения численностью 40–50 тысяч человек, собранная со всей Грузии, попыталась войти в Цхинвал для проведения митинга устрашения, но была остановлена на подступах к городу и после полуторасуточного противостояния повернула обратно.
 - 9 См.: Южная Осетия. Хроника событий грузинской агрессии, 1988–1992 / сост. Б.Е.Чочиев и М.К.Джиоев. Цхинвал, 1996. В процентном отношении к численности осетинского населения Южной Осетии (70 тысяч человек) боевые потери убитыми и искалеченными (потеря трудоспособности) составляют 5%, что для малочисленного народа очень тяжелая потеря.
 - 10 «В тот день защитниками Республики было принято *иррациональное*, т. е. выходящее за границы рационального понимания истории и политики решение стоять насмерть, невзирая ни на что. Это решение с точки зрения здравого смысла абсурдно, ибо обрекало немногочисленные и плохо вооруженные отряды самообороны на скорое уничтожение, и потому, очевидно, никем не ожидалось и не просчитывалось» (Доклад на международной конференции «Параллельное СНГ после косовского прецедента» (Москва, 2008); опубликовано: *Дзугаев К.* Приближение признания // Ныхас: дайджест информ. агентства «Рес» М-ва печати и массовых коммуникаций РЮО. 2008. № 2. С. 3–5). Анализ этого события в методоло-

гии самоорганизационного подхода см.: *Дзугаев К.Г.* Парадигма самоорганизации: философский, историко-социальный и политологический аспекты. Цхинвал, 2007. С. 140–144.

- ¹¹ «В Южной Осетии, начиная с лета этого года, формируется опаснейшая ситуация. Ее опасность состоит даже не столько в эскалации насилия, а в том, что, во-первых, это насилие все больше приобретает привычный характер на повседневном, простом человеческом уровне, а, во-вторых, такое насилие начинает постепенно отравлять весь комплекс грузино-осетинских человеческих отношений. Складывается уже целая негативная историческая традиция, когда смена власти в Грузии оборачивается новой волной недоверия на этом направлении. Наши народы, их интеллигенция должны найти в себе силы для противостояния такой негативной традиции.

Осетино-грузинские отношения – это одна из важнейших связок в комплексе российско-грузинских отношений, в поддержании геополитического и культурного единства Кавказа. Осетины и сегодня исповедуют эти истины. Но наш народ – разделенный народ, и тем более мы не можем себе позволить роскоши способствовать дальнейшему отчуждению России и Грузии. Наш осетинский выбор давно и определенно сделан. Он в пользу России, но мы не должны забывать о многовековом, продуктивном, значимом и поучительном соседстве с грузинским народом» (*Дзасохов А.С.* Вернуть Кавказ в горизонт российского культурно-исторического развития // Россия и Кавказ: история и современность. Владикавказ, 2005. С. 8). Предложенная смысловая конструкция являет собой хороший пример эталонного геополитического мышления, ориентированного в данном конкретном случае на интересы Heartland-a – России.

- ¹² Первый экспертный материал о геноцидной агрессии Грузии против Южной Осетии был составлен и отправлен нами в Москву, в Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (директор Сети академик РАН В.А.Тишков) утром 10 августа 2008 г., см.: Геноцидная война в Южной Осетии // Бюллетень СЭМРПК. № 80. Спец. вып.: Война в Южной Осетии. С. 9–12.

- ¹³ «Проявления локальной истерии, начавшиеся в полдень, во всех соединениях к ночи переросли в массовую истерию. От распространившейся паники батальоны стали распадаться» (Скандалное заключение экс-министра обороны Грузии / автор Гия Каркарашвили, подготовила Э.Асатиани // Квирис палитра = Палитра недели. 2009. 9 февраля. Груз).

- ¹⁴ И, как это понятно в свете вышеизложенного, провозглашение и признание Республики Южная Осетия увенчало линию национально-государственного восхождения южных осетин как относи-

тельно независимой ветви единого осетинского народа – от слабо-связанной конфедерации горских общин («комбæстæ») до международно признанного государства с централизованной (президентской) формой власти.

- ¹⁵ Исследователям, непосредственно не соприкасавшимся с этим феноменом, *психологически* трудно представить себе атмосферу национализма, насаждающуюся у грузин; но этот феномен досконально известен и изучен осетинскими исследователями. В новейшей истории «планом Барбаросса» грузинского национал-экстремизма в отношении южных осетин следует признать книгу «Осетинский вопрос» (составители А.Бакрадзе и О.Чубинидзе, издана в 1994 г. в Тбилиси на русском языке тиражом 5 000 экз.), где «властители умов» грузинской интеллигенции прямо пишут: «Враг отнимает у нас землю (...). Впереди нас ждут ожесточенные схватки. Надо освободить и вернуть оккупированные врагом территории – Цхинвальский округ и Абхазию» (с. 2).

К ВОПРОСУ
О КОНЦЕПЦИИ МНОГОТОМНОГО ИЗДАНИЯ
«ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА»

Северо-Кавказский регион России, по общему признанию, является одной из нестабильных, неблагополучных территорий. Ради благополучия народов, проживающих на Северном Кавказе, предпринимались и предпринимаются всевозможные меры административного, политического, экономического и социального характера. В числе неотложных задач оздоровления обстановки назрела необходимость научной разработки и издания многотомной истории народов Северного Кавказа. «Фундаментальное познание истории способствует осмыслению не только происшедшего, но и происходящего, обобщению явлений жизни, творческому развитию теории»¹.

Ни для кого не является тайной, что многие негативные явления в жизни народов Северного Кавказа подпитываются картинками прошлого, во многих случаях искаженными, взятыми в угоду политической конъюнктуры. Прошлое многих народов Северного Кавказа, как известно, было не простым. В нем в один узел сплетались и подвиги и поражения, и возвышенное и низменное, и мужество и страх, и трагическое и комическое, и созидательное и разрушительное.

В какую бы глубину прошлого мы не заглянули, всегда можно найти и живой огонь, и пепел остывших событий. Для того чтобы использовать все положительные достижения прошлого и уметь преодолевать все его отрицательные стороны, важно знать историю своего народа, знать все как было, без умолчания, передергивания, мифов и предрассудков. Если мы будем знать прошлое своих народов во всей их самобытности и во всей их целостности, то даже самые острые проблемы нашего времени станут более понятными для их решения. Должное,

подлинное знание истории уберегает от поверхностных суждений, ошибочных оценок, скоропалительных выводов, невежества и заблуждений.

Научно разработанная история народов Северного Кавказа может активно служить современным насущным потребностям российского общества. Для этого есть как актуальная потребность, так и реальная возможность. В последние годы изучение истории народов Северного Кавказа приобрело широкий размах. Появились фундаментальные труды, посвященные истории отдельных народов и охватывающие разные периоды – с древнейших времен до наших дней. В научный оборот введены новые исторические документы, воспоминания. Сформировались научные школы, выросла замечательная плеяда историков-кавказоведов. В научных трудах «широко освещались истоки и развитие ориентации народов Северного Кавказа на Россию для защиты от внешней агрессии. Глубоко раскрывались объективные процессы и последствия их вхождения в состав России»².

Опираясь на достигнутое в исторической науке, можно однозначно признать наличие необходимости и возможности для создания обобщающего многотомного издания «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней». Первая попытка такого издания была предпринята во второй половине 1980-х годов прошлого века. Было намечено подготовить четыре тома. В первом томе предлагалось изложить историю народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., во втором томе – историю народов Северного Кавказа с конца XVIII века до 1917 г., в третьем томе – историю народов Северного Кавказа от Великой Октябрьской социалистической революции до 1945 г., и в четвертом, заключительном томе – историю народов Северного Кавказа в 1945–1985 гг.

Была проделана колоссальная организационно-техническая работа. Работу по подготовке каждого тома возглавили академики Б.Б.Пиотровский, А.Л.Нарочницкий, М.П.Ким, член-корреспондент РАН Ю.А.Поляков. Главным редактором всего издания стал А.Л.Нарочницкий, а его заместителем Ю.А.Жда-

нов. В состав авторского коллектива вошли около 200 известных специалистов по истории и культуре народов Северного Кавказа, представляющие ведущие научные центры Москвы, Ленинграда, Ростова, Махачкалы, научно-организационную работу со стороны Института истории СССР проводили Н.Ф.Бугай и Р.Г.Маршаев. Первые два тома были подготовлены и изданы в 1988 г. Другие два тома не были в полном объеме подготовлены, и по многим известным обстоятельствам работа над ними была прекращена.

В ходе многолетней работы был накоплен опыт реализации крупных исследовательских проектов, разрешены важные и сложные методологические проблемы, сделаны важные принципиальные выводы, не потерявшие своего значения и в современных условиях. В частности, в предисловии было сказано, что «огромный материал данного издания на примере народов Северного Кавказа подтверждает единство мирового исторического процесса». Отмечалось также, что «в своей многовековой истории народы Северного Кавказа по-своему проходили те же ступени социально-экономического, политического и культурного развития, что и другие народы мира. Это показывает модификации ступеней, зависимые от конкретной исторической эпохи, связанные с взаимодействием народов в ходе исторического прогресса»³. Там же было высказано и другое примечательное суждение, что «в истории этих народов, как и всех народов мира, общие закономерности истории человечества проявлялись в национальном своеобразии, но никогда народы Северного Кавказа не были чем-то исключительным, изолированным»⁴. Не потеряла смысла также мысль Ю.А.Жданова о том, что «для передовой русской культуры встреча с народами Кавказа отнюдь не исчерпалась впечатлениями этнографического, экзотического, романтического характера. Напротив, эта встреча оказала глубокое, неизгладимое и плодотворное влияние на передовую общественную мысль России, содействовала постановке крупных теоретических проблем, стимулировала освободительное движение, обогащала интернациональные связи»⁵.

В целом же многие положения издания не выдержали испытания временем и новыми историческими реалиями. Стали известны и доступны новые исторические источники. Появилась возможность уточнить многие факты, суждения об исторических событиях и личностях. Требуется, с новых методологических позиций, осмыслить и переосмыслить как далекое, так и недавнее прошлое северокавказских народов. Одним словом, следует развернуть подготовку к изданию «Истории народов Северного Кавказа», но с учетом как накопленного опыта, так и научных выработанных исследовательской практикой принципов исторических исследований.

Целью такого издания может быть воспроизводство реальной истории народов Северного Кавказа от древних времен до наших дней и тем самым содействие консолидации всех живущих, развитию и утверждению стабильности в этом российском регионе. При реализации этой цели предстоит решить следующие исследовательские задачи:

- выявить, отобрать и описать основные, а также малоизвестные факты о наиболее значимых событиях, процессах в жизни народов Северного Кавказа, расширить и обновить источниковедческую базу;

- провести анализ всех наиболее известных точек зрения, концепций по спорным и малоразработанным проблемам истории народов Северного Кавказа, составить исторический обзор и библиографический указатель;

- разработать и реализовать концепцию взаимоотношений народов региона, уделяя особое внимание тому, как они складывались в рамках Российского государства, в отношениях с русским народом;

- рассмотреть основные вехи в развитии народов Северного Кавказа в контексте мировой истории, показать влияние геополитической ситуации на обстановку в регионе. Составить календарь основных исторических событий на Северном Кавказе;

- раскрыть управленческий аспект во взаимоотношениях между народами региона и главным образом механизм взаимодействия центральных и местных органов власти;

– уточнить потенциальный аппарат, с помощью которого следует описать и объяснить смысл происходящих событий в жизни народов Северного Кавказа. Составить глоссарий. Без разработанного научного аппарата невозможно представить историческое описание жизни народов;

– осуществить научное описание жизни народов Северного Кавказа (экономика, политическое управление, социальная сфера, быт и т.д.). Научное описание жизни народов региона не допускает идеализации любой эпохи, возвышение одних народов в ущерб другим. Важно опираясь на данные, вскрыть движущие пружины исторического процесса, осмыслить характерные закономерности.

История народов Северного Кавказа может иметь характер научно-популярного издания, рассчитанного на массового читателя. Используя опыт подготовки и издания первых томов «Истории народов Северного Кавказа», данное издание выполнить в трех томах. Первый том – от древних времен до 1917 г.; второй том – 1917–1991 гг.; третий том – с 1991 г. до наших дней. Объем каждого тома составит 45–50 у.п.л. Тираж каждого тома – 3 000 экз., общий тираж – 9 000 экз. В каждом томе предполагается наличие приложений: карты, таблицы, более полные перечни источников и литературы, фотографии исторических деятелей, указатель имен.

Издание осуществляется коллективом авторов, представляющих научную общественность каждого народа. Авторский коллектив должен формироваться на конкурсной основе с учетом профессиональной подготовки и мировоззренческих установок. Организаторами подготовки и издания истории народов Северного Кавказа могут выступить:

- Аппарат Представителя Президента РФ в ЮФО и СКФО;
- Ассоциация социально-экономического сотрудничества «Северный Кавказ»;
- Администрации всех субъектов РФ Юга России;
- Южный научный центр РАН;
- Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета;

– научные учреждения Юга России, Москвы и Санкт-Петербурга.

Научно-методическое руководство всей работой может осуществлять Институт истории РАН.

Организационно-технические функции можно возложить на Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ.

Для выполнения указанных выше задач следовало бы создать рабочие творческие группы, редакционные советы и советы экспертов.

Главная редакционная коллегия может состоять из представителей аппарата Представителя Президента РФ в ЮФО и СКФО, администраций субъектов Российской Федерации, Института истории РАН, Южного научного центра РАН, Северо-Кавказского научного центра высшей школы и наиболее известных историков-специалистов по Северному Кавказу.

По неофициальным источникам известно, что в планах высших федеральных органов власти значиться пункт о подготовке и издании «Истории народов Северного Кавказа». Целесообразно, от имени руководства Института истории РАН направить письма в адрес Аппарата Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Министерства образования и науки Российской Федерации, Президиума Академии наук Федерации с предложением рассмотреть возможность ускорения всех работ, связанных с подготовкой данного издания.

В 2010 г. следовало бы юридически закрепить решение о подготовке и издании «Истории народов Северного Кавказа», решить вопрос о финансировании, провести как минимум два заседания круглого стола с вопросами:

а) о концепции многотомной «Истории народов Северного Кавказа»;

б) понятийный аппарат как инструмент исторического описания жизни народов Северного Кавказа.

¹ Лосев А. История философии как школа мысли // Коммунист. 1981. № 11. С. 56.

- ² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 5.
- ³ Там же. С. 6.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Жданов Ю.А.* Кавказ и передовая советская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.). Грозный, 1982. С. 39.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдулов Николай Степанович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского научного центра высшей школы Южного федерального университета.

Арешев А.Г., кандидат исторических наук.

Бабич Ирина Леонидовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Бзаров Руслан Сулейманович – доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского Государственного университета им. К.Хетагурова (Республика Северная Осетия-Алания).

Блиев Марк Максимович – доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания.

Блиева Залина Марковна – доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Хетагурова (Республика Северная Осетия-Алания).

Бугаев Абдула Махмудович – кандидат исторических наук, докторант Института российской истории РАН.

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса.

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, проректор Дагестанского государственного Университета (Республика Дагестан).

Гатагова Людмила Султановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Дзугаев Коста Георгиевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Юго-Осетинского госуниверситета, советник Президента Республики Южная Осетия.

Емельянова Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Захаров Владимир Александрович – кандидат исторических наук, профессор, заместитель директора Центра кавказский исследований Московского государственного института международных отношений.

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Сокуров Валерий Нанцевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Соловьева Любовь Тимофеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Тихонов Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории

народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Хамицаева Альбина Ахметовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра и Правительства Республики Северная Осетия-Алания).

Цвижба Лариса Исиновна – кандидат исторических наук, сотрудник Государственного военно-исторического архива.

Чирг Асхад Юсуфович – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований Республики Адыгея.

Чочиев Георгий Витальевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра и Правительства Республики Северная Осетия-Алания.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Трепавлов В.В.</i> Россия и народы Кавказа: проблемы цивилизационного взаимодействия	8
<i>Бзаров Р.С.</i> Состав и принципы формирования Осетинского посольства 1749–1752 гг. в России	15
<i>Хамицаева А.А.</i> Кавказская война и ее некоторые последствия для Осетии	35
<i>Цвижба Л.И.</i> Заложники Кавказской войны	50
<i>Блиев М.М.</i> Итоги Кавказской войны в Дагестане и Чечне в XIX в.	58
<i>Емельянова Н.М.</i> Новые источники по Кавказской войне XIX в.	66
<i>Тихонов В.В.</i> М.А.Полиевктов как кавказовед	73
<i>Блиева З.М.</i> Управление Осетией в 30–50-е годы XIX в.	83
<i>Гасанов М.М.</i> Дагестан: система управления царизма во второй половине XIX в.	103
<i>Сокуров В.Н.</i> Формирование пророссийской ориентации в Кабарде, 1552–1560 гг.	115
<i>Виноградов А.В.</i> Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг.	142
<i>Чирг А.Ю.</i> Торгово-экономические связи адыгов с Россией в первой половине XIX в.	188
<i>Соловьева Л.Т.</i> Политика Российского государства в XIX в. и некоторые особенности абхазо-грузинского этнокультурного взаимодействия	207
<i>Бабич И.Л.</i> Право и власть в Осетии (XIX–XX вв.)	232
<i>Гатагова Л.С.</i> Подъем национального движения на Северном Кавказе в начале XX в.	254
<i>Бугаев А.М.</i> Съезды горских народов: история и современность	266
<i>Бугай Н.Ф., Трепавлов В.В., Гатагова Л.С.</i> Южная Осетия в структуре межнациональных отношений Кавказа (исторический аспект)	277
<i>Чочиев Г.В.</i> Фактор северокавказской диаспоры в кавказской политике кемалистской Турции в 1919–1923 гг.	304
<i>Красовицкая Т.Ю.</i> Латинизация графики языков Северного Кавказа в контексте модернизации 1920-х годов	315

<i>Бугай Н.Ф.</i> Роль и место прогностического принципа в ходе национально-государственного строительства и самоопределения стран Кавказа (на примере республик Северная Осетия-Алания и Южная Осетия)	366
<i>Захаров В.А., Арешев А.Г.</i> Южная Осетия после 8 августа 2008 г.	382
<i>Дзугаев К.Г.</i> Югоосетинская политика России: ошибки и достижения	401
<i>Авдулов Н.С.</i> К вопросу о концепции многотомного издания «История народов Северного Кавказа»	414
Сведения об авторах	421

Редактор-корректор
О.А.Пруцкова

Компьютерная верстка
Н.В.Васильевой

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 19.04.11.	Формат 60 × 84/16.	Заказ №
Тираж 300 экз.	26,5 п.л.	22,66 уч.-издл.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.